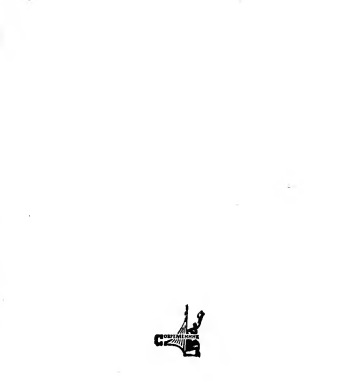
Владимир Чивилихин

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

СОВРЕМЕННИК

Владимир
Чивилихин

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

Путешествия
в природу

«Современник»
Москва
1976

57(069)
Ч58

Чивилихин В. А.

Ч58 По городам и весям. Путешествия в природу. М., «Современник», 1976.

367 с. с илл.

Эта книга, написанная с публицистической страстностью, с бережным отношением ко всему увиденному и передуманному за долгие годы, заставляет задуматься об использовании многообразной природы нашей земли.

Ч $\frac{70302-141}{М106(03)-76}$ 100—76 57(069)

ОТ АВТОРА

Это было больше двадцати лет назад. Очередной отпуск я получил в декабре и решил поехать не на юг, а на север, в Заполярье. Сошел с поезда на крохотной станции Сейда, что под Воркутой, и направился к домику, стоящему поодаль, в снежных сугробах. Мороз был градусов этак пятьдесят, из сумеречной тундры тянул обжигающий ветер.

Мне хотелось познакомиться с хозяином домика и, быть может, написать о нем — легендарном охотнике-коми Викторе Попове.

Осенью 1919 года он, стреляя с сыном гусей, нашел на обрыве реки Воркуты черный камень, который загорался в костре. Попов участвовал в русско-японской войне, повидал свет и знал, что это за находка. Охотник набрал камней в торбу и послал ее в Москву, Ленину. Спустя годы посылка с запиской Попова разыскалась, сюда приехали ученые, инженеры, рабочие, и поднялись в тундре копры шахт, возник большой город...

Старый охотник гостеприимно встретил меня, рассказал о былом. Когда же я уезжал, то заметил близ станции торчащие из-под глубокого снега вершинки и верхние мутовки каких-то деревьев. Они рядочками тянулись вдоль железнодорожной колеи, и Попов сказал, что появился в этих краях один сумасшедший парень, задумавший приживать лесные полосы в голой тундре, где от веку ничего не росло, кроме мхов да низких кустарников.

Весной я снова приехал в Сейду и увидел, как сажают в тундре юные деревца,— со временем они должны были защитить железную дорогу от снежных заносов, уменьшить давление бешеных здешних ветров на составы, остановить выдувание насыпей. И так уж вышло, что о Попове ничего не написалось. Но привез я из Большеземельской тундры свою первую книгу, и в нее вошел рассказ о молодом лесоводе, с которым читатель позна-

комится в очерке, начинающем настоящий сборник. А вскоре затеялся «Кедроград» — увлекательная и трудная эпопея нашей молодежи, которую я поддержал словом и делом; об одной из многих моих поездок в Горный Алтай читатель также прочтет здесь. Потом «Светлое око Сибири» и «О чем шумят русские леса?» — большие художественно-публицистические работы, не вошедшие в эту книгу...

Вот уже скоро четверть века я езжу по родной стране и за границу, бываю в лесах, на озерах и реках, в горах, в безжизненных пустынях и хлебородных краях. Писал я о Байкале, Волге и Балтике, о сибирском кедре и красной рыбе, о борьбе с эрозией почв и озеленении городов, о степном лесоразведении и чистоте воздушного бассейна, об улучшении среды рабочего места и о международных проблемах, связанных с окружающей человека средой.

В этой книге собраны некоторые мои очерки, путевые дневники и публицистические заметки, объединенные одной темой — человек и природа. Все они были впервые опубликованы в нашей центральной периодической печати — в журналах «Советский Союз», «Огонек», «Молодая гвардия», «Москва», в газетах «Правда», «Литературная газета», «Литературная Россия». Сейчас, когда проблемы использования природы так обострились в мире, что ими вплотную занялись государственные деятели и дипломаты, экономисты и юристы, исследователи космоса и математики, когда народы постепенно осознают, что после сохранения мира на Земле важнейшей заботой человечества становится рациональное использование и приумножение природных богатств, дорог всякий поиск, маломальский ценный опыт, любое разумное предложение, интересные подробности борьбы, без которой нет движения вперед, поучительны и в итоге плодотворны даже ошибки и заблуждения на трудном, подчас мучительном пути к оптимизации отношений между людьми и природой...

ТИХАЯ ЗАВОДЬ

Незабываемой весной сорок пятого года Николай Русановский вернулся домой. Его отец, старый украинский лесничий, со слезами на глазах показал ему вырубленный по всей округе лес; немцы боялись партизан и сводили на нет драгоценные древостои, выращенные поколениями лесоводов.

Николай поступил на первый курс Киевского лесохозяйственного института. Правда, без особого желания. Да и учился бывший фронтовичок так себе, средне. Кто его знает отчего. Или выбор специальности произошел очень быстро и Николай не успел прилепиться к ней душой, или отвлекали заботы о том, где достать пятерку на обед и как изловчиться, чтобы заменить солдатское обмундирование на штатскую одежду. А может, давала себя знать та безмерная усталость от пережитого, которая не могла пройти вдруг. Не раз Николай, грешным делом, мечтал о далеком и тихом лесничестве. Чтоб кругом, как в детстве, стояли высокие, светлые, тронутые солнечным загаром сосны. Чтоб ни собачьего лая, ни голосов людей. Только птицы по утрам. И все ружья увезти из дому...

Постепенно отходило недавнее, и к пятому курсу осталась от армии только железная солдатская дисциплина. Когда выпускников начали распределять на работу, он как должное воспринял назначение на Печорскую железную дорогу, хотя и не знал, что он, лесовод, будет делать в краю лесов. В Министерстве путей сообщения его, однако, успокоили:

— Дел там по горло. Поезжайте-ка в управление дороги. Прокатитесь по линии, посмотрите...

В Котласе он познакомился с Федором Ивановичем Ятченко, беспокойным, уже в годах, человеком, с виду раздражительным и желчным, будто кто-то его однажды крепко и несправедливо обидел.

— Воевал?— почему-то спросил Ятченко.

— Воевал,— ответил Николай.

Помолчали.

— Не понимаю, зачем меня сюда прислали,— искренне сказал Николай.— Едешь, лес стеной стоит.

— Новогодние елки заготовлять,— усмехнулся Федор Иванович, разглядывая вчерашнего студента и позавчерашнего солдата какими-то слишком чужими, с острым прищуром глазами.— И еще будем разводить в оранжерее цветы для торжественных собраний...

— Ну уж дудки! Я лесовод.

— А тогда слушайте, лесовод. Есть такая порода людей — живут сегодняшним днем. Им начхать, что после них будут ходить по той же земле люди. И вот заплевывают они эту землю, вырубают леса, хотя без этого можно обойтись, отравляют реки...

— Это я знаю — читал, видел.

— Погоди, погоди.— Ятченко предостерегающе и нетерпеливо выставил ладонь.— И вот Печора — край непуганых птиц, лесов до неба... Птицы тут, конечно, давно распуганы, а лесов еще бездна. Но вся беда в том, что здесь прошли люди, не думающие о будущем. Лес отступил от железной дороги. Смотри, что делается: на сто—двести метров от полотна нет ни одного деревца. Когда тянули дорогу, то рубили и жгли лес, сколько хотелось,— все равно, мол, ему нет ни конца ни краю... К сожалению, конец есть. Поедешь вот на север, посмотришь. Но об этом у нас еще разговор впереди...

Федор Иванович говорил о лесе горячо, с увлечением, как о самом дорогом и заветном. Николай уже встречал таких фанатиков лесного дела. О лесе они рассуждают так, будто нет на свете других важных дел. Скорбят о каждом срубленном дереве и готовы разводить лес где угодно, хоть в заводских цехах или на дне озер. Если судить по первому впечатлению, Федор Иванович тоже защищает лес ради леса. Николай несколько иронически относился к этой страсти, ему нужно было прежде всего доказать практическую целесообразность лесоразведения здесь, в лесной республике. И он насторожился, прислушиваясь к словам Федора Ивановича:

— Вся штука в том, что дорогу оголили, раздели, и зимой нас по макушку засыпает снегом. По моим предварительным подсчетам, на снегоборьбу здесь тратится за зиму несколько миллионов рублей... А впрочем, ты сам

все это увидишь. Давай завтра же на дорогу. Привезешь свежие впечатления, вместе обобщим. А сейчас идем...

Их принял один из руководителей дороги. Разговаривал он так, будто пришли к нему бедные просители.

— Вы меня не просите и не доказывайте. Я не могу согласиться с решением министерства. Мы должны бороться за сокращение аппарата, а это, по моему глубокому убеждению, раздувание штатов. В Москве не знают местных условий. Мне надо вырубать лес, а они присылают людей его сажать. У меня на Печорской не должно быть ни одной тихой заводи. До свиданья!..

Николай почувствовал себя отвратительно. Он приехал работать, руки просили дела, да такого, чтобы кости трещали. А тут даже не поймешь, кто прав — московские работники или этот самоуверенный и недружелюбный человек. Вместе с Ятченко он составил телеграмму в Москву и, переночевав в гостинице, уехал на линию.

Описывал деревья и кустарники, высчитывал в дистанциях пути стоимость снегозащитных работ. Обратным поездом двинулся на север. Ятченко был прав — почти везде деревья далеко отступали от насыпи. На крутых поворотах могучий девственный лес испуганно шарахался, уступая дорогу поезду. На пригорках стояли, как раздвоенные карточные колоды, огромные пачки серых щитов. Летом они мокли под дождями, коробились под солнцем, осенью трескались от первых заморозков. Зимой сквозь бураны пробивались к ним сотни людей, доставали щиты из-под сугробов и снова ставили. Тяжелый неблагодарный труд, который невозможно механизировать...

Чем дальше продвигался на север Николай, тем реже становился лес, тем чаще по обочинам дороги попадались пачки щитов. Очевидно, тут они выставлялись на снег в несколько рядов. Перед станцией Бугры-Полярные лес совсем кончился, началась тундра. Где-то здесь проходила условная линия, которая на всех картах обозначается пунктиром — Северный полярный круг. Вдруг в тундре снова появились островки леса. У Сивой Маски лес закрыл ровный горизонт, приблизился было к насыпи, но вскоре снова начал мельчать, чахнуть, и вот от него уже остались жалкие кустики. Даже нельзя было понять, трава это или кустарник.

За станцией Сейда на многие километры потянулись высокие деревянные заборы. Вровень с телеграфными

столбами поднимались мощные, подпираемые толстыми укосинами, становые бревна. Длинные и прочные деревянные брусья были прикреплены к ним крепкими ржавыми болтами и скобами. «Великая китайская стена»,— думал Николай, с изумлением рассматривая заборы. На какой же ветер это рассчитано?

Серое небо окрашивало тундру в тусклые тона. Тоскливо стало вдруг на душе Николая.

В Котласе он обработал свои записи. Вместе с Ятченко посидел денек в архиве дороги. Федор Иванович заражал своей энергией. Куда девался его обиженный вид, так поразивший Николая при первом знакомстве! Время от времени Ятченко отрывался от бумаг и рассказывал Николаю истории из своей многолетней лесоводческой практики. О дереве он говорил так, будто сейчас находился рядом с ним, гладил его кору, бережно раздвигал ветки. Вставали под солнцем крепкие коренастые дубки, радуя глаз здоровьем и молодостью, шумели на ветру заросли лещины, которой все равно — пятьдесят градусов жары или пятьдесят градусов мороза, разносился нежный смоляной аромат лиственницы, чудо-дерева.

Николай и не подозревал, что лесоводы-железнодорожники воздвигают вдоль путей такие заслоны. Конечно, говорил Федор Иванович, эта работа велась и до революции, но тогда не было никакого простора. Вдоль путей шла узкая полоса отчуждения. Надо зайти с деревом за нее — плати огромные деньги помещику или общине. А сейчас сажай какие угодно широкие полосы, закладывай питомники, вытаскивай на линию машины.

Только обидно, что многие большие руководители на железной дороге думают лишь о том, что висит на шее сейчас — план перевозок, график, безопасность движения.

Дистанция живой защиты считается на дорогах тихой заводью, учреждением, никак не влияющим на работу дороги. А когда начинаются метели, гоняют по линиям и станционным путям снегоочистители различных конструкций, загружают дороги, сбивают те же графики. Ругают конструкторов, что они не могут придумать безупречной снегоуборочной машины. А нужно, говорил Ятченко, думать не о том, как убрать снег, а о том, как не пустить его на рельсы. Почти десять миллионов переносных щитов выставляется вдоль Печорской дороги

каждую зиму. Это — дорогое удовольствие. Больше ста тысяч кубометров хорошего дерева идет на них ежегодно. А ведь их нужно сделать, завезти на линию, несколько раз за зиму попестать в руках, поднимая над снежными валами, потом ремонтировать. И все-таки щит пропускает на путь тридцать процентов снега. Другое дело — зеленая защита. Дешево, культурно, и к насыпи долетают лишь самые бойкие снежинки, из тысячи одна...

— Ох и заболтался же я!— спохватился Федор Иванович, в первый раз за все знакомство улыбаясь.— Это, так сказать, общий взгляд. Давай концы подбивать по нашей дороге. Бери счетную линейку.

Взяли для примера Печорскую дистанцию пути. Каждую зиму здесь выставлялась двадцать одна тысяча переносных щитов. Тысячу отбросили — мелочь. Стоит щит пятнадцать рублей десять копеек. Гривенник отбросили — мелочь. Итак — тридцать тысяч рублей. Да ежегодный ремонт сорока процентов щитов по полтиннику за штуку. Всего почти пятьдесят тысяч рублей. Да каторжный труд на перестановке щитов. И все равно пути задувало, и по ним приходилось пускать снегоочистители. По работе этих машин экономические данные заготовил Ятченко. Сплюсовали. А один погонный километр постоянного забора, поразившего в тундре воображение Николая, оказывается, стоил сто тридцать тысяч рублей!

Подвели окончательные итоги. Дорога, как оказалось, каждую зиму тратила на борьбу со снегом десять миллионов рублей. Николай поднял усталые глаза. Десять миллионов. Народные деньги! Николай представил себе поезд, идущий в снежной траншее, огромные белые валы вдоль путей, в которые обратились народные рубли. Весной эти деньги малыми копейками растекаются по ручьям, речушкам, речкам и рекам, уносятся на север, бесследно пропадают в океане. А через несколько месяцев, после короткого северного лета,— те же затраты...

— И смотри сюда,— перебил его мысли Федор Иванович.— Пять миллионов, то есть половина, уходит на две северные дистанции — Хановейскую и Сивомаскинскую...

Назавтра их вызвал тот же начальник.

— Придется все же открывать ваш отдел,— сказал он, глядя в окно.— Знаете, некогда вникать во все мелочи...

Отдел защитных лесонасаждений в управлении Печорской дороги оформился юридически. Помогла, очевидно, телеграмма в Москву. Но отдел — это, собственно говоря, канцелярия. Нужны были люди, которые практически занялись бы посадкой леса, выращиванием саженцев, заготовкой семян,— рабочие, мастера, инженеры, бухгалтеры и в первую очередь начальник дистанции.

Дистанция — значит протяжение, расстояние. Но она в то же время — учреждение, имеющее центр, организующее всех лесоводов дороги в один коллектив. Где сделать центр? Конечно, не в Котласе, а поближе к основным лесопосадочным работам. И тут же рядом должны расти деревья — нужны семена и питомник. По цифрам выходило, что надо смотреть на север — там главные заносы и там же исчезает естественный лес.

— Печора?— предложил Николай.

— А что?— подумав, согласился Федор Иванович.— Пожалуй, подойдет. Собирайся.

— Как! Я?

— А кто же?

— Я же ничего не умею!

— Ты воевал?

— Ну, воевал.

— И не сможешь временно исполнять обязанности начальника какой-то несчастной дистанции? Собирайся.

Николай получил документы, печать, захватил чемоданишко — и на поезд. Неделю жил в гостинице небольшого старинного городка Капина, что неподалеку от Печоры, потом снял угол. Вскоре Ятченко прислал инженера и бухгалтера, а мастера для шестого северного участка дистанции нашел сам Николай. Постепенно подбирались кадры и для южных участков. С грехом пополам добился комнаты в бараке, где разместилась контора дистанции, завез в нее кое-какую мебель. В Печоре он уже наметил место для питомника, запланировал первые производственные посадки. По настоянию Ятченко привез с юга и до заморозков посадил на границе тундры десятка два различных саженцев. Путевые обходчики смеялись над ним, да и сам Николай ни капельки не верил, что саженцы примутся.

Николай никогда не подозревал, что даже такой маленький начальник, как он, должен столько уметь, и сей-

час буквально «плавал» в самых простых вещах. Директор банка, например, страшно поразился, когда Николай ему честно признался, что он не умеет открывать счет. Директор тщательно просмотрел документы и спросил:

— Вы такой молодой — и уже начальник дистанции?

— Нет, я только врио, — улыбнулся Николай, так и не разобравшись, лестный или неприятный вопрос задал этот финансист.

— Это все равно. Садитесь, учить буду.

Николай учился. Темными и длинными вечерами просиживал у лампы. Федор Иванович прислал ему книгу по живой защите железных дорог, опись древесных и кустарниковых пород Печорской поймы, Полярного Урала и лесотундры. Николай сейчас клял себя за то, что в институте не нашел времени заняться хотя бы теоретическим изучением северных лесов, растительности, живущей на вечной мерзлоте.

Тысячи загадок стояли перед ним. Почему не растет в тундре дерево? От морозов, студеных ветров или от чего другого? Может быть, корни губятся подземными льдами? А может, виной всему прохладное полярное лето с коротким вегетационным периодом? Или осадки? Границу тундры точно определить нельзя. И все же лес где-то кончается. А что, если сто метров севернее последнего дерева — выемка, которую позарез надо защищать от снегов. Вырастет тут дерево или куст? Может вырасти. А еще на пятьсот метров севернее? Как взяться? А на тысячу метров еще?..

Николай уже загорелся новым делом, хотя не знал, как приступить к нему, и не сделал пока ничего.

Лес в тундре! Главное, никто в мире еще не затевал такого. И это не красивая мечта, не самоцель. В одной брошюре Николай вычитал, будто северные ветры, свободно разгоняясь по Большеземельской тундре, так давят на бока поездов, что приходится намного снижать вес состава. Сколько же еще миллионов рублей выдувает этот ветер из народной казны! А ведь их можно сэкономить, поставив на пути ветра живую защиту.

Русановский с нетерпением ждал приезда Ятченко — тот по телефону обещал серьезный разговор.

Федор Иванович привез в Печору приказ о назначении Николая начальником дистанции. Помещение конто-

ры ему не понравилось. Окна с кривыми подоконниками, гнилой пол, обшарпанные стены. Для того чтобы включить настольную лампу, надо было долго дергать за шнур.

— Строиться будем, — сказал Ятченко.

Обещанный разговор он начал издалека, с воспоминаний о делах лесоводов-железнодорожников. Когда, например, приехал один энтузиаст на Астраханскую дорогу, то над ним все смеялись — там, на солончаках, испокон веков ничего не росло. Мертвая, истомившаяся без воды земля выделяла бурую пыль, закрывала в ветреные дни солнце. А сейчас? Поднялся вдоль пути зеленый вал. Дорогу перестало заносить снегами, а летом, въезжая в лесопосадки, пассажиры открывают в вагонах окна... Наступают пески на Ашхабадскую дорогу. Рушат станционные постройки, засыпают рельсы. И тут живая защита из саксаула преграждает путь пескам... А то образуются в земле глубокие раны, — подступают к полотну железной дороги овраги. Зовут нас, лесоводов. Мы оплетаем корнями деревьев края оврагов, делаем бетонный водоспуск — и порядок! Или движется к приморской колее оползень, угрожая насыпи, станциям, санаториям, жилым корпусам, пляжам. А деревья, если их правильно развести, не пустят воду-смазку к пласту-скользуну, остановят оползень...

И вот тундра. Пятнадцать процентов территории страны. Свободно разместятся Англия, Франция, Испания, Италия, Норвегия, Швеция и еще полдюжины мелких государств. В недрах тундры много полезных ископаемых, в озерах и реках тьма рыбы, бить не перебить пушного зверя. Но земля эта неприветливая, голая.

Почему здесь не растут деревья? Ни Ятченко, ни Русановский этого не знали. Будет ли расти искусственно посаженный лес? Неизвестно. Давно уже пришли в Заполярье овощи, картофель, некоторые злаки. Но ведь эти культурные растения здесь не зимуют. А может быть, деревьев тут нет просто потому, что их никто не разводил?

Не жалко жизни, чтобы увидеть, как по пустым улицам заполярных городов зашагают высокие сосны и ели, заполонит палисадники черемуха, зашепчет листвой шиповник, поднимется на стройных ножках рябина, покорная самому слабому ветерку. И может, наиболее выносливые и упрямые деревья дойдут до берегов северных

морей. Лес приведет за собой устойчивое земледелие, повлияет на климат, на Севере станет больше людей...

Но это были лишь мечты. Практически — ничего. За что ни возьмись — загадка. Лесоводы даже не знали, есть ли где-нибудь на земле опыты посадок в тундре, не знали, как смотрят на эту проблему ученые. Надо было с чего-то начинать. Решили так: Ятченко едет в научно-исследовательские институты и библиотеки Москвы и Ленинграда, а Николай поищет лесоводов-любителей в заполярных городах, позаимствует у них какой ни на есть опыт.

Прошло несколько недель. Результаты поездки Николая были неутешительными. В Воркуте он нашел людей, делавших опытные посадки. У них приживались ели, но на следующее лето все гибло. Возможно, это происходило из-за неумелой пересадки, когда обрывались мелкие, но самые важные для жизни молодого дерева сосущие корни. Некоторые сочли первые неудачи за доказательство невозможности разведения леса в тундре и бросили свои затеи. Самые настойчивые не отступали — пробовали разные породы, доставали новые и новые семена, опять сажали ель и, не жалея сил, холили слабые ростки. Говорили: «На «Седьмом небе» растет, и у нас будет!»

Побывал Николай и на «Седьмом небе», вблизи Воркуты. Здесь были особые условия. Весной вода заливала кустарники, оставляя у корней речной ил, осенью крутой высокий берег защищал ивняк от губительных ветров, зимой кусты прятались под многометровый слой снега. Создать такие условия в голой тундре невозможно.

И в Воркуте, и в Лабытнанги, и в Салехарде было немало оранжерейных и парниковых хозяйств. В открытых почвах выращивались редиска, капуста, картофель. Но ни один человек не вырастил еще дерева. «Очевидно, в этом не было пока особой нужды, — думал Николай, не слишком огорченный бесплодными поисками. — Вот привезет Федор Иванович научные данные, обобщение какого-либо опыта, тогда будем думать».

Но Ятченко ничего не привез. Был он в институте полярного земледелия, в институте мерзлотоведения, в лесном и ботаническом институтах Академии наук. Кое-где на него махали руками — пустые, мол, это фантазии. Некоторые ученые лишь глубокомысленно поджимали гу-

бы, а один крупный специалист даже не принял посетителя, как ни добивался Ятченко с ним встречи. Федору Ивановичу приходилось благодарить, если ему в общей форме обещали помощь и консультацию. Никто не посоветовал, с чего начинать, никто даже не сказал точно — может расти дерево в открытой тундре или нет. Нечто подобное было и в специальной литературе. Федор Иванович вник в бесконечные споры о причинах безлесия Крайнего Севера и увидел огромное число разнообразных и противоречивых толкований, основывающихся на предположениях. Вспоминали вечную мерзлоту и морозы, особенности испарения влаги и губительные сфагновые мхи, короткий вегетационный период и теорию «физиологической сухости почв». Никто даже не знал в точности, лес ли наступает на тундру, или тундра теснит лес. А самое главное — все лишь объясняли, констатировали существующее положение, но ни один автор не отвечал на вопрос: может ли расти в тундре дерево и что надо сделать, чтобы оно росло...

— Ну почему вот так все получается, Федор Иванович, а?— с тоской спросил Николай.

— Очень просто — институты в Москве и Ленинграде, а тундра в Воркуте и Салехарде.

— Что будем делать?

— Изучать край, искать, воевать. Пусть у нас будут неудачи, даже сплошь неудачи, но мы сделаем первые, хотя бы младенческие шаги. А вообще говоря, я взял кое-что ценное за свою поездку. Ты слышал, конечно, о трудах академика Эйхфельда?

Да, конечно, Николай читал. Сразу после Октябрьской революции И. Г. Эйхфельд, тогда еще молодой ученый, поехал на Кольский полуостров и вырастил первую в тех краях редиску. Потом опытная сельскохозяйственная станция, зачатки производственного земледелия, а сейчас мурманские колхозы и совхозы выращивают устойчивые урожаи различных овощей, овса, ячменя, ржи, трав, даже пшеницы. На основании своих многолетних опытов академик Эйхфельд сделал вывод, что земледелие возможно всюду, где светит солнце.

— Вот этот вывод я и имею в виду, — подхватил Федор Иванович. — Но почему мы считаем, что цель земледелия — выращивание только овощей и злаков? Улавливаете? И вот еще одно положение — если на растение

воздействовать холодом, то оно в последующих поколениях будет нуждаться в холоде. Нам нужно, во-первых, двигаться на Север постепенно и, во-вторых, приучать дерево к новым условиям со дня его рождения, то есть когда оно еще в семени. А ну, расскажи-ка подробнее о «Седьмом небе»! Нельзя ли там провести опытные посадки? Может быть, часть пород акклиматизируется, а потом мы возьмем семена.

Наступила весна. День стал бесконечно длинным. На поверхности снежного наста поднялись, проступили песцовые следы. Сухой, зернистый, по утрам шуршащий под ногами снег к полудню наливался влагой, становился тяжелым, липким и словно струил из себя какой-то бесцветный прохладный газ. До самого заката солнца вращались в воронках ручейков блестящие тарелочки льда. С крыши барака, где разместилась дистанция живой защиты, сплошь нависали огромные белые сосульки, будто скалил зубы чудовищный зверь.

Как только сошли талые воды, Николай Русановский приехал в тундру, к прошлогодним предснежным посадкам. Саженцы, конечно, пропали. Тополь, клен, ирга, яблоня сибирская, жимолость — все погибло. Этого следовало ожидать. Посаженные «на счастье», без всякой агротехники и удобрений, юные деревца, завезенные из района Котласа, «с юга», не могли вынести суровой зимы. А может быть, главная причина заключалась в вечной мерзлоте? Ведь стоило чуть копнуть, как лопата натыкалась на твердую, убивающую все живое, смерзшуюся землю. Но, может, она где-нибудь отступает? В высоких болотных сапогах Николай целыми днями ходил вдоль путей с лопатой, специальным термометром и ящиком для отбора почв. Разгребая мягкий мох и тонкую тундровую подстилку, он копал, копал, копал.

Мерзлота была всюду. Правда, иногда она уходила вглубь, но чаще подпирала бетонной твердью поверхность земли. И тут твердо, и тут. А вот снова мягкая яма! Не потому ли здешнюю мерзлоту называют «сумасшедшей», что она не имеет постоянного горизонта?

В зависимости от глубины залегания мерзлоты поразному вели себя растения — карликовая березка, багульник, мхи. Однажды Николай с удивлением обнару-

жил, что корни морошки уходят в мерзлый слой. Он стал долбить твердую искристую землю. Неужели эти утолщенные белые корневые стебли находят в такой среде влагу и питательные вещества?! Очевидно, это было так, потому что и другие сильные кустики морошки пускали главные корни глубоко в мерзлый грунт. Потом он нашел в мерзлом слое корни осоки. Значит, вечная мерзлота не убивает все живое? К ней можно приспособиться?

Но это следовало принять как факт и очень общий принцип. Лесовод еще не мог тут сделать какого-либо практического вывода. Николай, как ни бился, не нашел на границе лесотундры ни одной кустарниковой или древесной породы, которая бы уходила корнями в вечную мерзлоту. Голубика, карликовая березка и багульник, живущие здесь от века, стлали свои корни у самой поверхности почвы. Почему одни растения боятся мерзлоты, а другие нет? Загадка.

На станцию Сейда Николай приходил ночевать. Точнее говоря, спать, потому что ночей сейчас не было. Иногда он появлялся у начальника станции и просил разрешения позвонить в Котлас.

— Вызовите, пожалуйста, Печору! — кричал он. — Печора? Товарищ первый номер, не можете ли вы срочно дать Ижму? Опять «минуточку»? Я вчера двадцать минуточек ждал...

Давали Ижму, и тогда Николай просил Котлас. Часто какая-нибудь из промежуточных станций долго не вызывала абонента. Николай засыпал тут же, положив гудящую голову на стол. Дозвонившись, рассказывал Федору Ивановичу о своих делах, узнавал новости на южных участках.

После одного такого разговора его окликнул человек, сидевший у начальника станции.

— Я извиняюсь, конечно. Я тут механиком связи роблю, Правой фамилия. Слышу — вы все насчет леса в телефон кричите. А послушайте, что я нашел в тундре — может, интересно будет? Прошлую осень недалеко от станции Песец свалился из карьера в речку паровоз. Один знакомый хлопец нырнул. Ну, я поехал поглядеть. Паровозишко уже вытащили, и смотреть было нечего. Пошел назад. Но не по ветке, а напрямик, тундрой. И вот в одном месте гляжу — пни! Толстые и высокие, видно, зимой пилили...

Через два часа Николай был в Песце. Да! Здесь в условиях типичной тундры еще недавно росли столетние ели, бородавчатая береза и как будто бы рябина. Этот своего рода оазис был вырублен не больше десяти лет назад, тоже, очевидно, строителями дороги. Как и почему здесь вырос лес — загадка. И все же эти мертвые пни были неоценимой находкой. В открытой тундре может расти лес. Может!

С легким сердцем Николай поехал в Воркуту. Здесь он изучил метеосводки за последние десять лет. А когда мастер северного участка привез саженцы и семена, то они вместе с работниками тепличного хозяйства комбината «Воркутауголь» подготовили большой опытный участок в районе «Седьмого неба». Посадили березу, ель, венгерскую сирень, дуб, вяз, сибирскую яблоню, бузину, тополь, клен, акацию, лиственницу.

Потом Николай вернулся в Печору, но пробыл здесь недолго — его уже начало тянуть на Север. С ружьем, объемистой сумкой и лопатой он снова полез в тундру. Ходить по влажному и вязкому мху было трудно, ноги быстро уставали. Над головой постоянно звенела туча комаров и гнуса. Накомарник помогал плохо — лицо было все время опухшим. Николай понимал оленей, которые уходят на это время на север, к морю. Попробуй останься! Загрызет комарье. Бывало же такое — олень сходит с ума, закатив облепленные гнусом глаза, бежит по тундре, пока есть силы, а потом, завязив ногу в мочажине или провалившись в болото, умирает...

Однако ради тех знаний, которые накапливал Николай, стоило покормить комаров. Почвы и растения севера уже не казались ему однообразными. А однажды на горизонте за дымком испарений он увидел высокое дерево. Полдня шел к нему через большое болото. Каким чудом выросла тут огромная береза, Николай не знал. Он долго отдыхал на корнях этого дерева, даже попробовал развести костер из жухлых листьев и сухого багульника.

Но особенно поразительной была другая находка. Николай даже задохнулся от волнения. Среди голой тундры недалеко от станции Чум он увидел невысокие густо-зеленые пирамидки. Ель!

Николай опустился на колени у первой же елочки, быстро сосчитал мутовки. Боковые ветки восемь раз от-

ходили от тонкого стволика. На другом деревце было семь мутовок. Ветвиться деревце начинает на третьем-четвертом году жизни. Семь-восемь плюс три-четыре — итого десять—двенадцать лет. Снова годы постройки дороги! Но почему елочки выросли тут? По их расположению видно, что деревца никто не сажал. Копнул землю — вечная мерзлота была сантиметрах в шестидесяти. Корни обычные для всех елей — главного, якорного, нет, а боковые широко раскинулись по сторонам, залегая у самой поверхности. Как здесь очутились эти ели? Нет, не тот вопрос. Очутились очень просто — семечко ели имеет крылышко. Ветер притащил откуда-то семена сюда. Но как они проросли на толстом мху, как поднялись? Загадка.

Срочно приехал Ятченко. Разыскали двух строителей железной дороги, поговорили с ними. Спешить с выводами было нельзя, решили съездить к елочкам, на станцию Чум. Федор Иванович долго ходил вокруг них, то и дело поглядывал на железнодорожное полотно, веселел. Потом скинул пиджак и принялся рубить и расшвыривать лопатой густой мох вокруг елочек.

— Это — враг дерева, — говорил он в такт взмахам. — Затянет корни, отравит дереву кровь. Вырастет рахит, карлик. Нам надо спасти этих младенцев...

— Так, наверно, здесь не было мха, когда прилетели семена! — воскликнул Николай, пораженный догадкой.

— Вот именно, — улыбнулся Федор Иванович, распрямляясь. — Иначе бы семя не проросло. Но надо глубже смотреть, главное-то в другом. Почему вымахали тут такие джунгли? Ведь мерзлота могла погубить молодые корешки. Гляди. Толщина мха почти двадцать сантиметров. Это же медвежья шуба! Когда строители содрали мох, то солнце хорошо прогрело землю. Мерзлота отступила далеко вглубь. Понимаешь?

Да, Николай понимал. Понимал настолько, что даже отказывался верить. Со свойственным ему воображением уже представлял, как будет убирать этот проклятый мох (хорошо бы бульдозер!), как солнце начнет парить землю, загонять мерзлоту на такую глубину, куда не пробраться ни одному корню. И поднимутся вдоль путей, и сплетутся широкими лапами ели, а может, и лиственницы, которым не страшен ни мороз, ни вечный ветер.

— В общем, Федор Иванович, я завтра же вызываю людей из Сивой Маски и начинаю снимать эту медвежью шубу.

— Давай, действуй.

Начались жаркие дни. По телефону Федор Иванович кричал: «Закладывай у Кык-Шора! Поможем паровозникам прежде всего там. Сам знаешь — выемки кривые, подъем жуткий!» Или: «Давай в землю породы, какие есть! Нам же подлесок нужен от поземки. А там посмотрим — природа разберется». А через неделю: «Поздравляю! Из Москвы нам бульдозер занарядили и трактор».

Вскоре вечная мерзлота отступила у Кык-Шора на метр-полтора. Посадили и посеяли ель, иргу, акацию, вяз, шиповник, клен, березу и другие породы. Николай не уезжал теперь на юг. Даже сон потерял. Потом Федор Иванович буквально прогнал его отдыхать. А какой отдых, когда начались большие производственные посадки на юге, закладывались котласский и печорский питомники и такое разворачивалось на севере?

По времени пора уже было кык-шорским посадкам приняться. Николай снова сел на воркутинский поезд. Счастливый ходил по участку — все прижилось!

Под снег молодые деревца ушли здоровыми, крепкими. Зимой, слушая бесконечный вой вьюги, Николай тысячу раз вспоминал о Кык-Шоре. Как-то перенесут зиму саженцы и семена?

И вот весна. Саженцы дружно потянули из земли соки. Разбухли почки, на елочках зазеленел нежный и мягкий прирост. Николай много раз приезжал сюда, подолгу сидел у какой-нибудь елочки. И ему казалось, что нет ничего на свете красивее этого растения, покрытого изумрудными капельками росы. Однажды он не удержался — сорвал мягкую зеленую веточку, крепко растер хвою и, прижав липкие ладони к лицу, так сильно вдохнул чудесный, бесконечно дорогой запах, что пошла кругом голова, а тундру будто заполнил зеленый шум.

Минуло два летних месяца. Все это время шла деятельная подготовка тундры к осенним посадкам. Широкие, освобожденные от мха участки хорошо прогревались солнцем. В некоторых местах мерзлая земля отступила на три метра.

И вдруг — неожиданное. Николай заметил, что годовые приросты у саженцев начали хиреть, чахнуть. Смор-

щились, подсохли всходы. Николай в панике кинулся в Воркуту. На «Седьмом небе» засыхали спирея, дуб, бузина, лещина, тополь, венгерская сирень, жимолость, вяз, остролистный клен. К осени погибло все и у Кык-Шора. Все! Это был страшный удар.

Николай Русановский и Федор Иванович Ятченко тяжело переживали неудачу. Сколько надежд и трудов обратилось в дым! Гибель лесопосадок у Кык-Шора повлекла за собой и неприятности по службе. Вызвал к себе тот же начальник:

— Государству ваши фантазии влетают в копеечку, — сурово сказал он. — Полагаю, вы сделаете выводы.

Лесоводы уже сделали один вывод — нельзя взять север с наскока, не разгадав фактически ни одной его тайны. И несмотря на поражение, крепла уверенность в том, что лес на северных участках дороги расти может. Собственно, сомневаться уже не приходилось — ведь поднялись и окрепли дикие елочки или, как назвал их Ятченко, «джунгли» у Чума, росли в тундре одинокие березы, наверняка жил бы оазис у Песца, если бы его не погубили. На «Седьмом небе» погибло много пород, но выжили, хоть и обморозили себе годовой прирост, ирга, боярышник, рябина. При внимательном осмотре оказалось, что там неплохо себя чувствовали ель, сибирская лиственница, шиповник, бородавчатая береза, акация, черемуха. Эти породы дали по семь—десять сантиметров прироста, имели почти здоровый вид и нормальное развитие.

Конечно, на «Седьмом небе» особые условия, и ориентироваться на них было бы неправильно. Там можно произвести предварительный отбор пород, накопить некоторые наблюдения, может быть, в будущем получить семена. Основная задача оставалась прежней — создать живой заслон на линии, остановить снега.

Почему все-таки погибли посадки у Кык-Шора? Казалось, что все дело в климате. Слова «климат» и «акклиматизация» тысячу раз встречались в книгах о природе Севера, да и Ятченко с Русановским в своих докладных часто оперировали ими. Может быть, незащищенные посадки погублены страшными зимними морозами? Но ведь полюс холода у нас находится в зоне тайги! Вокруг Оймякона растет великолепный многопородный лес. Веч-

ная мерзлота? Нет, мерзлоту лесоводы заставили отступить, и, что самое главное, основные лесные массивы страны располагаются на вечной мерзлоте! Подземные льды доходят в Сибири до Байкала и Транссибирской магистрали. Очевидно, дело не в климате или, во всяком случае, не только в климате.

А в чем еще? Это и предстояло узнать. Николай и Федор Иванович засели за обработку материалов. Накопилось их за эти два года немало, но все как-то не доходили руки. Метеорологические сведения, описания деревьев, кустарников и трав, образцы семян, пробы почв, данные их химического анализа, результаты снегомерных наблюдений в разные месяцы зимы — все это лежало пока мертвым грузом.

Чтобы не ошибиться, нельзя было ставить себе непосильные задачи, пытаться разрешить многолетние споры ученых. Одни источники, например, утверждали, что климат в этом районе улучшается, другие доказывали, что ухудшается. Лесоводы не претендовали на решение этого вопроса — слишком мало было наблюдений, да и специальность совсем другая. Но они могли уже компетентно судить, например, о борьбе между лесом и тундрой. На северной границе леса ель, береза, рябина переносят суровые холода, ветки их обламывают олени и ветер, семена склевывают полярные куропатки. Острые снежинки, пролетающие с громадной скоростью, точат почки, шлифуют нежную кору молодых побегов. Часто дерево, затратившее огромные усилия на то, чтобы прижиться здесь, падает под топором человека. Но, несмотря на все это и независимо от того, улучшается или ухудшается здешний климат, пришлось констатировать, что лес наступает на тундру. Оказалось, на лесных опушках не встречается умирающих деревьев. Наоборот, деревья здесь неплохо выглядят, проявляя очень высокую регенеративную способность. Кроме того, почти всюду в безлесные участки проникают еловые оазисы. Лес наступает на тундру! Надо было принять участие в этом наступлении.

Лесоводы не пытались также определить природу вечной мерзлоты. Для них было не важно, является мерзлота наследием ледникового периода или результатом воздействия климатических условий. Но многочисленные наблюдения за корнями и кронами, стеблями и листьями

растений показывали, что в условиях европейского Крайнего Севера вечная мерзлота губительно влияет на деревья. Значит, надо было и в дальнейшем бороться с вечной мерзлотой, загонять ее как можно дальше в глубь земли.

Человек не может пока изменить климат. Он может приспособиться к нему и приспособить дерево, выбрав наиболее подходящие морозоустойчивые породы. Прижились же на «Седьмом небе» ель и лиственница, растет подлесок, кустарниковые породы. Значит, надо настойчиво продолжать работу по отбору и акклиматизации пород.

Но почему все-таки погибли посадки у Кык-Шора? На этот вопрос надо было дать правильный ответ. Вначале Николаю показалось, что он нашел этот ответ. Очень просто — сняли мох и карликовую березку, оголили землю, нарушили режим. Голая глинистая земля не держит влаги. Полые и дождевые воды не впитываются, а стекают или испаряются. Дерево погибает от жажды. Но Федор Иванович осторожно заметил, что это, может быть, и правда, но не вся. Надо тщательнее исследовать почвы и их свойства.

Тундра уже представлялась Николаю бесконечно разнообразным краем. Сейчас, перебирая записи, он видел огромное число оттенков и различий между тем или иным районом. По северу шли пятнистые и ковровые тундры — арктические полупустыни, почти без мха, на которых зимой не задерживается снег. Южнее большие площади занимала кочковато-ерниковая тундра с зарослями карликовой березки и густым моховым покровом. А рядом — ивняк, разнотравье, осоковые болота, торфяные бугры. В тундре были и повышенные сухие места, и увлажненные ложбины, и сырые, как губка, напоенные влагой участки. Под одним небом лежали разные почвы — иловатые и пылевидные, суглинки и моренные...

Лесоводы другими глазами смотрели сейчас на карту Большеземельской тундры. У Полярного Урала вклинивался в гущу тайги длинный и узкий язык. Тундра здесь проникала далеко на юг. Конечно, интересно бы знать, почему такое получилось именно тут. Возможно, в незапамятные времена здесь двигался Великий Ледник, сокрушая тогда еще острые поднебесные вершины Урала. Но горы крепко держались за землю, и ледник, даже получив подкрепления, не мог стереть их, измель-

чить, унести с собой. Пришлось спускаться на юг вдоль хребта. Потом льды долго таяли, медленно отступали на Север. Дольше, чем в других местах, они держались у западных склонов Урала — здесь их больше скопилось. Стаяв, льды оставили после себя стертые в порошок наносные породы на голой земле...

Николай очнулся. Опять это неудержимое воображение! Надо ведь работать. Федор Иванович давно раскусил своего первого помощника. В характере Николая удивительно мирно уживались две, казалось бы, противоречивые черты — мечтательность и практичность. Пока это только помогало работе, а кто знает, во что могут развиться эти качества? Может быть, победит одно из них, определив судьбу молодого специалиста?

Пришлось оставить увлекательные мысли о происхождении приуральской тундры, надо было узнать сейчас, почему у станции Кык-Шор погибли саженцы. А вот интересное сопоставление — у станции Бугры-Полярные нет ни деревца, а значительно севернее, у Сивой Маски, растет лес. На севере ведь холоднее! А что, если сравнить почвы, посмотреть анализы? У зловещих Бугров плывунная почва с пылевидной структурой. Плохо проходят воздух, тепло, вода. Место такое, что воде стекать некуда. Железистый слой — ортштейн — также не пропускает воду. В болотах погибает и дерево и кустарник, нет даже вездесущей карликовой березы. У Сивой Маски тоже плывуны, но более крупной структуры. В почве неплохо регулируется влага. Не удивительно, что здесь вымахали высокие ели, которым не страшны ни вьюги, ни морозы, ни мерзлота. А еще севернее, к Сейде и Воркуте, почвы снова ухудшаются.

Деревья там исчезают, но много еще черники, брусники, водяники, багульника, голубики. Растут разнообразные травы и мхи, зеленеют хрупкий хвощ и злая осока, тянется к сырым местам плаун и тут же кукушкин лен, морошка, княженика, иван-чай. Кустарники обнаруживают удивительную приспособляемость — у них мелкие листья в густом опушении, чтобы меньше испарять влаги. Корни лежат у самой поверхности земли, ветки тоже прижаты к земле. Куропаточья трава и карликовая ива, например, не смеют поднять голову выше трех—пяти сантиметров. Царица растительности здесь — карликовая береза.

Ее чахлые стелющиеся кустики сплошь покрывают возвышениости, спускаются в лощиины, а кое-где растут даже под водой, высунув для дыхаиия самые сильные веточки. Весиой кустик карликовой березки одевается в темно-зеленую листву, осеиью она осыпается, и березка стаиовится похожей иа старую растрепанную метлу. Тесно прижимаясь к земле, оиа уходит под снег. У ее корней остаются опавшие листья, отмершие мхи, травы, веточки. Когда сходит сиег, все это начинает гнить, давая живущим растеииям какой-то минимум питательных веществ, регулируя влагу в верхнем слое почвы. Под тундровой подстилкой лежит пылевая супесь, или плывуиийй суглинок — мертвый минеральный груит, почти без органических веществ. Вот оио!

Лесоводы поняли свою ошибку. Снимая бульдозером мхи, гниющие остатки, кустики карликовой березы, оии лишали сажеицы даже того скудного питания, которое давала северная природа. Вот почему погибли кык-шорские посадки!

Осторожно, с оглядкой надо было все начинать сызнова. Как сохранить тундровую подстилку и одновременно оттесиить вечиую мерзлоту? Эта задача казалась неразрешимой. Кроме того, иадо было задержать в почве воду. И сможет ли туидровая подстилка толщииой всего в четыре-пять сантиметров дать дереву необходимое количество питательных веществ? Едва ли. А если удобрения? Но иикто не скажет, какие здесь нужны удобрения и в каких дозах. Это опять надо самим пробовать и снова ошибаться. Кроме всего остального, опыты с выращиванием дерева могут затянуться на долгие годы. Бывает ведь, что пять — семь лет, радуя глаз, растет, набирает силу сажеиец, а потом все гибиет. Может получиться, что так и не увидишь результатов своей жизни...

У Николая уже мелькала мысль бросить все это к черту и уехать домой, в Винницу, на обетоваииую землю, где посадишь оглоблю — и та даст росток. Или, в крайнем случае, заняться вплотиую южными посадками. Да, ио ведь тут, иа Севере, пропадают каждую зиму миллионы рублей! И в эту землю уже вложен труд.

Николая вызвали в Котлас. Федор Иваиович заметил подавленное иастроеиие коллеги. Николаю пришлось выложить все свои сомнения. Ятченко только спросил:

— Ты воевал?

— Ну, воевал, — ответил Николай.

Потом Федор Иванович начал говорить о том, что Печорская дорога гудит сейчас на всю страну, что здесь знаменитые молодые тяжеловесники, что край имеет сказочные перспективы — там то нашли, там другое копают. Дорога будет развиваться, прокладывают уже вторую колею, могут пустить электровозы, заставив Обь или Печору таскать поезда с углем, нефтью, а то и еще с чем-нибудь поинтересней.

— Про метод Мальцева слыхал?

— Слыхал.

У Николая ожило сердце. В самом деле, надо подумать! Он подсел поближе к Федору Ивановичу. Ведь они обрекали молодые деревца на голодную смерть, помещая корни в мертвый минеральный грунт! И, сверх того, уходила вода — Николай тогда был прав в своей догадке. Если же мы мох не будем удалять, а запахивать его вместе с полусгнившими листьями и засохшей травой, то этим лишь обогатим почву. Мох и тундровая подстилка, не пускающие солнце к мерзлоте, — наши друзья, а не враги!.. И не запахивать, а просто рыхлить верхний слой земли. Достанем тяжелую дисковую борону, еще больше нагрузим ее, чтоб резала веточки...

— Мы можем и кустарники гноить в этом слое! — обрадовался Николай.

— Вот именно. Минеральные удобрения начнем вносить, а там, может быть, и бактериологические, и ускорители роста.

Что, по мыслям лесоводов, могло дать глубокое рыхление верхнего слоя тундры и запашка в него травяных и древесных остатков? Во-первых, в почве сохранятся питательные вещества, и корни получат их. Во-вторых, улучшится, укрупнится структура почвы, к корням пойдет вода, воздух, тепло. В-третьих, земля будет хорошо прогреваться — снова отступит вечная мерзлота. В благоприятной среде корень разовьется, укрепится, а потом сам начнет создавать себе условия — приспособляться к низким почвенным температурам, здешним питательным веществам, пойдет в стороны. А там подрастет подлесок, деревья и кусты начнут давать местные семена, будут постоянно обогащать подстилку... И зашумит в тундре зеленый гай.

Окрыленный, Николай уехал в Печору.

Для Николая Русановского это было счастливое лето — он сажал лес, наверняка зная, что сквозь взрыхленный верхний слой почвы к нежным корешкам саженцев пройдет воздух, влага, тепло. Еще весной в адрес печорских лесоводов из Москвы занарядили безотвальные дисковые бороны. Дорога выделила мотовоз. Новые руководители Печорской поддерживали все новое и, в частности, хорошо помогали дистанции живой защиты. К тому времени в Котласе, Печоре, Сивой Маске сколотились небольшие, но дружные коллективы лесоводов. С нетерпением ждали, когда сойдет снег.

Приехал на северный участок Николай и предложил начать работы.

Лесоводы с корзинами и ведрами вышли на снег. Они разбрасывали вдоль снегозащитных заборов золу, паровозный шлак, угольную пыль, торфяную крошку. Снег оседал на глазах.

Ятченко и Русановский запланировали уже промышленные посадки. У станций Песец и Шор решили заложить вдоль путей сорокарядные лесные полосы. У Сейды отвели двенадцать гектаров под саженцы и шесть под семена. Учитывая силу здешних ветров и обилие снега, Русановский предложил делать полосы на восемьдесят—сто метров ширины. Завезли минеральные удобрения, много древесных семян. В Сейде намечалось создать местный питомник.

Кругом еще лежал снег, а на широкие черные полосы около снегозащитных заборов уже пришли машины. Началось. Теперь нельзя было терять ни одного дня. Скорее рыхлить почву, резать боронами мох и тощие веточки карликовой березы, скорее отогнать вглубь вечную мерзлоту!

Николай всю весну не выезжал из Сейды. Трудно было с транспортом. Ведь это не то, что на юге, где вдоль путей вьется, не отступает ни на шаг проселочная, а то и шоссейная дорога. Здесь по обеим сторонам насыпи ни пройти, ни проехать — зыбятся болота, неторопливо текут речки с предательскими берегами, стоит под мхами глубокая, холодная и чистая вода. Диспетчеры неохотно давали перегон мотовозу. А другого способа перебросить орудия из Сивой Маски в Сейду, Песец или Шор не было. Вот и приходилось требовать, клянчить у Воркуты окно. А с Котласом можно было связаться

только через Печору. Девушка, работающая там на междугородном телефоне, уже узнавала голос Николая. Когда Котлас долго не давали, она говорила: «Не волнуйтесь, товарищ Русановский, минуточку придется подождать». Николай волновался — срочно нужно было горючее, саженцы, деньги. Он умолял: «Товарищ первый номер! Ведь сейчас все управление разойдется по домам. Соедините! Приеду в Печору — мешок конфет подарю». И слышал в ответ: «Спокойнее, товарищ Русановский, через секунду даю»...

Весенние работы закончились быстро. Николай приказал продолжать подготовку к осенним посадкам, наметил новые полосы и уехал в Печору просмотреть накопившиеся за это время бумаги и немного передохнуть. Правда, отдых был не позавидуешь — Николай по-прежнему спал на конторских столах. На линии он почти не читал газет и журналов и сейчас жадно накинулся на новости. Пролистал в узловой библиотеке подшивки, через день ходил в кино. Однажды перед сеансом он пригласил потанцевать стоящую рядом невысокую беленькую девушку. Не пригласить ее было нельзя — она смотрела на него во все глаза и будто чему-то особенному улыбалась. Молча станцевали два танца. Девушка понравилась Николаю.

— Как вас зовут? — спросил он, когда прозвенел звонок.

— Первый номер, — ответила она и засмеялась.

— Вон оно что, — совсем глупо протянул Николай. — Я же вам конфет обещал. Идемте в буфет!

— Так звонок же!

— Ничего страшного. На второй сеанс пойдем.

— Билеты пропадут...

— Еще купим.

Николай утащил ее в буфет. После кино он шел рядом с ней по улице и стеснялся взять под руку — несмотря на поздний час, было светло, как днем. Девушка говорила, что Николая она знает уже больше года, что он — популярная личность, и не только среди телефонисток. Зовут ее Нэля, после эвакуации отец ее, паровозный машинист, остался здесь... Через неделю Николай уехал снова на Север, пообещав Нэле и ее матери привезти оттуда дичи и такую рыбину, что не уместится ни на какую сковородку.

В тундру прилетел комар. Работать на воздухе стало тяжело. А дело надо было ускорять, чтобы до осени солнце успело отогнать подземный лед от поверхности. Каждый день готовил новые неизвестности. Как защитить нежные саженцы от губительных ветров? Какие удобрения применить? Где брать семена?..

Николай полюбил тундру. Разве так просто уехать из тех мест, где ты мерз и потел, спал на кочках и на конторском столе, жрал всякую дрянь, а тебя жрали комары? Разве можно теперь бросить начатое? Ведь вдоль насыпи, несмотря ни на что, растут, упрямо не хотят умирать елочки, рябинки, березки. Они цепляются еще слабыми корешками за эту мачеху-землю, податливо, сохраняя себя, гнутся под ураганными ветрами, прячут от жестоких морозов в своих нежных клеточках чудесные соки жизни. И может быть, многие из этих пионеров погибнут в неравной борьбе, но рядом непременно встанут их братья, потомки северных старожилов, расправят плечи, остановят снега.

Все так же мчатся поезда, а вдоль их пути поднимается, набирает силы молодая поросль. Ее уже не страшит ни мороз-трескун, ни ветер-снеговей, ни дождь-косохлест. Корни все глубже уходят в покоренную землю, а ветки все ближе становятся к солнцу.

Большеземельская тундра
1954

МЕСЯЦ В КЕДРОГРАДЕ

Если день смерк,
если звук смолк,
Все же бегут вверх
соки сосновых смол.
Н. Асеев. «Реквием»

Дорога в Кедроград.
Сто тысяч рублей в моем рюкзаке.
Дождь. Ночевка в тайге.

Дальние дороги по нынешним временам часто начинаются одинаково, с аэродрома, а кончаются по-разному.

Внуково. Бетон под самолетом рванулся назад, вдали пошло кругами зеленое поле, но это ненадолго — не успевает во рту воздушного пассажира растаять карамелька, как земля проваливается глубоко вниз, становится такой неподвижной и огромной, что ее уже как-то неудобно называть с маленькой буквы. Я знал, что первые три тысячи километров возьмут у меня всего пять часов. Знал и другое. Новое в наш скорый век мерило для расстояний — время — могло в конце пути родить привычный уже парадокс: чем ближе подступаешь к цели путешествия, тем дальше от нее...

Главное — последние тридцать километров. Сколько времени я затрачу на них? Сутки? Двое? Мне хотелось поскорей в тайгу, подальше от газа, гама и прочего добра, которое наваливает на нас город, не терпелось встретиться с товарищами-кедроградцами и помочь им, если в том будет нужда.

Кедроградцы? Что за слово новое? Должен сознаться, что название «Кедроград» я придумал, когда первый раз писал о ребятах, к которым ехал сейчас. Слово понравилось, прижилось, и сейчас даже из-за границы идут письма по адресу: «USSA. Kedrograd». И доходят!

Горно-Алтайск — последний город на моем пути. Из Москвы он видится в такой несусветной дали, в такой таежной глухомани, что за ним будто бы уж и людей-то нету. Однако тайга тут давно вырублена, и вислые хвосты туч никак не могут прикрыть наготу окрестных гор. А народу на посадочной площадке было погуще, чем на бийском вокзале, и все летели дальше, волокли за собой мешки, чемоданы, везли детишек — махоньких, чуть ли не месячных.

Нина Михайлова, кассир кедроградцев, которую я встретил в обкоме комсомола, поручила мне тугой рюкзак.

— Осторожнее... — шепнула она, озираясь.

— А что? — спросил я и тоже огляделся.— Что в нем?

— Деньги.

— Много?

— Порядочно. Больше сотни.

— Чего? — не понял я.

— Тысяч.

Такой суммы я сроду не видывал и подумал, что неплохо бы на всякий случай переложить в карман свой дорожный нож. Однако вскоре подрулил хлипкий ЯК — он шел в нашу сторону, и мы погрузились. Под крылом тайги не было, всё вырубки да выпасы, и лишь на гребнях невысоких гор лохматились гривы — первый лес, можно сказать, от самого Подмосковья.

В Кара-Кокше, последнем поселке лесорубов, застряли. Впереди были те самые тридцать километров. Расхлюстанная тракторная дорога до половины пути вся в грязевых ямах и мелких поперечных ручьях, а дальше, через перевал, таежная тропа. Мы сорвали голоса, крича в телефонную трубку, но кедроградцы нас плохо слышали. Утешились тем, что и мы не разобрали ни словечка, сели на свои рюкзаки и задумались. Эти три тяжеленных рюкзака нам не сдолить. С одним-то я как-нибудь управился бы, но эти сто тысяч рублей, будь они прокляты! Я с наслаждением сейчас отдыхал на них, перетаскав наш груз. Особенно тяжелым был личный рюкзак Нины, набитый консервами в стеклянных банках. Пока он не залязгал, я был убежден, что в нем кирпичи.

Оттуда, где горизонт был поровней и подальше, со стороны алтайских степей, заходила темная туча, пухла,

чернела. Конечно, вертолета, что арендовалн кедроградцы, нам не видать сегодня.

— Вон ты где! — послышался крепкий голос. — А я тебя жду.

Большой парень заулыбался Ннне.

— Деньги получнла? А где они?

Парень подозрнтельно покосился на меня, однако быстро все разъяенилось. Мы познакомились, он заулыбался н мне. Студента Московского авиационного инстнтута Славу Кузнецова, прнехавшего с друзьямн помогать кедроградцам, послали навстречу деньгам — там все ждут их с нетерпением. Нина предложила добираться пешком. Я согласился.

— Не устанете? — спросил Слава.

— Ходнл, — ответнл я.

— Тут перевал. И ручьи в темноте бродить.

— Но ты-то сколько отмахал нам навстречу?

— Тридцать. Да мне-то что!

— Еслн вы не пойдете, я одна, — решительно заявила Нина. — Ребята уже четыре дня без копейки.

Перетряслн рюкзакн, пошли. Разговаривать было плохо на такой неровной н грязной дороге, и мы молчали. Не прошло и часа, как селн отдыхать.

— Устала, Нин?

— Главное — не боюсь. Я тут одна сколько раз ходила.

— Двинулись?

Настоящей тайги, кедрачей, все еще не было — по сторонам тянулись сплошные вырубкн, гниющие стволы, покореженная тракторамн земля. И пни. Не пенечки, к которым мы привыкли в Россин, где лес приметно измельчал, а пни-чудища. На них было сухо. Мы складывали рюкзаки н саднлись втроем. Можно было даже прилечь, но ннкто из нас не хотел показать, что уже устал до такой степени.

Мы шли цепочкой — так оно было способнее. Стало темнеть. Ударнл дождь, холодный н крупный, как дробь. Он гулко осыпался на шнроколистную таежную траву, тенькал в лужах, густо шумел издалн.

— Деньгн! — всполошенно крнкнула сзади Нина.

В рюкзак воды не попало, но прншлось мне снимать плащ. Я накинул его на голову н рюкзак, однако это было не то.

— Промокли? — обернулся Слава.
— Уже, — ответил я. — Ничего.
— А мы приспособились — клеенку под плечи подшиваем. Здесь все лето шли дожди.
Сапоги месили тяжелую грязь. Дорога взяла в гору, на перевал. Иногда ее пересекали горные ручьи, бурливые, но мелкие — по колено.
— Нин, не черпнула? — спросил Слава.
— Черпнула.
— Я тоже.
Совсем стемнело. Зажгли фонарики, однако их жалкий свет не пробивал дождя. Я ставил ногу наугад, а это было худо. И рюкзак постепенно тяжелел. Мы с Ниной не слышали, как ойкнул Слава. Может быть, он даже и не ойкнул, сказал, что пойдет замыкающим,— и все. Однако тут же начал отставать и прихрамывать.
— Придется ночевать, — сказал я Нине.
— Не хотелось бы.
— У Славы что-то с ногой.
— Обидится, что из-за него.
На перевал мы все-таки забрались. Даже спустились немного. Слава сразу же согласился на ночлег, признался, что растянул ногу. Расположились в «курилке» —в хорошем лесном хозяйстве ставят у дорог на столбиках такие навесы из грубых плах. Я сбросил свою сотню тысяч на скамеечку, и будто земной центр сместился — рюкзак все же был тяжелым.
Огляделись. Нас окружал непроглядный лес. Сверху лилась вода, под ногами хлюпала глубокая черная лужа. Стало вдруг так холодно, что вода, казалось, вот-вот начнет замерзать. Но в тайге можно в любую погоду запалить костер. Мы надрали ворох бересты, натащили сырых сучьев, посунули в «курилку» пару поваленных лесин. Костер зажгли прямо на воде.
Гудела под дождем тайга, с навеса падали в костер редкие капли. Поели колбасы и хлеба, согрелись. Слава протянул руки в теплый дым.
— Хорошо! — сказал он.
— А вообще как тут дела?
— Ничего. Интересно! Недавно один наш студент идет по тропе и видит, как в двадцати метрах от него здоровенный медведь муравьиную кучу разрывает. С пе-

репугу бабахнул. Медведь — бежать. Парень тоже без задних ног в лагерь. Вернулся с людьми, а медведь в кустах лежит, мертвый. Разделали — вырезали пулю из сердца. Вот что с перепугу можно устроить...

— А вот еще случай, — подхватила Нина. — Заходит в палатку небритый, толстый, весь в фотоаппаратах человек, протягивает Виталию Парфенову руку и говорит: «Советская женщина». Виталий испугался: «Ну-ка, ребята, ущипните меня, да посильнее». Его, конечно, ущипнули как следует, а мужчина хохочет. «Всех, говорит, покупаю на этом. Я же из журнала «Советская женщина»! Где тут у вас девчата подвиги совершают?» Корреспонденты ведь все про подвиги спрашивают, про случаи разные...

Мы со Славой задремали незаметно, прислонившись к тонким столбикам «курилки», а Нина развлекала нас — пела «Есть по Чуйскому тракту дорога», «Подари мне билет на поезд», еще какие-то малоизвестные песни, говорила о «Туманности Андромеды», о медведях и йогах. Но вот и она замолкла.

Сквозь сон и озноб я услышал, что дождь кончился, стало тихо и костер сипит. Потом, не знаю уж через сколько времени, Слава полез на «курилку». Он правильно рассчитал, что теплый дым подогрел, подсушил плахи и на них можно было лечь. «Курилка» заходила над нами, но выдержала. Я хотел уже лезть к нему, однако Слава, чертыхаясь, спустился — там ело глаза. Он подправил костер и снова притулился рядом...

Утро было очистительно свежим. Я очнулся от света, что лил к нам под навес. Впереди, в кедроградской стороне, подымался меж нами и солнцем кедровый лес, и от него тянуло прохладой. Вокруг нас стояли редкие, оставшиеся после вырубки дерева. Вот невидимое солнце осветило их вершины, и там заискрились крупные, поосеннему белые капли. Вскоре первые лучи пробились к земле и разом вызеленили траву. Задымились темные коряги. Небо наливалось синевой.

Мы распалили костер, позавтракали.

— А без случаев если, как тут дела? — спросил я. — Как Алтай вам показался?

— Хорош! — отозвалась Нина.

— Алтай — это вещь, — сказал Слава.

Золотые горы. Любит ли тебя природа?
«Побеждать» тайгу или дружить с нею!
Лес — это не только деревья. Кедр, его враги и друзья.

«Алтай» в переводе на русский значит «Золотые горы». Хотя золотишко в здешних местах и водится, но, наверное, не поэтому так назвали край. На языке древних жителей этой части Сибири слово «золотой», мне кажется, должно было означать то же, что у русских «красный», то есть «красивый», «видный».

Люблю я Алтай. Так и просятся на полотно его граненые ледяные скалы и небожители кедры, его литые озера и реки, вскипающие жидким кислородом. Но какая кисть передаст все это в естественных красках, полутонах, в присущей природе изменчивости? Вот воздух розовый, зоревой, но вскоре прозрачный, как в линзе, и потом густой, синий, почти фиолетовый — сейчас гроза. А к вечеру он золотой, предзакатный...

Алтай воистину прекрасен. Это не южная сладковатая красота и не печальная северная. Исполненная вечной новизны и движения, живая, бодрящая и глубокая, она, как хлеб, не может надоесть, исчерпать свои краски и смысл. Красота Горного Алтая никого не оставит равнодушным. Проникнув в сердце любого человека, она успокоит взволнованного и взволнует спокойного, не поощрит в тебе ни праздности, ни тоски, а подымет новые силы. Люблю я Алтай!

Есть одна крайность во взглядах на природу, в особенности на природу Сибири. Согласно этому поверхностному, но, к сожалению, очень распространенному взгляду, освоить Сибирь — это прежде всего «победить», то есть вырубить тайгу, распугать дикого зверя, заменить красоту естественную красотой индустриальной. На эту тему даже стихи пишут. Помню, одна центральная газета напечатала этакие лихие строки:

Палатки лесные. Мечты и доверье.
В палатки вселяется юность сама.
От наших рук умирали деревья,
Чтобы в тайге вырастали дома.
На просеках новых цветы увядали,
Их били колеса и каблуки,
Но мы им на смену в ночи зажигали
Тысячеваттные огоньки...

Стоп! Разве обязательно утверждение таких хороших вещей, как электричество и жилые кварталы, должно сопровождаться затаптыванием цветов? Разве красота промышленная *заменяет* красоту природную? Зачем же тогда в скверах Новосибирска высеваются по весне семена изумительного таежного цветка — каидыка? Зачем красноярцы уже несколько столетий оберегают в центре своего города большой участок «дикой» тайги? Почему в Ангарске и Академгородке ие «покорили» тайгу, а встроили в нее жилые кварталы?

Но все это — маленькие островки доброго отиошения к природе в море зла. Тайга рубится сейчас невиданными темпами, с устрашающим размахом. И от этого никуда не денешься — ведь каждые сутки стране нужен миллион кубометров древесины. Но рубки, с которыми вломились в тайгу заготовители, ведутся бессистемно, истощительно, нерасчетливо, без оглядки назад и без загляда вперед. Ни одио стихийиое бедствие не может так испортить лес и его землю, как это делают со своей техникой лесоистребители, отбросившие в последнее время все правила и нормы лесной науки и практики. На таежные лесосеки тяжело заходить. Сколько тут зря погублено леса, сколько его брошено гнить, сколько уничтожено в спешке молодняка!

Ученые, общественники, государственные деятели, журналисты, писатели давно уже выступают по этому поводу. Но в этом хоре иногда слышатся такие голоса «любителей природы», что лучше бы их не было. Один стонет, нанизывая мрачные факты, и наслаждается своим страдаиием, ничего конкретно не предлагая и ни с кем не воюя. Другой — может быть, самый вредный тип «защитника природы» — приедет в бессмыслеино загубленную корабельную рощу, перешагнет через гниющие лесины, найдет чудом сохранившуюся сосенку и начнет с ходу «защищать» русский лес. Самое большее, на что ои может решиться, — это слегка взгрустнуть. Ои сфотографирует через деревце солнце или луну, подойдет к нему росным утром и сделает еще один прекрасиый снимок. Потом хорошо, лиричио напишет очерк-гимн во славу родной природы. Но ведь это легко и приятно — гладить то место, которое и без того гладко. Кому нужиа такая любовь к природе, любовь без взаимности?

А иным хочется оставить в тайге все как есть, не тревожить ни былинки, ни веточки. На эту тему, между прочим, в больших газетах большие статьи пишут. Помню, автор одной из таких статей, пролетевший над Горным Алтаем, предлагал не трогать ни цветущих лугов, ни тенистых лесов, ни рек здешних, ни зверья, исключить тут всякую хозяйственную деятельность, немедленно покрыть горы сетью асфальтированных дорог, настроить в самых живописных местах санатории и коттеджи. Вот, мол, будет лепота!

Все это вздор. Как не трогать здешних лугов, когда почти каждую зиму тут дохнут от бескормицы тысячи овец, а эти самые цветущие луга уходят под снег нескошенными?

Не трогать лесов — значит дать в этих лесах сгнивать на корню великолепной древесине, значит не использовать тысячи тонн замечательного кедрового жира, витаминозных и лекарственных растений, меда, живицы, другого пищевого и технического сырья. А реки? За последние годы их опустошила американская норка — нужно отстреливать ее, а водоемы, как не очень изящно выражаются ихтиологи, «зарыблять». В горноалтайской тайге чрезмерно расплодился соболь, он угнетает всю боровую дичь, паршивеет и вырождается. Может быть, его тоже не трогать?

Трогать, все трогать. Но как? Вырубить леса и распугать дикого зверя? Нет! Природа Сибири и, главное, ее леса требуют к себе другого отношения. Какого же? Чтобы ответить на этот вопрос, надо определить, что такое лес.

По мнению многих хозяйственников, лес — это древесина: шпала, рудостойка, баланс, стройлес, пиловочник, дрова, — и поэтому, очевидно, газеты, печатающие победные оды в честь лесоистребителей, в какой-то степени отражают эту хозяйственную политику. Безусловно, древесина есть и останется главным продуктом сибирских лесов. И да здравствует тот заготовитель, который добудет максимум этого продукта из промышленных спелых древостоев, не имеющих прочных связей с комплексом других природных сил.

Однако лес — это не только деревья. Это также воды и почвы, на которых живет лес, это птицы и звери, населяющие его, это кустарники и травы, микробы и насеко-

мые, климат и пейзаж. Лес — это сложный и устойчивый биологический организм, все части которого неразрывно связаны между собой. Стоит убрать одну какую-то часть, оборвать сложившиеся за миллионы лет прочные связи — и равновесие природного комплекса будет нарушено.

Терпеливый человек, дочитавший эту главу до конца, поймет, насколько эти вопросы важны сейчас, и простит мое увлечение специальными подробностями. Я подвожу разговор к трагической судьбе сибирского кедра.

Кедр самым удивительным образом сочетает в себе красоту и пользу. В дело годится и его мягкая, великолепной текстуры древесина, и живица, и хвоя. Все это — первостатейное промышленное, химическое и медицинское сырье. Однако не на этих качествах держится слава сибирской ореховой сосны. «Тайга кедром жива», — говаривали сибиряки в старину, и это воистину так. Соболь, белка, медведь, кабан, бурундук, марал, колонок, лисица, мышь, кедровка, глухарь и другая таежная живность захвачены биологическим кругом, в центре которого стоит кедр с его орехами — изумительным по питательности даром природы. И для человека кедр — уже много веков орехонос, масличная культура. Все было в истории кедрового орешника — вывозился он и в Персию, и в Китай, и в Западную Европу, пускали его «в разгрыз» и на халву, а сразу после революции по декрету, подписанному Лениным, открылось в Сибири пять маслозаводов, работающих на кедровом орехе. Близ многих сибирских деревень по сей день стоят прекрасные кедросады, выхоленные поколениями крестьян.

Но основные кедровые массивы, расположенные на горных склонах Южной Сибири, продолжали выполнять свою стихийную роль биологического и климатического регулятора. Орехи и пушнина в этих кедрачах заготовлялись, но большая часть продукции пропадала — руки не доходили. И вот за «освоение» этой своеобразной таежной целины взялись в 1937 году лесозаготовители. Природа, создавая кедр, оказалась, на его беду, даже слишком щедрой — из всех наших древесных пород у него самый мощный ствол, и поэтому рубить кедр очень выгодно. И начали рубить! Перед войной свели самые

доступные, то есть самые ценные, орехоносные кедрачи. За послевоенные годы заготовители вооружились до зубов, приспособились к горным склонам, и наступила для кедра сибирского самая трудная пора: под топор пошли наиболее продуктивные массивы в Красноярском, Алтайском и Приморском краях, в Томской, Иркутской и Тюменской областях.

Даже оставляя в стороне климатологическое, гидрологическое и эстетическое значение сибирского кедра, ученые давно доказали экономическую выгодность прижизненного его использования. Однако жажда получить пусть единовременный, но эффектный результат оказалась сильнее здравого смысла. И кедр продолжали рубить. Только за последние три года заготовки кедровой древесины удвоились и составляют сейчас почти десять миллионов кубометров в год. Это в пятьдесят раз превышает специальные потребности страны в кедровой древесине (она должна идти на карандашную дощечку, аккумуляторный шпон, мебель, музыкальные инструменты и т. п.). А чтобы замаскировать эти истощительные рубки, стали включать в отчетах кедр в общее понятие «хвойных».

Нашлись даже специалисты из лесозаготовителей, которые начали оправдывать такие интенсивные рубки, подводить под них теоретическую базу.

— Кедр гниет, вываливается, — говорили они. — Нужно взять древесину, чтоб она не пропала.

— Почему же она тогда не пропала раньше? — спрашивали ученые. — Кедровой тайге — тысячи лет. В ней идет смена возрастов.

— Вы хотите законсервировать ресурсы!

— Наоборот! Мы хотим хоть в одном месте Сибири наладить разумные рубки, чтобы доказать их выгоду...

В кедровой тайге предполагалось возродить, провести в жизнь основной закон, старый символ веры российских лесоводов — рубить лес и не губить его. Принцип постоянства пользования лесом включал в себя и новую идею — основные массивы не трогать топором, а брать из них все добро, которое может дать живая природа. Расчеты показывали, что этот совершенно новый тип государственного лесного предприятия окажется прогрессивным, экономически выгодным.

— Расчеты расчетами, — сомневались многие. — А где практика?

На волне этих споров всплыла идея группы выпускников Ленинградской лесотехнической академии. Все было вначале у этих ребят — и юношеские клятвы стоять до конца за мечту, и сомненья, и горькие разочарования, и счастье приобретения новых друзей Кедрограда.

Что же такое Кедроград?
Туристы.
Гостиница «Мечта моей бабушки».
Виталий Парфенов.

И вот я в Кедрограде. Никто не знает, что это такое. Одни так называют поселок Уймень, другие — часть этого поселка, расположенную за протокой реки; там новые, крепкие дома, поставленные молодежью, — не чета уже сгнивающим времянкам, что завозились заготовителями сюда, в лесной край, аж из Тюмени. В этой части поселка на последних выборах в местные Советы был организован Кедроградский избирательный участок. Некоторые считают Кедроградом всю территорию Прителецкой кедровой тайги, но это звонкое слово пригодится, я думаю, для центральной усадьбы хозяйства, когда место ее будет точно определено.

Остановился я у Виталия Парфенова, кедроградского комсорга, ясноглазого парня с чистым, как у ребенка, лицом. Провели мы с ним заседание бюро, на большом собрании жителей поселка я рассказал о своих поездках за границу, потом начались бесконечные совещания.

Я рвался в тайгу, но как было не задержаться тут, чтобы внимательно посмотреть хотя бы на одного кедроградца!

Когда я приехал, Виталий Парфенов лежал пластом — ноги отяжелели, вены взбухли, готовые лопнуть. И только начал поправляться, вылез с палочкой во двор — косяками пошли туристы. Ковыляя по поселку, Виталий устраивал на ночлег ленинградских учителей, новосибирских ученых и конструкторов, томских студентов. Почти каждую группу приглашал он на окраину

поселка. Помню, как москвичи, будущие медики, недоуменно спросили его:

— Куда это вы нас ведете?

— К гостинице.

— Тут есть гостиница? — вытаращили глаза гости.

— Конечно,— с достоинством ответил Виталий.— Да вот она!

Туристов кинуло в дрожь — за лесопилкой стояло жалкое сооружение из досок, по размерам и архитектуре напоминающее собачью конуру.

— Вы хотите сказать, — вежливо спросила какая-то девушка, — что здесь можно жить?

— Вот именно. Одиннадцать человек вмещало это палаццо. Да вы подойдите поближе! Успокойтесь, ночевать вам тут не придется...

Еще не успевшие потемнеть доски этого сооружения были густо испещрены надписями. Сверху кто-то намазал углем: «Гостиница «Мечта моей бабушки». А на всех четырех стенах десятки раз повторялась одна и та же фраза: «Да здравствует Кедроград!»—на русском, алтайском, татарском, английском, украинском, грузинском, французском, латинском и других языках. А одна надпись воспроизводилась какими-то совершенно немыслимыми закорючками — не то персидскими, не то санскритскими, а может быть, даже и на языке майя.

— Что же это такое? — спросила та же девушка.

— Это спутник, — сказал Виталий.

— Что — спутник?

— Эта гостиница. И все остальное,— Виталий обвел рукой вокруг себя, будто лаская рукой штабеля досок, поселок, тайгу и горы. — В Америке на одной экологической конференции так сказали: русские, мол, спутник запустили раньше нас, потому что лучше смотрели вперед и дальше видели, а сейчас такой же спутник запускают в сибирскую тайгу, в сферу отношений меж человеком и природой. Это они про нас, про Кедроград.

— А что такое Кедроград? — Девушка с живыми глазами ни на шаг не отходила от Виталия.

— Это наша мечта, понимаете? Мы хотим заложить в тайге новый город, а вокруг него — государственное хозяйство с особыми, небывалыми задачами. Видели

вы здешние вырубки? Жуть, правда? Полностью погибший подрост, измордованная земля, лес гниет в штабелях. Заготовители хозяйничали. Видели насмерть заподсоченные массивы? Химлесхоз. Так же работают заготовители лекарственных растений, семян, пушнины. Все гребли и гребут из тайги лопатой, а вложить копейку — извини подвинься! И вот мы решили доказать, что можно брать из тайги куда больше добра и одновременно сохранять и восстанавливать ее богатства. Доходит?

— Доходит. А кто это «мы»?

— Начинали мы впятером, еще студентами. Почти никто нас не поддерживал. Обвинили в загибах, исключили кое-кого из комсомола, из академии. Потом, конечно, восстановили, проект наш рассмотрели, хотя долго терли его по различным ученым советам, техническим совещаниям. А сколько так называемых инстанций пришлось пройти — до сих пор страшно. Сидит, бывало, такая непробиваемая инстанция за дубовым столом и в окно смотрит. Начинаем ее умасливать цифирью, запугивать научными авторитетами, пытаемся слезу выжать рассказами о нашей самодеятельной экспедиции, когда мы тут белок и кедровок рубали за милую душу. Смотрим — поддается... Забирались мы все выше и выше, Сергей Шипунов тут главную роль играл. Короче, Совет Министров РСФСР решил выделить нам территорию. Триста тысяч гектаров. Переселились мы сюда весной шестидесятого года, девять человек нас всего было. А сейчас — четыреста. Одних комсомольцев сотня. Желающих, между прочим, было несколько тысяч. Письма и сейчас идут мешками. Интересно?

— Очень!

— А для чего я это все вам рассказываю? Не поняли? Больницу мы тут открываем, ясно? А вы же через год врачи! Заявку пошлем, жилье сразу дадим, работы у нас по горло. Ну?

— Так вы к нашему распределению уже укомплектуете больницу!

— Что ж из этого? Зайдите в Горном к заведующему облздравом. Знаете, что он вам скажет? «Двести человек хоть сейчас приму!» — вот что он вам скажет. Неужели вы будете, на самом деле, в Москве околачиваться? Давайте сюда, вы же видели, какой это край! Ну

ладно, решайте сами... Экскурсия продолжается, айда в музей...

По дороге в Дом лесной культуры Виталий выяснил, что студенты идут по тайге будто с закрытыми глазами — ничего не видят и не слышат.

— Эх, если б не ноги да не дела, проводил бы я вас до Телецкого! Научил бы вас смотреть алтайский воздух. Заставил бы вас послушать тайгу — нет музыки тоньше.

— Но у нас же спортивный маршрут, — оправдывались гости. — График!

— Вот и гоним всю жизнь. А природа — мимо...

— А что у вас с ногами? — уважительно и робко спросил один из студентов.

— Видите! — живо повернулся к нему Виталий.— Уже профессиональный интерес!.. Ходил много. Знаете, какие у нас пока тут проспекты. Весной другой раз семьдесят километров на своем вездеходе, то есть на своих двоих, топаешь — то по шею в воду, то по пояс в грязь. Как-то мы подсчитывали — полторы тысячи километров нашагал за год. А может, и не от этого, — Нина Михайлова больше прошла. Правда, была со мной одна история. В самом начале. Но это долго рассказывать, лучше о деле...

И он снова вернулся к идее комплексного кедрового хозяйства, начал говорить о том, какой станет тайга через десять лет, сколько она будет давать масла, изделий из дерева, пушнины, маральих пантов, лекарственных растений...

Меня всегда поражала в Виталии способность жить активно, не терять ни минуты, находить интересное там, где его просто не может быть. Ожидая самолет на аэродроме, томишься, не зная куда себя деть. Делать тут абсолютно нечего, вид окрестностей тошнотворный, а уехать в город нельзя: вдруг синоптики наколдуют погоду на час-два... Однако если ты попал в очередь с Виталием Парфеновым,— благодари бога. Он не затейник и не анекдотчик, но рядом с ним ты не просто скоротаешь время, а поймешь, какая это дорогая и невозвратимая штука.

Виталий Парфенов не умеет ждать бездумно и бездеятельно. Помню, устроился он на крыльце конторки, внимательно оглядел пассажиров и начал шептать:

— Смотри, какой интересный старикан! — Неподалеку от нас сидел здоровенный дед с изжелта-белой, театральной бородой. — Ну-к закину я удочку...

Виталий оглядел хмурое небо, откашлялся и громко сказал, глядя на деда:

— Видать, посидим!

— Кто посидит, а кто и полетит, — спокойно отозвался дед с неуловимой кержацкой интонацией.

— Вы все-таки думаете, что будет окошко сегодня?

— Каб думал — промолчал. Знаю. Вон гляди, Синюха-то!

Синяя отлогая гора на горизонте очистилась, на ней играло солнце. Уверенным тоном, будто командовал тучами, старик добавил:

— Развидняет!

Вскоре, однако, Синюху снова затянуло, но дед спокойно повторял: «Развидняет!»

— Да откуда развидняет-то? — подзадорил Виталий.

— Развидняет! — сказал старик. — Нутром чую.

— Как это нутром?

— К дождю — давит грудь, а сейчас дыхать легше. И потом, смотри — ласточки вверх пошли, солнышко встречать. И мухи, глянь-ка, выползли. Развидняет!

Виталий нащупал тему и долго выспрашивал старика о народных приметах. Потом их разговор перешел на окружающие горы.

— А это Бабур-хан, — белой легкой рукой старик показал на резко и странно очерченную гору, стоящую на бесхолмье, уже в ровной степи. — Старики алтайцы рассказывали, что это хан Бабур с конем лежит.

— Что за хан?

— Будто у какого-то великого горного хана была дочь Кадын, которую отец хотел отдать тоже за хана. А она — дело, конешно, молодое — полюбилась с Бием, овечьим пастухом. В старое время какая справедливость? Бежать надо было им. Побегли. Там, где Кадын бегла, Катунь теперь играет, а где пастух — Бия горы разворотила... Ты сам-то откуда будешь? — прервал вдруг старик свой рассказ. — Из Кедрограда, поди?

— Что? — вздрогнул Виталий. — Да, из Кедрограда. Как вы узнали?

— Кочетом глядишь. Рассказывать дальше-то?

— Да, да, рассказывайте, пожалуйста.

— Почитай, уж и нечего рассказывать... Понятное дело, хан послал людей вдогонку, а Бабур-хану, самому сильному вояке, сказал: «Догонишь Кадын — твоя будет». Бабур-хан доскакал по следам девахи до этого места и пал вместе с конем на землю — у него сила только в горах была, а тут уже степь начинается. А кто говорит, что он увидел, как Кадын с Бием встретилась. Так и лежит, будто за голову схватился. Вон у него шапка острая, вон локоть, видишь?

— Нет, не вижу, — честно сознался Виталий и обернулся ко мне. — А ты?

Я тоже ничего не мог рассмотреть в ломаном контуре горы.

— Да как же это вы не видите? — заволновался старик. — Вон конская голова вытянута. Эх, молодежь пошла, а еще в очках!

Это был камень в мой огород. А Виталий «кочетом» смотрел на меня, будто говорил: «Видал, какие хрычи у нас на Алтае водятся, видал?!»

Дед оказался прав. Вскоре мы улетели: развиднялo.

Когда затеяли мы в Кедрограде комсомольский диспут, то в числе других вопросов предложили и такой: «Какую самую большую трудность ты здесь испытал?»

— Я против, — сказал Виталий.

— Почему? — удивились ребята.

Виталий не сразу нашелся.

— Встанет кто-нибудь и начнет ныть, будто ему зуб сверлят. А разве на алмазах или в Братске легче, чем у нас?

— А как бы ты ответил, какую трудность ты считаешь главной? — прицепился я к Виталию, когда мы вышли из клуба и сели на свежие бревна.

— Да всякого было много, — уклончиво сказал он. — Помнишь, Зина моя — она была на восьмом месяце — поехала из Ленинграда сюда? Рожать. И как у нее началось в Бологом, а кончилось на Казанском вокзале? Они с Сашкой потом долго лежали в больнице, а я тут страдал — не мог даже приехать. Ну, и другие моменты...

— Например?

— Тем же летом привалило две сотни студентов-добровольцев, а мы им ни жилья, ни работы не приготовили. Думаешь, не переживали?

Мы замолчали, хотя я почувствовал, что Виталию захотелось рассказать о самом трудном.

Он взял у меня сигарету, резко оторвал фильтр.

— Терпеть ие могу с фильтром — все равно что хлеб через тряпочку жевать! В декабре это было. Первый раз в жизни я тогда подумал, что ие выдюжу...

Сергей Шипунов, бывший друг Виталия, зачинатель всего дела, оказался неважным директором нового хозяйства. Коиечно, не во всех неполадках был виноват он, однако по иеопытности наломал дров. И слава его подпортила, и кажущаяся иезависимость от местных организаций — хозяйство ведь подчинялось Москве. Незаметио для кедроградцев ои становился другим: его трезвый расчет все чаще подменялся прожектерством, упорство — упрямством. Чтобы спасти дело, иадо было Шипунова снимать. После трудного, многочасового разговора в ЦК КПСС, где присутствовали товарищи из ЦК ВЛКСМ, Главлесхоза, кедроградские парторг и комсорг, убедился в этом и Виталий.

Шипунов гордо отказался от другой должности в Кедрограде, хотя сознавал в душе, что адмиииистратор он никудышный. К этому времени обстаиовка осложнилась еще и потому, что комсомольцы, прибывшие со всего Союза строить Кедроград, надеялись очень быстро осуществить мечту. Конечно, можно было скоренько построить таежный поселок, дать ему красивое имя, ио хозяйство нового типа, ради которого загорелся весь сыр-бор, следовало создавать терпеливо, вдумчиво, иа это, как выяснилось, требовался не один год. А чтобы сохранить дело, кадры, надо было уже сейчас иметь прочную экономическую осиову. Этой основой не могла стать сезоииая, изменчивая по результатам охота или орешничество. Надо было в разумных пределах рубить лес.

Сергей Шипунов, получивший уже приказ, ходил вечерами по общежитиям и квартирам, организуя группки единомышленников — истинных, как они себя именовали, защитников кедра. Чтобы спасти свой престиж, Шипунов выступил с идеей: ие рубить кедр, освободиться из-под опеки Главлесхоза, изменить иаправление хозяйства, сделать его не опытно-производственным, а научно-опытным хозяйством, полностью перейти иа государственный кошт. Те, кто недавно шел на работу с возгласами: «Даешь Кедроград!», стали кричать: «Даешь собрание!» Вита-

лий оказался в центре страстей. От него отворачивались, шепотком называли «предателем» и «кедроистребителем».

— Представляешь — ведут себя так, будто я тут чужой, будто я действительно кого-то предал! — Виталий уже повеселел, задвигался. — Что было делать? Запереться? Нет, назло себе, иду в общежитие. Они шепчутся, а я нарочно громко говорю. Гляжу, смотрят зверями, отъездом грозят. Встану, бывало, на лыжи — и в лес, в пургу. Сейчас им стыдно вспоминать все это... Хорошо, что другие инженеры поняли, куда гнет Серега,— продолжал Виталий. — Некоторые ведь шумели, чтобы слабость свою замаскировать. Кое-кто уехал вскоре. Большинство, правда, остались. А десяток крепких ребят хоть и не согласились со всеми переменами, но попросились на самый трудный участок. В Обого они сейчас, у черта на куличках... Нет, правильно вопрос поставлен на диспут: без трудностей мы бы так не узнали друг друга...

Особая любовь Виталия — Музей природы, или, как его сейчас решили называть, Дом лесной культуры. Когда я был у него дома, он поведал мне:

— Тайгу наши лесники и охотники, конечно, знают, но не совсем. Помню, глаза у них на лоб полезли, когда я сказал, что один большой муравейник за лето пятнадцать тонн гусениц уничтожает, что надо этих рыжих помощников расселять по лесу. И вообще, работы тут прорва. Ведь не везде техника может заменить добрые силы живой природы! Кедровку взять. Это же чудо-птица! Если б не она, кедр давно бы исчез с лица земли. Она прячет на зиму запасы орешков, а потом чудесным образом забывает о них. Молодняк кедровый на гарях и вырубках — ее работа. И я думаю вот о чем. Ученые написали немало исследований о кедровке, но почему нет в них рекомендаций для нас? Нельзя ли содействовать размножению кедровки, направлять полеты стай? И почему ее орехи не болеют и мыши не уничтожают посев этой птицы? Может быть, ее железы во рту вырабатывают какой-то мощный антисептик или яд?.. И нельзя ли как-то выделить, синтезировать и использовать это средство? Нам обязательно нужна группа, которая бы такие практические вопросы решала!

Извинившись, Виталий лег в постель.

— А сейчас у нас голова забита не тем — мы ведь прежде всего должны дать план, думать и о жилье, и о питании, и о запасных винтах-болтах. А у меня еще пленумы обкома, сессии облсовета — я же депутат... Главное, обезножел,— он зло стукнул кулаком по коленке.— А все-таки, знаешь, это здорово, если ты нужен! Даже когда лежишь, целый день народ валит. Удивляюсь, как это сегодняшний вечер никто не пожаловал.

Тут же в дверь постучали, и Виталий захохотал.

— Войдите!— Он продолжал заразительно смеяться.— Этот еще по-божески, со стуком. А то прут прямо без предупреждения и с порога орать начинают... А-а-а, Фридрих! Заходи, располагайся!

Вошел Фридрих Таушканов, секретарь обкома комсомола. В этот раз он прибыл сюда за неделю до моего приезда и уже собирался домой.

— Чего ржете?— спросил Фридрих и повернулся к Виталию.— Тебе-то с твоими ногами плакать надо.

Фридрих, простой, улыбчивый, остроумный шорец, был желанным гостем в Кедрограде.

— Нет, серьезно, Виталий, с тобой что-то делать надо.

— Слушай, Виталий,— подхватил я,— ну давай я тебе в Москве путевку похлопочу!

— Да что вы меня хороните?— обиделся он.— Я до инвалидности еще попрыгаю...

Первая поездка в горы. Спутники.
Лесной таксатор — что это за профессия?
Случай в якутской тайге.

Тайга золотая, наконец-то я с тобой! Глаз мягко утопает в твоих зеленых глубинах, на вершинах кедров, едва слышный, звенит птичий благовест, дышится ненасытно, глубоко, до хруста в ребрах...

Выехали утром при хорошей погоде — ни облачка, ни ветерка. Пересекли лесовозную дорогу. По ней ноющий МАЗ тащил на гнилых тросах испорченный трактор. Бе-

дуют ребята с техникой — гробится она тут на каменюках, а настоящей ремонтной базы еще нет.

За дорогой лошади шибко пошли на косогор, однако вскоре караван остановился — начались завалы. Кто не лазал по ним, не знает, что это такое. Иногда, чтобы продвинуться на сажень, надо обходить за сотню метров поваленную когда-то лесину. Встречаются стволы-перестарки, квелые, сырые и рыхлые, мягко оседающие под копытом или ногой, а чаще они просушены до звона и грозно топорщатся острыми белыми поторчинами. Мы придерживаемся направления по старой охотничьей тропе, лишь изредка вступая на нее — так она сильно захламлена.

Нас четверо. Веселый и ловкий Коля Ялбакпашев, недавний комсорг Уйменского лесопункта, разговорчивый и вежливый. Короче, хороший человек. Еще один хороший человек едет — Борис Спиридонов. Этот молодой ученый из Красноярска пишет экономическое обоснование комплексного хозяйства и, кажется, диссертацию на эту же тему. Ему нужно посмотреть тропы, альпийские луга, кедрачи в бассейне реки Нырны, горельники. В седле он сидит мертво, как мешок с овсом. Начальник лесоустроительной партии Николай Телегин замыкает кавалькаду. Он должен сделать снимки территории с горы Лысой, побывать в Бигеже, где работают его люди.

Коля Телегин — бесспорно хороший человек, из тех, что тихо, спокойно, без крика, делают все, что надо. Мы знакомы уже много лет. Еще студентом Ленинградской лесотехнической академии он печатал статьи по лесным проблемам. Помню, как в 1957 году его небольшое письмо в газету о беспорядках на лесозаготовках вызвало жаркую дискуссию. Этот худущий, костистый парень, молчун и скромница, в студенческие каникулы обычно уезжал в лесоустроительские партии, замещая в лесу опытных инженеров. Его дипломная работа о тувинских лесах была выполнена столь блестяще, что экспонировалась на Всемирной выставке в Брюсселе. После окончания академии он был руководителем генерального плана освоения лесов Пермской области, но потом его послали сюда. Кедрограду, как всякому солидному промышленному предприятию, был необходим проект, причем перед лесоустроителями — их называют таксаторами — стояла

новая, невиданная доселе задача: подсчитать не только запасы древесины, но и все остальные богатства кедровой тайги, рассмотреть их в комплексе, подсказать пути наиболее выгодного их использования.

Собирались второпях, прибыли сюда во второй половине июня. До зимы оставалось так мало времени, что на изысканиях можно было ставить крест. У Николая не было подготовительного периода, когда предварительно изучаются экономические и природные условия, не было данных аэрофотосъемки. В тайгу не пролезть — шла коренная вода, и лошадей сносило. Энцефалитного клеща было полно в тот год, а ребята не успели сделать прививки.

— Ну, думаем, попали в переплет!— неторопливо рассказывает Николай, скособочившись в седле.— Однако делать нечего, полезли в тайгу. Вертолет наняли. Как окошко в небе, он моментально забрасывает таксатора с консервами куда-нибудь подальше. Пошло дело. Выхлопотали особую пленку, чтоб породы можно было на ней различать, сняли территорию. Все решали, конечно, наши «лесные солдаты» — Володя Дмитров, Игорь Беляев, Толька Совенко, Саша Шелепов...

— Как, тот самый?— встрепенулся я.

— Он, ясное дело.

Несколько лет назад, когда Николай Телегин был у меня в Москве, я показал ему огромную, на две стены квартиры-маломерки, карту лесов СССР, подаренную ее авторами. Коля, помню, долго и задумчиво смотрел на красные, розовые, зеленые разводья, потом сказал:

— Это хорошо, что они тут расписались. Только еще бы не мешало сюда фамилий. Сашки Шелепова, например.

— Какого Шелепова?

— Так ведь материалы этой карты добыл наш брат — рядовой таксатор...

...Таксатор Александр Шелепов летел на стареньком ЯКе над якутской тайгой. Аэротаксатор должен иметь орлиный глаз, крепкие нервы и неподкупную профессиональную совесть. Ведь проверить его работу, на основании которой строятся важные народнохозяйственные планы, может только другой таксатор при повторных полетах. Ажурную работу Саши можно было не проверять.

И вот тот памятный полет. Под крылом старенького ЯКа скользил слегка всхолмленный зеленый океан. Ни дымка, ни стойбища, только справа змеилась серая лента какой-то безымянной речки. Штурман-то, наверно, знал, что это за речка, он лениво, сонно водил линейкой по карте,— видно, ровный гул мотора его усыплял. И вдруг...

Сашу потянуло от планшета. Сердце, как в скоростном лифте, куда-то провалилось, в уши рванулась жуткая тишина. Потом он увидел белое лицо пилота и услышал крик:

— А-а-а-а-а!

Самолет с заглохшим мотором падал на острые вершины лиственниц. Последнее, что запомнил Саша,— пустой пульт управления. Удара он не слышал, в ушах завяз вопль пилота...

От боли в ноге и собственного стона он очнулся на мягком и влажном мху. Ноги были защемлены обломками самолета. «Сейчас будет взрыв»,— подумал Саша. Он рванулся и снова потерял сознание. Почувствовав, что кто-то грубо ощупывает ему грудь, открыл глаза. Это был пилот. Будто во сне, Саша наблюдал, как он срезал у него планшет. Вот раскрыл, аккуратно отгибая целлулоид, вынул карту, пошел к кустам.

— Стой!— закричал Саша.— Стой, сука! Убью!

Прислушался. Только ветер нежно свистел, струясь в хвое. Саша начал осторожно елозить по земле, стараясь расшевелить обломки, и вскоре освободил одну ногу. Стоная от боли, он долго раскачивал сухую расщепленную рейку, сдвинул ее наконец в сторону, выпростал другую ногу. При малейшем прикосновении к ней Сашу будто прожигало огнем. Все еще не веря себе, понял, что у него перелом. Достал и раскрыл нож, расщепил рейку, разрезал на узкие полоски ремень, стянул ногу примитивным, но прочным бандажом. «Где же Никулин?»— подумал Саша о штурмане.

— Никулин!— крикнул он.— Ты живой, Никулин?..

Саша подполз к обломкам с другой стороны, где легче было подступиться, начал оттягивать в сторону сучья, листы фанеры и жести, какую-то древесную труху, удивляясь, что еще недавно все это было самолетом.

— Никулин!— снова позвал он штурмана.

Послышался стон. «Живой!» Старый завал из лиственниц, на который рухнул самолет, зарос густым кустарником. Саша снова пополз вокруг. Стонов больше не было, совсем рядом слышалось сопение и возня. Потом из куста выполз ободранный, в крови Никулин.

— Никулин!— Саша опьянел от радости.— Я тоже цел! Только вот нога...

Никулин как-то странно озирался, Саше никак не удавалось поймать его взгляд. Но вот их глаза встретились. Штурман неожиданно прыгнул в сторону и побежал в тайгу, ломая ветви. Саша понял, что от удара штурману перетрясло мозги и он сошел с ума.

Уже вечерело, и нещадно грызли комары. Когда совсем стемнело, он нащупал в заветном кармашке непромокаемый мешочек со спичками, развел костер. Положение было аховое. Людей нет, может быть, за сотни километров вокруг, да если и рядом они, скажем за этой высокой гривой, что виднелась вечером сквозь черную хвою лиственниц, все равно ведь не докричишься. Пистолет у пилота, карта тоже. Где-то в обломках лежит штурманская карта, однако Саша и без нее определит направление — лишь бы развиднело и показались звезды. Пилот унес аварийную сумку с шоколадом — Саша успел это заметить. Наверно, подумал, сволочь, что не хватит на всех.

Всю ночь он ждал звезд. Их не было. Решил, что утром поползет к реке, которая виднелась с самолета. Но в какой стороне? Если не разгонит тучи и не покажется завтра солнце, определит направление по сучьям: на север они замшелые и гнилые, на юг — сухие, голые.

Нога распухла в бандаже, как колода, и противно ныла. Саша даже не пытался шевелить ею — раскаленная игла вонзалась в сердце. Он долго, до боли в глазах, вглядывался в темноту, стараясь не прозевать зарю.

Прежде чем разлилась по тайге однотонная серая мгла, едва заметно засветлело между деревьями,— Саша узнал, где восток и куда течет река.

Дождался рассвета и часа три рылся в обломках, разыскивая свой сверток с продуктами. Нашел кусок колбасы, хлеб, крутые яйца. С этим уже было можно жить. Стеганку раскопал.

Пополз. Это была каторга. Если б не нога, он мог бы ползти хоть до Ленинграда, но с этим распухшим чурбаком ничего не выйдет. Он выбрал два добрых березовых сука, долго, орудуя ножом, вырезал грубое подобие костылей и до темноты еще успел порядочно отойти от места катастрофы. Снова заночевал, на этот раз даже забылся в тяжелом полусне. Утром заковылял ободренный, с радостью отмечая, что с водораздела он уже спустился,— места пошли совсем сырые и темные.

Потом еще одна ночевка, у реки. Поиски подходящей лесины, последний ломтик колбасы. Вода в реке обжигала холодом, но Саша был согласен на это, лишь бы не попалось порога или залома. Река, однако, была спокойной, глубокой. И здесь не жалили комары. Примерно в полдень, когда он плыл под самым берегом, вдоль реки пролетел самолет. Он шел очень низко. Саша махал руками, кричал, но его не заметили. Выбрался на берег, развел большой и дымный костер, однако самолета больше не было слышно. Снова поплыл, стараясь держаться посередине реки. Потом зарядил дождь...

Он плыл уже третий день, отчетливо сознавая, что завтра у него уже не хватит сил разжечь костер.

Было еще светло, когда он почуял тонкий аромат дыма и услышал собак. Едва шевелясь, стал бить палкой к берегу, потом увидел узкую террасу, а на ней — стойбище и потерял сознание.

Пришел в себя на берегу, ему вливали в рот что-то горькое, возились с ногой. Якуты плохо говорили порусски, но Саша понял, что им давно уже сбросили записку и почти все мужчины в тайге, ищут. Саша с трудом растолковал, что произошло, нарисовал, где примерно произошла катастрофа, предупредил, чтобы охотники были осторожны — в тайге бродит пилот с пистолетом, сволочь, бросившая товарищей в беде.

Скоро вертолет вывез его к аэродрому. Оттуда — в Ленинград, лечиться. Позднее ему сообщили, что якуты поймали в тайге штурмана Никулина, всего изъеденного мошкой. Он был безумен и убегал от людей.

А потом прилетал из Сибири следователь. Через две недели, оказывается, пилот тоже вышел к жилью. Саша дал показания, но на суд не поехал — просто не мог видеть этого человека...

Альпийские луга. Шишкарный промысел. Наш проводник. Вы не ходили по бомам? Горельники. Еще один автор лесной карты.

Алтайские горы повиты синевой, будто опустилось на тайгу вечернее небо и застыло. В долинах синь густеет, плотно забивает распадки, ущелья. И может быть, потому ее нет на гольцах и над снегами, что эта глубокая синь — следствие жизни...

Вокруг нас жила алтайская тайга. Раскатывали пестрые ковры лесные полянки, по-здешнему елани, пели горные ручьи, пахнущие тонко, снежно. Дышал лес, играя светом и тенью, теплом и прохладой.

Выехали к альпийским лугам. Сколько здесь маральего корня — замечательного лекарственного растения, сколько на границе леса бадана — хорошего сырья для выработки дубителей, сколько пучки, клевера, вейника, других сочных и полезных растений. Корма!

Вот и кедрачи высокогорные. Пожалели, что нет с нами академика ВАСХНИЛ А. С. Яблокова,— вот бы порадовался! Он работает над селекцией кедра, спит и видит на нашей земле кедросады. Тут на многие километры вдоль лугов тянутся прекрасные естественные кедросады, разреженные, доступные солнцу, с круглыми густыми кронами. Правда, плодоносят они очень неравномерно, однако выдаются и здесь урожаи страшной силы. Если б можно было узнать истинные законы плодоношения и управлять ими, сколько бы можно отсюда масла качать!

Следы последнего богатого урожая — овин, стойбище шишкарей. Сейчас тут запустение, а прошлой осенью все кипело. Шишкобой — специфически сибирская профессия. Никто не снимал хронометража и не подсчитывал расхода калорий, но если сделать это, не найдется в списке рабочих профессий занятия более тяжкого, опасного и малопроизводительного. Человеку надо облазать за день не один десяток кедров, чтобы осыпать шишки, перетаскать их к овину, всю ночь тереть примитивными, тяжелыми деревянными терками, потом орехи просеивать, отвеивать на ветру, сушить, вывозить таежными тропами. Не удивительно, что кедровые орешки в наших магазинах дороже грецких.

Кедроградцы заготовили в первый год сто тонн ореха. Дело это очень выгодное. Одиа тоииа кедрового ореха по коммерческой цене равиозиачна сорока кубометрам древесины, только древесину взял — и пустошь, а орех можио брать сотни лет. На кедроградской территории со временем можио будет заготавливать пятнадцать—двадцать тысяч тони ореха, то есть больше, чем сейчас собирается по всей страие...

Когда мы выезжали нз леса, в иего уже опустилась предгрозовая духота — с запада заходнла густо-синяя туча. До нее было далеко, и мы ие беспокоились. Оставилн лошадей и пошли к вершине. Туча разбухала, темнела и — я такое видел впервые в жизнн — вдруг лопиула вннзу, посередине, н из этой черноты потекла вода, будто проткнули мешок с чем-то сыпучим. Серая плотная струя быстро опускалась вниз, достигла землн н так замерла — резко очерченная, строго вертикальная, словио колонна. Потом туча вся взялась снизу дымом, стала расплываться, бледнеть, опустила между нами и дальними горамн плотную белесую завесу. Мы были уже на вершине Лысой, когда пробилось солнце. Роднлась удивнтельная по яркости радуга, и было странио видеть ее не вверху, на небе, а вннзу, иа склоие большой зелеиой горы.

Лысая вздымается почти иа две тысячн метров. Часами разглядывай отсюда горы — не устаиешь. Я смотрел и иикак не мог насмотреться, зиая, что потом этн тяжкие пологие хребты, так спокойио н просто утверждающие свою иезыблемость, будут долго сниться и маиить к себе...

Николай Телегин занимался делом: устанавливал треногу, прнвинчивал к ней фотоаппарат, целился то в одиу сторону, то в другую. С вершины хорошо были вндны редкие поселки, реки, дороги и позор здешиих мест — рваные проплешины иа склонах блнзких и далеких гор. Больио было смотреть иа этн холмы, изуродоваииые лесоразработками, и созиавать, что иа нus уже иачались эрозийные процессы, поползла земля.

Мы молча пошли вниз. Поужииали у костра, растянули палатку. В темноте Коля Телегнн зашептал мие иа ухо:

— Ошнбаются, которые поиимают нашу работу как прогулки на лоно природы. Тут н иаука, и фнзческая

нагрузка по самую завязку, и инженерный поиск варианта. Зато нет пока в Сибири района, который лесоустроители знали бы лучше, чем этот. На изысканиях, представляешь, и природой любоваться некогда. Я это к тому, что неплохо бы сейчас выбежать из палатки и поглядеть, а?

— Пошли.

Мы выползли наружу и зажмурились от света, бьющего в глаза. Луна. В городе ее как-то не замечаешь. А тут она была огромной, почти объемной и лучилась так, что глазам было больно от обилия чистого, серебряного света. С вершины горы открывался вполне марсианский вид. Вокруг застыли какие-то бесформенные, неясные тени, тускло светились далекие гольцы, а ниже — непроглядная бархатная темь. Только далеко в стороне от кедроградских границ, километрах, должно быть, в тридцати, мерцала красная искорка — ночевали не то охотники, не то геологи, а скорее всего туристы, из тех, что любят палить нежаркие, но яркие костры.

Утром мои спутники снова полезли на вершину, а я прошел к маральему солонцу, что был недалеко от нашего лагеря. Вчера мы видели там следы зверя. Животное становилось в грязь на колени, чтобы дотянуться до соли, насыпанной под камень. Кто-кто, а эти-то зверюги уже знали, какие замечательные ребята стали хозяевами здешней тайги!

Спускаясь в долину реки Нырны, мы видели маральи кормушки, построенные кедроградцами,— длинные клети под навесом для сена и соляные желоба. Полно здесь и пищухи — лучшего в животном царстве друга марала. Этот серенький, похожий на крысу грызун ставит на зиму аккуратные, хорошо просушенные стожки сена, которые обычно достаются маралу.

— Умные звереныши,— говорит Коля Ялбакпашев, проследив с усмешкой, как испуганная пищуха, вопя, промчалась по валежине.— А знаете, почему у сеноставки глаза сбоку, как у рыбы? Работает она быстро, бегает — сами видели. И вот, чтобы глаза сучками не повыкалывать, они у нее сбоку...

А как тут насчет медведей? Встретив меня в поселке, красноярский лесной профессор, доктор наук Герман Петрович Мотовилов спросил:

— Надолго у вас командировка?

— А я здесь в отпуске.
— Медвежишек, наверное, пострелять?
— Да мне их жалко,— сказал я.— Я тут охочусь за интересными людьми.
— Дело!— одобрил Мотовилов.
Коля Ялбакпашев — хороший трофей. По-русски говорит он легко и свободно, охотно пользуясь оттенками слов. Он по-своему, свежо и тонко, чувствует не только природу, но и людей. Борис Спиридонов спрашивает этак равнодушно, нехотя:
— Николай, а медведи здесь есть?
— А вот они!— проводник повел вокруг быстрыми агатовыми глазами.
— Где?— встревожился молодой ученый.
— Да везде. Вот копанки — это он бурундука грабил, орешки доставал. А вот загрыз на елочке, видите?
Позднее, когда мы ехали по узкой тропе над обрывом, Ялбакпашев сказал:
— Медведь.
— Где?— опять спросил Борис Спиридонов.
— А на тропе. Давно уже, но я не говорил. Совсем свежий след. А у нас мелкашки только.— На тропе действительно ясно был виден след огромной когтистой лапы.— Он, конечно, ничего не сделает, только из любопытства может подойти близко да рявкнуть.
— Ну и что?
— Кони — туда,— проводник кивнул в пропасть, в которой глубоко внизу бурлила и пенилась река.— И мы с ними. Николай Павлович, зачехлите фотоаппарат!
— А что такое?— крикнул сзади Телегин, который только что снимал скалы на другом берегу реки.
— Да медведь тут ходит.— Непонятно было, шутит наш проводник или нет.— Он же любопытный, вдруг захочет посмотреть, что это за штука у тебя блестящая. Отнимет...
И я ему попался на мушку. С протоки, которую мы утром переезжали, тяжело взлетели две кряквы. Проводник даже не успел винтовку сорвать с плеча. Видно почувствовав мое состояние, он хитро сощурил свои и без того узкие глаза, спросил:
— Стрéлить охота?

Я подтвердил его догадку. Он начал свистеть, подманивая кедровку. Вот она застрекотала, ближе, ближе. Стреляю я ничего и попробовал взять ее, когда она запестрела невдалеке на голом березовом столбе. После выстрела кедровка лишь испуганно вспорхнула, но Николай не дал ей далеко улететь — подманил еще ближе. Снова мимо. Забирая винтовку, проводник сказал:

— Однако полезная птица.

Может быть, в утешение за неудачные выстрелы я сам только что подумал об этом. Откровенно говоря, мне никого убивать не хотелось в этой живой тайге и даже стыдно стало за свой порыв. И еще раз проводник угадал.

— Такая погода — пусть все живет,— сказал он и минут через пять извинительно добавил:— Поэтому я и прицел вам сдвинул на дальний бой...

Погода вскоре испортилась, и в тот день нас здорово мочило. Дождь тут двойной. Прошумит над лесом, пробарабанит по спинам, а потом еще долго стекает по веткам. С полудня зарядил беспрерывный. Уже на берегу Нырны мы попробовали переждать его в избушке орешников, но потеряли терпение и подались дальше. Раз десяток перебродили Нырну, потому что тропа вилась с берега на берег, вышли к реке Уймени.

Река вздулась от ливня и все еще «набирала», как говорят в Саянах. Чтобы обогнуть огромную скалу, надо было дважды переправиться через реку. Мы не решились на этот подвиг и полезли на бо́ма. Вы никогда не ходили по бомам? И не ходите, если нет необходимости. Перед нами был Собачий перевал, названный так, наверно, потому, что кому-то очень уж захотелось обругать его.

Бом — это узенькая каменистая тропа, вырубленная в скале над пропастью. Справа на тебя давит гранитная стена, слева — влекущая своей доступностью пустота, а внизу, под обрывом в сотню метров, грохочет на камнях взбухшая Уймень. Если у вас большой вьюк, придется тащить его на себе. В прошлом году геологи не сняли тут с лошади ящик с образцами, и она полетела в пропасть.

А вообще лошадь хорошо идет по бомам. Она не волнуется, как человек, осторожно, наверняка ставит ногу и своим невозмутимым видом успокаивает хозяина. Есть на боме Собачьего перевала скользкий и каменистый крутяк, к которому из-под скалы подступает вода. Здесь ло-

шади теряют свое обычное спокойствие и рвут вперед, высекая копытами искры. Ни в коем случае не наматывай тут на руку повод — легким движением головы конь может тебя сдернуть вниз.

Все, однако, обошлось благополучно. По узкой долине Уймени мы уже в темноте добрались до Бигежи — небольшого, в несколько домиков, таежного поселка. Утром мы должны были поехать еще выше по течению, к притоку Уймени Ирбуте,— там начинаются горельники.

Незадолго до революции эти места охватило страшное бедствие — лесной пожар. Просмоленные насквозь кедрачи горят как порох, пламя часто распространяется со скоростью ветра. Не то от молний, не то от спички пожар пошел по долинам, охватил всю вершину реки Уймени площадью в несколько десятков тысяч гектаров. Стоят сейчас тут мощные обугленные стволы, просушенные, звонкие, как телеграфные столбы.

Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что никогда не видели кедровой древесины,— вы держали ее в руках тысячи раз, и она служила вам верой и правдой. Школьник и прораб, геолог и министр, писатель и архитектор никогда не расстаются с ней. Она сопровождает человека всюду в виде обыкновенного карандаша, графитового стерженька в кедровой палочке. Ведь кедр — единственное наше карандашное дерево.

Однажды, во время встречи Юрия Гагарина со своими почитателями, я подошел к первому человеку Земли, вырвавшемуся в космос.

— Юрий Алексеевич!— обратился я к нему.— За эти годы вам во всем мире задавали множество разных вопросов. Наверно, все они были важнее моего. Я вас хочу спросить об одной мелкой мелочи, о ней у вас наверняка никто еще не спрашивал...

— Пожалуйста,— улыбнулся Юрий Алексеевич.

— Скажите, какой карандаш у вас был там — деревянный или пластмассовый?

Мне очень хотелось, чтобы Ю. А. Гагарин сказал, что он брал с собой в космос частичку сибирского кедра. Космонавт снова засмеялся и, к сожалению, ответил:

— Пластмассовый.

Да, древесина вытесняется пластмассой, но мы плохо себя знаем, если думаем, что в конце концов будем жить в искусственном мире из пластмасс, стекла и бетона.

Когда я, помню, приехал в сибирский городок науки, то прежде всего мне бросилось в глаза, что этот город будущего, несмотря на свои масштабы, теряется в живом лесу. Я с удовольствием рассматривал и современные здания, и деревянную избу академика Лаврентьева...

А вот что произошло несколько лет назад в Америке, стране, где свирепствует культ пластмасс. Карандашные компании вдруг обнаружили, что появился неожиданный спрос на обыкновенный, непластмассовый карандаш. Вывозить из тропиков карандашное дерево было слишком дорого, а кедровые леса в Америке давно хищнически сведены. Выход нашли — рядом со старыми американскими городками построили сборные железобетонные города, куда переселили людей, а кедровые дома разобрали на карандаши.

У нас кедра еще много, но уже сейчас надо думать о более рациональном использовании ресурсов ценнейшей древесины. Поэтому кедроградцы мечтают освоить горельники, взять древесину, еще сохранившую свои технические свойства, сберечь за счет этого живой лес. Николай Телегин заложил здесь пробные площади, отправляет полтораста образцов в Красноярский институт леса и древесины, где впервые в стране будут проведены подробные исследования.

Но на горельники — завтра, а сейчас, после ужина, Коля Телегин неторопливо снова нашептывает мне:

— А народ был у меня разный. Часть рабочих в Бийске я нанимал. Там ведь только свистни — тысячу человек можно сразу взять. Тунеядцы это. Особый сорт. Постоянно нигде не хотят работать. А сезонно, когда можно деньгу зашибить,— пожалуйста. То к нам, то к геологам, то на камчатские рыбные промыслы. А потом все пропивают.

— А специалисты у тебя ничего подобрались?

— Я уже говорил — золото! Но попался один — чуть всю музыку не испортил. Завалил самые простые работы. Жил все время в Уймени и не смог протаксировать ближайшие урочища. Снег уже выпал. Я со своим другом Женькой Чупровым сам полез в тайгу. Днем работаем, вечером кипятим снег, ночью дрожим, как зайцы, хотя на нас меховые куртки и штаны. Шутишь — двадцать градусов! Ну, сделали, конечно... Назад меня

под руки вели, а мне все чудилась в снегу избушка: «Зайдемте, говорю, погреемся». А это коряга либо выворот...

— А Саша Шелепов?

— Целая история. За лето он самую сложную работу мне сделал — Пыжинскую тайгу. Ему бы отдохнуть, а тут за других надо подчищать. Я Елаиду делал, а его послал в Нижнюю Часту. Работали ребята как надо. Но морозы ударили — не выдержали, сбежали во главе с Сашкой.

— Еще бы не сбежать!

— Ты слушай. Прошли они пятнадцать километров по морозу, забегают в первый уйменский домишко руки погреть, ругают меня: «Мы его сейчас возьмем в работу, мы ему юшку из носа пустим!» — «Кого это?» — спрашивает хозяйка. Коля Телегин обстоятельно, невозмутимо, но очень выразительно разыгрывает голосом этот разговор. «Да Телегина, туды его растуды!..» — «А его нет в поселке».— «Смотался?! В город?»— «Телегин в тайге»,— говорят им. Тут они и поджались, будто пика в живот получили,— продолжает шептать Коля Телегин.— Ну, погрелись, выходят. Сашка Шелепов молча поворачивает назад, к лесу. Говорят, даже не оглянулся, только снежок под ногами скрип-скрип-скрип... Все за ним, конечно. Доделали Нижнюю Часту...

Когда я вернулся в Москву, то первым делом на «Карте лесов СССР» рядом с фамилиями ее авторов вывел: «Саша Шелепов».

Через реки. Кто прав — писатель Михаил Пришвин или помощник лесничего Гоша Кащеев? Тайга-целительница. Снова лесное кладбище. Еще одна мечта.

У здешнего воздуха удивительное свойство скрадывать расстояния. Кажется, вот она, рядышком, гора Аскалда, что лохматой медвежьей тушей разлеглась над лесом. На самом деле до нее полдня хорошей езды. И тайга на первый взгляд кажется такой же доступной и обманчиво близкой, но сколько в ней тайн, до которых идти-шагать! И люди, так называемые «простые люди», оказываются куда как не простыми...

С помощником лесничего Гошей Кащеевым мы ехали по урочищу Еланда, тому самому, которое «делал» по снегу Николай Телегин. Гоша показался мне очень красивым — вылитый Гришка Мелехов, каким я его себе представляю не по кинофильму, а по книге. Руки ладно играют топором, легко взметывают в седло мешок с хлебом и консервами, ловко подбирают повод. Только разговаривал он неохотно, а речь его была односложной, невыразительной, бедной интонациями.

— Когда-нибудь бро́дил? — только и спросил меня за первые полчаса езды.

Воды здешних речек холодны, упруги и пенны, они бешено точат камень, стараясь сгладить и спрямить свои русла, однако горы не поддаются, стоят крепко, будто не хотят, чтобы реки прощались со своей молодостью. Главное препятствие на этих реках — сильная стрежневая струя. Если залила она ноги выше колен — держись. Собьет, закрутит, а то еще и пристукнет о какой-нибудь голыш. Одного из первых кедроградцев, Николая Новожилова, однажды долго катало на скользких валунах, потом засосало под залом, а он вцепился в сучья, нависшие над струей, и держался, тянул изо всех сил голову, чтобы не забило рот водой. Хорошо, подоспели друзья.

Не знаю, можно ли тут жить без коня. Через многие речки переправа только на лошади. Но и в этом случае надо соблюдать несколько железных правил. Из них самое важное: не суйся в воду, не зная броду.

Но вот ты у брода. Внимание, следи за собой! Вошел в воду — освободи ноги от стремян и держи повод не сильно, однако так, чтобы лошадь чувствовала руку. Никогда не перерезай струи перед товарищем — собьешь его вместе с конем. И вообще — больше доверяй лошади, старайся не тревожить ее понапрасну и не торопить: она знает, в каком темпе надо в этой речке двигаться, хорошо чувствует, куда ставить копыто. Бывает, струя бьет под седло, заливает сапоги — терпи, ничего не поделаешь. Ну, а уж если сбило, понесло, тут один выход — с седла долой, окунайся и держись покрепче за гриву.

За переправой Гоша Кащеев остановился, вглядываясь в кусты и скалы. Где-то там, метров на двести ниже по течению реки, должна выбраться на берег его собака. Я поразился, как она — мало сказать смело —

просто очертя голову бросилась в воду. С огромной скоростью ее потащило. Спросил:

— Выплывет?

— Первый раз ей, что ли!

— И на скалы взлезет?

— Ну!

Вскоре прибежала мокрая собака, и мы тронулись дальше пологой тропой, поднимаясь к перевалу. Солнечные лучи бьют в этот склон горы прямой наводкой, тайга прогрета, жарко пахнет сухим листом, старыми, седыми пнями, теплым камнем и — странное дело — весенней сохнущей завалинкой. В такие дни солнце хорошо вытапливает смолу из кедровых шишек, и они становятся сухими и легкими, как созревшие маковые головки. Ореха в этом году мало, и он еще «каурый» — светло-коричневый, недозревший. Гоша Кащеев едет не оглядываясь. Почему это о нем говорили в поселке: «Не пареньклад!»? Я подхлестываю своего Рыжку, догоняя спутника, пытаюсь завязать разговор:

— Был такой хороший писатель — Михаил Пришвин.

— Знаю,— отзывается Гоша таким тоном, что ни о чем больше не хочется спрашивать.

— И вот он где-то пословицу приводит: «Лес — бес».

— Это в каком смысле?

— Ну, будто русский человек боится леса, враждует с ним.

Гоша подумал и не скоро сказал:

— Неправильно толкует. «Бес» — это непонятная сила в лесе, что тянет в него, как на вожжах.

— А вы любите тайгу?— спросил я и поразился наивности своего вопроса, однако мне очень не хотелось потерять счастливо найденную нить разговора.

Все равно я ее как будто терял: Гоша, видно, так подивился моей глупости, что решил промолчать. Его, потомственного таежника, я спрашивал об этом! Сюда переселился еще его дед. Отец, знаменитый охотник и шишкобой, погиб на фронте, и Гоша совсем еще сопливым мальчонком уже подкармливал тайгой себя и мать. Об этом я узнал позже, от матери Гоши, а сейчас я ехал сзади него, прямо и свободно сидевшего в седле, и досадовал, что не могу вызвать человека на разговор. Вдруг Гоша осторожно потянул повод, остановился, обернулся ко мне.

— Когда я в тайге,— произнес он медленно и глухо,— то все такое правильное на свете, что и сказать нельзя.

Он поехал дальше и тут же опять остановился.

— Действительную я в Днепропетровске служил. Армия — дело хорошее, но я по тайге больно тосковал. Закрою глаза — шумит!

Гоша известный медвежатник: в одиночку убил трех медведей и штук пятнадцать — в компании. Я вспомнил, что к короткой характеристике Гоши прибавили: «Только жаль, что тайга его наказала». У меня не было тогда возможности расспросить подробнее, и сейчас я подумал: может быть, Гошу медведь ломал? Да вроде нет, бойцовых шрамов не видать.

— Пришвин не так понял пословицу,— говорю я.— Однако тайга и наказать может.

Гоша молчал. Тогда я решил действовать напрямки — для моего собеседника это был, наверно, самый лучший метод.

— Мне говорили, что и вы наказаны.

— Кем?

— Тайгой.

— Да что они знают?— обиделся за тайгу Гоша.— Она ж меня и выручила!

— Подробностей не говорили. А что произошло?

Гоша не ответил. Да и с какой стати он должен мне докладывать? Но парень меня заинтересовал, и я решил не отступать. Хоть меня Гоша ни о чем и не спросил, я сказал ему, что детство и юность тоже провел в тайге. Родной мой городишко даже так и называется — Тайга. Рассказал, как мы с матерью собирали по весне колбу и саранку, как летом я ставил кулемы на кротов, а зимой — петли на зайцев, как я заработал странную для такого раннего возраста форму ревматизма. Томские доктора сказали, что болезнь неизлечима, и тогда мать отвезла меня на заимку Литвинова.

Это был знаменитый старик. Он жил в наших местах, когда еще не было Великой Транссибирской магистрали, но теперь одна из станций на основной линии именуется в его честь — Литвиново. Назвал ее так известный русский писатель, изыскатель сибирских железных дорог Гарин-Михайловский, которого этот старик водил по нашим холмам и болотам. Хозяйство старика не трогали

до самой его смерти, потому что Литвинов был великим охотником, еще в войну возил на базар медвежатину. И рудознатец он был добрый. А старуха его врачевала. Пихтовыми ваннами и муравьиной кислотой она в десять дней поставила меня на ноги...

— А я тоже руду нашел,— сказал Гоша.

— Какую?

— Мы проводили тут геологический поход. Потом собрали все образцы и пригласили на консультацию профессора. Он увидел мою руду, затрясся: «Где взял?» Увез эту породу с собой.

Лед был сломан, и никаких усилий уже не требовалось для продолжения разговора. Гоша поведал мне наконец, как его наказала тайга.

На следующий день после возвращения из армии он ринулся в лес; родные приготовили ему замечательный подарок — лицензию на отстрел марала. В здешней тайге даром ноги не бьют — Гоша добыл зверя. Мясо в лесу оставил, чтобы прийти за ним с людьми, а драгоценные пудовые панты взял. Вернулся усталый, повытаскал из себя клещей и прилег отдохнуть. Заснул, но мать к обеду не могла его добудиться. Пришел в себя вечером — весь горел.

— Панты еще не варили?— невнятно спросил он.

— Нет,— сказала мать.— Ты лежи.

— Ты их в терку, мама, пока не поздно.

— Неужто, сынок?!— ахнула мать.— Клещ?

— Наверно. Спирт у нас есть?

Гоша снова потерял сознание. Можно сказать, он был уже наполовину в могиле. Если с бешеным медведем-людоедом, что иногда встречаются в тайге, еще можно помериться силой, то против зверя, жертвой которого стал Гоша Кащеев, средств нет. Страшилище это — маленький, со спичечную головку, таежный клещ. Чтобы дать потомство, самка клеща должна попить живой крови. Неслышно, пуская в ход анестезирующее средство, она впивается в кожу птицы, животного или человека. И попадаются среди тысяч клещей меченные дьяволом экземпляры, несущие смертельный вирус.

Тогда, в 1956 году, противоэнцефалитная служба была еще поставлена неважно. Той весной, помню, я был на строительстве железной дороги Новокузнецк — Абакан,

и даже там несколько строителей стали жертвой этой страшной болезни. А в глубине Горного Алтая надеялись больше на домашние средства. Гоша свято верил в целебные свойства маральих пантов. Несколько дней мать терла сырые панты, разводила густую маралью кровь спиртом и поила бесчувственного сына. Кое-как он поднялся, но сил хватило лишь на то, чтобы дойти до тракторного прицепа.

Из больницы он приехал через три месяца. В том же году снова слег с продолжительной сорокаградусной температурой. Только выписался — опять попал в ту же клинику.

— Насмотрелся я,— рассказывает Гоша.— Эта проклятая болезнь одного делает полным идиотом, другого парализует. Был там в больнице веселый, хороший парень, так у него вдруг шейные мускулы отказали, и голова повисла на груди. А меня, я считаю, панты спасли да натура...

Гоша мечтает открыть в Кедрограде маралье хозяйство. По самым скромным подсчетам, ребята располагают диким стадом благородных оленей не меньше чем в пятьсот голов. Ценные звери уничтожаются медведями и браконьерами. Маралов непременно надо приголубить!

Кедровая тайга может дать не только чудодейственный пантокрин. Без специальной переработки некоторые сырые продукты самого кедра лечат ревматизм, туберкулез, бери-бери, гнойные раны, авитаминоз. Мы с Гошей начали вспоминать средства, что применяют сибиряки против разных болезней.

— От чесотки,— говорю я,— можжевельник.

— Знаю,— говорит Гоша.— А бадан — от лихорадки и воспаления легких.

— Корни голубой синюхи — от бессонницы и язвы. Вороний глаз — если голова кружится или болит.

— Слышал,— сказал Гоша.— А первоцвет простуду лечит.

— А вероника кровь останавливает,— продолжал я это интересное соревнование.

Мы перебрали чемерицу и смородину, кипрей и ерник, а сколько еще осталось такого, чего мы не знали! Ведь до сих пор половина лекарственных средств создается в естественной лаборатории.

— Изучать все это надо,— закончил разговор Гоша.— А то старики мрут, и какую-нибудь траву, которую они знают, лет через сто снова будут открывать...

На перевале мы отдохнули, дали лошадям овса и стали по крутому склону спускаться в долину Суучака. Это была уже территория, на которой работал соседский Иогачский леспромхоз. Гоша обернулся:

— Смотри! Как надо смотри!

Мы выехали из-под полога леса, и я увидел. Вниз круто падал Иванов лог. Над рваными рядами дурной травы редко стояли ободранные, поломанные, пригнутые к земле стволы, лежали штабеля из толстенных кедровых лесин, источенных жуками и личинками. Склоны урочища были глубоко и неровно взрезаны оврагами. Мы спускались по дну одного такого оврага. Его слезящиеся глинистые края поднимались высоко, метров на пять. Как в заклятом месте, вокруг стояла мертвая тишина, ни птиц не было слышно, ни писка грызунов.

Всего несколько лет назад отсюда ушли лесозаготовители. Они не соблюдали элементарных правил рубок — у ручьев и речек не оставили защитных полос, не думали о сохранении семенников, восстановлении леса, очистке лесосек и даже вывозке всей заготовленной древесины. Причем подваливался самый крупный древостой, а покалеченный молодняк уже стал очагом таежных эпидемий.

— Сколько езжу,— говорит Гоша Кащеев,— не могу привыкнуть! Гложет!

Еще бы! Ведь всего десять лет назад тут росла прекрасная кедровая тайга, водились маралы, соболь, белка, были тетеревиные тока. Здесь можно было бесконечно долго брать живицу, пушнину, орех, мясо и — выборочно — древесину. А теперь урочище омертвлено на сотни лет.

Где та цивилизация, которой так похваляются лесозаготовители? Они постоянно твердят, что тянут в медвежьи углы дороги, строят поселки, открывают библиотеки, проводят электричество и радио. Через десяток лет дороги зарастают, и поселки надо снимать — уже сейчас в Суучаке людям делать нечего. Поселок к тому же скоро сам развалится, потому что привозные сборные времянки очень быстро сгнивают под здешними дождями... Как же мы плохо еще считаем народную копейку, как мы

привыкли удовлетворяться временным, сегодняшним успехом и не задумываться над будущим!

Пыжу мы перебродили уже под звездами. Было страшновато лезть в черную бурлящую воду, но все обошлось хорошо, только мой смирный и сильный Рыжка испуганно фыркнул и присел в стрежневой струе — под самой его мордой промелькнул большой черный зверь: это Кушман, Гошин пес, предусмотрительно забежал для переправы далеко вверх, и его быстро протащило мимо.

Гоша живет километрах в трех от поселка Суучак, на крутой излучине пыжинской протоки, вечно шумящей за тальником. Я познакомился с его матерью, женой и пятимесячной дочерью Иринкой. После ужина мы долго еще говорили. Гоша горячо поддерживает идею Кедрограда и счастлив, что спасены остатки алтайской тайги. Он угощал меня вареньем из ревеня и доказывал, что промышленное производство здесь варенья и ягодных соков будет выгодным. Рассказывал о Пыже, на которой хорошо бы взорвать два порога — и тогда снизу пройдет рыба вверх, где полно очень удобных рыбных пастбищ — заводей, омутов и плесов. Однако главная его мечта — составить настоящую охотничью карту, где были бы обозначены маральи, кабарожьи и соболиные места, звериные тропы и водопои, гнездовья полезных птиц, тетеревиные тока, галечники, солонцы, порхалища, кормушки, охотничьи лабазы и зимовья. Он не надеется на ученых и думает начать это дело сам. Может, он прав, как оказался прав в споре с Пришвиным? Недавно я перерыл все сборники русских пословиц и такой — «Лес — бес» — не нашел. Есть одна похожая пословица, но совершенно противоположного смысла: «Лес — лесом, а бес — бесом»...

Утром Гоша Кащеев насовал мне в рюкзак каких-то мешочков. Я начал было отказываться, однако новые мои спутники посоветовали не делать этого. На привале мы увидели, что в мешочках чудесной выпечки хлеб, местный самодельный сыр, похожий на плавленый, но более тягучий и почти прозрачный, яйца, калачики, сахар, огурцы и очень твердые, домашней выпечки, пряники.

Только через день я по-настоящему оценил этот дар.

Пыжинская тайга. Перевал Бардам.
Зора-бульбоедка. Гроза.
Обого и обоговцы — «истинные» кедроградцы.

Направлялся я в Пыжинскую тайгу. Об этой жемчужине Горного Алтая стоит сказать особо. Лесоустроители, охотники, заготовители — все, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к Прителецкой кедровой пади, при упоминании о Пыже закатывают глаза и в восторге цокают языком. И есть чем восторгаться. Природа создала в верховьях реки Пыжи кедрачи изумительной красоты и продуктивности. Специалисты говорят даже, что в Сибири нет и не будет лучших древостоев. Здесь рекордные запасы древесины на гектаре лесной площади, прекрасные ореховые и охотничьи угодья. Майминский и Турочакский промхозы, работавшие до недавнего времени в Горном Алтае, девяносто процентов пушнины и ореха брали на Пыже.

С Николаем Телегиным мы облетали однажды на вертолете всю Пыжинскую тайгу. Под нами стлался плотный и ровный, как летное поле, верхний полог леса. На солнце он отливал золотом — поспевал, доходил урожай. Коля, обычно невозмутимый и спокойный, в этот раз волновался, стараясь перекричать шум двигателя:

— Отсюда масла можно выкачать — озера! Куда до этих кедровников Туве или Чите! Сашка Шелепов подсчитал тут запасы — почти шесть миллионов кубиков оказалось! И главное — молодая тайга, сильная!

Мы садились тогда в лагере Саши Шелепова. Под пологом леса было чисто и сухо. Трехобхватные золотые стволы кедров строго и стремительно уходили в звонкую вышину, где пел ветер и сияло солнце. Под ногами пружинил толстый красноватый слой из отмершей хвои, пахнущий пересушенными мхами и загустевшей смолой, жизнью, а не смертью.

Как всякое сокровище, Пыжинская тайга дается в руки нелегко. Чтобы попасть в нее из Уймени, надо преодолеть Бардам. В поселке мне говорили:

— Неужели рискнул через Бардам?

— Покрепче заправляйся — Бардам!

— Ходили мы через Бардам — прокляли все на свете...

Однако накануне из Пыжинской тайги пришла кедроградка Заремба Татур, невысокого росточка глазастенькая девушка. Она взяла Бардам без коня, каким-то чудом перебродила две реки и в тот же вечер явилась в клуб на танцы. Заремба, или, как ее тут называют, «Зора-бульбоедка», возвращалась сейчас назад, на Пыжу.

— Почему вас так зовут?— спросил я.

— А ну их! Из Белоруссии я, поэтому.

— А как сюда попали?

— Приехала я в Сибирь по путевке, строили мы железную дорогу, закончили, тут про Кедроград я услыхала.

— Что на Пыже делали?

— Весной поехали ребята в самое трудное место. Их двенадцать гавриков, и я с ними. Стригла их, рубахи латала, варила, стенную газету оформляла.

— Не обижали?

— Наши-то ребята? Что вы!— рассмеялась Зора и мило, беззащитно вздернула носик.— Да я сама кого хочешь обижу.

— Какие же у вас планы?

— Заберу сейчас барахлишко свое — и в столицу, то есть в Уймень, учиться буду в восьмом классе. А в Обого уже повариху ребята наняли, и вон Катя к ним...

История Кати Шаповаловой, которая неумело, робко едет впереди меня, любопытна. Она окончила на Украине строительный техникум, надо было устраиваться на работу, но тут пропала ее сестра Зоя: уехала полгода назад в Сибирь строить какой-то Кедроград — и ни слуху ни духу. Майминский аймачный отдел милиции сообщил на запрос, что такой человек в районе числится, но сейчас где-то далеко в тайге, в лесоустроительной партии. Катя поехала разыскивать Зою и... осталась сама тут работать. Пока проект не готов, будет делать все, что заставят.

Вскоре Катя освоилась в седле и даже запела. У нее нежный голос. Впереди идет Евгений Титов, пыжинский лесничий, выпускник Брянского лесотехнического института. Зора подсмеивается над его усами, которые, как она утверждает, он отпустил для того, чтобы отличаться от бородатых, уже примелькавшихся здесь парней. Женя помалкивает и все старается не уехать вперед от Кати, все оглядывается на нее...

Тропа поднимается к Бардаму — самому тяжелому кедроградскому перевалу. Горная тропа — старинное аллегорическое определение трудностей. Это выражение, как, впрочем, и многие другие, от частого употребления потеряло свою конкретность. Крутизна, грязь, скользкий, острый или сыпучий камень, хлещущие по глазам ветки — вот что такое горная тропа. На Бардаме все это усложнено, потому что на пути к верхней точке основного перевала надо преодолеть девять работных крутяков.

Мы спешиваемся, скидываем свитеры, но все равно жарко, и пот заливает глаза. Даже под нашими небольшими вьюками кони ложатся и смотрят жалобными глазами. Мой Рыжка стонет, и с него падает пена. Самое неприятное, если лошадь потеряет здесь подкову,— на остром плитняке разлетится копыто, и его потом не залечить.

Катя давно перестала петь. Зора разговаривает только со своим упрямым коньком, чуть не плача умоляет его хоть потихоньку двигаться. От постоянного наклона корпуса вперед у меня деревенеет спина, немеет на поводе рука, но самое неприятное — это если сердце поднимается к горлу. Я вспомнил свое знакомство с итальянским профессором Даниэлем Петруччи и его потрясающим фильмом о развитии человеческого эмбриона в искусственной среде. Оказывается, в самом начале сердце человека располагается в горле, а потом уже опускается. Помню, я сказал: «Синьор Петруччи, только посмотрев ваш фильм, я понял, почему на горном перевале сердце подкатывает к горлу».— «Конечно,— улыбнулся ученый.— Когда ему трудно, его тянет на родину».

...А между тем лес редел, свежело, стали попадаться в чахлом ельнике голые камни, лежащие на мягких пронзительно-алых бадановых коврах. И вот конец! Как победное знамя стоит у вершины кедр с вытянутой ветрами, односторонней кроной...

На горных вершинах всегда охватывает пьянящее чувство победы, и сейчас мы молчали, переживали это состояние. Не эта ли блаженная секунда влечет людей в горы? Побороться, выложиться на всю катушку, а потом торжествующе оглянуться назад, упиться содеянным, понять, что и ты в этой жизни кое на что годен!

Мы спустились к альпийским лугам и под грузным, приземистым кедром развели большой костер, потому что солнце уже село. Удивительное дело — усталости не чувствовалось. Воздух, что ли, здесь такой?

А через час, когда стало совсем темно, над соседней горой разразилась гроза. Глухой, перекатный гром слышался давно, а сейчас он стал оглушительным, сухим и резким, будто вдоль и поперек лопались горы. Я вышел на луг. Он освещался мятущимся, неверным светом, а на соседнюю гору было трудно смотреть — какой-то злой джинн беспрерывно полосовал ее вершину огненными плетьми. Гроза вскоре прошла за Бардам, оставив в темноте подожженное молнией одинокое дерево. Горы не было видно. Казалось, этот красный факел пылает высоко в небе.

Утро. С Бардама видны глубокие синие ущелья, далекие гольцы в бледном небе, бескрайние густо-зеленые леса с первыми вкрапинками желтизны, а прямо перед нами, в широком распадке, недвижимо лежит плотное, снежно-белое, нетающее облако. Где-то вдали выстрелили, и эхо повело себя необычно — оно нарастало, ширилось, а потом внезапно оборвалось, как недозвучавшая басовая струна.

Поймали и заседлали лошадей, тронулись. Зора Татур сидела в седле боком и громко досадовала, что нет у нее длинного платья, — вот было бы эффектно! Я спросил:

— Значит, славные парни у вас на Пыже?

— Еще бы! Витя Игнатенко, Витя Резниченко... Один Коля Печкин чего стоит!

— Это тот самый Печкин, без рубахи?

— Он.

Я вспомнил, как Виталий Парфенов рассказывал мне об этом Печкине. Приехал он в Кедроград из степного Алтая, нанялся плотником. Работал неплохо, но частенько закладывал. И была у него одна странность, к которой кедроградцы, правда, скоро привыкли, — Коля Печкин ходил без рубахи. Всегда — летом и зимой, в жару, в дождь и снег. То ли он хотел быть оригинальным, то ли хвастался своим мощным торсом и ножевыми шрамами на ребрах — неизвестно. Виталий однажды спросил его в общежитии:

— Ну почему ты без рубахи всегда?

— Я, может быть, кому мешаю? — вежливо отозвался Коля, отложив в сторону гитару, на которой он вечно что-то тренькал. — Мешаю?

— Да нет, — засмеялся Виталий. — А все-таки?

— А ну вас! Приходишь в магазин — никакого выбора: водка есть, рубах нет.

— Я б тебе давно привез из Горного — только скажи. Да и пить ты стал поменьше, чем в первое время. В комсомол у нас не думаешь вступать?

— Меня не примут.

— Почему?

— Я запятнанный. В драках участвовал, — видишь шрамы?

— А я думал, что тебя корова. Ну, а еще что?

— Без рубахи хожу. Пою все время. Нет, не уговаривай!

— Есть еще причины?

— Есть. Я — вольный человек. Хочу — здесь, хочу — еще где-нибудь.

Разговор этот ничем не кончился. А когда началось отселение на Пыжу и Коля стал проситься туда, Виталий сразу согласился: такие богатыри, как Коля, в Обого пригодятся, а водки там не будет. Зора Татур рассказала мне сейчас, что Коля тут работает хорошо, но уж больно говорлив. А весной, когда пали дороги и работа настоящая еще не началась, Коля Печкин стал проситься в отпуск.

— На мать только гляну, — уговаривал он Титова. — И назад.

Отпустили. Его не было около месяца. Вскоре Обого было совсем отрезано от внешнего мира, и Колю Печкина ребята уже не ждали. Однако он пришел, пробравшись через глубокие сырые снега и коварные разливы таежных речек. Притащил на себе огромный мешок, набитый колбасой и консервами...

Мы быстро спускались в долину Пыжи — река делает к Суучаку пологий изгиб, а мы пробрались напрямки. Вот и Обого — несколько домишек в густом ельнике и дюжина палаток на крутом косогоре. Отсюда начинается освоение самого богатого кедроградского массива.

Новую историю Пыжинской тайги открыли трое: лесничий Евгений Титов, его помощник Георгий Кащеев и

молоденький паренек из Подмосковья Володя Матвеев. Они всю зиму давали тут жизни браконьерам. Потом прибыла хорошая подмога. Ребята пригнали сюда по зимнику два трактора, завезли продукты, цемент, пилораму. Не через Бардам ли? — спросите вы.

Нет, это невозможно. Сорокакилометровый путь через этот перевал самый короткий, но зато самый трудный. Из Уймени можно попасть в Обого и другой дорогой — через поселок Иогач, что на берегу Телецкого озера. Эта дорога в два раза длиннее первой, она огибает хребты, и по ней можно гнать тракторы.

Мы попали, как говорится, с корабля на бал. Все население поселка собралось у тракторов. Одна из машин совершенно «раскулачена». Другая в порядке, но у нее намертво отказал мотор. А трактор нужен позарез: на полпути из Иогача, там, где кончается хорошая автомобильная дорога, лежат так необходимые сейчас двенадцать тонн цемента, сварочный аппарат, рация, подковочное железо, кузнечный инструмент. Был один выход — переставить мотор. Но как это сделать? Нет под рукой ни лебедки, ни тали. Двигатель весит тысячу семьсот килограммов. Тракторы стоят поодаль друг от друга. Что придумать?

И если бы я сам не участвовал в этой египетской работе, никогда бы не поверил, что такое возможно. Нас было человек двадцать, а в успех этого дела верил один Виктор Игнатенко, тракторист. Спокойный высокий парень, сын Героя Советского Союза, выросший в партизанском отряде, он приехал сюда из Днепропетровска с двумя друзьями — Виктором Резниченко и Сашей Гузиенко. У друзей есть общее прозвище — «Енки». И когда Игнатенко предложил подтолкнуть один трактор к другому, первым взялись за ржавые траки его друзья.

Мы вцепились в тяжеленную мертвую машину, жиманули дружно, и трактор, загремев своими железами, пошел. Двигатели теперь располагались рядом. Потом выпилили три бревна и, надежно скрепив их сверху, сделали прочную треногу. Подвесили на ней петлю из толстого троса и туда завели огромную, метров в пятнадцать длиной, лесину. С помощью этого рычага сняли на землю один двигатель, а на его место поставили другой.

Вскоре трактор зачихал.

А как тут другие дела? По дороге Женя Титов рассказал мне, что новоселы залили фундамент под лесопильный цех, подвели под крышу огромный типовой амбар, заложили два дома, а весной успели собрать из-под снега и обработать сорок тонн ореха. Но все это, как выяснилось на месте, было каплей в море — неразрешимые противоречия тормозили развитие нового производственного участка. Пуск пилорамы резко ускорил бы строительство, но не хватило цемента для ее установки. Плотники по такой погоде многое могли бы сделать, но стояла горячая сенокосная пора, и, чтобы не пришлось зимой забивать лошадей, все вышли на сенокос.

Тягот тут немало, хотя через год-два, мне кажется, все это будет вспоминаться с юмором и даже удовольствием. Уже сейчас стенная газета «Шишка» настроилась на этот тон. В газете много разных рубрик, и все они ведутся с улыбкой, без которой, наверно, тут было бы в десять раз тяжелее. В «Кедроградской энциклопедии» говорится, например: «Баня по-черному — устройство, куда входишь серый, выходишь черный», «Мясо — медведь без шкуры». Вместо того чтобы написать, что за год никто из уйменского начальства здесь не побывал, они сообщают в разделе «Главные события»: «6—7 августа 1961 года Г. С. Титов обогнул 17 раз земной шар. 6 августа 1961 года исполнился год, как был в Обого наш директор». Своих главных врагов в Пыжинской тайге — промкооператоров и лесохимиков — они окрестили презрительно «промзверь» и «химдым», а против болтунов выбросили лозунг из дневника Василия Кубанева: «Кто имеет что сказать, тот молчит». (Этого талантливого, безвременно погибшего поэта, как я выяснил, многие здесь знают наизусть.)

Фануз Ахмадиев, дипломник Бийского лесного техникума, в палатку к которому меня поселили, рассказывает вечером:

— Я сюда на практику приехал — уж очень интересное дело затевается. Проработал три дня — все идет нормально. И вот вдруг замечаю — что-то готовится, все втайне от меня шепчутся. Гляжу — Зорка Татур достала последние сухофрукты и варит два ведра компоту. И кроме того, завела оладьи. Во время ужина вдруг поднимается Женя Титов с кружкой компота в руке, толкает речугу и торжественно вручает мне меховые рукавицы. Все

орут, а у меня слезы. Дело в том, что заглянул кто-то ко мне в паспорт, а у меня в этот день — двадцатилетне. Я ведь сроду не праздновал свои дни рождения — у меня жизнь такая, что не до этого. Я для них все готов сделать. Вы не спите?

— Нет.

— Завтра у нас Большой Костер.

— У вас что, так называются общие собрания?

— Ага...

Утром я услышал сквозь сон скрипучий, заунывный голос, старательно и самозабвенно выводящий:

А путь дале-е-о-о-ок и до-о-о-ло-о-а-а-ак!

Я перевернулся в спальном мешке, однако голос снова повторил эти слова, безбожно перевирая музыкальный рисунок и до невозможности затягивая гласные звуки. Досадно было, что хорошую песню так калечат. Тоже мне певец! Я снова стал засыпать, но тут раздалось совсем рядом, казалось — над самым туго натянутым пологном, через которое едва брезжил рассвет:

А наш путь и далек и долог!

Голос был так же противен, а песня так же испорчена.

Захотелось ругнуться. Я снова заворочался в мешке, а Фануз Ахмадиев вдруг сказал свежим и ясным голосом:

— Теперь уже все.

— Что?

— Не заснешь. Он это нарочно уродует песню, чтоб мы от злости не могли заснуть. И так каждое утро, как мулла на мечети...

— Кто это?

— Генка Спирюшин. Он раньше всех встает.

Об этом человеке я тоже слышал еще в Уймени. Виталий рассказывал мне, что пришло однажды в комитет комсомола письмо из Волгограда — пишет какой-то парень, что был активистом, работал в бригадмиле, потом его покалечили хулиганы, а друзья забыли. Он лежал в больнице, а к нему даже за взносами не приходили. И он разочаровался в комсомоле, а чтобы восстановить свою веру, просился в Кедроград.

— Обсудили мы это письмо на комитете и решили не отвечать,— говорил Виталий.— Уж очень он легко разочаровался. И вообще, некоторые считают, что у нас что-то вроде исправительной колонии. Однажды газета «Труд» напечатала фельетон про тунеядцев, и в нем мы с возмущением читаем, что один московский райком предложил какой-то гулящей девке поехать к нам,— мы это за оскорбление сочли... Так вот, о том письме. Захожу один раз в общежитие знакомиться с новичками. Расспрашивают, что и как. А один сидит в сторонке и помалкивает. «Откуда?»— говорю. «Из Волгограда»,— отвечает он. «Было у нас письмо оттуда, от одного чудака — в комсомоле он разочаровался». Новичок говорит: «Это я писал. За откровенность извините, но я верил вам». Ну, приняли его, куда же денешься?..

И вот Спирюшин здесь, и Фануз Ахмадиев рассказывает о нем:

— На месте Генка не может сидеть, вкалывает за всех. Объявляется перекур, все отдыхают, а он на кедру лезет — шишек ребятам набить. Вечером все по палаткам, а он грабли сидит чинит. Сейчас студентов опекает, а они тянутся к нему. И вообще чудо-парень. Только вот голос у него... Идемте завтракать?

После завтрака мы полезли на другой косогор копнить сено. Со Спирюшиным мне там не удалось поговорить — полянка от полянки далеко, а мы попали в разные концы косогора. Перед обедом я дождался, пока он утопчет и завершинит большую копну, пошли вниз вместе. Поговорили немного. Он плохо, шепеляво выговаривал слова — бандитская пуля попала ему в шею и вышла через рот, поранив язык. Но лучше всяких слов говорили о нем его выразительные, доверчивые и умные глаза. Он был без рубахи, и я испуганно подумал: не новая ли это мода нарождается?

И с Печкиным встретился. Он сидел без рубахи на сарае, свесив ноги в пролом крыши, бренчал на гитаре и пел. Но вот он увидел меня, спустился вниз, пал на одну руку, выжался несколько раз, спросил:

— Надолго к нам?

— Завтра на север, в Иогач. Были?

— Я везде был. И на юге, и на севере.

— И все так же, без рубахи?— засмеялся я.

— С топором нигде не замерзнешь.

К вечеру Зора Татур написала объявление о Большом Костре. Приглашались все — повспоминать, порассуждать, помечтать. Объявление спрашивало о самой большой трудности, которую ребята здесь пережили, о поступках, что они считают ошибочными, о том, что они здесь поняли и чему научились и как представляют себе будущее.

Беседа у костра сразу приняла очень своеобразный характер. Кедроградцы выросли из распашонок, они тонко, но ясно дали понять организаторам беседы, что на большинство вопросов у них готовы короткие ответы и такого содержания, которое всех устраивает. Они сидели у костра, щелкали орешки. Я заглядывал им под козырьки, а они спокойным своим видом будто говорили: «Верим ли мы в Кедроград? Понятное дело,— иначе нас тут бы не было. Будущее? Хорошее. Были ли ошибки? Конечно, были, как у всех, только вспоминать о них неохота. Надо о деле поговорить, а то уже поздно — завтра рано утром Генка Спирюшин завоет».

Потом «Енки», сидящие кучкой, стали поталкивать Виктора Игнатенко: говори, мол. Виктор бросил недогрызенную шишку в костер, набрал воздуху и сказал:

— Трудности какие? Работаем и работаем, как везде.

И смолк. Взял слово Коля Печкин:

— Были моменты, когда я чуть с ума не сходил.

— Почему?— спросили его.

— Из-за начальства. Оно должно быть железным, а не мягким, как Женя Титов.

— Но ведь Женя на сознание жмет!— возразили ему.— Мы сами должны понимать: каждый из нас и начальник, и рядовой руководитель, потому что вместе строим.

— Не согласен,— гнул свое Печкин.— Мы, рабочие, должны выполнять. Нам нужны точные указания и палка, а начальство обязано такое указание дать и потом размахивать палкой.

Его разбили в пух и прах, но Коля не сдавался:

— Рабочий ведь работает из-за денег! Что он делает — это не так важно. Деньги все решают, деньги! Заплати ему побольше — он тебе Бардам срсет.

И снова на него все обрушились. Потребовали ответа на вопрос, почему он на сенокосе становится за

слабым косцом, быстро догоияет его и садится отдыхать.

— А я в эту траву ие верю!— сказал Коля.

— Надо брать прокос товарища, а не демагогию разводить!

— Не верю я в эту траву,— повторил Коля.

— Так зимой же придется лошадей забивать!

— Вот и хорошо — мясо будет. Трава эта — пшик. Вот я бревио положу в сруб и зиаю, что оио сто лет пользу давать будет...

Опять буря. А Коля стоял, освещеииый пламеием костра, и улыбался, иесказаиио довольиый тем, что ему удалось разжечь этот спор, во время которого ребята еще лучше поияли друг друга и еще раз задумались над тем, зачем оии здесь. И о Коле Печкиие забыли, когда иачали говорить о том, что вставать иадо еще раньше, чтобы не косить в жару, что литовки плохие, что следует разделиться иа группы и брать отдельные елаии. И вот все обсудили и все сплаиировали и собрались уже поздней иочью попеть песии — снова подал голос спрятавшийся в теиь Коля Печкин:

— Сейчас споем, конечио, но я хочу сказать о себе. Кто-то тут предложил мие сматываться, если я ие согласеи с приицииами. Куда я от Генки Спирюшииа и Витьки Игиатенко поеду? Людей лучше, чем в Кедрограде, иигде нету, и меия отсюда трактором ие вытащишь... А с принципами, если кто меня ие поиял, я согласеи...

Потом заговорили о комсомольских делах, и вдруг выясиилось, что комсорга у иих с самой весиы иет. Единогласио решили — утвердить Геинадия Спирюшина. Коля Печкин сказал:

— Я, правда, беспартийиый, ио мое мнеиие — тоже Геику. А почему? Когда мы лесину подиимаем, ои лезет под комель. А то был у иас в армии комсорг — все иоровил лучшую портяику себе...

Дорога к озеру. Телецкое. Снова мечты. Новый «робинзон». Подвиг в горах.

Назавтра я выехал в Иогач, к Телецкому озеру. Провожавший меня Жеия Титов просил:

— Напишите, чтобы приехали к нам сильные ребята, а не такие, что хотят себя проверить, сильные они или нет... Когда будет проект готов?

— Скоро.

— Ждем... Ну, я попрощаюсь,— Женя протянул мне руку.— С этой дороги никуда не сворачивайте. За перевалом она пойдет вниз, вдоль реки. Тут всего сорок километров.

— Бродить много?

— Тридцать один раз. Сам считал. Но сейчас там везде курице по колено. Прощайте.

Перевал оказался не слишком тяжелым, но перед седловиной начался проливной дождь. Грязная, каменистая тропа, к которой здесь я постепенно привыкал, полого пошла вниз, стала перебегать с одного берега небольшой речушки на другой. По склонам пошли вырубки, такие же страшные, как в Ивановом логу, потоки дождя размывали на них землю до глины, и вода в речонке была желтой. А дождь все сыпал и лил, каким-то образом проник сквозь мой непромокаемый плащ. Хорошо бы сюда легкий водолазный костюм!..

Медведей я не боялся. Может быть, потому, что в Обого их сырые шкуры распялены на всех стенах — там этих зверей давят в петлях. Кроме того, в тайге я был не один. На перевале встретил вздымщиков. Они заканчивали в этих местах подсочку, уступая леса новым хозяевам. У одного из бродов через речку Иогач — новое знакомство. Навстречу мне, в горы, двигался маленький караван московских энцефалитчиков — юный бородатый паренек, затянутая в глянцевитый кожаный костюм девушка и проводник. Перед самым Иогачем работали дорожники, проектирующие кедроградцам транспортные пути, и топографы. Тайга жила...

Мысленно я был уже на Телецком озере. Долго я готовился к встрече с ним и боялся этой встречи, потому что результатом слишком больших ожиданий часто бывает разочарование.

И вот оно. Вечерело, воздух был сырым и мутным, открывшаяся мне белесая гладь озера ничего не отражала. Темный, неприютный поселок обступали невысокие горы, затянутые в зыбкий туман. Единственное, что привлекало на озере,— его манящая даль. Я разыскал дом, что арендуют здесь кедроградцы, и вдруг увидел в махонь-

кой комнатушке... Виталия Парфенова. Он, оказывается, поехал проверять Телецкое лесничество и смотреть озеро — ведь все западное его побережье входило в территорию нового хозяйства.

Утром мы выехали на моторной лодке «вверх». Вот и середина озера. Я совсем освоился на воде, но озера пока не видел — смотрел только вперед, в ту самую манящую дальнюю даль.

Но вот я медленно огляделся вокруг и увидел его. Спокойные, глубокие воды были со всех сторон окружены зелеными горами. Своими хребтами горы необычайно четко и контрастно обрывали со всех сторон голубое небо. Вода, горы и небо — вот все, что я увидел, но этого было достаточно, чтобы сердце похолодело от восторга. В сочетании красок и величин сквозили такая простота, свежесть и спокойствие, что глаз не хотел никакой усложненности, никаких подробностей, ничего другого; озеро казалось тем уголком земли, которого тебе не хватало всю жизнь.

Наваждение медленно отходило, я снова стал слышать. К тарахтению мотора добавилось тяжкое хлопанье волн, нам навстречу дула «верховка» — сильный, направленный, как в аэродинамической трубе, ветер, который так перебалтывает зимой воду в южной части озера, что, несмотря на морозы, не дает ей затянуться льдом.

Берега озера круты, много отвесных, неприступных стен. Слои известняков лежат вкривь и вкось, а иногда стоят вертикально и острыми ножами спускаются в воду. Кой-где виднеются небольшие гроты и пещерки, ворота, каменные круглые лбы, о которые, искрясь, разбиваются зеленые волны. А перед поселком Яйлю пошли отвесные скалы из белого мрамора. Тут его миллионы тонн, и со временем, конечно, эти горы сломают на украшение сибирских городов. Канатными дорогами можно очень дешево спускать мрамор прямо в баржи. Мы с Виталием отломили на память по кусочку мрамора и помечтали о том, что неплохо бы облицевать будущий Кедроград белоснежной мраморной плиткой...

А на самом юге озера ждала встреча с необычным человеком, о котором я давно уже наслышался всяких россказней.

...Это чрезвычайное событие произошло на озере в 1926 году. Среди лютой зимы пробрался к истокам

Бии русский юноша. От Бийска он на попутных подводах, а где и пешком преодолел триста километров и сейчас рвался куда-то дальше. Он был очень странным, этот парень,— сторонился людей, когда заговаривали с ним, не отвечал. Документы его были в порядке. Пришельца звали Николаем Смирновым. На официальные вопросы он нехотя сказал, что пробрался сюда из Томска.

Цели своего приезда он не мог объяснить и на все уговоры вернуться упрямо клонил голову, сосредоточенно молчал. Был февраль, стояли лютые морозы, и охотники не рисковали уходить далеко в тайгу. По озеру всякое движение давно прекратилось. Северная его половина лежала подо льдом, а на южной бушевали шторма, гоняя от берега к берегу тяжелые льдины.

Он все-таки ушел, безразлично отмахнувшись от непрошеных советчиков. Ушел по льду на юг, к неспокойной, штормовой части озера. До самой весны никто не знал, что с ним. А когда лодки смогли пройти снизу до устья Чулышмана, о пришельце рассказал рыбакам лесник-алтаец, живущий на одиноком кордоне. Неизвестный юноша, по скалам добравшийся до верха озера, пожил у него, пока не стало тепло. И недавно снова ушел водой, починив старую лодку.

— Куда?

— Не знаем. На лодке долго плавал, место искал.

— Что он делал у тебя?

— Работал всякую работу и еще просил.

— Зачем он приехал?

— Он знает, а я не спрашивал. Приехал — пусть, однако, живет.

Человек долго не может один. Николай Смирнов стал появляться в алтайском селении, что располагалось в тайге, неподалеку от озера. Во время одного из таких отъездов алтаец разыскал его новое пристанище. Напротив горы Алтын-Ту глубоко врезался в хребты Кыгинский залив. Каменные громады защищали со всех сторон плавную лагуну от ветров и штормовых волн. Здесь, на маленьком лесистом полуострове, алтаец увидел под старым кедром плотный шалаш и следы работы человека — прорубленную на полянку тропу, стронутые камни. На кустах сушился небольшой бредень. Алтаец успокоился и поспешил уехать — нехорошо тревожить жилище че-

ловека в его отсутствие и, может быть, против его желания.

А Николай все чаще бывал у алтайцев. Неторопливо, вдумчиво беседовал с древними стариками. Он не был этнографом, лингвистом или историком. Просто начал испытывать интерес к людям этого маленького, нетребовательного и щедрого народа. Однажды он понял, что алтаец, поющий о горах и тайге, о солнце и быстрой речке,— это не примитивный, ограниченный дикарь, а богатый, красивый человек, полной мерой черпающий счастье в окружающем его мире.

Пришелец был слишком молод, чтобы беседовать только со стариками. И вот настал момент, когда он привез к себе в шалаш шестнадцатилетнюю девушку-алтайку. Молодожены обмазали шалаш глиной, сбили печь и так прожили год. Это был тот самый «рай в шалаше», над которым со времен Адама и Евы принято подсмеиваться.

К рождению первого сына Николай Смирнов с помощью новых родственников поставил домишко, завел ружье, собаку. Работал он, пока не падал от усталости,— дробил на полуострове камень, таскал с гор землю для огорода, привез из бывшего монастырского сада на Чулышмане саженцы, построил сарай. В 1932 году Западносибирское отделение гидрометеослужбы решило открыть в верховьях Телецкого озера свой пост, и Николай Смирнов согласился работать смотрителем здешних вод и контролером температур.

...Мне давно уже хотелось побывать в Кыгинском заливе, где живет человек, поселившийся там за два года до моего рождения. С Николаем Телегиным мы, помню, покружили на вертолете над избушкой Смирнова, но сесть было негде — горы круто падали в озеро.

И вот перед нами развернулась широкая, похожая на Пицундскую, лагуна. Горы, обрывистые и дикие,— куда делась их завершенность и плавность?— легко, крепко держали чашу озера. Между пятью мощными отрогами Золотой горы — Алтын-Ту — лежали облака, и они казались неподвижными, потому что до них было далеко.

Я уже смотрел туда, в залив, на полуостровок, покрытый густой, кудрявой зеленью. Серо-синяя полоса гальки перед ним была покрыта белыми, до блеска отшлифован-

ными, древесными стволами, сучьями и корневищами. Все это ничейное добро было собрано в аккуратные пирамиды, на добрый километр протянувшиеся вдоль берега. Кроме этих впрок заготовленных дров, не было видно никаких признаков человека.

Лодка воткнулась в гальку, и тут же из-под деревьев вышел навстречу сам хозяин этого полуостровка — Николай Павлович Смирнов, высокий человек с начинающей седеть головой, в сапогах и грубой холстинной одежде. Просто и с достоинством поздоровался. Рука у него огромная, шершавая, спокойная. Спокойны и карие внимательные глаза.

Тропинка ведет мимо огромного кедра. Он здесь один. Его плотная крона осеняет несколько сосенок, березовую рощицу и густой таежный подрост. Кедр растет свободно, величаво, толстые корневища плотно оплели большой серый камень и оторвали его от земли.

— Такой же,— говорит Смирнов, заметив направление моего взгляда,— такой же, как тридцать пять лет назад.

Вдруг я остановился, пораженный. Вдоль прибойной галечной каймы тянулась длинная гряда камней. Среди них были очень крупные. Я их заметил сразу, как только вышел из лодки, но не обратил особого внимания — камни и камни, мало ли их тут. А сейчас мне показалось, что эти каменные глыбы лежат чересчур правильно, настолько ровно и плотно, что стихийные силы, видно, тут были ни при чем.

— Это — вы? — спросил я Смирнова.

— Конечно.

Неужели все-таки это сделал один человек?! Сколько же надо было пролить здесь пота, сколько набить кровавых мозолей, сколько раз согнуться и разогнуться, чтобы возвести такую массивную, тяжко осевшую в землю гряду?! И мне подумалось, что эту насыпь ни бульдозер не сможет сдвинуть — так она тяжела, ни экскаватор вычерпать — самый крепкий ковш обломает тут зубы. Какая мощная демонстрация слабых сил человеческих!

— У меня же другого выхода не было, молодые люди, — сказал Николай Павлович.— Весь этот полуостров нанесла речка Чири — вон она, за лесочком орет. Сколько живу тут, столько и таскаю эти камни — место надо бы-

ло освободить... А вон, видите, лесок на горе? Вон еще полоска, вон куртинка круглая, вон — в виде треугольника. Моя работа...

Мы прошли по тропинке в глубь полуострова, и вдруг в нос неожиданно ударил нездешний, южный запах. Небольшой домик Смирнова был окружен прекрасно возделанным садом. Яблони, сливы, вишни, черноплодная рябина, пышное дерево грецкого ореха. Урожай созрел, и Николай Павлович пригласил нас отведать яблок сибирских и южных сортов. Земля под ногами пущистая, бархатисто-черная, должно быть не раз пересыпанная и взрыхленная.

— Это у меня грушовка московская,— знакомил нас Смирнов.— Это розовая-превосходная, это боровинка, а вот антоновка... У меня ведь много друзей-садоводов. Мы переписываемся, черенки и семена друг дружке пересылаем. А вот на той террасе,— махнул он рукой в горы,— растет особая яблонька. Я назвал ее просто «сеянцем», но в ее плодах почему-то в шесть раз больше микроэлементов, чем обычно. Мой «сеянец» за это уже где-то в научной статье описан...

— Можно на него посмотреть?

— А почему нет?

Мы поднялись по узкой тропе высоко в гору. Она была настолько крутой, что мы попросили отдыха. Смирнов засмеялся:

— Эх, молодежь! Знаете, у нас тут недалеко перевальчик есть, так вот геологи и туристы ходят через него за шесть-семь часов. А я — три часа пока. И сыновья у меня такие же ходоки... А эту тропу я два года в скале вырубал — уж очень соблазнительная, теплая терраска образовалась тут. Сейчас посмотрим...

Этот шестидесятилетний человек строен, как юноша, и легок на ногу. Чувствуется в нем сила, целеустремленная и нерастраченная. Его можно принять за профессора на даче, который поиграл в теннис, только что выкупался и сейчас встречает друзей. Только руки не профессорские — кожа с тыльной стороны ладони толстая и грубая, собравшаяся в складки, как это бывает у старых рабочих.

На террасе было безветренно, жарко, солнечные лучи падали отвесно. Видно, что и сюда он тоже таскал землю. Чтобы удержать ее на крутом склоне, Николай Пав-

лович перетащил снизу многие тонны серого плитняка и выложил из него прочные и ровные подпорные стенки. Здесь росли яблони, тыква, картошка. Цепляясь за палки, стояли помидорные кусты с крупными плодами. Вот Смирнов нагнулся к грядке и выудил из крупнолистной зелени... арбуз. Да, самый настоящий, тяжелый, полосатый арбуз! Хозяин разбил его на камне, и мы с удовольствием пожевали прохладную, сочную мякоть.

Раньше Смирнов представлялся мне каким-то отшельником, нелюдимом, своего рода робинзоном новейшего времени. А «робинзон», как оказалось, выписывал четыре газеты, к нему далеким путем, через Чуйский тракт и Чулышманскую долину, шла почта, посылки, у «робинзона» было немало знакомых среди ученых и литераторов.

За обедом я снова обратил внимание на его руки. Они лежали на столе, тяжелые и неподвижные.

— Весной тридцать шестого,— рассказывал Николай Павлович,— снега завалили горы, и сразу после снегопадов — жаркая погода. Наша Чири заревела зверем, потащила камень, большая протока пошла тем местом, где огород сейчас. Домишко наш снесло, и мы с детьми дрожали больше суток на островке. Начал я все сначала. Работать в то лето даже ночами приходилось. Когда луны не было, костер жег... Ну, жена, Дора Захаровна, помогала, конечно. Она у меня молодец!

Зардевшаяся хозяйка накрывала на стол, и было в ее манерах что-то молодое, не исчезающее со временем. Что это — черты былой красоты или не побежденная годами любовь?

— Многие дети в нее пошли — особенной красоты. На Анку вон посмотрите — какой-нибудь кинорежиссер с ума бы сошел.

Девочка была действительно прелестна.

— А где ваши остальные дети?

— Мать! У нас тут спрашивают, где наши остальные. Ничего себе остаток... Первенец наш, Павел, служит на Дальнем Востоке. Владимир — здесь, на озере. Лесником. Любовь — синоптик в Новосибирском аэропорту. Надежда ветеринарным фельдшером работает в Чергинском совхозе, что на Чуйском тракте. Ирина — в Горно-Алтайске, воспитательница в детском саду. Георгий — моторист на турбазе в Артыбаше.

— Наталья в Иогаче живет,— помогла мужу Дора Захаровна.— А ее муж, Анатолий Пыженикин, в Кедрограде работает. Татьяна тоже недалеко отсюда, в колхозе. Анна с нами пока, а остальные учатся в интернатах и национальных школах — Ольга, Олимпиада, Зина, Олег.

— Еще был сын Николай. Умер в сорок восьмом. Но после него второй Николай народился, одиннадцать лет ему уже...

Потом Виталий Парфенов спросил:

— Сколько же у вас всего их?

— А еще вот эти — Людмила и Вера. Последние. А всего семнадцать было...

Мы с Виталием молчали, ясно осознавая свое ничтожество,— у нас с ним было только по одному ребенку.

А после обеда вышли к озеру. Наступал вечер. Залив мерцал блестками старого серебра. Потом побежали по воде бордовые блики, а к темноте озеро стало, сделалось похожим на мокрый асфальт. Я все думал о Смирнове. Зачем он сюда приехал тридцать пять лет назад? Возможно, он, как говорится, «бежал от цивилизации»? У человека, совершившего такой поступок, можно было бы предположить также религиозный заскок, однако Николай Павлович был атеистом — он это сам сказал. А не сыграло ли здесь свою роль юношеское романтическое настроение? Или увлекся идеями Генри Торо?..

Понимая особую деликатность этих вопросов, я утром все же постарался уединиться со Смирновым. Было очень рано. Лежала сизая роса. Слюдяная поверхность озера была недвижимой. Мы долго говорили о детях, об озере, о Кедрограде, Николай Павлович обещал помочь молодым кедроградским садоводам советами, черенками и семенами.

— Я один — и вон что сделал, а вас там сколько?

— Человек четыреста сейчас,— сказал я.

— Если дружно взяться — сказку можно сделать на этой земле! И как хорошо, что молодые берутся за природу! Ведь она же для всех, то есть коммунистична. А сколько людей еще не понимают ее смысла и ценности! Дай волю — какие начнут дикие потехи тут устраивать! На днях получаю письмо из Москвы. Работники одного очень солидного учреждения прослышали, что я тут живу, и пишут: у вас, мол, ликвидировали заповедник, и по-

этому сообщите, что там можно пострелять... Оружие, дескать, мы достанем любое и разрешение тоже. Каковы? А вчера какой-то дурак палил по косяку улетающих журавлей. Зачем? Пусть летит птица...

— Да, это так.

Потом Смирнов долго ругал туристов — они гадят на берегах озера, нагромождают в лучших хариусных тонях горы консервных банок, рубят ценные прибрежные деревья, нахально сжигают в кострах щиты с надписями, предупреждающими, чтобы гости озера вели себя как люди. Николай Павлович заканчивал разговор, а я все еще не спросил, зачем он сюда приехал тридцать пять лет назад.

— Я думаю, что кедроградские ребята наведут здесь порядок! — убежденно сказал Смирнов.— Между прочим, их идея хорошо подходит к хозяйственному укладу и навыкам алтайцев, шорцев, тувинцев... Да, природа требует внимания — тогда она вернет все...

— Вы доказали это. Хотя я представляю, как вам было трудно.

— Нет, вы этого не представляете. Надо самому все испытать — тогда поймешь.

— А когда было труднее всего?

— Самое трудное — ответить,— улыбнулся Смирнов.— Всегда. Однако добраться сюда зимой было, пожалуй, тяжелее всего.

— А как это вы решились? Какая цель была?

— Не думайте ничего лишнего,— опять улыбнулся мой собеседник.— Цель была очень прозаическая. Болел я, долго лечился, а один старик врач сказал: «Вас, юноша, может вылечить только природа».— «И все?» — спросил, помню, я. «И труд». Поехал я из Москвы на Байкал, подальше от больших городов. За год другим человеком стал. В армию меня взяли. Почти отслужил срок в Томске, а тут снова со мной неладно. Я — сюда. Потом мне стало хорошо, учиться захотелось — я ведь в Москве успел два курса рабфака кончить. Но женился, дети пошли. Куда с моим детсадом тронешься? Так и остался... Можно тут жить. Только опасаюсь еще одного камнепада. Видите, как Чири скалу подточила?

Я глянул вверх и ахнул,— как это я не заметил раньше, что скала столь угрожающе нависла над полуостровом? Сказал:

— А я так спокойно спал! Ведь она может каждую минуту рухнуть!

— Может,— подтвердил мой собеседник.

— Почему же вы не отселитесь?

— А может, она еще тысячу лет провисит...

Мы уезжали при ясной погоде, только с запада заходили плотные облака. За ночь на гольцах выпал снег, и Алтын-Ту наградила нас на прощанье незабываемым зрелищем. Наплыла на Золотую гору дождевая тучка и пролилась, закрыв ее прозрачной пеленой. Сквозь нее было видно три ярких, контрастных цвета — темная зелень тайги, золотая полоса лишайников и белая снеговая тюбетейка на вершине. Вдруг откуда-то со стороны ударили солнечные лучи, пронзили дождевую кисею и волшебно освежили краски на горе, словно протерли спиртом старую дорогую картину.

Отроги Алтын-Ту еще долго теснились в небе, будто хотели сказать какие-то недосказанные, заветные слова.

Последняя поездка. Живица.
Кедроград быть!
Первыми в Сибири. Семена в земле.

Из Иогача мы с Виталием Парфеновым отправились в Уймень — это была последняя моя поездка по кедроградской территории. На тропу уже опустились первые листья, будто гуси прошли перед нами, оставив следы от лап, перепачканных в охре. В лесу с Виталием интересно. Любую птицу он узнает по гнезду, помету, яйцам, свисту, перу. И он постоянно думает о том, как использовать бесконечное разнообразие таежных форм и приспособлений.

— Слышишь, канюк кричит: «Пить! Пить!» К дождю. Полезная птица, мышей уничтожает. А это ястреб-санитар. Вроде бы злая птица, пташек шерстит — только пух по ветру. Но забыл, в какой стране, в Норвегии кажется, выбили ястреба — и остальные птицы, друзья леса, передохли. Он выборочно ловит, больных.

— Как же он диагноз ставит?

— По полету узнает... Гляди, гляди! Ты слышал когда-нибудь, что за грибами надо лезть на дерево?

Я глянул и ахнул: на старой безвершинной березе с омертвевшими ветками — сплошное желтое покрытие, будто столб вываляли в желтой липкой пене. Мешка два опят, не меньше.

— Дожирают,— сказал Виталий.

— Чего-чего?

— Дожирают дерево. Это же самый вредный гриб — опенок. Готовить его будем...

В урочище Нижняя Часта, где год назад работал по снегу Саша Шелепов, мы осмотрели заподсоченный кедрач. Кедровая живица — прекрасный исходный продукт для получения скипидара и канифоли, применяемых при производстве лаков, камфары, мыла, бумаги. Живица помогает ученым видеть самое большое и самое малое — прозрачным, не преломляющим лучей кедровым бальзамом склеивают линзы в телескопах, а капелька иммерсионного масла чудесным образом просветляет микрообъекты.

Виталий рассказал мне, что у них в Уймени живет знаменитый алтайский подсочник Михайлов, который разработал такой метод добычи живицы, что его карры вот уже двадцать лет дают максимальный выход смолы из стволов, а деревья нисколько не страдают.

Побывали мы и на опытных рубках. Ничего подобного нет пока нигде в Сибири. Ребята давно знали о методе костромского лесоруба Геннадия Денисова, который берет из леса древесину, не губя молодняк, не допуская перерубов. Решили попробовать у себя. Но для горных условий рекомендации Денисова не годились. Молодые инженеры сами нашли оптимальную ширину лесосеки и волока, долго учили вальщиков строго соблюдать угол падения дерев. Сейчас остается весь пихтарник и кедровый самосев, лесосеки чистые, и по волокам не размоет овраги, выработка увеличилась, и заработки тоже. Если кто из сибиряков заинтересуется подробностями, ищите их в специальной литературе, где о методе кедроградцев написал Виталий Парфенов.

И вот я снова в Уймени.

Недолго прожила тут молодежь, но как изменила она этот таежный угол! Открыта больница, детский сад, про-

ложены по поселку тротуары, и теперь девчата могут пройтись по улице в туфельках. Я вспоминаю первый свой приезд на Алтай, когда одну женщину, завязшую по пояс в грязи, тащили веревками. Потом двое каких-то мужчин до ночи лопатили это место, чтобы спасти сапоги. Не спасли.

В поселке полно детворы, работает школа. Когда последний раз приезжали кедроградцы в Москву, мы с ними купили ребятам хороший подарок — пионерское знамя, горн и барабан. Деньги — сто рублей новыми — прислал в мой адрес один московский инженер. Он пожелал, чтобы имя его осталось неизвестным, но просил так использовать его дар, чтобы юным кедроградцам жилось повеселей.

Спасибо, дорогой товарищ! Вы, как и многие другие друзья Кедрограда, доказали, что живет, не умирает в русском человеке его благородное бескорыстие, его готовность сделать доброе дело, причем так, чтобы об этом никто не узнал...

Из таких же добровольных даров собралась в Уймени библиотека, в которой сейчас более трех тысяч томов. Только С. Л. Михайленко, начальник цеха Азербайджанского трубопрокатного завода, послал четыре посылки с книгами.

В Доме лесной культуры собрана большая коллекция алтайских минералов, сотни видов насекомых, птиц, грызунов и других таежных животных, пухлые гербарии лекарственных растений. По сравнению с производственными задачами хозяйства все это кажется делом второстепенным, малозначащим, однако кедроградским коллекциям завидуют приезжающие сюда ученые, и ребята планируют на базе Дома развернуть большую работу с лесниками и охотниками. А работать есть кому — здесь только с высшим и средним специальным образованием около пятидесяти человек.

Ребята построили новый клуб, организуют там веселые вечера, а у кедроградского киномеханика лучшие в Горном Алтае финансовые показатели. Молодежь живет своей жизнью — дружит, влюбляется, играет комсомольские свадьбы, а некоторые терпеливо ждут любимых, как тут говорят, «из России»...

«Что же это за очерки? — скажет мне какой-нибудь ярый любитель конфликтов в очерковой литературе.—

Сплошная лакировка — никто не подрался, никто не перековался...»

Я могу только посочувствовать такому критику — драк в Кедрограде нет. Правда, начиналась заварушка, когда приехали «Енки» и один из них пришел на новогодний вечер с ножом. Как будто медвежатников, не раз смотревших в глаза смерти, можно было запугать этой железкой! Ноженосца быстро положили на пол, и он сам отдал оружие. «Зачем ты с ножом?» — спросили его на комсомольском собрании. «Я думал, вы все тут с финками». Долго обсуждали, отправить его по морозцу в Горно-Алтайск или нет. Решили оставить — не дойдет.

Нет, никакой лесной идиллией в Кедрограде не пахнет! Здесь такие же, как везде, люди. Вспоминают, как один заядлый демагог и крикун тряс на собрании залатанными брюками и вопрошал, когда же начальство даст возможность зарабатывать. Его спросили: «Сколько вы получаете в месяц?» — «Ну, полтораста рублей».— «А рабочие брюки сколько стоят?» — «Десять».— «Сколько у вас детей?» — «У нас их нет». — «Почему же вы ходите без штанов?»

Мой отпуск закончился. На гольцах уже выпал снег, и мимо белых вершин потянули в дальние страны журавлиные косяки. Огромная станица пролетела накануне моего отъезда. Она была так велика, что вся уйменская долина заполнилась голосами улетающих птиц, будто высоко в небе нестройно пробовали свои валторны музыканты большого оркестра. Стоя в толпе кедроградцев, я долго смотрел вслед птицам.

Когда наблюдаешь стаю журавлей, то глаз поневоле останавливается на вожаке. Он мерно и мощно машет большими крыльями и кажется крупнее остальных. Вожак лучше других знает дорогу, сам выбирает воздушные слои и первым встречает ветры. А последний журавлишка обычно машет слабо, неровно, часто, пытаясь не отстать от своих, которые не могут из-за него задержаться на своем дальнем и трудном пути... Но почему мы так плохо видим в косяке «рядовых» журавлей, которые и составляют косяк?

Я думал об этом, уезжая из Кедрограда. И решил, что напишу о своих встречах, не выбирая героев. Все они — и вожаки и «рядовые» — приехали в Прителецкую падь для того, чтобы создать культурное, прибыль-

ное хозяйство в кедровой тайге, не уничтожая ее. Они уверены, что зерна, брошенные ими в эту землю, дадут всходы, и щедрая во всем сибирская земля сторицей возместит их труды, что возникнут скоро новые лесные предприятия, по-современному, комплексно использующие таежные дары, и кедроградцы будут рады этому вдвойне, потому что они были первыми.

Возможно, кто-нибудь из молодых читателей захочет сделать их мечту своей и поможет ее осуществить? Доброго пути! Каждому найдется место в большом косяке кедроградской комсомолии, которому лететь далеко и долго.

Сколько леса в Сибири! Так хозяйствовать нельзя.
Кедр просит защиты.
Доброго пути, журавли!

Мне всегда трудно прощаться с кедроградцами. Каждый раз я обещаю приехать снова и знаю, что приеду. Мы всю последнюю ночь просидели у Виталия Парфенова. Говорили о Кердограде, о Сибири, о тайге.

...Привольно возлегла за Каменным поясом Сибирь — страна сказочной красоты и безмерных сокровищ. Бескрайней хвойной благодатью раскинулась сибирская тайга — величайший лес планеты, самое мощное проявление органической жизни на земле. Однако тайга еще не дождалась настоящего, рачительного хозяина. Проходят годы, снова и снова с болью и едва теплящейся надеждой вспоминаешь ослепительную лекцию Леонида Леонова — Ивана Вихрова о судьбе русских лесов...

Наивно сейчас звучал бы призыв: «Не рубите русского леса, не трогайте тайги!» За Уралом девяносто процентов наших лесов, а заготовляется там пока лишь одна треть основного лесного продукта — древесины. И рубить тайгу необходимо: в ней сгнивает, пропадает бесценное народное добро — замечательные строительные материалы, незаменимое химическое и пищевое сырье. Но наступило время, когда надо трезво взвесить ресурсы тайги, подумать над тем, как в ней работать, чтобы она

отдала свои богатства с наибольшей выгодой для народа.

Дело в том, что эти ресурсы при теперешнем их использовании нельзя считать неисчерпаемыми. Правда, средний годовой прирост древесины в наших лесах, которым любят козырять лесозаготовители, действительно характеризуется устрашающей, астрономической цифрой. Дескать, мы не вырубаем даже половины годового прироста — вот сколько у нас древесины! Иногда и специалистов эти подсчеты вводят в заблуждение. Но чем больше интересуешься лесными делами, тем сильнее точит червь сомнения. Потом сомнение неизбежно переходит в убеждение, что эти цифры прироста — сознательный обман, против них обыкновенный здравый смысл, не говоря уже о точной науке. Тайга наша вечно была такой, какой она выглядит сейчас, и прирост древесины в ней примерно равен отпаду. В культурном, молодом и ухоженном лесу — да, есть прирост, а в стихийном, «диком» — нет никакого прироста! Он существует лишь в умах тех, кто хотел бы оправдать разбой, который порою мы наблюдаем в наших лесах.

И еще одно наблюдение, доступное любому человеку.

Теоретический, а точнее сказать — мифический, прирост насчитывается со всех лесов страны, а заготовители берут древесину в ограниченных районах, удобно расположенных близ железных дорог и рек, сплошь уничтожая самую доступную тайгу.

И давно пора разобраться, сколько же у нас леса в Сибири! «Карта лесов СССР», о которой я упоминал уже, была составлена с воздуха, а это не может заменить наземных разведок.

Вот на суд читателя несколько цифр. Около половины территории, что числится в нашем лесном фонде, занято лиственницей. Вся она растет в Сибири, однако заготовители ее почти не рубят, так как она тонет при сплаве. Примерно двадцать процентов — это северные, притундровые, тощие и редкостойные леса, не имеющие абсолютно никакого промышленного значения. Процентов десять — пятнадцать сибирской лесопокрытой площади (да простит мне читатель этот технический термин!) набегает за счет березовых колков, кедрового стланика, гарей и шелкопрядников. Необходимо учесть еще, что

две трети сибирских и дальневосточных лесов растут на горах и часть их нельзя взять с крутых склонов, а кое-где государство запретит рубить эти древостои из-за их водоохранной и климатической ценности. Сколько же остается? Мало, очень мало!

Жизнь заставляет переходить с заготовкой древесины в листвяги, а также рубить породы, которые считаются сейчас малоценными и старательно обходятся стороной или оставляются покалеченными на корню. А что такое эти породы? Кубометр «малоценной» осины — это миллион спичек, четыре кубометра ели — тонна бумаги. Я не говорю уже о лиственнице — одной из лучших в мире древесных пород. Вспоминаю, как несколько лет назад я в Кракове обратил внимание на огромные расписные балки, держащие тяжелые лепные потолки в Вавеле — древнем дворце польских королей. Оказалось, что балки эти из лиственницы и им уже по 520 лет. Когда, кстати, одну из них потребовалось заменить, то во всей Польше уже не нашлось дерева подходящей величины. А у нас таких лиственниц — миллиарды.

Странное противоречие можно наблюдать в наших лесах. Заготовители, вооруженные лучшей в мире техникой, попирают разумные, научно обоснованные хозяйственные принципы, которые еще сто лет назад были аксиомой. Выйди на современную лесосеку — на десятки километров в иных местах тянутся изрытые, всхолмленные, заовраженные или заболоченные места; подрост и молодняк погибли, гниют покореженные древесные остатки, все поросло дикой травой и кустарником. Это не лесосека, это лесоистребительство. А что же означало слово «лесосека» сто лет назад? Раскрываем второй том словаря В. Даля на 280-й странице, читаем: «Лесосека — один из участков, на которые делится лес, по числу годов, принятых для оборота рубки, чтобы каждый участок успевал порастать поспелым для рубки лесом, когда до него снова дойдет очередь...»

И еще одно. Главным лесным продуктом, как во времена Киевской Руси, остается бревно. Железнодорожникам приходится везти подчас за тысячи километров воздух, воду, щепу и опилки, а в безлесных местах, дожидаясь этого бревна, простаивают десятки тысяч пилорам. Смешно сказать, но только в Москве их установлено около полутора тысяч!

Мы бросаем в лесу немалую часть всей срубленной древесины. Сколько из нее можно получить картона, бумаги, древесных плит, химических продуктов! А сейчас эти отходы оставляются на съедение лесным жукам или сжигаются, причем на уничтожение их лесозаготовители тратят каждый год десятки миллионов старых рублей! Как же мы отстали от скандинавов и североамериканцев в производстве бумаги и картона, в глубокой переработке древесины...

Сибирь строит сейчас много целлюлозно-бумажных комбинатов и целые лесопромышленные города, но это с еще большей остротой ставит вопрос о сырьевых базах и комплексном использовании богатства леса. Ведь комбинаты-гиганты по-прежнему будут использовать отборную древесину, оголяя огромные лесные площади. Может быть, эту задачу решат не очень крупные универсальные лесоперерабатывающие предприятия, расположенные в самих районах заготовок? И проектировщики Кедрограда должны не отстать от времени — заложить в тайге первое, принципиально новое заготовительно-перерабатывающее предприятие.

Нет пока сдвигов и в восстановлении лесов. Опыт десятилетий показывает, что так называемое «естественное возобновление»— не более как миф. Возобновление после вырубок, конечно, идет, но идет слишком медленно, через смену пород. Лесозаготовителям пора полностью взять на себя восстановление вырубленных лесов, переходить на новые методы заготовки древесины, рубить, не уничтожая молодняк.

Я пишу об этих специальных вопросах так подробно потому, что заклинания защитников «зеленого друга» повисают в воздухе, и не все они понимают, что лучшее средство сохранения русских лесов — борьба за их рациональное, комплексное использование.

И последнее. Жизнь диктует, чтобы мы позаботились о судьбе лучших наших лесов — кедровых. Ведь запретил же Кемеровский облисполком рубки сырого кедра, как это было до 1937 года, сумели красноярские ученые отстоять хакасские кедрачи, берегут же читинцы знаменитые чикойские массивы! Всего три процента лесной территории страны занимают эти реликтовые леса, но их значение для настоящего и будущего нашего народного хозяйства трудно переоценить.

В Сибири сейчас живет около двадцати пяти миллинов человек, а это только начало. Нынешнее поколение сибиряков и люди будущей Сибири кровно заинтересованы в том, чтобы их земля была вечно плодородной и красивой, чтобы всегда получала она солнце и влагу нужной мерой, чтоб не скудела никогда ее живая природа.

Кедровые леса, закрывающие горы Южной Сибири, охраняют истоки главных сибирских рек, регулируют водный и климатический режимы огромных пространств. Живая кедровая тайга — неисчерпаемый источник пищевого и технического сырья — со временем станет для сибиряков зоной спорта, лечения и отдыха. В эти леса поедут, да и сейчас уже едут, ученые и художники, композиторы и государственные деятели, рабочие и писатели. И я верю, что сибирский кедр вечно будет помогать человеку освежать чувства и оттачивать разум...

Послесловие

Со времени путешествия, о котором я рассказал, в Кедрограде произошло много событий, немало волнений и бед пережили мои друзья.

Самое трудное выпало Виталию Парфенову, и я перепечатаю здесь одно место из своей статьи в «Литературной газете»:

«На днях в институте хирургии имени А. В. Вишневского сделали тяжелую операцию моему побратиму Виталию Парфенову. Месяц назад я вывез его из горноалтайской тайги, где молодежь создает принципиально новое, комплексное лесное предприятие. Правительство специальным распоряжением выделило ребятам территорию, но у них были недруги, которые хотели пустить в распил ценные массивы золотой кедровой тайги. Они сбросили над живым лесом сто тонн дуста, и Виталий по глубоким сырым снегам, по бешеным весенним речкам прошел за неделю двести с лишним километров, чтобы добиться наказания виновников этой авантюры,— ведь дуст потравил полезных птиц, боровую дичь, пушного

зверя. Тогда у Виталия чулком, вместе с сапогами, снялась кожа, деформировались вены. Все минуло, в Кедрограде сейчас живет 900 человек, хозяйство крепнет, набирает сил, только с ногами у Виталия беда. И нельзя было, как он считал, ему уехать тогда, бросить дело. Чтобы главный инженер не убегал на лесосеки или в питомники, друзья уносили из его дома все брюки, и он неделями руководил хозяйством, лежа в постели. Однажды, поправившись, он трое суток тушил горящую тайгу и потом снова слег.

А год назад, когда из-за метелей не мог прилететь на вертолете хирург, Виталий заперся, прокалил на спиртовке опасную бритву, взрезал себе тромбы. Но вот навалилось... Ноги изменили цвет, температура — 40,2, пульс — 120. Тогда в Виталия впрыснули почти весь запас кедроградских антибиотиков. Сейчас жизнь друга в безопасности, и ноги целы, и он скоро отправится назад в тайгу, — этот живой парень из легенды, герой ненаписанной поэмы...»

А не так давно я снова побывал в Кедрограде. Это была моя седьмая поездка туда, в действительную жизнь. Ребятам по-прежнему трудно — не хватает техники, запасных частей, до конца преданных идее специалистов, времени. Не все еще местные руководители верят в хозяйство, требуют от него выполнения большого производственного плана, а опытные работы стараются навалить сверх всего, в расчете на энтузиазм людей. Ребята крепятся, но всему на свете приходит конец, даже энтузиазму.

Их ныне вынудили рубить кедр в размерах, противоречащих идее Кедрограда, и поневоле думаешь иногда, что трудности эти создаются лесозаготовителями нарочно — чтоб скомпрометировать дело и окончательно развязать себе руки в кедровой тайге.

Новое государственное предприятие стало рентабельным. В последний год от реализации леса, ореха, пушнины, живицы, маральих пантов, пихтового масла оно получило около миллиона старых рублей прибыли. Виталий Парфенов, на котором там многое, если не все, держится, за создание комплексного лесного предприятия награжден Почетной грамотой Алтайского крайкома КПСС.

Итак, новый способ хозяйствования в сибирских кед-

ровых лесах найден, закреплен практикой. Значит, мечта осуществилась? И недаром было все это — споры, муки, борьба с рутинерами, бесконечные заседания и совещания, коллективный гражданский подвиг группы молодых инженеров? Да! И теперь бы такие комплексные предприятия организовать по всей кедровой тайге, хотя б для начала десяточек на Сибирь, — однако ничего пока не слышно и не видно...

В эту поездку позволил себе недельку отдохнуть у Николая Павловича Смирнова. В его жизни большое событие: он безвозмездно передал кедроградцам плоды своего сорокалетнего труда — прекрасно возделанный сад и питомник фруктовых деревьев. Ребята закладывают сейчас на теплых террасах Телецкого озера новые сады, их уже почти сто гектаров. И еще одна, уже горькая новость. Решением Главлесхоза РСФСР уйменские кедрачи отданы в рубку лесозаготовителям,— ах как пожалеют все об этом через десяток лет!

А кедроградскую территорию увеличили в четыре раза, вместе с акваторией озера у них теперь почти полтора миллиона гектаров. Здесь ребята затевают хозяйственный комплекс, состоящий из четырнадцати отраслей. Столица первого в стране лесного предприятия нового типа также перенесена теперь из Уйменской долины на Телецкое озеро, где и будет построен Кедроград,— не жалко хорошего слова для этого места.

Перед отъездом мы с Виталием Парфеновым побывали в кедровом питомнике. Немало трудов было положено здесь, чтобы оборонить посев от птиц и грызунов, вырастить эти веселенькие, упругие грядки юных кедренышей. Пока они, конечно, в младенческом возрасте, однако настанет время, когда эти коренастые крепыши поднимутся на смену вырубленным и сгоревшим лесам. Их корни будут цедить влагу и держать горную почву, их почки выбросят малиновые бутоны-соцветия, их содружество заведет вокруг себя новые поколения зверья и птицы, а люди будущего добрым словом помянут тех, кто когда-то обновил и обогатил Алтай...

Такими словами закончил я почти десять лет назад послесловие к путевому дневнику «Месяц в Кедрограде». Что же произошло за это время в хозяйстве, каковы итоги интереснейшего эксперимента? Можно твердо ответить, что идея была реализована. Хозяйство, расположен-

ное почти в трехстах километрах от железной дороги и куда надо было завозить автотранспортом каждый гвоздь и каждый литр бензина, окрепло в какой-то период своей истории — выполняло все планы, получало устойчивые прибыли от многих отраслей, стало подлинным, рачительным хозяином этого района тайги. Его успехи были отмечены на ВДНХ дипломом первой степени, золотой, серебряной и пятью бронзовыми медалями, на основе его идеи и опыта было защищено около десяти кандидатских диссертаций. Министерство лесного хозяйства России начало создавать в кедрачах Южной Сибири еще пять предприятий подобного типа.

Не мог пожаловаться Кедроград и на невнимание общественности. Несколько раз за эти годы я выступал с его проблемами, писали о нем журналисты и ученые, а всего у нас с В. Ф. Парфеновым накопилось за пятнадцать лет около двухсот разных публикаций об этом хозяйстве. Люди переводили в Кедроград личные сбережения, многочисленные отряды студентов приезжали на берег Телецкого озера помогать энтузиастам доброго отношения к природе и сами были бескорыстными энтузиастами — работали от зари до зари, не требуя, как это сейчас нередко случается со студенческими и прочими отрядами, большой мзды...

И все же столь нужное и громкое дело пошло позже, можно сказать, прахом. В этом не были виноваты кедроградцы. Местные власти, к сожалению, не поддерживали хозяйство, а начальник Алтайского краевого управления В. С. Вашкевич постепенно превращал его в обычный леспромхоз. Уйменские кедрачи — Нырна и Еланда, по которым я когда-то путешествовал, полностью вырублены заготовителями. У кедроградцев отобрали охотничьи и ореховые угодья, навалили такие планы заготовок древесины, что недоставало сил заниматься развитием комплекса. В Горном Алтае сейчас остался последний богатый кедровый массив — Пыжинская тайга, с которой читатель знаком, но и на нее давно вострят топоры.

И всое же идея пока жива! Она предполагает *единственный* выход из сложной и тревожной хозяйственной, экономической и экологической ситуации, реально сложившейся ныне в сибирских кедровниках. Половину своей сознательной жизни отдал я спасению их, надеюсь,

что успею еще увидеть реализованную мечту друзей-кедроградцев, и поэтому заканчиваю забытыми стихами Александра Грина:

Мечта разыскивает путь —
Закрыты все пути.
Мечта разыскивает путь —
Намечены пути.
Мечта разыскивает путь —
Открыты все пути!

Горный Алтай
1962—1975

ВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК

Когда среди весны въезжаешь в Москву по Можайскому шоссе, столица встречает тебя нежданным чудесным подарком: на многие километры по обеим сторонам дороги тянется замечательная аллея красивых нездешних деревьев, словно бы окутанных зеленым дымом. Это сибирская лиственница — крепкое, долгоживущее дерево с густой, благородной по форме кроной. Я не знаю, кто приживил эту благодать на городскую землю, но по годовым мутовкам можно подсчитать, что аллея посажена не то в последние годы Отечественной войны, не то сразу после победы. Лиственница укоренилась, с каждым годом становится величественнее, осанистее, и каким мерилом измерить ту обыкновенную тихую человеческую радость, которую дают и будут еще много-много лет давать эти плоды труда безвестных наших сограждан?!

А на развилке Можайского и Рублевского шоссе, должно быть в те же трудные послевоенные времена, была высажена небольшая куртинка елей, сгруппированных продуманно, со вкусом. Ели отмахали уже десяток метров ввысь, радуя глаз проезжих. Летом в этом маленьком лесном уголке играли дети. Но так было до декабря 1965 года. Перед Новым годом какие-то мерзавцы загубили наше общее добро — у деревьев были спилены макушки. Преступники сняли сливки — главную, ростовую часть елей — и, доставив, может быть, временное, на день-два, удовольствие своим чадам и домочадцам, лишили на столетие той самой глубокой человечьей радости, о которой я уже говорил, несметное число людей.

В последнее время советская общественность все чаще и вдумчивее обращается к проблемам становления человека-гражданина, призывает к использованию надежнейших средств воспитания могучего и плодотворного чувства — чувства Родины. Большой, серьезный, долгожданный разговор идет, в частности, об охране древ-

них памятников культуры нашего народа. А ведь у нас есть живые памятники глубокой старины, которые также необходимо охранять!

Кто не слышал о реликтовом сибирском кедре? Но только специалисты знают о Толгском и Коряжемском кедровых парках на европейской территории Союза. Однажды я побывал в них. Несколько столетий назад под Ярославлем и Сольвычегодском были заложены кедровые рощи, сотни лет оберегались эти могучие, красивые деревья, и вот сейчас уникальные живые памятники старины оказались ничьими и гибнут. Гибнут не от старости, а от беспризорности.

Да что там говорить о Ярославле и Сольвычегодске! Мы не умеем дорожить историческими парками и ценными природными ландшафтами даже вблизи таких городов, как Москва. Немногие, например, слышали, что в коломенских садах под Москвой по соседству с прекрасными сооружениями древнерусской архитектуры растут 600-летние дубы. К сожалению, они никем не охраняются, и всему здешнему изумительному русскому пейзажу грозит гибель от планируемой застройки. Заброшен также Царицынский парк, частично застроены Кузьминки, уничтожаются зеленые массивы в районе Тимирязевки в Москве, погиб в Ленинграде прекрасный Шуваловский парк, в котором были вырублены сотни вековых деревьев.

Памятники старины, о которых я говорю, имеют не только эстетическое и оздоровительное значение. Живая природа в целом играет огромную роль в патриотическом воспитании молодых, да и немолодых людей. Конечно, если ты взрослым приехал на родную речку и вместо светлых струй, вместо золотого сна твоего детства увидел забитую топляком или бесповоротно отравленную промышленными стоками гнилую и вонючую канаву, ты не будешь меньше любить свою родину, но к этой любви прибавятся боль и горечь — чувства неплодотворные, расслабляющие.

К глубочайшему сожалению, многие люди испытывают сейчас такие чувства, потому что в жизни реально существует очевидный факт: на лике нашей родной земли все больше становится отравленных рек, бездумно спущенных или обедненных ведомственным хищничеством озер, неразумно вырубленных лесов. Тем самым во

многих районах подрывается экономика сегодняшнего и завтрашнего дня. Только в Сибири загублены молевым сплавом некоторые рыбные реки. Я уже писал однажды, что за последние десять лет лишь в многолесных районах страны образовались большие незарастающие вырубки и вызывающие горькие чувства гари, что от эрозии почв мы уже сейчас подсчитываем убытки.

И если все это реальность, то настала пора спокойно и по-деловому противопоставить ей другую реальность — решительные и конкретные меры. Ряд таких мер намечен в последних постановлениях партии и правительства. Специальные комиссии Верховного Совета СССР разрабатывают сейчас проекты законов о лесах и водах, создано Министерство лесного хозяйства РСФСР, Комитет лесного хозяйства Совета Министров СССР.

Можно высказать много пожеланий об улучшении работы по охране родной природы в школе, в комсомоле, во Всероссийском обществе охраны природы, но, пользуясь случаем, я бы хотел выступить с несколькими конкретными предложениями.

Молодежь Москвы, например комсомольцы столицы, могла бы не только взять шефство над историческими парками Подмосковья, над реками и водохранилищами. Есть еще одна идея, по-моему очень увлекательная. Несколько лет назад между Серпуховом и Каширой была выбрана территория для национального парка «Русский лес». Составлен проект, создан лесхоз под названием «Русский лес», но что-то не слышно, как там идут дела. А почему бы московскому комсомолу не взяться за это благородное дело и не открыть первый в стране национальный парк? Думаю, что это вполне реально.

Но есть проблемы, которые силами общественности не решить. Вот недавно в Магаданской области спилили для новогоднего праздника редчайший экземпляр аянской ели. Работники музея, на учете которых был этот уникальный экземпляр, сделали только срез с пенька, чтобы будущие поколения магаданцев удивлялись, какие деревья росли когда-то в этих широтах. А надо было не только добиться наказания для тех, кто затеял и осуществил преступление, но и в назидание потомкам рассказать об этом варварстве в пояснительной табличке

к музейному экспонату. Но добиваться наказаний для расхитителей природных богатств, пресекать их незаконные акции пока очень и очень трудно.

Много лет ученые и писатели выступают в защиту сибирского кедра, против его хищнической вырубки. Закон об охране природы в РСФСР, принятый в 1960 году, сделал исключение для сибирского кедра, выделив его из всех наших древесных пород, и запретил в кедрачах сплошную вырубку, не обеспечивающую естественного возобновления. Но и закон не помог. За время действия закона лесозаготовители взяли в Сибири и на Дальнем Востоке именно сплошными рубками миллионы кубометров кедровой древесины. И дело тут в том, что исполнение закона возложено сейчас на различные общественные организации, не обладающие правами и властью, а статья 22-я этого закона, согласно которой должны быть разработаны конкретные меры по его исполнению, сама до сего дня не исполняется. И мы никогда не наведем порядка в пользовании природными богатствами, если браконьеры и хищники будут оставаться безнаказанными. Закон по охране природы надо сделать действенным, подкрепив его статьями гражданского и уголовного кодексов.

Одна из главных бед современного природопользования — ограниченный, узковедомственный подход к богатствам земли. Однажды я писал, в частности, о бездумной вырубке лесозаготовителями водоохранных лесов на Валдае, о причинах и последствиях такого способа хозяйствования. И вообще судьба этого района меня глубоко тревожит. Ведь географические условия русской равнины нельзя сравнивать, скажем, с Западной Европой, реки которой текут с высоких гор и по пересеченной местности. Наши реки берут начало в болотах, лесах, на отлогих холмах и медленно, петляя, текут по слабым почвам. Их так легко истощить и загубить! Кроме того, по гладким нашим местам разгоняются ветры, и расстроенные бессистемными рубками леса уже не останавливают их. Сейчас в Пеновском, Нелидовском и других районах Валдая — тысячи гектаров поваленных лесов. Истоки рек еще больше обнажаются, дождевые и вешние воды сходят очень бурно, а вскоре реки усыхают. А ведь на Валдае родится множество рек, в том числе Волга, Днепр, Западная Двина...

В последние годы природа Валдая стала объектом неслыханного эксперимента еще одного ведомства. Я имею в виду так называемую химизацию водоемов. Не сброс в особо ценные водораздельные озера и реки промышленных отходов, а искусственное их отравление. Да, да! За короткий срок были отравлены полихлорпиненом многие озера Валдайской возвышенности. Это дорогостоящее (тридцать рублей на каждый гектар акватории) «мероприятие» уничтожило в озерах все живое. Зачем, спрашивается? Затем, чтобы, уничтожив все живое, потом запустить туда печорскую пелядь, потом ждать не менее пяти лет, пока эта рыба не достигнет товарного размера. Наши рыбники, завалившие сельдью, тюлькой и килькой рынок, в данном случае сочли «сорной» рыбой окуня, язя, судака, леща, щуку, плотву и называют свою очень сомнительную затею «очисткой» озер. Из «очищенного» озера нельзя пить ни людям, ни животным, химикаты уничтожили даже раков — этот редкий по нынешним временам деликатес.

Судя по письмам с Валдая, рыбники вообще бесчинствуют в этом районе. В прошлом году они отправили хлорной известью реку Валдайку, текущую в озеро Ильмень, спустили химикаты в озера, из которых есть сток в реки Мста и Волга, причем добытую таким способом рыбу записали в план и продали, а мелкую выбросили. Однажды на встрече в «Литературной газете» Л. М. Леонов показал присланную ему сеть, через которую, как он выразился, «даже вирус не пролезет». Насчет вируса — не знаю, а валдайские рыбозаготовители для аврального выполнения плана иногда пользуются сетями, в ячейки которых не пролезает карандаш.

Я рассказал о «подвигах» лесозаготовителей и рыбников на Валдае для того, чтобы яснее стал вред ведомственной хищнической эксплуатации природных ресурсов. И все чаще раздаются голоса о необходимости научного, комплексного подхода к использованию природных богатств, все большее число людей приходит к выводу, что надо иметь государственный орган по охране природы, который координировал и решал бы спорные и сложные проблемы природопользования, пресекал бы крупномасштабные эксперименты с природой, вроде химизации озер. Я убежден, что такой обле-

ченный правами орган не допустил бы ведомственного волюнтаризма и субъективизма, тех гордиевых узлов, которые завязаны сейчас различными ведомствами, например, на Байкале, Севане, Валдае. Я убежден, что в нашем обществе, в нашем государственном аппарате должны быть люди, для которых охрана природы была бы служебной обязанностью, а не только делом совести или доброй воли.

1966

ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

Нет, я не о тех песках, что поют нежно и зазывно, перемещаясь под ветрами и собственной тяжестью. Сегодня я глух к этим редким звукам пустыни, потому что услышал здесь новую песню...

Да что хорошего-то, если разобраться, в этих сыпучих песках? Вот как описывал их в конце прошлого века очевидец: «Горе путнику... Прикрыв себя всем, что только может иметь значение защиты, с шумом и песком в ушах, с болью и песком в глазах, со щекотаньем и песком в носу, с затрудненным дыханием и песком в горле, и, наконец, с упованием и надеждой в сердце, ему остается только ожидать прекращения этого ада».

О какой пустыне идет речь? Гоби, Калахари, Каракумах? Нет. Возьмите атлас, найдите низовья Днепра и здесь, на его левобережной стороне, вы увидите географическое обозначение: «Алешковские пески». Да, на Украине, в этой хлебородной, яблоневой республике, есть пустыня. И немаленькая, небезобидная. Еще в 1887 году «Лесной журнал» писал: «Движение песков за последнее время усилилось. Движутся они по всевозможным направлениям и заносят собой не только ценные земли, но и озера, берега притоков Днепра, заносят еще сохранившиеся остатки лесов естественного происхождения и искусственно созданные плантации, разрушают дороги, поглощают усадьбы и сильно угрожают даже целым селениям: Кардашинке, Раденскому, Костогрызову, Большим Копаням и другим...»

И вот мы едем по Алешковским пескам. Наш двухдиферный «газик» мягко плывет по дороге, если можно так назвать две глубокие борозды, заполненные рыхлым, сухим и горячим песком. Мы буксуем даже на усиленном режиме двигателя, кардан все время садится на вязкую массу, в кабине трудно дышать от жары и бензинных паров. Впереди вздымается высокий бархан, и надо разгоняться, чтобы взять перевал. Мотор ноет, вот-вот сорвет себе сердце, машина тяжко дышит, под-

гребая под себя сыпучий песок, юзит на спусках, мотается из стороны в сторону. Никакой другой дороги здесь существовать не может, и мы бросили ее, поехали прямо по барханам. На одном из них остановились. Горячий воздух, желтые бугры во все концы. По наветренному склону неясные кривые письмена — следы гадюк. Редкие былинки песчаного овса, еще какие-то колючие травинки, жалкие кустики шелюги. А у волнистой линии горизонта, там, откуда течет этот обжигающий воздух, желто-серый столб — смерч. Самая настоящая пустыня...

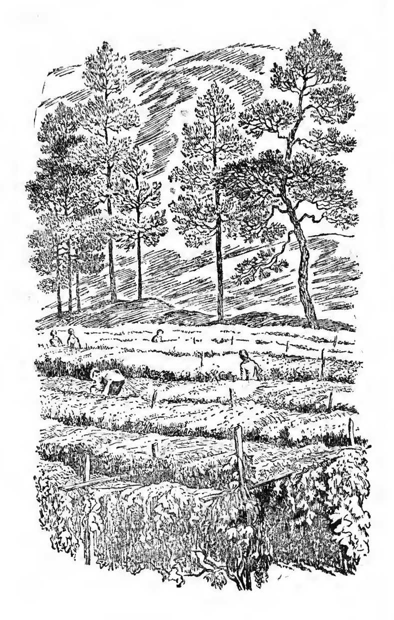
Признаться, я всего этого не ожидал, и мне, привыкшему к влажной сибирской тайге и прохладе подмосковных лесов, было тут неуютно.

— А теперь правей надо брать,— сказал Владимир Николаевич водителю.— Во-о-н на ту вешку...

Владимир Николаевич Виноградов — здешний ученый, доктор сельскохозяйственных наук. Жарища эта ему нипочем, он оживлен, говорит интересно, увлеченно. И все о песках.

Несчетные века стремил себя сюда могучий пра-Днепр. Под влиянием вращения Земли отклонялся вправо, оставляя чистые кварцевые наносы. Семь крупных песчаных арен вместе с межаренными супесями занимают сейчас площадь в двести тысяч гектаров. На полтораста километров — от Каховки до берега Черного моря — лежит эта мертвая зона, много раз переработанная ветрами, принявшая к нашим дням безрадостный вид барханной пустыни. Трудно здесь всему живому. Поверхность песка накаляется, бывает, до семидесяти семи градусов по Цельсию. Осадков очень мало и в особо злые годы составляет менее 130 миллиметров в год. На памяти у всех лето, когда за три с половиной месяца не упало ни капли дождя...

Бросовая, гиблая земля. Что ни посади — высушит, сожжет, засыплет песком. И зачем, собственно, сажать, если вокруг этой пустыни лежат жирные земли, в которые можно вкладывать труд с хорошей отдачей? Но ведь родная земля, какой бы она ни была, всегда мила, и ее надо выручать, если она попала в беду. К тому же Алешковские пески — вечная угроза пашням, пастбищам, колодцам, селам, поймам, дорогам, плавням, Днепровскому лиману. Преобладающие здесь восточные ветры

гонят пески на город Цюрупинск, бывшие Алешки... Стоп!..

Я написал «гонят», хотя пора этот глагол употребить в прошедшем времени. Подошел срок погромче сказать о необыкновенном подвиге обыкновенных наших героев — лесоводов Херсонщины.

...«Газик» качает, как ладью, с носа на корму, кренит на борта, и вот совсем нельзя ехать — барханы с подветренной стороны круто обрываются вниз. Спустились к «сагам» — понижениям меж бугров, в которых держится влага. По откосам не поедешь, того и гляди колесо зароется в сырую мочагу. Двигатель перегрелся, жара стала невыносимой. Аким Алексеевич Крыжевский, начальник областного управления лесхоззага, подбадривает себя и меня, приговаривает:

— Сейчас, сейчас, вот за этой грядой...

Взяли еще несколько песчаных бугров, вышли из машины, поднялись на командную высоту, и я увидел мираж этой пустыни — необозримо, насколько хватал глаз, расстилался молодой лес! Те же пески, те же барханы, только рельеф был чудесным образом смягчен, простор облагорожен зеленью, сосняк манил густой тенью и — не поверите? — тонким грибным ароматом. Этот красивый майский лес был весь освещен светло-зелеными свечечками — деревья гнали себя в рост, выглядели красиво и празднично. Крыжевский заметил мое волнение, сам заволновался:

— Слышите — грибами пахнет! Маслюков тут сейчас богато, в Херсоне уже на базаре кошелками. А главное — остановили...

Да, пески остановлены, закреплены, обезврежены. Сообщив читателю этот «голый» факт, я почувствовал, что обеднил жизнь и не сказал почти ничего. Для многих из нас, к сожалению, важен лишь итог, конечный результат, а все остальное — мелочи. Подробности события пригашиваются еще больше, когда проходит десять—пятнадцать лет, и поэтому я обязан хотя бы коротко сказать о мелочах и подробностях великого дела, сотворенного на Алешковских песках...

Люди знали, что, кроме леса, нет в природе другой силы, способной укротить эту пустыню. Но может ли вообще здесь расти лес? Древние книги и документы утвердительно отвечали на этот вопрос. Эти леса, со-

стоявшие, как ныне установили ученые, из сосны, дуба, ольхи, березы, были полностью уничтожены человеком. Правда, в русских летописях не раз упоминается левобережье нижнего Днепра под именем «Олешья», а в остатках этих лесов располагались аванпосты запорожцев. Алешковские пески окончательно сдвинулись в прошлом веке из-за бесконтрольных рубок последних куртин леса, из-за хищнической эксплуатации пастбищ капиталистами-скотовладельцами, которым ничего не было дорого на этой земле. Шутка сказать, только у одного Фальц-Вейна паслось тут около миллиона овец...

Еще тогда передовые русские ученые пытались спасти от гибели некогда богатый и плодородный край. В 1888 году на Алешковских песках работал один из основателей отечественного почвоведения П. А. Костычев. В 1899 году знаменитый наш лесовод Ф. К. Арнольд возглавил комиссию, составившую проект создания здесь охранных лесных полос. Не раз бывал на песках крупнейший знаток наших степей академик Г. Н. Высоцкий. Четверть века проработал тут известный лесовод И. А. Борткевич. В пески было вложено немало трудов, но лесные посадки, как правило, гибли. К Великой Октябрьской социалистической революции в районе сохранилось их всего две с половиной тысячи гектаров, причем на песчаных аренах прижилась лишь четвертая часть посадок. Этим леском нельзя было остановить пустыню, как нельзя зубной щеткой остановить сквозняк в открытом окне.

В первые годы Советской власти крестьянские товарищества и колхозы тоже пытались сажать леса, но для серьезной борьбы с пустыней не хватало средств, сил, машин, опыта, знаний. Зона сыпучих песков расширялась ежегодно примерно на пятьсот гектаров. Даже деньги и механизмы, появившиеся в 1949 году, не решили проблемы — огромные площади посадок вскоре погибли. Нужно было пересматривать некоторые догмы, искать новую агротехнику, ставить дело на научную основу. Лесные хозяйства Алешковских песков и научно-исследовательская станция УкрНИИЛХа отказались от шелюги и осокоря — эти породы плохо приживались, совсем не закрепляли пески, скорее наоборот: образовывали сыпучие бугры. И. А. Борткевич всю жизнь сажал тут белую акацию на погребенных почвах и супе-

сях, однако барханы ее не принимали. Пришлось забраковать и все остальные лиственные породы. Оставалась единственная надежда — сосна, хотя она и сильно повреждается ветровой эрозией, плохо растет в первые годы. И как ее сажать? Попробовали так называемый торфяно-гнездовой способ, но посадки не смыкались, не становились лесом, сильно зарастали травой, заселялись вредителями, гибли в засушливые годы.

П. А. Костычев думал, что подготовка здешней почвы — дело безнадежное, однако лесоводы насчитали тут около трехсот отличных друг от друга почвенных участков, и глубокая обработка многих из них была просто необходимой. Это рекомендовали многие лесные ученые, а Д. И. Менделеев в свое время прямо указывал, что песчаные почвы следует пахать как можно глубже.

Но как пахать? Культуры, созданные по сплошной вспашке в 1949—1951 годы, выдувались ветрами, засыпались и засекались песком, полностью погибали. Ветровая эрозия была бессильна против посадок в борозды, однако остававшаяся в междурядьях трава быстро проникала корнями в полосу ухода, иссушала почву и губила молодые деревца. И может быть, вообще не нужно пахать?

Попробовали поглубже рыхлить песок полосами и потом, когда деревца укоренялись и ветровая эрозия им становилась не страшна, обрабатывали задерневшиеся межполосья. Новый метод принес желанный результат — посадки прекрасно приживались, стали дешевыми, надежно закрепляли пески.

Конечно, дело не так скоро делалось, как тут рассказывается. Нужно было время, чтобы проверить опыты, которые у лесоводов растягиваются на годы. Довелось испытать и горечь разочарований и счастье побед. Расскажу об одной такой победе, в значительной степени обеспечившей успех всего дела.

Лесничий Алексей Мозговой приехал на Алешковские пески пятнадцать лет назад. Территория лесничества представляла собой сплошные барханные пески без единого зеленого вкрапления. Мозговой решил начать с исходного рубежа всякого лесовода — с древесного семени. Раньше сеянцы сосны привозили сюда с севера Украины. По пути они подсыхали, сильно болели в сухих песках, умирали миллионами. Молодой лесовод

решил создать местный питомник. У одной из «саг» он распахал склон и посеял первые пять гектаров. Но вскоре песчаная буря засыпала и выдула семена. Сохранилось лишь несколько островков. Мозговой все лето поливал из озерца всходы и к осени получил первые местные сеянцы. Они были слабыми с виду, но очень жизнеспособными на поверку. На другой год лесничий перегородил площадь питомника двухметровыми заборами из тростника — от песчаных бурь, внес в почву двести тонн навоза-сыпца и минеральные удобрения, завез на «сагу» мотопомпу, разработал свой метод выкопки и посадки сеянцев, принятый позже на всех питомниках Нижнеднепровья. Ныне питомник Мозгового дает по нескольку миллионов стандартных саженцев с каждого из десяти гектаров. Лесничества теперь не узнать — пески покрыты сосновыми культурами на площади в две тысячи гектаров, часть посадок уже сомкнулась и передана в государственный лесной фонд.

И все же рамки этого очерка не позволят мне рассказать о том, как было дело. Здешние лесоводы вспоминают те уже далекие годы и сами поражаются необычным трудностям, которые были преодолены. Эти мертвые пространства, например, долгие годы таили в себе страшную угрозу, с какой лесоводу обычно не приходится сталкиваться. При глубоком рыхлении песков, которые во что бы то ни стало надо было облесить, стали рваться снаряды и мины, хорошо сохранившиеся в сухой среде со времен войны. Пустили специальный танк, однако это не помогло — слишком много ему оказалось работы. Первая рота саперов, приглашенная лесоводами, с площадки меньше чем в тысячу гектаров собрала и уничтожила девять с половиной тысяч, как говорится в одном документе тех лет, «взрывоопасных предметов». Но глубокое рыхление все равно было невозможно. Новая воинская часть обнаружила на этой же площади еще четырнадцать тысяч мин и снарядов! Научно-исследовательская станция до сего дня держит в штате сапера...

А какими словами рассказать о героинях-девчатах, работающих на барханах? В страшную жару они едут по бездорожью за двадцать пять километров в чрево пустыни и устают еще до начала смены. На вершину бугра не поднимается ни трактор, ни автомобиль. Все

работы тут выполняются вручную — рыхление, посадка, уход. А ямы еще надо опудривать дустом, корни сеянца смачивать специальной химической жижей — от личинок хруща и прочей дряни. К полудню песок раскаляется до пятидесяти градусов и, гонимый ветром, сечет кожу, а тут даже тени не сыщешь. И посадка — только начало. На многие километры тянутся по крутым барханам рядки сосенок, и все их надо пройти с мотыгой не менее пяти раз! Только через пять лет после этих тяжких трудов жди леса.

Лесоводы Алешковских песков стали сажать ежегодно по восемь тысяч гектаров сосны. Как на войне, наступали по фронту, укрепляли фланги, брали сыпучие пески в «котлы», и теперь твердо могут сказать — пустыня побеждена. Все левобережное Нижнеднепровье отбито от песков мощной зеленой полосой. Шестьдесят тысяч гектаров лесных посадок не только остановили пески, защитили плодородные земли, деревни и сады, но и сами начали продуцировать — за счет рубок ухода здесь получены первые сотни кубометров древесины, драгоценной в этом безлесном краю.

Хочу поделиться с читателем еще одним необычным впечатлением, вывезенным с Алешковских песков. Мы ехали по границе укрощенной пустыни — она была там, за молодым весенним лесом, а тут по сторонам тянулись ровные площадки, окаймленные теми же зелеными раменами, и я не верил своим глазам. На просторных полях переливались волнами какие-то злаки, росли ровными рядами фруктовые деревья, несметное число виноградных кустов.

— Здесь тоже были песчаные бугры,— пояснил Владимир Николаевич Виноградов, когда мы сошли на обочину.— Мы разровняли их бульдозерами, пробили до грунтовых вод скважины, и вот видите...

— А рожь здесь зачем?

— Для первичного закрепления песка. На будущий год заложим сад. Вы знаете, сколько дает этот виноградник на погребенных почвах? До ста сорока центнеров с гектара. А сорта у нас какие, если бы знали!

Подвиг алешковских лесоводов, остановивших эту единственную в Европе пустыню, нашел свое продолжение в интенсивном сельскохозяйственном использовании здешней природы. Вегетационный период в районе пе-

сков длится со средины апреля до средины ноября, а среднесуточная температура в пятнадцать градусов и выше держится здесь почти сто пятьдесят дней. Тепла достаточно, чтобы выращивать виноград, персики, абрикосы, арбузы, дыни. Этот особый тепловой режим обеспечивает созревание всех культур на две недели раньше, чем в Крыму. Правда, тут очень сухо и трудно с водой, но это не стало препятствием — оказывается, Алешковские пески, получая мизерное количество влаги, способны хорошо удерживать ее в нижних слоях и постепенно отдавать растениям, а погребенные, то есть засыпанные песками почвы достаточно богаты, чтобы снабжать корни культурных растений всеми необходимыми питательными веществами. И что самое главное — природа нижнеднепровских песков придает плодам садоводства и огородничества высшие, элитные качества.

Все эти особенности местных условий были замечены давно. Еще в 1911 году энтузиаст освоения Алешковских песков лесничий И. А. Борткевич писал: «На песках трудно создать ту или иную культуру, но если это удастся, получим здесь все в лучшем виде, лучшего качества: виноград во всех отношениях хорош, вино из него лучшее; нежнее фруктов трудно найти; персики, например, являются феноменальным явлением по своей красоте, величине плода и нежности вкуса».

К сожалению, все плодовые и виноградные плантации, заложенные еще в конце прошлого века, к двадцатым годам погибли — в основе их возделывания лежала неверная агротехника. А сейчас виноградники на Алешковских песках занимают тысячи гектаров. Этим прибыльным делом занимаются и колхозы, и специализированные совхозы, и лесные хозяйства, и сама Нижнеднепровская научно-исследовательская станция, гостем которой я был. На станции разрабатывается агротехника подготовки почвы, система внесения удобрений, методы хранения виноградной лозы. Мне показали коллекционный питомник станции, в котором воспитывается, испытывается, изучается больше тысячи различных сортов винограда, а также обширную новую площадку чистых песков, где скоро возникнет еще один опытный участок, располагающий двумя с половиной тысячами отечественных и зарубежных сортов винограда. Полмиллиона растений высадят здесь лесоводы!

Не сказал я еще об одной чрезвычайно интересной особенности Алешковских песков. Кто не слышал о филлоксере — злейшем враге виноградарей всего мира? Это крохотное зелено-желтое насекомое паразитирует только на винограде, главным образом на его корневой системе. Любая лоза, ставшая жертвой филлоксеры, начинает болеть, чахнуть и вскоре погибает. Не раз за историю виноградарства филлоксера разоряла целые районы, пускала по миру виноградарей Америки, Франции, Италии и других стран.

А вот на Алешковских песках филлоксера не живет. То ли в здешних песчаных почвах, состоящих на 98 процентов из кварцевых зерен, ей ползать трудно, то ли острые песчинки смертельно ранят ее, но известен очевидный факт — в Алешковский карантинный питомник, заложенный еще в 1897 году, можно завозить лозу из любого района мира и она выходит отсюда обезвреженной.

Кроме винограда, на здешних землях-песках культивируется абрикос, персик, яблоня, айва, черешня, грецкий орех, груша, слива, вишня. Высока урожайность плодовых и косточковых. Абрикоса, например, снимают здесь до 120 центнеров с гектара, сливы — до 80. Найдены также способы возделывания ранней земляники, дающей более двухсот центнеров с гектара.

Особенности теплового режима Алешковских песков раскрывают большие перспективы и перед овощеводами. Здесь не только можно выращивать ранние и сверхранние овощи, но и снимать с одной и той же площади по два-три урожая в год. Опытники станции уже получали с гектара: 294,2 центнера ранней капусты и 473,3 центнера поздней при повторном использовании той же площади, 295 центнеров огурцов и 212 центнеров капусты, 277 центнеров раннего картофеля и 398 центнеров поздних огурцов. Станция передала сельскому хозяйству миллионы саженцев винограда, земляники, древесных пород, тысячи центнеров семян кормового арбуза, африканского проса, чумизы. И все это сделали скромные, жадные до работы мои друзья-лесники.

У алешковских лесоводов впереди много дел. Надо отвоевать у пустыни последний плацдарм, чтоб географы исправили на своих картах название этой местности. Недавно поступил срочный заказ — посадить две тысячи

гектаров леса в Аскании-Нова, озеленить морское побережье в районе Скадовска. И люди идут дальше — думают, изучают, ищут, пробуют. Механик Цюрупинского лесхоззага В. Н. Кича изобретает новые и новые приспособления к лесокультурным орудиям. Работник станции кандидат биологических наук И. М. Тарасенко усовершенствует способы борьбы с вредителями молодого леса, освирепевшими в здешних благоприятных условиях. Начальник Херсонского областного управления лесхоззага А. А. Крыжевский вынашивает интереснейшую идею. Он думает увлажнить Алешковские пески, изменить здесь микроклимат — надо разрыть экскаваторами «саги», превратить их в озера с вечной водой...

Есть у лесоводов и свои большие нужды. Необходим малогабаритный и выносливый грузовой вездеход — подымающиеся леса нельзя сохранить и вырастить, передвигаясь «на своих двоих», вытаскивая на руках из глубины барханов сучья и деревца, которые с каждым годом все тяжелеют. Подвижники, сажающие леса и сады на Алешковских песках, мечтают о том, чтобы учитывались особенности их работы в «горячем» цехе — бюджетные ассигнования не ставят лесоводов в равные материальные условия с тружениками смежных районов.

И последнее. На Алешковские пески давно уже идут запросы из многих зарубежных организаций. Люди просят поделиться опытом, интересуются материалами исследований, печатными работами сотрудников станции и лесничих. Это правильно, что отказа они не получают. Однако драгоценный опыт алешковских лесоводов мы должны взять на вооружение прежде всего сами, потому что в других районах страны пески пока наступают на нас широким фронтом. Только на Украине их еще около полумиллиона гектаров. Доходит черед до Чирских, Терско-Кумских, Астраханских, Закавказских, Среднеазиатских песков. Они могут и должны быть остановлены!

Алешковские пески
1967

КАК ВАМ ДЫШИТСЯ, ГОРОЖАНЕ?

Недавно я вернулся из поездки по Сибири и Дальнему Востоку. Дали пока не отпускают меня, впечатления и тамошние часовые пояса еще сбивают сон, а блокнот пополняется записями, каких в суматохе переездов и перелетов не сделаешь...

Одно из самых ярких воспоминаний — фестиваль молодежи Кузбасса. Интересно, с толком организовала его комсомолия. Мне понравилась и нестандартная программа праздника, и модная, изящная униформа многих делегаций, и культура поведения шахтеров, студенток, трактористов и доярок, их песни и пляски у костров, их образ мыслей, и то, конечно, что за все время в такой массе молодых людей не приключилось ни одного ЧП. Не эта ли славная, созидающая молодежь, которая научилась хорошо, по-человечески отдыхать, должна считаться воистину современной?..

Одно омрачало умный, веселый и красивый праздник молодости — заводские дымы. На гору, где раскинул палатки фестивальный городок, и в распадок с эстрадой катили густые серо-желтые клубы. Временами коксохимический завод на той стороне Томи скрывался в собственном чаду и газах, а вокруг него поддували другие предприятия, распускали по небу желтые хвосты. Как все же можно привыкнуть к отравленной атмосфере, каким уже малым выбором надо располагать, чтобы поселить на праздничные дни тысячи молодых людей под дымами и газами! В Кемерове говорят, что «днем-то еще туда-сюда, а вот ночью, когда ничего не видно, химики выпускают в воздух главное свое добро», но «без дымка не бывает» и «мы-то принюхались».

Наше непротивленчество к загрязнению городского воздуха встречается, к сожалению, нередко. Помню, года полтора назад публицисты России собрались в Челябинске на выездном секретариате Союза писателей республики. Поднималось много интересных живых проблем нашей жизни. И странно, и неудобно было слушать, как

некоторые литераторы отрицали необходимость и право писать и говорить о растущем загрязнении воздуха. Один большой и уважаемый писатель из Магнитогорска заявил своим оппонентам следующее: «Мы живем там и ничего, дышим. Что вам за нас печалиться? Избавьте! Посчитайте стоимость улавливания отходов — дорого!»

Бывал я в Магнитке. Помнится, шла весна. С черных склонов текли черные ручьи, а город-работяга задыхался в агломерационных газах. Заслуженный, орденоносный и прочая и прочая Магнитогорский металлургический комбинат выбрасывает в этих глазах чудовищное количество сернистого ангидрида. Если, оказывается, пересчитать его на серную кислоту, то это даст пятнадцать процентов общего ее производства в стране! И этот самый магнитогорский ангидрид, разлагаясь, оседает на землю в виде чрезвычайно активных химических соединений — сернистой и серной кислот, их солей. Страдают животные, растения и почвы, преждевременно разрушаются здания, портится одежда, и даже металлы не выдерживают сроков. Стекая в реки с дождями и полыми водами, соединения серы травят рыбу, уменьшают число питьевых источников, которых и без того становится мало. Но кто все *это* считал? И в какую, главное, деньгу выходят реальные потери за счет снижения работоспособности людей?

Воздух, пища и вода — вот три кита, на которых держится жизнь всех нас. Без пищи, впрочем, человек может протянуть около месяца, без воды — три дня, а без воздуха — всего несколько минут. Для окислительных процессов, протекающих в нашем организме, нужен кислород, и, чтобы добыть его, мы должны перегонять ежесуточно через легкие около двадцати пяти килограммов чистого воздуха. Но что такое «чистый воздух»? Есть ли он сейчас в городах или где-либо? Ведь даже с относительно чистым воздухом за каждую минуту мы вдыхаем около сорока миллионов пылинок. Твердые частицы, в которых подчас содержатся самые настоящие отравляющие вещества, оседают в легких, всасываются в кровь, постепенно ухудшают состояние здоровья, жизнестойкость, эластичность и даже цвет бронхов. Твердые частицы, реющие в воздухе, поглощают часть солнечных лучей, жизненно необходи-

мых для нормального формирования детского организма...

Время от времени мы узнаем о жертвах «смога».

Отравленный воздух в смеси с неподвижным туманом за несколько ноябрьских дней 1952 года убил в Лондоне около четырех тысяч человек. Задыхаются от «смога» жители Парижа, Лос-Анджелоса и Данора, долины Мааса (Бельгия) и По (Италия). И не только задыхаются. «Смог» — медленная смерть, расстрел в рассрочку. Угарный газ, непредельные углеводороды, свинец делают «смог» одним из наиболее опасных легочных ядов и концерагенных, то есть вызывающих рак, веществ. Смертность от рака легкого в городах США, над которыми образуется «смог», увеличилась за двадцать лет в десять раз, в Англии и Швейцарии за пятьдесят лет — в сорок раз. Проблема загрязнения воздуха в ряде капиталистических стран приобретает значение национального бедствия.

Наше государство, конечно, никогда не допустит такого. Еще в 1949 году Совет Министров СССР принял постановление «О мерах борьбы с загрязнением атмосферного воздуха и улучшения санитарно-гигиенических условий населенных мест». Создана Государственная санитарная инспекция, чистоту воздуха блюдут врачи, ученые, инженеры, юристы.

За последние годы построены и введены в действие десятки тысяч рекуперационных установок и аппаратов, улавливающих вредные газы, пыль и золу. Только в Москве, например, действует более четырех тысяч новых таких сооружений. Электрическая энергия и газ, с невиданным размахом внедряемые в наш быт и производство, помогают нам легче дышать. Сколько удушливых дымов устранил один только бухарский газ! Лишь на Урале полностью газифицировано пятьдесят городов. В Москве перешло на природный газ более восьмисот промышленных предприятий и около тысячи котельных.

В результате большой работы, проведенной в столице Казахстана, скажем, загрязненность алма-атинского воздуха уменьшилась в десять раз.

И все же состояние воздушного бассейна сейчас таково, что содержание вредных веществ в районах Магнитогорского, Кузнецкого, Карагандинского, Новолипец-

кого и иных металлургических комбинатов еще значительно. Такое же, если не хуже, положение в поселках, окружающих Средне-Уральский и другие медеплавильные заводы.

Беда коснулась даже курортных мест. Систематически загрязняют целебный крымский воздух феодосийский молокозавод, чулочная и табачная фабрики, некоторые другие предприятия. Угольной пыли, сернистого ангидрида и сажи над санаториями и жилыми кварталами этого города в два раза больше общепринятой нормы.

В наш век все ускоряющегося и неостановимого развития индустрии, должно быть, невозможно полностью избежать загрязнения воздушного бассейна, но свести это загрязнение до минимума, устранить вредное влияние дымов и газов на здоровье людей мы обязаны. Гуманистические принципы нашего общества, промышленная экономика, технический и научный прогресс подсказывают пути к решению этой задачи. Вот, например, один из аспектов проблемы. В отходах, отравляющих и засоряющих наш воздух, часто содержится ценнейшее сырье, которое при умелом подходе с немалой выгодой можно обратить на пользу обществу. Все, конечно, знают, сколько дряни выбрасывают в атмосферу цементные заводы, засыпая все вокруг себя. Но можно ли назвать «дрянью» эту серую пыль, что сушит горло, оседает на легкие тысяч людей? Нет, это полноценный продукт, полуобжиговое сырье. Совсем недавно наша промышленность строительных материалов распыливала в воздухе столько цемента, сколько до войны получали его все заводы страны. Нынче электрофильтры, установленные за вращающимися печами, улавливают за год около шести миллионов тонн цементной пыли. И мы располагаем тут еще солидными резервами. А общее количество серы, выбрасываемой нашими металлургами с отходящими газами, в несколько раз превышает потребности всей промышленности в таком дефицитном продукте.

Охрана атмосферного воздуха начинается с предприятия, даже еще раньше — с конструкторского бюро. Пришло время считать действительно современным тот технологический процесс, который исключает или сокращает до минимума выброс вредных веществ в атмосфе-

ру. В тех случаях, когда совершенно невозможно избежать вредных летучих отходов, технология должна предусматривать максимальную их очистку. Сделать эти два принципа непреложным законом — вот основная и, правду сказать, трудоемкая, сложная задача.

Пока мы очень далеки от реализации этих принципов. То тут, то там по разным, так называемым «объективным» причинам предприятия и агрегаты вводятся в эксплуатацию без очистных сооружений, а огромные средства, отпускаемые государством, не осваиваются. Строительство и испытание опытных установок растягивается на долгие годы, еще медленно внедряются уже апробированные способы улавливания вредных газов и пыли. В течение пяти лет, скажем, не могли пройти промышленных испытаний методы извлечения сернистого ангидрида. В других случаях делу мешает примитивизм, самодеятельность, грубейшие конструкторские ошибки. Так, пылеулавливающие устройства в карбидном цехе Бакинского кислородно-ацетиленового завода, разработанные институтом «Гипроазнефть», вскоре были забиты пылью и вышли из строя.

Моя задача заключается не в том, чтобы вывалить ворох негативных фактов, навязать свое дурное настроение читателю и оставить его без надежды. Хочу высказать ряд конкретных предложений, которые давно уже созревают в среде людей, болеющих за родную природу. Точка зрения, высказанная писателем, выполняет обычно скромную роль первого сигнала, и я, возможно, буду в данном случае неоригинальным, если предложу для начала некоторые организационные меры.

У нас до сих пор нет солидных теоретических основ оздоровления атмосферы. Было бы правильно, если б Академия наук СССР возглавила эту работу, объединила разрозненные исследования, устранила существующий ныне параллелизм. Явно не справляется со своими обязанностями Всесоюзное объединение по очистке газов и пылеулавливанию. Запросы промышленности в области газоочистки, например, удовлетворяются не всегда и не полностью. И едва ли разумно дальше держать это объединение в ведении Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР. Было бы целесообразно создать общегосударственную меж-

ведомственную организацию, которая выполняла бы основные научно-исследовательские и проектные работы, координировала и направляла деятельность отраслевых институтов и конструкторских бюро. Необходимы нам также предприятия, специализирующиеся на изготовлении оборудования по очистке газов.

Очень важный вопрос — кадры. Часто проблемами очистки вредных летучих отходов занимаются у нас люди, не имеющие специальной подготовки. А спешная переквалификация или совместительство в такой важной отрасли современной техники выходят нам боком. Следовало бы в нескольких вузах страны создать отделения или даже факультеты для подготовки специалистов по очистке газов и аэрозольным системам.

Смысл и значение борьбы за чистый воздух трудно переоценить, и, как во всяком серьезном деле, тут необходим контроль, постоянное внимание. Между тем нет сейчас ни одного человека, который мог бы в подробностях, с итоговой статистикой обрисовать положение в стране, охарактеризовать динамику этой работы. Наверное, Центральному статистическому управлению следует все же собирать сведения хотя бы о выполнении сроков строительства газоочистных и пылеулавливающих сооружений, а также итожить отчеты об извлечении ценных продуктов из летучих отходов. Тогда сразу станет видно, чем мы дышим, куда идем и с какой скоростью...

Охрана воздуха как части родной природы — большая, многоплановая тема. Можно было бы написать отдельную статью, например, о проблеме выхлопных газов. Во многих городах, странах двигатели внутреннего сгорания становятся основным источником летучей отравы. На Садовом кольце Москвы в иные часы уже буквально нечем дышать. И от этой беды тоже больше всего страдают дети. Зарубежные врачи установили, что городских детей умирает от легочных заболеваний в тридцать раз больше, чем деревенских. Они связывают этот факт с тем обстоятельством, что выхлопные трубы автомашин расположены как раз на уровне верхнего бортика детских колясок...

В наших городах автомобилей пока меньше, чем на Западе, но в ближайшие годы число их резко возрастет. Сейчас у нас в стране проходят государственные испы-

тания нейтрализаторы, снижающие токсическую силу выхлопных газов автомашин. Но пора уже хотя б начать разработку двигателей, которые бы обеспечивали наибольшую полноту сгорания топлива, пора подумать о производстве антитоксических присадок, о том, чтобы обеспечить работников ОРУДа и ГАИ газоанализаторами, пора узаконить предельные нормы концентрации вредных веществ в выхлопных газах наших автомобилей.

Коснусь также более общих вопросов городского бытоустройства. Чистота воздуха, которым мы дышим, может зависеть и от архитектора, и от поворотливости работников и депутатов городского или районного Советов, и от каждого из нас, в конечном счете. Архитектор может учесть рельеф строительной площадки и микроклимат района, а может и не учесть. Тогда вместо широких, солнечных, хорошо продуваемых улиц и кварталов встанут на века каменные коридоры и колодцы с застойным вредным воздухом. Важно также правильно, учитывая направление и силу преобладающих ветров, расположить промышленные предприятия. Славный Комсомольск-на-Амуре, из которого я недавно вернулся, всем хорош — происхождением, историей, людьми своими замечательными. А вот не подумали тогда, поставили ТЭЦ и несколько предприятий прямо у набережной, где они и остались навечно: дует с Амура ветер, засыпает город юности изгарью и сажей.

Или вот еще: Множество людей с горечью и недоумением узнают сейчас об угрозе, нависшей над Ясной Поляной. Построенное рядом с этой национальной реликвией нашего народа химическое предприятие накрывает шлейфом дыма и газа усадьбу Льва Толстого, травит знаменитый заказник. Деревья там болеют, суховершинят, всему окружающему русскому пейзажу грозит гибель, потому что розу ветров не изменишь, а химкомбинат не может очистить летучие отходы. Недавно я был в «Союзгипролесхозе» — проектном институте, которому поручено провести зеленую реконструкцию усадьбы, подобрать для Ясной Поляны дымоустойчивые породы. Специалисты работают, не веря в успех дела, и у меня нет слов, чтоб по заслугам квалифицировать поступок лиц, расположивших завод-вонючку у святой могилы гения...

Сменим, однако, тему. Нравятся ли вам подземные переходы, что появились за последние годы в Москве и других городах? Даже с трибун иногда слышатся упреки: вот, мол, людей загоняют под землю, а машины под солнышком катятся. Должен признаться, что мне лично подземные переходы очень нравятся. Они не портят облика городов, зимой в них потеплей, а летом попрохладней, чем на улице, чисто, просторно и не озираешься — никто тут тебя не задавит и не станет изнашивать твое сердце пронзительными свистками. Но самое главное — эти переходы сокращают время стоянок автомашин у светофоров. Водители не газуют, взбадривая моторы при трогании с места, не тянут на первой передаче, когда выхлоп вредных газов резко увеличивается.

Чистота воздуха зависит еще и просто от того, любим или нет мы свой город, заботимся ли о себе и своем здоровье. Харьковчане, например, перевели весь общественный транспорт на электрическую тягу. Троллейбусы стали обслуживать центр, а трамваи — окраины, и воздух в городе заметно сделался чище. Черниговцы тоже пустили троллейбусы и, кроме того, как омичи, новокаховцы, фанатически озеленяют свой город.

О зелени надо бы сказать особо, хотя эта тема достойна целой книги. Деревья, кусты и цветники не только украшают город или поселки, но и делают огромную полезную работу. Фильтруют воздух, собирая на листья пыль, выделяют фитонциды, убивающие вредных микробов, смягчают температурный режим города, пригашивают шумы. Деревья воспитывают и помогают думать, но главное в другом — гектар сада или сквера поглощает в час восемь килограммов углекислого газа — столько, сколько выдыхают за этот же час двести человек, заменяют этот отравляющий газ чистым кислородом.

Сколько душевного и телесного здоровья сберегло зеленое убранство киевлянам или рижанам и как неприютно выглядят многие улицы Архангельска, Перми, Иркутска! А какая красотища могла бы расти по этим городам — черемуха, береза, рябина, ели, кедры. И когда-нибудь, наверно, пригодность руководителя городского хозяйства будут оценивать по тому, насколько он смог озеленить город.

Конечно, нелегкое и недешевое это дело — прижившить и вырастить дерево на городской земле. И мы подчас безумно расточительны. Только вмешательство прессы приостановило недавно уничтожение части Тимирязевского парка в Москве. А помните, как поэт вместе со строителями Кузнецка мечтал, чтоб вырос там город-сад? К сожалению, по разным причинам города-сада не получилось; в современном Новокузнецке дымно, пыльно и голо. А этой весной на улицах города спилили под корень тополя, посаженные еще первостроителями. Деревья, видите ли, сильно пускали пух. Ну ладно, строители тогда ошиблись — посадили женские экземпляры, но зачем было их срубать? Обкорнать как следует, образовались бы шаровидные кроны с крупным ярко-зеленым листом и долго бы не давали семян.

Воздух, которым мы дышим,— особая часть нашей природы. Оскудение почв, лесов или рудных ископаемых может и не коснуться тебя сию минуту, ущерб подойдет к тебе или твоим детям позже и очень сложными экономическими и социальными путями. Люди, даже обитающие в районах, где эти природные ресурсы истощаются, могут вообще лично, не почувствовать, не ощутить беды. Воздух же — ежесекундная твоя потребность, и потеря его чистоты немедленно сказывается на здоровье *каждого* человека, живущего в отравленной или запыленной зоне. Поэтому-то мы должны добиваться повышенной ответственности за порчу этой природной среды, строгих мер к злостным нарушителям законности. Работники юстиции и санитарной службы проводят соответствующие проверки, применяют санкции, вносят представления в советские и партийные органы. Долгое время, например, загрязнял воздух Красногорский химзавод в Подмосковье. Много писалось бумаг, трижды штрафовался директор — ничего не помогало. Пришлось опломбировать цех олифоварения, приостановить производство. Однако событие это — редкое, можно сказать, исключительное. В случае серьезного и острого конфликта у виновных, как правило, находятся покровители и защитники, начинаются оттяжки, оправдания, обещания. Москвичи, например, живущие в районе завода имени Войкова, долгие годы ничего не могут поделать с руководителями этого предприятия, отравляющего воздух многих столичных кварталов. Да, большое мужество тре-

буется подчас врачу или юристу, чтобы добиться хотя бы мер общественного или административного воздействия, не говоря уж об уголовной ответственности, диктуемой законом. А надо, наверно, иметь полную возможность сказать зарвавшемуся отравителю воздуха: выйдите, пожалуйста, вон из общества, вернетесь, когда научитесь вести себя в нем.

Обращает на себя внимание также большой разнобой в законодательстве об охране природы, ставящий истцов и ответчиков разных районов страны в неодинаковые правовые условия. Непонятно, например, почему на Украине, в Узбекистане, в Грузии, Азербайджане, Литве, Киргизии и Эстонии не предусмотрена уголовная ответственность за умышленное, злостное загрязнение атмосферы. Не пора ли принять общесоюзный закон об охране природы, подкрепив его соответствующими статьями уголовного и гражданского кодексов?

И наконец, еще одно предложение, которое уже не раз аргументировалось в печати, и я повторю его здесь потому, что считаю вопрос безотлагательным. Борьба за чистоту воздуха, так же как за сохранение всей природы,— не кратковременная кампания, указом-приказом тут ничего не сделаешь, это только в детских сказках вдруг передвигаются горы. Для решения нашей подшефной проблемы есть в реальной жизни единственный путь — кропотливая, подчас мучительно тяжелая работа, в том числе и воспитательная, чрезвычайно необходимая нашему обществу на теперешнем этапе его развития. Пока эта работа ведется беспланово, разрозненно, с бесчисленными недоделками и ошибками. И я убежден в том, что возглавить ее должен межведомственный, вернее, надведомственный орган, обладающий большими правами. На Украине, между прочим, уже пришли к этому — недавно там принято решение о создании Государственного республиканского комитета по охране природы. Единая государственная система охранительных учреждений поможет приумножить природные богатства социалистического Отечества, сохранить его почвы, воды, леса, его воздушный бассейн.

1967

СЛОВО О КЕДРЕ

Молодые вологодские журналисты прислали мне свою комсомольскую газету, в которой напечатана заметка «Погибающая красота». Недалеко от Вологды гибнет Чагринская роща сибирского кедра, гибнет не от старости или болезни, а от небрежения и безнадзорности. По корням кедров грохочут траками колхозные трактора, лесная подстилка вымолачивается скотом, в ствол раменного красавца загнаны по самую сердцевину кованые гвозди... Тут самое бы время подпустить слезу, повздыхать над умирающим великаном, но не будем подставлять бока демагогам всех сортов, которые пытаются изобразить защитников нашей природы этакими сентиментальными чудаками, которые якобы трясутся и плачут у каждого срубленного дерева, кликушествуют над всякой сломанной веточкой. Таких блаженных «защитников» нет и никогда не было. Если зарастают ольхой луга и пашни, кто же станет этот «лес» жалеть и защищать? Когда дерево поспело, его надо рубить, как бы красиво оно ни было.

Те, кто в счет, ставят себе задачей вдумчиво и объективно разобраться в наших нелегких лесных проблемах, ратуют за правильное, научное лесопользование, потому что леса, занимающие больше половины территории страны, эксплуатируются нынче плохо, временщически; мы пока не умеем разумно, дифференцированно вовлекать в хозяйственный оборот огромные резервы лесной целины, не научились быть рачительными хозяевами этого бесценного живого сырья...

Однако вернемся к «погибающей красоте» и поговорим о ней с обстоятельностью и спокойствием, необходимыми во всяком серьезном деле. Да, кедр сибирский — красивое, могучее дерево, навевающее своим видом элегическую грусть, настраивающее человека на торжественный лад. Еще полтора века назад Василий Дмитриев, один из первых радетелей кедра сибирского, писал:

«Славьтеся, места, любимые солнцем, гордитесь, высоты ливанские, своими кедрами; не видя вас в моем отечестве, на матерой земле, России принадлежащей, не смею и величать вас, но зато в глазах моих тенистый кедр богатой Сибири не уступит вам в красотах своих и мне вас заменит; какое величие в осанке сего дерева, какая священная тень в густоте лесов его!»

И русские монахи издревле завозили к нам кедр из Сибири и с Урала, чтоб посадить его вблизи своих монастырей и скитов.

Помню, приехал я несколько лет назад на строительство Котласского целлюлозно-бумажного комбината и рядом со стройкой, у стен старинного Коряжемского монастыря, увидел прекрасную кедровую рощу стволов в триста.

А однажды я случайно натолкнулся на кедровую рощицу в совсем уж неожиданном месте — на берегу озера Сенеж. Здесь, рядом с Москвой, на традиционно дачном берегу, растут три десятка кедров с великолепно развитой кроной, плодоносят почти каждый год, гремят шишками по железным крышам, и дачники даже не знают, какое редкое добро им сыплется сверху. Здравствует также куртинка кедров у Копнинских прудов под Загорском.

Еще ближе к столице, в районе станции Турист, кто-то вырастил могучий кедр-одиночку. Я шел как-то на лыжах подмосковным лесом, задумался и вдруг остановился, почувствовал, что на меня словно бы валит туча. Необъятная густая крона кедра загораживала полнеба, темный ствол входил в снег мощной чугунной колонной, и было в облике дерева какое-то нездешнее величие, спокойствие и простота.

Я долго не мог сойти с места. Потом попробовал сосчитать на корявом стволе зарубы и поклевки лыжными палками. Числа им не было... Кстати, москвичи, никогда не видавшие кедров, могут полюбоваться ими в Кремлевском парке. Там как раз напротив Ивана Великого растет несколько великолепных молодых деревьев. Стоят они осанисто, гордо, словно добры молодцы в собольих шубах.

Воистину кедр очень красив, и никогда хлебом единым не был жив человек. Сибиряки отдали должное этой красоте, создав пословицу: «В ельнике — трудиться, в бе-

резияке — веселиться, в кедраче — богу молиться». Но эти же трезвые и практичные мужики знали: одной красотой и молитвами сыт не будешь. Они давным-давно заметили щедрость кедра, увидели, что кедровый орех — основная предзимняя пища соболя, белки, медведя, ронжи, бурундука, другой таежной живности, что прекрасные пищевые качества кедрового семени может с успехом использовать человек. И когда-то это семя заготавливалось в неимоверных количествах. По данным Института биологии Уральского филиала Академии наук СССР, ежегодный валовой сбор кедрового ореха в дореволюционной России составлял 200—220 тысяч тонн. А мы в 1964 году собрали всего около двенадцати, в 1965-м — семь, в 1966-м — девять тысяч тонн. Пока сравнение явно не в нашу пользу, особенно если учесть, что приблизительный годовой урожай кедрового ореха в лесах Российской Федерации определяется в полтора миллиона тонн!

Между тем наука установила, что мало продуктов может потягаться с кедровым орехом по калорийности и вкусу. «Кедровые сливки», например, которые делают в домашних условиях сибиряки, чуть ли не в три раза питательнее сливок из коровьего молока! Если сравнить в сопоставимых единицах калорийность яиц, говядины, молочных сливок, шпига и «кедровых сливок», то получится следующий выразительный ряд: 158, 214, 243, 615 и 688! Поклоняясь экзотическим бобам какао, давайте не будем прибедняться: у нас есть свой, северный, русский заменитель.

Жирность ядрышек кедрового ореха (по весу) составляет шестьдесят — восемьдесят процентов, но даже обезжиренный жмых — замечательный пищевой концентрат, на девять десятых состоящий из белка, крахмала, глюкозы, причем белка в нем почти в четыре раза больше, чем в пшенице. Ученые определили также, что кедровый орех содержит различные вещества в комплексе, способствующем росту человеческого организма, предупреждающем и лечащем туберкулез, «бери-бери», почечные заболевания.

О целебных свойствах сибирской ореховой сосны народ знает давно, и недаром ее смолистый сок назван «живицей». Сырая кедровая живица хорошо лечит ожоги, порезы, гнойные раны, а хвоя — ревматизм и цингу. Еще

в XVIII веке об этих качествах кедра писали первые исследователи Сибири Петр Паллас и Семен Крашенинников. В годы Великой Отечественной войны врачи клинически проверили народный опыт. Наркомздрав СССР официально признал живицу ценным лечебным препаратом, особенно эффективным при лечении тяжелых ранений голени, и это лекарство нашло широкое применение в военных госпиталях.

Кедровая живица, кроме того,— ценнейшее техническое сырье. Из нее получают «кедровый бальзам» — полноценный заменитель импортного канадского — и оптические масла, незаменимые при научных исследованиях: капелька такого масла просветляет микрообъекты, увеличивает разрешающую силу приборов. Оно прозрачно, не преломляет лучей и используется также при склеивании телескопических стекол.

Прошу прощения у читателя за специальные подробности, но тема требует больше точных сведений, чем эмоций.

Кедр полон тайн. Никто не знает, почему в кедровой посуде долго не скисает молоко, почему в шкафу из кедра не заводится моль, почему клещ и комар боятся эфирных запахов, источаемых кедром, а пчелы, наоборот, лучше всего себя чувствуют именно в кедровом улье. Кстати, единственное у нас карандашное дерево — кедр. Мягкая, красивая по текстуре, розоватая древесина кедра идет также на музыкальные инструменты, мебель, тару под мед и масло, на аккумуляторный шпон. (Замечу в скобках, что кедр в Сибири и Приморье по-прежнему рубят в устрашающих размерах. Каждый год сплошь оголяется около пятидесяти тысяч гектаров кедровой тайги. Больше одиннадцати миллионов кубометров ценной древесины переводится на стройлес, штакетник, рудничную стройку. И я уже не могу больше об этом писать: чем больше пишешь, тем злее кедр хлещут...)

Все же главная, наиболее очевидная ценность этого дерева — орехи. Они используются пока только в кондитерской промышленности. И сейчас ни за какие деньги не достать даже грамма кедрового масла, хотя когда-то по декрету, подписанному В. И. Лениным, было открыто несколько заводов, вырабатывающих этот ценнейший продукт. Кедровое масло — единственный у нас полно-

ценный заменитель валютного оливкового, столь необходимого при консервировании различных продуктов. Кстати, мы ежегодно покупаем более двух тысяч тонн этого масла, затрачивая свыше пяти миллионов рублей золотом. И нам непростительно сбрасывать со счетов наши неисчерпаемые резервы замечательного дикоросного жира...

Нет, видно, толковые это были мужики — сибирские старожилы, которые возле своих деревень веками холили кедровые рощи, заложив начала оригинального, нигде больше в мире не встречающегося хвойного садоводства. Припоселковые кедрачи состояли в общественной собственности, и старики блюли в них строжайшие законы: не разрешали пасти скот и разводить костры, строго наказывали за преждевременный шишкобой. Как золотой сон своего детства, я вспоминаю кедросады под Томском — разреженные, чистые, без единого мертвого сучочка.

Однако не будем увлекаться. То в Сибири. А мы, живущие на европейской территории страны, можем говорить о пользе кедра скорее теоретически. И все же мы должны ратовать за сохранение существующих у нас кедровых насаждений.

Воспоминания недалекого прошлого свидетельствуют о том, что даже такие скромные рощицы способны приносить немалую пользу. В Коряжме я разыскал древнего деда. Он, ссылаясь на множество свидетелей, клялся, будто роща давала «по сто кулей шишек в год, на десяти возах отвозили». Николай Иванович Жилин, председательствовавший в свое время в колхозе «Аврора», на территории которого расположена упомянутая выше Чагринская роща, получал от продажи орехов до ста тридцати тысяч рублей старыми деньгами, причем часть урожая шла колхозникам на трудодни. А ухода за этим своеобразным северным садом никакого не требовалось.

И совершенно правильно делают местные советские работники, начавшие в последние годы заботиться о кедре. Решением Великоустюгского райисполкома на той же Вологодщине взяты под охрану рощи у деревень Елакино и Катаевская мельница, облисполком объявил заказником многострадальную Чагринскую рощу, но этого мало сейчас. Куда важнее обеспечить охрану и добиться соблюдения статуса заказника...

Мы обязаны также бороться за посадку новых кедровых рощ, хотя, возможно, и не дождемся обильных урожаев. Тут возникает один важный этический вопрос. Если мы живем лишь для себя и только сегодняшним днем, то вообще все на свете, не говоря уже о нашем кедре,— трын-трава. Но если мы хотим серьезно думать о нашем времени, которое неразрывно связывает прошлое с будущим, если мы будем помнить, что наши дети должны жить счастливее, лучше нас, то поневоле в половодье наших больших забот маленьким ручейком втечет мысль о кедре. И вот почему.

Без леса русский народ не жил и не будет жить никогда. Культурные ландшафты даже очень отдаленного будущего непременно включат в себя оптимальные лесные площади. Это будут надежные стражи вод, почв и здоровья людей — парковые зоны вокруг городов и сел, защитные полосы по озерам, рекам и дорогам, живые заслоны на пути оврагов и суховеев, мощные зеленые массивы на водоразделах. И кедр — самое наше высокое, «кубатуристое» и долговечное хвойное дерево — обязательно станет основной, главной породой в таких лесах.

Посудите сами. Живет кедр в три-четыре раза дольше сосны, ели, пихты, не говоря уже об осине или березе. Будет просто экономичнее, выгоднее иметь в основе лесов будущего самое долгоживущее дерево тайги, обладающее к тому же декоративными и другими качествами.

Не все, наверное, знают, что климат и, за небольшими исключениями, почвы значительной части Европейской России чрезвычайно благоприятны для кедра, который не любит лишь сухости воздуха, черноземов и неувлажняемых песков. Причем при высокой влажности воздуха кедр прекрасно растет даже на камнях. Никогда не забуду лесного феномена, встреченного мною однажды высоко в горах Алтая. Кедр-исполин стоял на огромной базальтовой скале, оплел ее толстенными корнями и добывал, высасывал питательные вещества из-под своего пьедестала.

Кедр теневынослив, но с младенческих лет не боится открытого солнца. Он хорошо растет на суглинке и супеси, на сырых дренированных почвах, легко переносит временные затопления. Морозы в полсотни градусов ему

нипочем. И не случайно почти повсюду — от районов Курска, Тулы, Горького, Ижевска, Уфы и до Полярного круга — встречается этот интересный реликт. Иногда одиночное дерево, посаженное в незапамятные времена безвестным любителем, иногда старинные помещичьи и монастырские рощи, иногда — и это очень радует! — молодые древостои, выращенные за годы Советской власти. Больше скажу. В Кировской, Архангельской и Мурманской областях, в Карелии и Республике Коми растет кедр самородный, живущий на этих землях от века.

Тут возникает одна любопытная проблема: исчезает он или распространяется? К сожалению, исчезает, потому что старые деревья погибают, а естественное возобновление пока отмечено только в Савватеевской роще на Соловецких островах. Кедру трудно дать потомство, семя его тяжелое и не имеет крылышек. Так что кедру, пока он не укоренился у нас как следует, не выжить без человеческой заботы.

И многих уже не надо агитировать за кедр. Сотни любителей по сю сторону Урала занимаются кедроводством в часы досуга. У меня самого в заветном уголке Подмосковья до недавнего времени жило триста кедренышей.

Большую часть их я уж пораздавал, поразвез в разные места — не жалко, лишь бы росли. И в 1966 году, когда я поехал с делегацией в Японию, то всю дальнюю дорогу берег семь семилетних кедров. С разрешения японских властей я посадил их на священной горе Фудзи, в районе пятой станции, мечтая когда-нибудь приехать снова туда и посмотреть...

Выращивают кедр многие наши писатели, ученые, садоводы, лесники и лесничие. Но кедроводство в Европе постепенно переходит из области любительства в обыденную практику лесных хозяйств. Ленинградский лесовод Михаил Игнатенко пишет мне: «Только за последние три года мы посадили в лесопарковой зоне города-героя 20 тысяч саженцев и 5,5 тысячи крупномерных экземпляров кедра сибирского. У нас уже повелось проводить эту работу в юбилейные, дорогие нам даты. В октябре 1966 года, отмечая 25-летие Дороги жизни, которая спасла блокадный Ленинград, мы по обе стороны этой легендарной трассы посадили 1100 семилетних кедров. В честь

50-летия Советской власти недалеко от поселка Колтуши закладываем еще одну кедровую рощу. Пусть эти кедры стоят века, символизируя могущество русской земли!» В юбилейный год нашей революции большую рощу кедра сибирского заложил Грязовецкий лесхоз Вологодской области. Около миллиона молоденьких кедров воспитывается сейчас в питомниках Подмосковья, в частности на территории будущего национального парка «Русский лес». Не первый год культивируют кедр белорусские лесоводы, но все это только начало. Каждое областное управление лесного хозяйства, входящее в «кедровый пояс», располагает сейчас семенами, во многих местах создаются кедровые питомники.

Кедроводов России ждут увлекательный труд и неожиданные открытия. Очень интересной и перспективной может оказаться, например, работа по прививкам кедра. «Это еще зачем? — спросите вы.— Прививать кедр!» А затем, что ждать, пока кедры начнут плодоносить по природе своей, довольно долго.

В то же время черенок с вершины взрослого кедра, привитый на подростковое деревце, хорошо приживается, быстро ветвится и уже через три-четыре года начинает давать шишки. Мало того, кедр охотно сживается с обыкновенной сосной, растет на этом, казалось бы, необычном подвое еще быстрей и тоже дает ореховый урожай! Вблизи станции Раздоры, под Москвой, кедровый привой 1958 года вымахал на сосне уже на четыре-пять метров и по осени сплошь осыпан крупными шишками.

Ко мне идет много писем сейчас. Люди интересуются кедром, его лечебными свойствами, условиями произрастания. И почти в каждом письме вопрос: как прививать кедр? На этот счет есть специальные инструкции, которые обобщают небольшой пока опыт — ведь дело это совсем новое. Для тех, кто хочет заняться прививками кедра, я хочу дать несколько первых советов.

Лучшее время прививок — первая половина мая, время, когда в подвое (маленьком деревце сосны или кедра) начинает гнать смолы и ростовые точки оживают. Кое-где прививают кедр «в расщип», однако наиболее эффективен другой способ — «вприклад», сердцевиной черенка на камбий подвоя. Приживление небольшой кедровой

метелочки с почкой надо делать на главном верхушечном прошлогоднем побеге. Хорошо, если его толщина будет миллиметров восемь — десять.

Приступаем. Плавно срезаем одну сторону черенка до сердцевины. Длина среза — пять—семь сантиметров. С другой стороны привоя снимается кора на два-три сантиметра. Далее на подвое ножом отделяется кора, обнажается полоска камбия, к которой и прикладывается сердцевиной кедровый черенок, а к нему прижимается кора подвоя. Пробовали место прививки обматывать изоляционной лентой или пластырем, однако оно не дышало и часто омертвлялось. Практичнее оказались мягкие нитки, обыкновенные штопальные обрывки. Не слишком туго, не повреждая коры, надо примотать черенок к стволику, потом обмазать место прививки садовым варом или облепить пластилином.

Верхушечные почки подвоя в первый год ни в коем случае не срезаются — соки деревца хорошо пойдут вверх и не минуют кедровый черенок. Нитки потом распадутся сами, а если останется что, то осенью их можно аккуратно удалить. Этот способ очень прост и надежен, обеспечивает 95-процентную приживаемость. Думаю, что те, кто имел когда-нибудь дело с садом, смогут успешно прививать кедр даже по моему описанию. Да и непосвященные любители, наверно, справятся с этой нехитрой операцией — все же освоить прививку кедра легче, чем, скажем, научиться по описанию завязывать галстук.

Прививки таят в себе интереснейшие возможности. Любовь кедра к влаге можно использовать не только при освоении осушенных земель лесомелиоративного фонда. Те относительно сырые низины, которые дорого или трудно осушать, можно занимать молодым кедром и прививать на него старые кедровые почки. Сухие водораздельные места в зоне достаточной влажности воздуха, неподходящие для орошения и сельскохозяйственного освоения, хорошо покрывать сосной с последующей кедровой прививкой. Этим способом можно вовлечь в полезную работу другие бросовые земли — смытые до материнской породы склоны, каменные осыпи, заовраженные места. Корневая система кедра сибирского, обладая исключительной пластичностью, не подведет нас, сделает полезное дело, не говоря уже о том, что в перспективе мы бу-

дем иметь такое чудо природы, каким является кедровый орех.

Специалисты заметили также, что на заботу человека кедр отвечает добром. Если в естественных условиях он плодоносит раз в три-четыре года, то в культурных, например, в Мурманской области, урожаи бывают по нескольку лет подряд. Ежегодное, хотя и разной интенсивности, плодоношение наблюдается в Толгской роще (Ярославская область), в Выповской (Владимирская), в Заякинской (Удмуртия). Кроме того, кедр у нас растет значительно быстрее, чем в Сибири, и раньше достигает возмужания. В Чуприяновском и Воронцовском лесничествах Калининской области половина непривитых кедровых деревьев начала цвести с двадцатипятилетнего возраста.

Отмечаются случаи и более раннего плодоношения. Михаил Игнатенко из Ленинграда сообщил както в журнале «Лесное хозяйство», что семь его питомцев под Стрельней начали цвести в девятилетнем возрасте, а на десятом году жизни у одного из них образовалась шишка с вполне здоровыми семенами. Замечено также, что орехи европейских кедровников, например, в Никольске Вологодской области, в полтора раза крупнее орехов сибирского происхождения.

А сколько же можно получить этого добра с одного дерева?!

Как правило, это двадцать пять — тридцать килограммов, однако науке известны случаи, когда хорошо развитый «культурный» кедр дает до центнера чистого ореха, и тут опять открывается большой простор для опытничества.

Об огромных возможностях чудо-дерева говорит тот факт, что оно может давать ценный пищевой продукт до глубокой старости. Несколько лет назад я с группой друзей побывал в старейшем нашем кедраче — Кыгинском. Царственные кроны уходили на сорокаметровую высоту в небо, а под пологом неба стояла первозданная тишина. Чтобы обойти вокруг грузные, фундаментальные корневища, надо было сделать пятнадцать — двадцать шагов. Около пятисот лет прожил этот кедрач, однако он еще дает устойчивые и обильные урожаи. У корней одного из гигантов мы собрали полный мешок шишек...

Совершенно очевидно, что кедр сибирский для европейских районов страны — очень перспективная лесная и, может быть, садовая порода. Разве плохо вырастить несколько кедров на приусадебном, садовом или школьном участке? Вот вспоминаю детство. Во многих сибирских рабочих поселках, в селах и маленьких городках росли на задах огородов кедры. И что интересно — в тайге, бывало, нет орехового урожая, а на огородах — осыпной. Кедровые деревья, растущие свободно, образуют шаровидную крону, плодоносят чаще, чем в лесу, в особо счастливые годы образуя по четыре-пять шишек в пучке, осыпая ими ветки до самых нижних сучьев. Причем особенно богатые, временами ежегодные урожаи давали припоселковые кедровники, и разве плохо бы иметь большие культурные насаждения кедра вблизи сел нашего Европейского Севера?

Как и все растущее, кедр требует питания и хорошо отзывается на удобрения. Михаил Игнатенко, о котором я уже упоминал, взял на учет все кедры Ленинградской области. Они растут в парках Петродворца и Гатчины, Шегловском и Приютинском, в окрестностях поселка Рощино и на побережье Финского залива. Выяснилось, что те деревья, которые получают удобрения вместе с огородными или садовыми культурами, плодоносят чаще и обильнее. Один из подопытных кедров как-то был удобрен фекалием. В 1962 году на нем образовалось 319 шишек, в 1963 — 238, в 1964 — 326. Его сосед-ровесник, не получивший удобрений, дал соответственно всего 34, 23 и 67 шишек.

Охранять существующие кедровые рощи, закладывать новые — дело благородное, красивое, патриотическое, и наша молодежь, школьники, могли бы выступить инициаторами замечательной инициативы. Как было бы интересно заложить кедровые рощицы на всех пришкольных участках «кедрового пояса»! Если первоклассник своими ручонками посадит кедренок-двухлетку, в пятом классе сделает на нем прививку, то к окончанию школы он увидит плоды своего труда. А главное, он научится любить лес и дерево, уважать все живое, станет духовно богаче, сильнее привяжется к родной земле.

Мысленно я переношусь на полсотни лет вперед, куда-то к столетнему юбилею нашего государства, и вижу по городам и весям прекрасные кедросады. Своей непо-

вторимой красотой они будут пополнять духовный рацион наших внуков, благоухать по веснам стойкими смоляными ароматами, а каждую осень покрываться золотыми гроздьями плодов. Вот бы дожить!..

1967—1975

ЗЕМЛЯ-КОРМИЛИЦА

I

Родной землей мы называем тот край, где родились и выросли, если даже он покрыт болотами или песками. Русской землей издревле именуют мою большую родину, хотя пашен на ней в десяток раз меньше, чем лесов. И планету свою люди числят Землей, несмотря на то что две трети ее поверхности залито водами. Наверное, все это потому, что хлеб наш насущный дает нам земля — тоненький почвенный слой, ничем не заменимый дар, накопленный природой за долгие тысячелетия: землей-матушкой, землей-кормилицей приравнены друг другу, объединены несчетные человеческие судьбы и поколения, миллиарды людей связывали, связывают и будут еще многие столетия связывать с землей свои начала и концы...

Земля, почва — этот сложнейший живой организм, образующийся, по В. В. Докучаеву, под влиянием климата, рельефа, времени, исходной материнской породы и биологических воздействий,— среди наиболее необходимых человеку даров природы занимает особое место. Если солнечный свет и тепло, например, мы можем признать практически неисчерпаемыми, то почти все резервы плодородного пахотного слоя планеты сегодня вовлечены в хозяйственный оборот. Если вода и воздух, вечно обращаясь, способны сравнительно быстро *самоочищаться,* а леса *восстанавливать себя,* то благополучие почвенного слоя зависит ныне исключительно от человека. «При рациональной системе хозяйства,— писал Карл Маркс,— производительность почвы может быть доведена до такой степени, что она будет повышаться из года в год в течение неограниченного периода времени, пока наконец не достигнет высоты, о которой мы сейчас едва можем составить представление». Однако на Земле не

установилась пока гармония в отношениях меж человеком и природой, не осуществлена научная организация общественного труда, не победила новая социальная мораль, короче говоря, не наступил еще коммунизм, неизбежность пришествия которого доказал К. Маркс. И в силу самых разных исторических, экономических, политических и психологических причин взаимодействия между землей и человеком повсюду исполнено сложностей и противоречий.

Конечно, человек может быстро обогатить удобрениями истощенную почву, однако он не в силах создать ее заново. Эту титаническую работу способна выполнить только природа. И делает она это неторопливо, основательно, спокойно. Как ты ее ни торопи, как ты ей ни подмогай, она не хочет считаться ни с ускорением темпов общественной жизни, ни с растущими потребностями человечества в продуктах питания, ни с приростом населения, ни с наступающим дефицитом полезной земной площади. *На восстановление слоя почвы всего в два с половиной сантиметра при хорошем и постоянном растительном покрове природа затрачивает до тысячи лет!* Как же мы должны дорожить своей землей, как оберегать ее от разрушительных необратимых процессов!..

Не знаю, какой вид имело Правобережье Днепра в его среднем течении тысячу лет назад. Должно быть, немало уже полей занималось под злаки — чем же иначе могло кормиться население Древней Руси? И дремучие леса там и сям еще стояли — где ж тогда охотились князья на вепрей, ланей и туров? И приточные реки, наверно, были рыбными, чистыми и полноводными, в любое лето пропускающими из Днепра Славутича челны и ладьи.

...Наш «газик» пересек по мостку Рось. Не эта ли ныне мутная мелкая и медленная речонка дала название великой стране, зародившейся когда-то на ее берегах? Здешние места считаются сердцем Украины. И не только из-за своего географического положения. По случайному совпадению, быть может имеющему какую-то свою глубокую закономерность, эти земли стали местом

усиленного паломничества — именно тут, на высокой горе у Канева, завещал похоронить себя Великий Кобзарь.

И я заехал сюда поклониться праху поэта, тихо постоять подле, оглядеться вокруг... Днипро в весеннем разливе, степные дали просторного Левобережья, обрывные кручи правого берега, а за спиной Тараса — лес Чернечей горы, загораживающий то, что назавтра оглушит меня с непривычки, взбудоражит и надолго займет. Земля...

Народ вообще-то живет тут зажиточно. Земли добрые, можно сказать, отменные. В урожайный 1966 год крестьяне Каневщины собрали в среднем по двадцать четыре центнера зерновых с гектара, а пшеницы — двадцать восемь! Как тут не радоваться! Однако есть у этих благодатных мест одна страшная беда, которая, как вечное проклятие, омрачает любую радость.

Едешь по району, переваливаешь с бугра на бугор, ныряешь в развальные балки, далеко по целику огибаешь свежие глубокие провалы и видишь, что никакого «степу широкого» тут и в помине нет. Земля настолько густо изрезана оврагами, что образовался пересеченный, почти гористый рельеф, а поля вытеснены на водораздельные межовражные площади. Вот пахотные земли колхоза имени Боженко. К проселочной дороге примыкает сравнительно небольшая водосборная площадь. Недавний ливень подмял, как траву, молодой приовражный лес и обрушил в провал полторы тысячи кубометров земли. Острым и длинным клином врезалась вершина оврага в поле. А вот овраг устрашающих форм и размеров. Падает в Рось за много километров от вершин. В самом своем истоке он имеет глубину около двадцати пяти метров, а внизу, куда не добраться,— полсотни. В дождь края оврага слезятся, вода подмывает мягкие основания стен, земля нависает козырьками, потом сползает вниз. Овраг расширяется, образует отвершки, поражает новые и новые поля.

Недалеко от Канева мне показали Хмелянский овраг. Длина его сравнительно невелика — восемь километров, но глубина чудовищна — семьдесят метров, а длина по периметру со всеми отвершками — сто двадцать километров! Совсем недавно он поглотил десять гектаров пахотной земли. Есть на Каневщине овраги дли-

ной по двадцать — тридцать километров, и один из них, падающий в Днепр, подступил к шоссейной дороге Канев — Киев. Беда рвет в клочья поля, губит села и сады. Почти четыре с половиной тысячи оврагов в одном районе!

Никогда, верно, не забуду я еще одного тяжелого впечатления, вывезенного совсем из другого уголка страны. В тот день над Горным Алтаем сияло ослепительное солнце. Прозрачный горный воздух приближал к речной долине изумрудную тайгу, у воды легко и ненасытно дышалось.

Старый алтаец, с которым мы рыбачили, клятвенно обещал погоду на ближайшие дни. Но после полудня вдруг солнце ослабело, стало мутнеть, желтеть и коричневеть. Алтаец недоуменно взглядывал на него и упрямо повторял, что дождя, однако, не должно быть — ни зверь, ни птица, ни насекомые не готовятся к нему, а они-то уж знают...

После хариусной ухи мы заснули в палатке. Ночь прошла без громов и молний, только воздух был какой-то тяжелый и невкусный. А утром нас ждало нечто особенное — за ночь тайга в долине сделалась черной. При свете свежего утра стояли в недвижном воздухе черные кедры, березы и пихты. Ближе к нам они были серо-коричневыми. Потрясенный алтаец растерянно вертел головой. Он прожил тут почти восемьдесят лет и никогда не видел родных лесов в таком противоестественном облике. Тайга сняла траур через два дня, когда начались ветры и дожди. Вода, в которой еще вчера можно было увидеть трепетные тени хариусов, сделалась мутной, и даже большие камни на дне не просматривались...

Что это было? В степном Алтае, за сотни километров от нас, ветры подняли в воздух распыленную неразумной обработкой почву и протащили над нами в Туву и Монголию.

Вода и ветер — вот две природные стихии, вызывающие эрозию. В отношениях меж землей и водой самой природой заложено непримиримое противоречие. Влага необходима для образования почвы и развития жизни

на ией. Без воды мы ие сможем вырастить ии растеиия, нн животного — этих промежуточных звеньев, соединяющих почву и человека. В то же время вода при определенных условиях — зло иеизбежное и страшное. Если умело снять на пленку сильный дождь и посмотреть, что он творит на поверхности земли, мы увидим картину, полную динамики н драматизма. Крупные дождевые капли, падая с большой скоростью, производят своего рода взрывы, которые разбивают комки почвы, вымывают питательные вещества, образуют мутную смесь, закупорнвающую земные поры. Вы замечали, что даже очень снльный дождь ие может иногда промочить почву иа глубину более пятн сантиметров? Но это еще полбеды. Куда вреднее смыв почвы.

Идеально горизонтальиых плоскостей иа земле, должно быть, ие существует, и вот взмучеииая вода стекает по склонам, часто совсем иезаметно обедняя землю, снимая с нее один живой слой за другим. Все коварство этой *плоскостной* эрозии обнаруживается тогда, когда мы замечаем, что почва иачала менять цвет, светлеть, терять плодородие.

Следующая ступень в нашем перечне бед — *струйчатая* эрозия. Обильные дожди и быстрое таяние снегов вызывают иа полях мелкие промоины по склонам. Их запахивают каждый год, а они возрождаются снова и снова, и там, где есть условия — например, попутное склону понижение, тропа к водопою или тракториая колея, водомоины могут привести к последией стадии распада земли — *овражной* эрозни.

Ветровая эрозия наиболее губительна иа безлесных ровных просторах. Почва сплошь распаханных полей в период засухи превращается в легкую распыленную массу и становится добычей ветра. Земля закручивается в смерчи, «дымнтся» на подветренных склоиах, ндет поземкой, засекая всходы сельскохозяйствеиных культур. Зимамн ветры иногда сдувают сиеговой покров и образуют черные сугробы нз снега н пыли. Но все же главное, непоправимое стихийное бедствне в сплошь распаханных степях — пыльные бури. Мелкие летучие частицы почвы поднимаются высоко вверх и переносятся на сотни, даже тысячи кнлометров. Более крупные и тяжелые частнцы перегоняются ветром по земле н засыпают посевы, строеиия, сады, огороды, дороги, оросительные со-

оружения. Черные бури нередко сдувают почву до материнской породы, и тогда, считай, конец земле на веки вечные.

Как велики масштабы этого бедствия? Не будет большим преувеличением сказать, что оно распространено почти повсеместно. Только в европейской части страны подвержено водной эрозии около пятидесяти миллионов гектаров пашен. Ежегодно «списываются» тысячи гектаров в Воронежской, Ростовской, Саратовской, Курской и других областях России. Деградирует чуть ли не треть украинских сельскохозяйственных земель.

В Армении полностью смыт пахотный слой на площади в сто тысяч гектаров. В Азербайджане почти сорок процентов всей территории подвержено водной эрозии. Эрозированность пашен в ряде районов Нахичеванской АССР достигает 85 процентов. В Грузии есть колхозы, которые, лишившись в результате эрозии всех пахотных земель, вынуждены переселяться. В целом по стране ежегодно смывается около полумиллиарда тонн почвы. С пашен и с пастбищ уносится за год 1,2 миллиона тонн азота, до 0,6 миллиона тонн фосфора и около 12 миллионов тонн калия. Причем азота мы теряем больше, чем дает вся туковая промышленность страны.

Во многих земледельческих районах эрозия уносит азота, фосфора и калия больше, чем вносится в почву с удобрениями, и потому-то наши усилия и огромные затраты на удобрение полей не дают подчас заметной прибавки урожая.

Наступают овраги. На Украине около миллиона гектаров заовраженных земель. В Центрально-Черноземной полосе России длина оврагов на каждом квадратном километре составляет в среднем 580 метров, а в Курской и Орловской областях — более семисот.

Все чаще случаются черные бури. Не забыты еще чудовищные, с трехкратным повтором пыльные бури 1960 года. Всю весну того приметного года хлеборобы нашего юга не видели света, не знали покоя. Бедствие охватило десять областей Украины, повредило около миллиона гектаров озимых, вызвало гибель посевов во многих районах Краснодарского и Ставропольского краев, в Ростовской и Волгоградской областях. На Черных землях, где зимою пасется до трех миллионов овец, сдвину-

лись пески. За последнее десятилетие площадь сыпучих песков удвоилась.

Эрозия захватила даже такой увлажненный, лесной и болотистый край, как Белоруссия. С лесных площадей, оголенных рубками, летят легкие супесчаные почвы, пылят осушенные торфяники. По распаханным сплошь землям Казахстана пыльные бури гуляют теперь ежегодно. В 1963 году в Павлодарской области повреждены и уничтожены посевы на площади более миллиона гектаров, на следующий год было выведено из оборота еще шестьсот тысяч гектаров.

В 1965 году ветровая эрозия охватила пять миллионов гектаров Целинного края. За последние пятнадцать лет в Казахстане возникло около трех миллионов гектаров сыпучих песков.

Ветровая эрозия широко распространилась также в степях Калмыкии, Башкирии, Тувы, на Алтае и Северном Кавказе, в некоторых районах Поволжья, Узбекистана, в Приморском крае, в Омской, Новосибирской и Читинской областях.

Весной 1963 года черные бури в Хакасии полностью выдули плодородный слой на площади в 150 тысяч гектаров и засыпали полтораста километров оросительной сети. И это произошло в Минусинской котловине, традиционной житнице Сибири, где и слыхом-то не слыхивали о подобной напасти!..

Не достаточно ли фактов и цифр? Их можно множить до бесконечности. Подведу окончательный итог: ежегодный ущерб, причиняемый эрозией почв нашему народному хозяйству, ныне исчисляется в 4 000 000 000 рублей! Четыре миллиарда!

Вторую неделю я езжу по Украине. Степной пейзаж меня не очень-то трогает, я то и дело оглядываю горизонт — не появится ли где-нибудь лесок?

На Украине у меня теперь много друзей-лесников. Для простоты, видимо, допустимо называть «лесниками» всех работников лесного хозяйства — от вальщика до министра, как, например, можно считать «аграрниками» тех, кто пашет, изучает землю, кто руководит сельскохозяйственным производством.

Украинские лесники гостеприимны и держатся независимо — им есть что показать. В своем малолесном краю они включили заготовки в лесохозяйственный цикл, устранили извечный антагонизм между лесхозом и леспромхозом, подчинив рубки твердым правилам. Здесь сделан первый шаг к осуществлению принципа постоянства, непрерывности пользования лесом — заветной мечте отечественных лесоводов.

Рассчитанные на века лесные поселки, прогрессивные способы рубок, непрерывный процесс замены спелой древесины молодняком, постоянные кадры, должно быть, это прообраз организации лесного хозяйства во всей стране.

А какие изумительные на Украине питомники и дендрарии! В рядовом лесхоззаге нередко можно встретить питомник, который хоть сейчас переноси на ВДНХ, можно познакомиться с богатейшими коллекциями древесных пород. В Каховском лесхоззаге, например, собраны сотни видов деревьев и кустарников. И клен французский, и облепиха, и вишня войлочная, и береза каменная, и иудино дерево, и фантанезия, и «чекалкин орех», и чего только тут нет! А люди какие! В Зеньковском районе Полтавской области вот уже тридцать шесть лет трудится лесничий Петро Яковлевич Артеменко. Семнадцать тысяч гектаров леса вырастил он — это ли не подвиг?

На той же Полтавщине показывали мне Кобелякское лесничество с тополиным опытно-производственным участком. Тополь — очень перспективная порода для нашего лесоводства. По всей республике лесники разыскивали так называемые «плюсовые деревья». Паспортизировали более пятисот тополей, пронумеровали их и огородили. На основе этого элитного фонда сделали тысячи скрещиваний и получили гибриды, бесконечно разнообразные по производительности, быстроте роста, формам листа и кроны, требовательности к почвам и влаге. Запомнил я белый тополь с рубчатым листом, и мелколистный, почти под березу, и трясучее, похожее на осину деревце. Выделяется на участке своими стройными, мощными стволами аллея тополя, получившего название «Грандиозный», а рядом засухоустойчивый «Степной» и «Полтавский-1», дающий ежегодно двухметровый прирост. Но всего удивительнее мне показался тополь, который так

н называется «Удивительный» — огромные, темно-зеленые, как у лопуха, листья с краснымн прожилками. Этот декоративный гибрид скоро украсит улнцы украинских, а может быть, н не только украинских городов. За год опытный участок отправил по разным адресам полтораста тысяч черенков разных сортов тополя.

Лесники Украины в последние годы чудно озеленили подъезды к Киевскому аэропорту, Бортническую оросительную систему, Северо-Крымский канал, бросовые, загубленные горняками землн в Донбассе, множество дорог. Подчас это было не так просто. То начальство требует срочной работы и чтоб сразу «вид був», то приходится прижнвлять деревья на щебне, на горных выработках, а то даже на материнской породе, добытой с пятидесятиметровой глубины, как это было на канале, то приходит задание озеленить сухой песчаный берег моря, где никогда ничего не росло.

Посмотрим, однако, повнимательней работу лесников там, где они прнходят на выручку земле-кормнлнце. На Херсонщине, например, они сотворили настоящее чудо: остановили сосной Алешковские пески — пустыню вполне приличных размеров — н не только спаслн от засыпання пашнн н пастбища, но и научнлнсь выращивать на чистых кварцевых песках вннoград, абрикосы, землянику. Лесники посадилн в этом засушливом крае около шестидесяти тысяч гектаров сосны, н даже зверь по достоинству оценил их работу — сейчас в области насчитывается более полутора тысяч штук благородных оленей, свыше семисот косуль, двестн пятнистых оленей, полсотни ланей, появился заяц, фазан, и даже невесть откуда взялось девять лосей...

Теперь нам без леснннков уж ннкак не обойтись. И дело не в том, что это моя слабость — сворачивать любой разговор на лес н лесоводов, а просто наша тема — земля н ее беды — требует этого.

Вернемся на Каневщину. Нет в стране района, который был бы так же нзрезан оврагамн, поразнвшнми здесь треть всех пашен. И нельзя сказать, что благодатную землю эту не пыталнсь спасать. Крестьяне когда-то сооружали плетни на дне оврагов, чтоб приостанавливать бурные потокн, перед революцией земства стронли бетонные водоспуски, однако эти слабые уснлня не могли

побороть стихию, которая потом долгие десятилетия ие встречала никакого сопротивлеиия. Конечно, все видели, что каиевские земли безвозвратно гибнут, но эта иаша проклятая привычка считать только сегодияшнюю копейку и постояиные иехватки ввергали хлебородный район в катастрофическую беду. Надо было принимать срочиые меры.

Строго говоря, «срочные» или «неотложные» меры в таком деле не совсем подходят — борьба с эрозией почв не кратковремениая кампания, она должна длиться десятилетиями, непрерывио и планомерно. Однако иа Каневщиие, где земли разрушались веками, надо было немедлеино изыскать средства для единовременных вложений, иайти рабочую силу, машины и материалы, чтобы остановить хотя бы самые свирепые овраги. Но не скоро бы, наверно, дело сдвинулось, если бы не одно счастливое обстоятельство, о котором я скажу несколько позже.

Прежде всего встал вопрос — кто, какое ведомство будет практически бороться с оврагами? Логично было бы предположить, что этим важнейшим делом займутся те, кто больше всех заинтересован в сохранении земель. Однако аграрники руками и иогами отбивались — своих забот полон рот. Тогда взялись за новое дело лесники. В этом была, вообще-то говоря, своя логика: лесники давно уже сажали кусты и деревья по оврагам и балкам — бывшим оврагам. Но молодые насаждения не могли сдержать действующих оврагов: когда обваливается стеиа земли в полсотни метров высотой, то и могучие дубы оказываются виизу. Сколько уже укоренившихся лесочков погибло в провалах, сколько было похоронено трудов, денег и надежд! Надо было искать к оврагам другие ключики.

В 1958 году под Каневом было организовано предприятие нового типа — государствениая гидролесомелиоративная стаиция. Лесники получили кой-какую технику, небольшие бюджетные деньги, первые проекты противоовражных мероприятий.

Начали с Чериечей горы, потом перешли иа поля. Каневские овраги требовали комплексных защитиых мер. У вершин оврагов нагребали земляные валы, строили бетонные водоспуски, террасировали склоны балок, чтоб не образовывалось вторичиых оврагов, сажали лес иа

террасах, на дне провалов, на склонах и понижениях, на любом клочке, который удавалось вырвать у аграрников. Сейчас это первое в стране специализированное предприятие по борьбе с оврагами может подвести кой-какие итоги...

Помню, сидели мы на берегу Днепра. Земля под нами, ближе к обрыву, была вся в складках и провалах. Детей туда не пускают — опасно. Десять лет назад гигантский плывун унес семнадцать гектаров прибрежных земель, однако этот оползень меня сейчас не интересовал.

Днипро стоял в разливе. И правда, что не всякая птица в эту пору перелетит через него — до самого горизонта была сизая вода с редкими зеленинками ракит. Но и Днепр, честно сказать, не увлекал меня в тот вечер. А вечер-то был хорош! С высокого мыса, на котором располагалась контора производственного участка ГЛМС, открывался почти панорамный обзор на мутнеющие дали, на звездное уже небо, целиком отраженное в зеркале днепровского разлива. Тишина и покой царили вокруг. На этом мысу, между прочим, когда-то стояла усадьба замечательного русского актера, режиссера и театрального педагога Александра Павловича Ленского (Вервициотти), воспитавшего Пашенную, Остужева, Рыжову, Турчанинову, Садовского. Он и похоронен был здесь, на мысу, только оползень потревожил его могилу, и каневцы решили перенести останки Ленского в город. Захоронили его там рядом с писателем-бойцом Гайдаром, недалеко от Тараса...

Меня в тот вечер занимали сухие цифры, волновали, не знаю почему, полнились многооттеночным смыслом. Может, это меня заразил директор ГЛМС Иван Франкович Лащ? Он мало говорит, только отвечает на вопросы, но я вижу, как переживает этот человек, думая, возможно, о том, что приезжему все равно никогда не объяснишь, чего в действительности стоила тут каждая победа. За восемь лет станция посадила более пяти тысяч гектаров защитных прибалочных лесов, построила тридцать три гидротехнических сооружения, нагребла двести пятьдесят километров водозадерживающих и отводных валов. А что это дало? Закреплено и обезврежено более двух тысяч действующих оврагов, спасено от скорой и неминуемой гибели восемь с половиной тысяч

гектаров пахотной земли. Ну хорошо, а во сколько же обошлась эта работа? Если прибросить на круг, то каждый спасенный гектар взял всего сорок рублей. Да разве в этом дело! Восемь с половиной тысяч гектаров исчезли бы навечно, а теперь они будут каждый год и неопределенно долго работать на общество. В 1966 году, скажем, с них собрано десять железнодорожных эшелонов зерна...

Опыт Каневской гидролесомелиоративной станции, история ее создания, практика и итоги работы заставляют думать, радоваться и огорчаться. Иван Франкович рассказал мне, сколько крови стоило создать предприятие. Ведь чтобы утвердить статут и штаты этой совершенно новой в стране организации, требовались бесчисленные согласования и увязки, грозившие растянуться на годы. Ничего бы не вышло, как все сейчас понимают, если б не... юбилей Шевченко. Оказывается, главным аргументом в пользу создания станции был следующий: надо окультурить и защищить от овражной эрозии Чернечу гору, на которой лежит Тарас. Снова и снова дивишься, как трудно у нас проходят даже наиболее очевидные и неотложные мероприятия, направленные на сохранение родной природы, ее естественных богатств!

Дальше. Мы можем радоваться опыту каневцев, но ведь станция сделала немного, если учесть масштабы эрозии на Украине — около одного процента заовраженных земель республики охвачено пока противоэрозионной работой. Правда, по образцу Каневской создано еще несколько станций, всего намечено открыть девятнадцать таких предприятий. Появилась надежда, что овраги, действующие в этом районе страны тысячу лет, наконец-то будут укрощены. К сожалению, не так обстоит дело в других местах. Весной 1967 года в Волгограде и Кулунде собирались работники лесного и сельского хозяйства России, чтоб вместе подумать об усилении борьбы против эрозии почв. Ни один из выступавших не рассказал об опыте, подобном каневскому, а во многих районах страны даже не знают, с какого боку и подступиться к оврагам.

Да и украинцам необходима помощь. Не хватает машин, механизмов, материалов. Давно пора наладить снабжение станций типовыми бетонными деталями лотков,

водобойных колодцев и консольных сбросов — стоимость противоэрозионных работ резко снизится, а качество станет выше. Пока все работы выполняются на месте с применением ручного труда. Не держатся кадры — механизаторы, например, живут и работают в худших условиях и получают меньше, чем их товарищи по профессии, занятые в колхозах и совхозах. Может быть, стоит подумать о том, чтобы аграрники делились с лесниками натуральной продукцией, которую эти лесники столь ощутимо помогают вырабатывать?

Тут я бы учитывал один важный аспект проблемы, имеющий экономический и этический смысл. Эрозия естественная, геологическая — это одно, а мы все время говорим об эрозии почв, сопровождающей деятельность человека.

В одном случае обесцениванию и разрушению почвы способствует отвальная вспашка, в другом — усиленная пастьба скота, в третьем — нарушение комковатой структуры почвы из-за неверной агротехники, в четвертом — неправильная обработка склонов пашни и т. п. И мы прежде всего должны заботиться об устранении причин эрозии. Вот тут-то у аграрников очень слабые позиции. Это они по разным причинам обедняют земли, принадлежащие всему обществу, это они должны взять на свою душу сей великий грех. А за грехи надо платить...

И побольше бы следовало говорить и писать об опыте каневцев, пощедрее вознаграждать тяжелый труд борцов с оврагами. Представьте себе голую распаханную равнину, в которую глубоко врезался овраг. Жарища, а тут даже тени нет. Тридцатиметровый обрыв надо превратить в пологий склон, отрыть в нем ложе лотка, привезти подчас за десятки километров и спустить на откос и дно оврага щебень, цемент, воду, соорудить опалубку, замесить раствор, перекидать и уплотнить его, а водоспуск иногда выходит длиной до восьмидесяти метров. Случайные бригады, бывало, разбегались от такой работы кто куда, и не осудишь их за это, потому что лесники при их тощих бюджетах не могут дать большего заработка.

И вот эти обыкновенные наши граждане — землекопы, бетонщики, плотники — оставляют после себя в степи укрощенный овраг, материальный памятник их труду.

Я осмотрел десятка два сооружений, и в одном только месте Казаровского участка ГЛМС сезонная бригада, работавшая там в 1962 году, решила зафиксировать свою причастность к этому искусственному овражному склону, к длинному лотку-быстротоку, к водобойному колодцу, к лесочку, уже поднявшемуся над потухшим оврагом. И пусть эта бригада за прошедшие годы рассыпалась — не собрать никакими силами, я приведу здесь ее список, нацарапанный на широком бетонном лбу водоприемника: «Бас В. И., Дармокрик В. В., Бугай М. Г., Бабич В. С., Ткалич В. Ф., Чиколда И. О., Календюк М. С., Косяр Д. М., Гайдай И. Г., Синеокий М. А.». И над этими своеобразными украинскими фамилиями — скрещенные дубовые листья, эмблема тех, кто обратал огромную яругу...

II

На медленном водометном катере мы плывем вдоль берегов Кременчугского «моря». В руслах речек, ручьев, оврагов и балок — чуть приподнимающиеся над водой конусы земли неопределенного цвета. Выносы. А вот целый остров намыло. Мы подъехали. Это был плодородный ил, смытая с полей почва — невозвратимая и неучтенная потеря...

Эрозия не только навек забирает нашу почву: в природе все взаимосвязано, и прорыв по фронту вызывает отступления на флангах. Эрозии почв сопутствует немало других бед. В частности, продукты выноса, отлагаясь, заиливают водохранилища, каналы, реки, пруды, ирригационные сооружения. Шутка сказать, одна лишь каневская овражная система до недавнего времени выбрасывала ежегодно в Днепр и Рось двадцать один миллион кубометров земли! Выносы снижают мощность электростанций, эффективность ирригации, сокращают судоходные линии, увеличивают расходы на очистку водоемов и коммуникаций.

...Широко разверзлась в холмистом берегу балка «Долына». Лесник Михаил Саввич Махаенко советует заглянуть в нее, там «е що бачить». И правда, интересно! Балка вольготно раздалась вширь, по закраинам ее вид-

ны пашни. «Долына» уходит к далекому черному горизонту — там тоже пахотная земля. Километрах в пяти от берега делает поворот, разветвляется, увеличивая и без того большую водосборную площадь. Не хотел бы я во время ливня очутиться в устье этой «Долыны».

— Жуткое дело! — рассказывает Махаенко.— Грязная вода идет таким валом, что кажется, трактор перевернет. Но это все кончилось. Смотрите!

Тополевым посадкам около десяти лет, но деревья уже вымахали ввысь на восемнадцать — двадцать метров. Посаженные правильными рядами поперек течения воды, с кустарниками и многолетними травами, насаждения успокаивают, гасят ливневые потоки и осаждают ил. Мы подходим к пробному шурфу. По слоистым срезам можно считать паводки, ливни, года. Уже более метра ила осело на дно балки — несколько миллионов тонн плодородной земли. И, как знать, придет, может, время, когда из таких вот ловушек мы начнем перевозить почву обратно на поля. Ведь как все растет на этих земных сливках! С каждого гектара насаждений лесники уже берут в год несколько десятков кубометров древесины и получают четыре укоса сочных трав.

Илофильтры, как я увидел, хорошо цедят воды и на других днепровских водохранилищах. Направляют эту важную работу проектировщики «Союзгипролесхоза», и украинские лесники хорошо отзываются о них. Проектировщики помогли полностью облесить «моря» по периметру, разработали много проектов закрепления песков. Ученые Украинского научно-исследовательского института лесного хозяйства пытаются также — правда, пока не очень успешно — применять ивовые волноломы, чтобы не разрушались берега «морей».

О размыве берегов водами искусственных водохранилищ — *абразии* — надо бы сказать особо. Меня, вспоминаю, поразил и опечалил вид огромной горы, возвышающейся над Кременчугским «морем». Когда-то в густом лесу на кручах этой возвышенности стояли русские военные поселения, и к горе с тех пор прилепилось имя «Московская». Катер отмеривает километр за километром вдоль нее, а берег все тот же — глубокие волнобоины над урезом воды, сыпучие земляные обрывы в полсотни метров и больше, вековой лес, сползающий сверху. И во-

обще на днепровских водохранилищах я вдоволь насмотрелся, как перерабатываются волнами берега, занятые пойменными лугами, посевами, лесными посадками. Днепр не исключение. На Волге, на Оби, на других наших реках, остановленных гигантскими запрудами, ежегодно обрушиваются в воду миллионы тонн береговых земель — гибнут пашни, постройки, дороги, леса.

Украинские лесники, по совету ученых, пытаются сажать в отмельных местах ивняковые волноломы, да толку от этого мало. Что может сделать щетка из прутьев и кольев против пятибалльного шторма? А как защитить Московскую гору, например, под которой сплошь приглубые берега?

Это беда неостановимая, и никто пока не может предугадать, когда же по берегам наших водохранилищ образуются естественные волногасящие откосы. Но есть один вопрос, требующий ответа: за счет кого мы должны отнести эти безвозвратные потери прибрежных земель?

А во время поездки вдоль Северо-Крымского канала я был потрясен ландшафтами, открывающимися время от времени с дороги.

Вообразите себе большой колхозный сад, вступивший в пору наивысшего плодоношения. Идет весна, сад буйно цветет, одев землю облаком необычайной белизны. Но это его последнее цветение — под самые нижние ветки яблонь, вишен и слив подступила вода. И эту беду отвратить тоже невозможно. Правда, за селом Чернянка построили станцию перекачки. Прорыли понизительную систему, уложили трубы большого диаметра, круглосуточно качают воду в канал, но она не убывает. в Чернянке народ шутит: «Що дурный робить? Ситом воду носить...»

Не разумнее ли было бы потребовать от энергетиков, чтобы они ограничивали площади водохранилищ до каких-то оптимальных размеров? Ведь и затопление Конских плавней было предусмотрено проектом, хотя в свое время ученые настойчиво предлагали обваловать водохранилище, чтобы спасти земли...

И еще одно умозаключение, которое, правда, может показаться кой-кому слишком уж еретическим. Однако я обязан высказать его здесь, оно принадлежит не толь-

ко мне. Крестьяне, ученые, инженеры, партийные и советские работники, живущие в районе Каховской ГЭС, прямо и недвусмысленно говорят о том, что сейчас необходимо просчитать все выгоды и невыгоды этого сооружения, а если окажется, что сегодняшние и завтрашние минусы перекрывают плюсы, то следует по-деловому и спокойно объявить: это особый случай, мы тут столько-то теряем, товарищи, и чтобы не усугублять положение, давайте спустим водохранилище, законсервируем станцию...

Одна мысль занимает меня с тех пор, как я впервые столкнулся с межведомственными противоречиями при использовании общенародной собственности — территорий, вод, лесов. Почему у нас эксплуатация какого-либо одного вида природных ресурсов происходит за счет другого, почему развернувшее свое хозяйство ведомство часто ущемляет соседей? И почти всегда страдают общенациональные интересы.

...В период хозяйственных шатаний затеяло некое ведомство соорудить в дельтах некоторых наших рек целлюлозные заводы. Уйму валюты ухлопало, обещая скорую отдачу. Строительство, начатое без серьезных технико-экономических обоснований, практически по мановению одной руки, ныне закончено, и неудобоваримую эту кашу сейчас расхлебывают и сами предприятия и их соседи. Херсонский завод, например, так же как Астраханский и другие заводы-близнецы, рассчитывал переваривать на целлюлозу камыши. Но потревоженные корневища камыша отмирали, а от понижения уровня днепровских вод ниже плотин началось его усыхание. Короче, сырье в мгновение ока истощилось, хотя механизированная добыча камыша так и не была налажена.

Особенно много претензий в последнее время к гидростроителям. Без меры затопленные земли — не все. Известно, какие огромные дополнительные расходы вызвала «сработка» уровня Севана, какими неприятностями сопровождается сейчас подпор Байкала, как пострадало из-за плотин рыбное хозяйство Каспия. Недавно один ученый-гидротехник показал мне схему гидроэнергетического использования французской реки Роны. Каскад из дюжины станций совершенно не затапливает ценных

угодий, ни разу не пересекается фарватер реки — все станции расположены на спрямлениых излучинах. И людям хорошо, и земле, и рыбе...

Вернемся, однако, на родную землю. Каждый год в нашей стране прибывает примерно три с половиной миллиона едоков, количество же пахотной земли на душу населения за последнее десятилетие уменьшилось, несмотря на распашку целины, лугов, осушенных болот. Конечно, главные потери шли за счет растущей ветровой и водной эрозии почв, затопления пойм, о чем я писал выше, одиако пора уже, наверно, считать и другие потери: земле все равно, от какой причины она гибнет, и пока не придумаио названия тому виду эрозии, который я тут имею в виду.

Десятки тысяч гектаров почвы гибнут ежегодно при горных разработках открытым способом. А кто видел страшенные провалы над шахтными штреками в районе Анжеро-Судженска (Кузбасс) или выбросы горнодобывающих предприятий в окрестностях города Золотое (Донбасс), тот может составить представление об этой беде, грозящей нашим землям. Мне могут возразить, что тут уж ничего не поделаешь, так как процесс промышленно-технического развития современного общества неостановим. Конечно, все убыстряющая индустриализация вызывает неизбежные потери почв, однако можно многое предпринять, чтоб приостановить уменьшение бесценного народного достояния, не восполнимое никакими достижениями техники.

В ряде зарубежных стран горняки оставляют пустую породу в старых забоях, перед вскрышными работами снимают почвенный слой и хранят до того времени, когда можно будет вернуть его на прежнее место. В некоторых странах приняты (а главное, исполняются) законы, обязывающие любое лицо или ведомство ежегодно возвращать аграрникам такое количество пахотной земли, какое временно изымается. Кое-где даже застройщики вывозят почву со строительных площадок, рассыпая ее в тех местах, которые укажут аграрники. А мы только в 1965 году отвели под различные застройки сто тридцать тысяч гектаров пахотных земель, и наше сельское хозяйство не получило за них никакой реальной компенсации.

Мне кажется, пришла пора задуматься нам об исходных принципах нашего природопользования. И хотя теснейшая связь их с другими общественными явлениями ни у кого в наши дни не вызывает сомнений, я не буду касаться этических и социальных аспектов проблемы, а возьму только ее организационно-экономическую сторону. Не потому ли мы так расточительны подчас с землей, например, что в основе взглядов наших экономистов и плановиков лежит некий абстрактный теоретический феномен, одна нелепая и косная условность, согласно которой природные ресурсы вроде бы не входят в понятие народного богатства? Земли, леса, воды, в которые не вложен труд, не могут, дескать, согласно закону стоимости, оцениваться в рублях. Этим умозрительным взглядам давно уже противостоит неоспоримый тезис об истощимости наших природных ресурсов, противостоит обыкновенный здравый смысл и каждодневная реальность жизни. Директор совхоза, у которого затопили гектар плодородной пашни, может на простых канцелярских счетах подбить итог потери. Он возьмет среднюю урожайность с этого гектара, прикинет стоимость продукции, сложит-помножит и предъявит счет, вот, мол, сколько мое хозяйство потеряло, платите, пожалуйста!

Правда, я тут сознательно упрощаю проблему — земля у нас, являясь общенародной собственностью, не может стать объектом операций, напоминающих куплю-продажу, и для финансовой оценки ее, как и других природных ресурсов, счетов явно недостаточно. Может быть, для учета ценности земли следует ввести понятие социалистической ренты? Никто, повторяю, торговать ею не собирается, однако ценностная характеристика наших земель помогла б правильнее их отводить, облагать налогами, учитывать разную продуктивность почв при землеустройстве и т. д. Должно быть, настало время все наши природные богатства, в том числе ресурсы перспективного использования, пропускать через стройную систему условных цен, эквивалентов и коэффициентов, учитывающих сегодняшнюю доступность и рентабельность использования сырья, динамику развития производительных сил.

Подумаем вместе о том, что это могло бы дать. Несомненно, если бы каждый гектар пашни, отводимый под

застройку, оценивался полно и объективно, то многие застройщики наверняка поискали бы неугодные, дешевые земли. Да и остальные хозяйственно-экономические акции протекали бы по-другому. Если б за воду, иапример, которую вся иаша промышленность ныне берет бесплатно и загрязненной спускает в водоемы, брались деньги, то руководители предприятий, борясь за снижение себестоимости продукции, подумали бы о том, не выгоднее ли очищать и повторно использовать стоки.

Нуждаются в дифференцированной финансовой оценке и наши леса. Почему лесозаготовители вырубают сейчас самые доступные массивы, не считаясь с научно-техническими правилами? Да потому, что корневая стоимость эксплуатационного леса, расположенного у берегов реки, почти равна той плате, которую леспромхоз отчисляет за древостои, вырубленные за тридевять земель. Причем попенная эта плата для разных районов одинаково мала.

При объективной оценке *всех* природных богатств стало бы легче, мие кажется, предугадывать последствия крупномасштабиых экспериментов «покорителей природы», вроде иамечаемого строительства Нижне-Обской ГЭС или поворота северных рек в бассейн Волги. Последний проект, например, сулит Каспию и засушливым земледельческим районам сорок кубометров воды в год.

Очень соблазнительная перспектива, ио все ли подсчитано сметой, все ли учтено? Сколько будут стоить, кроме стоимости сооружения гигантских плотин и других гидротехнических комплексов, затопленные земельные и лесные угодья, во что обойдутся потери в охотничьем и рыбном хозяйствах, в нефтегазовой и угольной разведке, добыче и транспортировке в северном речном и морском судоходстве? Многие ученые считают, что новые ледяные просторы над гигантскими искуственными водохранилищами заметно повлияют на климат Европейского Севера, что льды могут затянуть и часть тундры и прибрежные морские воды, потому что реки, текущие на север, сейчас сильно смягчают климат Приморья. И не выгоднее ли окажется, если все подсчитать, получать ежегодно пятьдесят — шестьдесят кубокилометров воды, задерживая в степной и лесостепной зонах страны талые воды?

Сейчас эти воды ие только бесполезно стекают, но н вызывают эрозню почв, а задержка нх дала бы государству дополнительно около двух мнллнардов пудов зерна...

Оцеиенная прнрода помогала бы нам иаходнть наиболее выгодные варнаиты прнложення общественых сил, устраиила бы миогне межведомственные протнворечия, сама сохраняла бы свои богатства, рублем бы дисцнплинировала любнтелей непродуманных, «волевых» решеннй.

III

Осенью 1965 года я был в ГДР. Путь пролег через Веймар — город Гете и Шиллера. Наша делегацня посещала достопамягные веймарские места, встречалась с местной ннтеллнгеицией, с рабочнми, а я все время думал о том, как бы урвать часок, чтобы побывать в здешних лесах, нзвестиых всему миру высокой культурой хозяйствования,— дальше программа уплотнялась, н я бы потерял возможность познакомиться с иемецкнми лесоводамн, подарить нм пяток семеиных шншек сибнрского кедра, которые иа этот случай прихватил с собой.

Встреча такая, одиако, состоялась. Тюрингскне лесничне ожнвнлнсь, узиав, что советский пнсатель нитересуется подробиостямн их работы, долго показывалн мне прекрасные свон пнтомникн, участки машнннной посадкн сосны, едннственную в Германнн плаитацню секвойн, все время проснли передать прнвет Л. М. Леонову, роман которого о русском лесе они зналн. А за первой же чашкой кофе я услышал вопрос:

— Скажнте, что у вас пронзошло со Сталнискнм планом преобразоваиия прнроды?

— А как вы отиоснтесь к этому плану? — в свою очередь спроснл я.

— Это был хорошнй план...

И многне нностраицы, посещающие Советский Союз, ннтересуются, как было осуществлеио постаиовление Совета Мнннстров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 года и что это дало нашнм землям. Естественно, мы стремнмся показать хорошее. Одии из руководящнх работни-

ков агролесомелиорации Болгарии, посетивший колхоз «Деминский» в Волгоградской области, заметил: «Ваш опыт мы обязательно перенесем к себе. Через несколько лет и наши поля будут защищены от зимних холодов и горячих суховеев».

Наш опыт полезащитного лесоразведения, как бы мучителен он ни был, давно уже приобрел мировое значение.

А многие ли знают, что Россия — пионер степного лесоразведения? В 1696 году Петр I своими руками посеял желуди в районе Таганрога и позднее писал азовскому губернатору: «...також предлагаю, по управлении нужных дел изволь постараться, чтобы на Таганроге в удобных местах насаждать рощи дубового или хотя иного какого дерева, привезши с Дона не малое число маленьких деревцов в осень по листопаде, також подале от города в удобных же местах несколько десятин посеять желудков для лесу же». Один из первых русских агрономов и селекционеров А. Т. Болотов доказывал в конце XVIII века необходимость лесоразведения в лесостепной зоне. А в «Деревенском зерцале или общенародной книге», изданной в 1799 году Вольным Экономическим обществом, писалось: «Что в степных местах поднесь не разведено еще лесов — причиной того не то, чтобы степная земля не способна была к произращению лесов. Местами видим мы дубравы, видим кустарники на сухих и болотистых местах, но их наперехват стараются истребить, а не сберечь. Итак, недостатку в лесе причиною нерачение».

И хорошо бы тут еще вспомнить гоголевского помещика Костанжогло из второго тома «Мертвых душ». Проезжая через имение Костанжогло, Чичиков видел, что «...в самом деле, через все поле сеяный лес — ровные, как стрелки, дерева; за ними другой, повыше, тоже молодняк; за ними старый лесняк, и все один выше другого. Потом опять полоса поля, покрытая густым лесом, и снова таким же образом молодой лес, и опять старый. И три раза проехали, как сквозь ворота стен, сквозь леса».

Не придумал ли Н. В. Гоголь сей мираж? Не от хорошей ли мечты эти строки? Нет. И пусть, как считает кри-

тика, Гоголь идеализировал своего Костанжогло, но лесов-то в степи он не придумывал. Прототипом Костанжогло послужил помещик Миргородского уезда В. Я. Ломиковский, который в своей книге «Разведение леса в сельце Трудолюбе», изданной в 1837 году, писал: «Относительно же лесоводства, труды сии увенчались такими успехами, которые превзошли и собственное ожидание мое, ибо получить пустыню, а через 25 лет пользоваться уже строевыми деревьями, пригодными на жилые помещения и на всякие хозяйственные потребности, есть, конечно, успех, столь же отрадный, сколько удовлетворительный». И далее идет сведение чрезвычайно важное: «В уезде нашем довольно известно, что при общих и крайних неурожаях, бывших в 1834, 1835 годах, я имел счастье получать такой изобильный урожай, какой бывает в самые добрые годы».

Великий писатель, «беспощадный сатирик», преждевременно сгоревший, мне думается, от любви к своей Украине и своей России, не мог, видимо, пройти равнодушно мимо чуда, сотворенного его земляками, и я готов это понять...

Начала научного степного лесоводства заложил в знаменитом Великом Анадоле В. Е. Графф (с 1843 года). Пророчески писал позже крупнейший русский лесовод М. Е. Турский: «Этот лес надолго останется памятником той смелости, той уверенности и любви, с какою впервые взялись за облесение степи». Напомню также мысли Д. И. Менделеева: «Вопрос засадки лесом южных степей принадлежит к разрешимым задачам. Опыт Велико-Анадольского лесничества (около Мариуполя) и обсадка Харьковско-Азовской дороги это ясно показали. И я думаю, что работа в этом направлении настолько важна для будущего России, что считаю ее однозначащей с защитою государства».

А в конце прошлого века В. В. Докучаев взялся за преображение Каменной степи, комплексная переделка природы которой завершилась уже в советское время. С 1925 года при активной помощи ученых начала создаваться система лесных защитных полос в Астраханском Заволжье. Работы Богдинской опытной станции, являющейся до сих пор лесным форпостом нашего юго-востока, впервые в мире доказали полную возможность сельскохозяйственного освоения засушливых полупу-

стынь. Тогда же, в двадцатые годы, были заложены опытные лесные участки на полях Саратовской и Ростовской областей, на Бухарских песках. Следуя рекомендациям ученых, вели полезащитные лесные посадки многие сельскохозяйственные товарищества, коммуны, колхозы и совхозы.

Отечественное почвоведение и лесоводство по праву гордится именами В. Е. Граффа, В. В. Докучаева, П. А. Костычева, Г. Ф. Морозова, Г. Н. Высоцкого, А. А. Измаильского, В. Р. Вильямса. И все эти рыцари русской науки крепили союз степи и леса...

Имя Василия Робертовича Вильямса прочно связывалось и связывается доныне с так называемой «травопольной системой земледелия», а вы помните, как громили «травопольщиков»? Чего только не писалось о них в газетах! В травосеянии они будто бы видели панацею от всех бед, якобы разбазаривали пахотные земли, отрицали роль минеральных удобрений и т. д. и т. п. Однако никто и нигде во время того памятного погрома не рассказал новому поколению газетных читателей, что же собой представляла критикуемая агрономическая система, что конкретно она рекомендовала делать на земле. Не мне защищать «травополку», не мне осуждать ее противников, я только процитирую книгу, которая была издана много лет назад:

«В травопольную систему включаются:

а) посадка защитных лесных полос на водоразделах, по границам полей севооборотов, по склонам балок и оврагов, по берегам рек и озер, вокруг прудов и водоемов, а также облесение и закрепление песков;

б) правильная организация территории с введением травопольных полевых и кормовых севооборотов и рациональным использованием земельных угодий;

в) правильная система обработки почвы, ухода за посевами и прежде всего широкое применение черных паров, зяби и лущения стерни;

г) правильная система применения органических и минеральных удобрений;

д) посев отборными семенами приспособленных к местным условиям высокоурожайных сортов;

е) развитие орошения на базе использования вод местного стока путем строительства прудов и водоемов».

Как видим, суть «травополки» состояла в *комплексе* агролесомелиоративных мероприятий. Это был реалистический, научный, наверное, единственно возможный для тех времен подход к важнейшему делу. Ведь наша химическая промышленность не могла тогда удовлетворить запросов сельского хозяйства, хотя вильямсовский метод подъема урожайности земель и предполагал применение минеральных удобрений. Необходимо также учитывать, что химия никогда не решит всех проблем. Никакими удобрениями не остановить, например, суховеев, оврагов, песков, пыльных бурь, смыва почв. И не агрономическую систему надо винить в том, что для каких-то районов она обернулась только клеверами (что само по себе было очень неплохо), а кое-где существовала лишь как идеал, пусть и достижимый, в принципе.

Конечно, не все в учении Вильямса выдержало проверку временем, не все его рекомендации были правильными, но замена безудержным волюнтаризмом научной агрономической системы вызвала на родной нашей земле тяжелые, подчас необратимые процессы. Заглянем в какой-нибудь целинный район. Сплошная распашка огромных земельных массивов в Павлодарской области, например, шла без предвидения, без научно обоснованных приемов обработки почвы в местных природных условиях, с нарушением самых элементарных агрономических требований. Ученые, агрономы, старожилы предупреждали о возможных пыльных бурях, при таком *бессистемном* подходе к земле. Но трезвые голоса принципиальных людей заглушались, малейшее противодействие немедленно и строго пресекалось. В приказе № 371, скажем, по Павлодарскому областному сельскохозяйственному управлению от 5 сентября 1962 года записано: «...Крайне плохо ведет вспашку зяби совхоз имени Богдана Хмельницкого (директор тов. Деркачев, главный агроном тов. Кошевой). При установленном задании вспашки зяби 28 тысяч гектаров на 30 августа вспахано только 1700 гектаров». Агронома Кошевого сняли с работы, исключили из партии. Его преемник решил так сильно не рисковать. А весной черные бури подняли в воздух плодородный слой на площади двадцать тысяч гектаров.

Местами почва была выдута полностью, до материнской породы...

От главной темы я несколько уклонился, но это мне надо было затем, чтобы перейти к чрезвычайно важному разговору о судьбе Сталинского, как его в свое время называли, плана преобразования природы. В основе этого плана лежали рекомендации травопольной системы земледелия, однако я не буду больше касаться чисто агрономической стороны дела, а возьму лишь вопросы полезащитного лесоразведения.

После грандиозной победы 1945 года, свирепой засухи 1946-го, отмены карточек в 1947 году 1948 год запомнился принятием Государственного плана комплексного преобразования природы. Наша пропаганда по моде тех лет связала его с именем Сталина. Ясно, что без подписи И. В. Сталина этот План (хочется именовать его с большой буквы) не вошел бы в силу, однако разработан он был учеными и специалистами различных отраслей и направлений.

Советский народ встретил План с энтузиазмом. Научно обоснованная программа улучшения природных условий на огромных территориях, задача подъема урожайности наших земель стала близка сердцу миллионов колхозников, рабочих, лесников, пионеров и комсомольцев, деятелей науки и техники, советских, партийных и государственных работников.

Созидательный труд охватил не только европейскую территорию страны. Были начаты работы по обеспечению устойчивых урожаев за Уралом, в Закавказье, в Казахстане, в республиках Средней Азии. За несколько лет в учебных заведениях страны были подготовлены десятки тысяч агролесомелиораторов, лесоводов, механизаторов лесокультурных работ, создано пятьсот семьдесят лесозащитных станций, двести тридцать крупных лесных питомников.

Полезащитному лесоразведению в Плане отводилась очень важная роль. Намечалось создать около шести миллионов гектаров лесных насаждений, из них более половины — на колхозных полях.

К сожалению, План не был до конца претворен в жизнь.

Причин тому множество. Во-первых, он был рассчитан на постепенное исполнение. Вместо того чтобы завершить работы к 1965 году, во многих районах начали штурмовать выполнение Плана, чтобы побыстрей отчитаться. Отсюда неизбежно появились огрехи, недоделки: в погоне за площадями облесенных земель забывали о качестве семян и саженцев, об уходе за посадками. Отрицательную роль, во-вторых, сыграли догматические рекомендации некоторых ученых.

Ошибки, однако, на ходу исправлялись, и несомненно, что наш народ выполнил бы План. Главная препона на его пути появилась позже, когда волюнтаристски была нарушена хозяйственная преемственность и начался период недооценки Плана, в частности полезащитного лесоразведения. Сокращались площади лесопосадок, прижившиеся культуры стравливались скотом, а земли, выделенные под защитное лесоразведение, распахивались.

Постепенно План лишался материальной базы и кадров, тихо спускался на тормозах. Так было в России, на Украине, в Казахстане. План закладки полезащитных полос в Казахстане, например, был выполнен в 1950 году на 73 процента, в 1953 — на 44, в 1956 — на 23, в 1959 — на 12, в 1962 — на 9 процентов, а в последующие годы облесительные работы на казахстанских полях были фактически прекращены...

Помню, я внимательно просмотрел разделы «Земледелие» и «Лесное хозяйство» в «Контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1959—1965 годы». О полезащитном лесоразведении там не было сказано ни слова. И член-корреспондент Украинской Академии сельскохозяйственных наук Б. Логгинов был лишь частично прав, когда писал 14 июня 1960 года в «Правде»: «Несмотря на огромное значение полезащитного лесоразведения для районов недостаточного увлажнения, Министерство сельского хозяйства СССР и местные сельскохозяйственные органы самоустранились в последние годы от организации агролесомелиоративных работ в колхозах и совхозах».

А в 1961 году мы еще раз убедились в дальнозоркости и коллективной мудрости нашей партии. В Программе

Коммунистической партии Советского Союза, принятой в том году, было записано: «...расширить работы по полезащитному лесоразведению, строительству водоемов, обводнению пастбищ и мелиорации избыточно увлажняемых земель; вести систематическую борьбу с водной и ветровой эрозией». Однако 5 марта 1962 года с высокой трибуны раздалось: «В 1948 году был принят так называемый план преобразования природы, в основу которого опять-таки легла травопольная система Вильямса. К чему сводили авторы план преобразования природы? К повсеместному введению травопольных севооборотов и к созданию на территории Советского Союза нескольких государственных лесных полос». Это было частное мнение, но оно таило в себе опасное заблуждение, поскольку расходилось с правдой, с историей, с памятью народной. Нет, План не сводился к нескольким полосам, а система Вильямса, как мы знаем, не сводилась к травопольным севооборотам! Далекими от истины были и другие слова, сказанные тогда же: «В тех районах, где есть лесные полосы, руководители колхозов и совхозов знают, что это не спасает от черных бурь. Травополье в нашей стране насаждалось целые десятилетия, и оно нанесло серьезный ущерб сельскому хозяйству». Как это можно было не посчитаться с тем фактом, что без химических удобрений, изобилие которых, кстати, до сегодняшнего дня — мечта, наши земли десятилетиями кормили страну? Что же касается мнения руководителей низового сельскохозяйственного производства об эффективности лесных полос, то я приведу выдержку из статьи в «Известиях» председателя колхоза «Деминский» дважды Героя Социалистического Труда П. Гвоздкова, напечатанной 25 октября 1960 года: «Почти тридцать тысяч гектаров земли закреплено за нашим колхозом «Деминский». Старики помнят ее скупой и унылой. Ни леска, ни озерца... А подуют суховеи, опалят ее жаром, совсем она замирала. Год от года коллективный труд людей обновлял эту землю, менял ее облик... Хозяйство мы развиваем по определенной системе. В основе ее — севообороты. Иссушающим ветрам противопоставляем правильное чередование культур на полях, передовые приемы обработки почвы, собственные сортовые семена, подкормку озимых. Прижились у нас многолетние травы. Гордость деминских колхозников — выращенные ими на 600 гекта-

рах лесные полосы... В освоенной колхозом системе земледелия лесу принадлежит видная роль: зеленые заслоны помогают бороться не только против суховеев, но и против выветривания почвы, возникновения оврагов. Лесные полосы сбособствуют увеличению урожайности. Прибавка зерна на каждом гектаре, защищенном лесами, обычно составляет 2—3 центнера. Мы подсчитали: выращенный нами лес помогает колхозу ежегодно получать дополнительно 18 тысяч центнеров зерна 6 тысяч центнеров подсолнечника, 7 тысяч центнеров сена...»

Это был План преобразования природы в неоспоримой реальности.

Нельзя сказать, что План 1948 года, нуждавшийся, конечно, в дальнейших уточнениях и поправках в связи с развитием науки и производительных сил страны, был окончательно умерщвлен в годы разгула хозяйственного субъективизма и волюнтаризма — ведь он отражал достижения передовой отечественной науки и вековой народный опыт.

Полезащитное лесоразведение, в частности, пережившее много временщиков, не могло быть отменено просто так, волей одного человека. Не надо забывать, что к 1917 году Россия имела 26 тысяч десятин защитных полос, а перед Великой Отечественной войной в Советском Союзе их насчитывалось уже почти полмиллиона гектаров. План 1948 года развивал это хозяйственное направление и, связывая воедино цепь времен, был весь устремлен в будущее.

И не случайно во многих районах страны среди партийных и советских работников, лесников и аграрников в центрах и на местах находились энтузиасты, продолжавшие выполнять План. Сейчас мы имеем на нашей земле замечательные плоды труда этих подвижников степного лесоразведения. Созданы — точно по Плану — государственные лесные полосы Камышин — Волгоград, Воронеж — Ростов-на-Дону, Пенза — Каменск, Белгород — Дон, Чапаевск — Владимировка и другие, общей протяженностью более шести тысяч километров. Во многих районах страны упорно приживлялись на полях защитные полосы.

И мы еще не вполне осознали те важнейшие факты, что впервые за два с половиной века ле-

систость наших степей перестала падать, что ныне мы имеем немало замечательных хозяйств, в которых лесопосадки тех лет оборачиваются реальными центнерами хлеба.

Не буду возвращаться к опыту колхоза «Деминский», о нем достаточно сказано. Считаю необходимым привести некоторые другие данные об эффективности полезащитного лесоразведения, потому что во времена научного и нетрезвого руководства сельским хозяйством нашлось немало людей, которые позволили привить себе пренебрежительное отношение к лесным защитным посадкам и даже сумели сохранить его до наших дней. Я нарочно возьму хозяйства, расположенные в степных районах с чрезвычайно тяжелыми природными условиями. Суховеи, малое количество осадков, пыльные бури — вот перечень главных бед, постоянно угрожавших урожаям и землям тех колхозов, совхозов и научно-производственных станций, опыт и достижения которых по полезащитному лесоразведению заслуживают ныне самого пристального рассмотрения.

Эти данные взяты из специальной печати, отчетных документов, научных работ и не могут вызвать никаких сомнений.

Крым. Совхоз «Семенной», Джанкойского района. Полезащитными полосами занято 2 процента пахотной земли. Печально знаменитые бури 1960 года погубили здесь всего 6 процентов посевов. В соседнем совхозе «Перекопский», на полях которого были только отдельные лесные полоски, в том году пропало 60 процентов посевов озимой пшеницы. В 1961 году совхоз «Семенной» получил этой пшеницы 19,6 центнера с гектара, в 1962 — 24,6, в 1963—25, в 1965—28,5 центнера с гектара. Изучив опыт передовых хозяйств, в Джанкойском районе вывели интересную закономерность. При лесистости полей в полпроцента средняя урожайность составляет 15 центнеров с гектара, при лесистости в один процент —18,5, при лесистости в два процента —22,1 центнера.

Нижнеднепровье. Колхоз «Коммунист», Генического района Херсонской области. Поля тут окаймлены лесными полосами, расположенными в среднем через полкилометра друг от друга. Катастрофа 1960 года совсем не коснулась полей бригады № 2, лесистость которых составляет три процента. Урожай был 20,2 центнера с гек-

тара. В бригаде № 3, где лесистость полпроцента, погибла половина посевов, а уцелевшие от пыльной бури участки дали только 16,8 центнера с гектара. В колхозе «Россия», того же района, озимая пшеница даже на непаровых предшественниках хорошо сохранилась на полях, защищенных системой полос, отстоящих друг от друга на 400 метров. Открытые площадки пришлось пересевать яровыми культурами.

Приазовье. Совхоз имени Кирова, Приазовского района Запорожской области. Окаймляющие лесные полосы занимают 2,5 процента пашни. В этом центре черных бурь в 1960 году погибло 20 процентов посевов, а в 1965, тоже очень тяжелом году,— 16 процентов. В другие годы этого пятилетия посевы совхоза имени Кирова не пострадали. Площадь лесных полос в соседнем совхозе «Шавкайский» — всего 0,7 процента пашни, и расположены они разрозненно. В 1960 году пыльные бури загубили у шавкайцев 35 процентов озимых, в 1962—39, в 1963—22, в 1965 — 72. Средний урожай пшеницы за эти годы у кировцев — 19,9 центнера с гектара, а у шавкайцев — 15.

Средняя лесистость пашен Приазовского района —1,2 процента, гибель озимых в том памятном году составила 52 процента. В Приморском районе, где полезащитных полос 0,9 процента, погиб 81 процент озимых.

Донбасс. Колхоз «Украинка», Тельмановского района Донецкой области. Весной 1960 года на поле озимой пшеницы шириной 920 метров, защищенном с двух сторон полосами высотой 10—12 метров, посевы полностью сохранились. Незащищенные поля соседнего совхоза «Приморский» пришлось пересевать. Опыт колхоза «Украинка» показал, что хорошие защитные полосы сохраняют хлеба даже на очень широких межполосных пространствах.

Сальские степи. Совхоз «Гигант», Ростовской области. В первые годы после своей организации совхоз собирал по 7—9 центнеров пшеницы с гектара. Лес на полях здесь начали сажать еще до войны. Сейчас все земли хозяйства пересечены лесными полосами, отстоящими друг от друга на расстоянии 400 метров. В 1960 году, когда колхозы и совхозы Дона потерпели колоссальные убытки от пыльных бурь, посевы «Гиганта» полностью сохрани-

лись. Средняя урожайность в совхозе ныне — 25—30 центнеров с гектара.

Северный Казахстан. Колхоз имени Ленина, Шульбинского района Семипалатинской области. Имеет около 200 гектаров лесополос. Ежегодно получает урожай в три четыре раза больше, чем соседние хозяйства на открытых полях. Карагандинский совхоз вырастил 720 гектаров лесных полос. В межполосных участках урожай ячменя в три раза больше, чем на полях, не защищенных лесом. Карабалыкская опытная станция Кустанайской области имеет 326 гектаров лесных полос, что составляет около 7 процентов площади пашни. На землях станции совсем прекратились пыльные бури, в то время как соседние хозяйства почти ежегодно терпят от них огромный урон. Совхоз «Московский», Есильского района Целиноградской области, с 1957 по 1965 год посадил 200 гектаров лесных полос. В 1963 году незащищенные посевы полностью выгорели, а в зоне влияния молодых лесопосадок собрано по 5—7 центнеров пшеницы с гектара.

Алтай. Лесные полосы окружают каждое поле совхоза «Чистюньский». В 1965, крайне засушливом году на всей площади собрано по 13 центнеров с гектара, а на открытых полях соседнего совхоза «Сибирь» вдвое меньше...

Средняя стоимость дополнительной продукции, получаемой в год за счет агролесомелиоративных мероприятий, в совхозе «Тихорецкий», Краснодарского края, например, составляет 173 тысячи рублей, в колхозе «Деминский» — 238, в «Гиганте» — 370 тысяч рублей. Можно выбирать новые и новые хозяйства, перечислять их достижения, но это будет только выбор; общая картина, к сожалению, остается весьма неблагоприятной. Ведь План преобразования природы по лесным защитным посадкам к итоговому 1965 году был выполнен едва на одну пятую.

Что греха таить — еще слышатся иногда отголоски недавнего прошлого. Встречаются люди, полностью отрицающие практическое значение государственных лесных полос, некоторые даже сомневаются в необходимости полезащитного лесоразведения. Среди их аргументов есть и такой: пыльные бури в Америке, о которых когда-то у нас так много писали, есть, мол, не что иное, как

пропагандистский бум тех лет, и североамериканские фермеры получают, дескать, прекрасные урожаи безо всяких лесных полос. Эти товарищи, безусловно, не правы.

Чудовищные пыльные бури 30-х годов в Соединенных Штатах не легенда. Судя по американским источникам, за один только день, 12 мая 1934 года, например, с полей Западного Канзаса, Оклахомы, Техаса и Восточного Колорадо было снесено ветром триста миллионов тонн почвы, пострадало четыре миллиона гектаров пашен. Пыль перенеслась на громадные расстояния через две трети континента, затмила солнце над Нью-Йорком и ушла в просторы океана.

К тому времени эрозия сделала непригодными к обработке двадцать миллионов гектаров земель США, примерно столько же полей приближались по своему состоянию к этому катастрофическому рубежу. Активная ветровая и водная эрозия действовала еще на сорока миллионах гектаров пахотных земель Америки. Общие ежегодные убытки от эрозии почв еще сравнительно недавно составляли там около трех миллиардов долларов в год.

Канадские хлебородные провинции стали в те же тридцатые годы «пылевым котлом», и стране, специализирующейся на производстве пшеницы, грозило национальное бедствие.

И Канада и США были вынуждены тогда предпринять ряд серьезных мер, чтобы спасти свои земли, повысить их плодородие.

В 1936 году в Соединенных Штатах была создана служба охраны почв, разработаны противоэрозионные мероприятий для обширных территорий. Американцы стали широко применять распашку вдоль горизонталей, мульчирование почвы, террасирование склонов, залужение промоин, обвалование оврагов, полосное земледелие и другие противоэрозионные приемы. Многие из этих приемов, кстати, были перенесены из России. «Стрип кроппинг», например,— земледелие узкими полосами вдоль горизонталей с террасированием валами — впервые осуществлено в конце прошлого века на Тамбовщине П. П. Тихобразовым. «Бэзинг листинг» и «контур листинг» — не что иное, как бороздование полей и прерывистое бороздование «в шашку», перешедшие в Америку

позднее, уже в наше время. В мою задачу, однако, не входит рассмотрение вопросов противоэрозионной агротехники. Для нашей темы важно установить, как американцы смотрят на проблему взаимодействия леса и земли.

Инициатор организации охраны почв в США Хью Баннет, долгие годы возглавлявший эту службу в министерстве земледелия, считал леса чрезвычайно важным природным фактором, ощутимо влияющим на эрозию почв и сохранение влаги для посевов. Но много ли в Америке лесов?

Не знаю, как кому, а мне промышленный Восток США, например, заглазно виделся густо покрытым городами, заводами, фабриками, электростанциями, рудными и шлаковыми отвалами, а небольшие пространства в том индустриальном краю будто бы заняты ровными, безлесными полями, переходящими на юге в степи, чем-то похожими на наши северо-казахстанские, в унылые полупустыни. Это поверхностное представление весьма далеко от истинной картины. На востоке США, оказывается, сосредоточено три четверти лесов страны, а самыми лесными считаются районы юго-востока и Великих озер.

Более половины всей земельной площади, примыкающей к атлантическому побережью и Мексиканскому заливу, также занято лесами, а в Новой Англии под лесом находится 86 процентов земли. Х. Баннет в своей книге, изданной у нас, пишет, что в этом штате сорок процентов ферм располагают лесными угодьями — в среднем по пятнадцати гектаров на каждую ферму. В восточных штатах фермеры держат под лесом двадцать — сорок процентов земельной площади. В южных — треть земель каждой фермы занята лесом. К лесам сельскохозяйственного значения отнесена примерно одна пятая всех лесов США.

Мало того, противоэрозионные приемы обработки почвы американцы сочетают с полезащитным лесоразведением. В середине 30-х годов президентом США была утверждена программа создания полезащитных лесонасаждений.

До 1963 года на полях Америки было посажено государством и фермерами около 350 тысяч гектаров защитных полос. Чувствуют они себя хорошо, и, по дан-

ным недавнего опроса трехсот фермеров Южной Дакоты, установлено, что защищенные лесом поля дают более высокие урожаи, чем незащищенные...

Канадцы, как и американцы, располагая естественными лесами, применяя противоэрозионную агротехнику, также занимаются полезащитным лесоразведением, хотя серьезнейшими препятствиями на его пути были и остаются частное землевладение, арендаторская чересполосица, традиционный консерватизм фермеров. Правда, фиксируя ныне очевидные успехи заокеанских землевладельцев, мы должны учитывать их большую обеспеченность в определенный период химическими удобрениями, плоскорезами, культиваторами и другими машинами для бесплужной обработки почвы, должны также принять во внимание действенность их очень строгих законов по охране почвы.

В 1935 году такие законы были введены, например, в канадских «пшеничных» провинциях Альберта, Соскачеван и Манитоба. Эти законы, предусматривающие целую систему *принудительных* экономических мер, действуют по сей день. Если фермер нарушил определенные правила обработки почвы, вызвал эрозию и нанес этим убытки своему соседу, то он полностью возмещает ущерб — вот главный их принцип. Иск за порчу земли имеет право первоочередности, то есть действует независимо от притязаний кредиторов и любых других лиц и учреждений. Если ответчик выплачивает штрафы, но продолжает нарушать правила обработки почвы, то соответствующая служба правомочна войти на земли фермера и провести за его счет все работы по ликвидации очагов эрозии. Кроме того, если арендатор допустил ветровую эрозию, землевладелец имеет право немедленно объявить о прекращении аренды и сдать землю другому фермеру.

И еще есть в этих законах одно интересное положение, особенно интересное и важное для нашей темы. Канадский фермер, оказывается, может обрабатывать землю, как ему заблагорассудится, с любыми нарушениями общепринятых и узаконенных правил, только в этом случае он обязан иметь на своих полях через каждые двести метров лесные полосы шириной не менее пятнадцати метров, а также обсадить лесом все границы хозяйства...

Встречи с энтузиастами степного лесоразведения России, Украины, Казахстана оставляют двойственное впечатление.

Все они в один голос сетуют на нехватку кадров, техники, средств, на остутствие твердых правил землепользования. И в то же время я не знаю среди них ни одного нытика. Они с редкой увлеченностью говорят о своей работе, охотно посвящают в ее тонкости. Есть еще у них какая-то особая профессиональная гордость, которая основывается, наверно, на осознании чрезвычайной важности их труда, на уверенности в том, что человек так или иначе будет вынужден сдружить землю с лесом.

А труд степного лесовода поистине героичен. Очень нелегко поднять лес на сухой, задернелой земле. Одно из самых сильных препятствий — степные травы. Без помощи человека молодым древесным саженцам нипочем не справиться с бесчисленным и жадным племенем сорняков, воюющим не на жизнь, а на смерть за каждую капельку влаги, за каждый клочок свободной земли. При любой подготовке почвы под лесопосадки в ней остаются семена трав, а ветры заносят в полосу новые и новые полчища сорняковых зародышей. Кроме того, к взрыхленной земле неудержимо тянутся своими корнями и стебельками многолетние сорняки, обладающие подчас фантастической способностью к вегетативному размножению. Повсюду в наших степях растет, например, ползучий пырей — заклятый враг лесовода. На одном гектаре запущенного поля корневища пырея вытягиваются в сотни километров, образуя до двухсот пятидесяти миллионов жизнеспособных почек. А как дерутся сорняки за влагу, как они умеют иссушать землю под лесом! Корневая система полевого вьюнка проникает в глубь земли до четырех метров, розового осота — до пяти. А корни острeца, свинороя, ползучего пырея даже вырабатывают яды, пригнетающие древесные корни. Многие сорняки проникают в лесопосадки со своими постоянными спутниками — стеблевой совкой, проволочным червем, личинками хруща...

Нет, не так просто вырастить лес в степи. И в те годы, когда к полезащитному степному лесоразведению внимание ослабло, тысячи гектаров уже поднявшихся полос погибли от сорняков. Пропали труды, пропа-

ли деньги. Посадки не только потеряли всякую хозяйственную ценность, но и начали вредить земледелию — сами стали рассадниками сорняков и насекомых. Этот горький урок лишний раз говорит в пользу постоянства наших хозяйственных устремлений...

Вернемся, однако, к лесной полосе. Вот она пережила все, поднялась, начала работать на землю, и ей уже стали не страшны никакие сорняки. А природа исподволь готовит ей новую беду. Вернее, сама полоса в силу своего естества способна свести на нет все затраты и заботы. Деревья и кустарники ветвятся, разрастаются, листья и ветки забивают малейшие просветы, и полоса становится непроницаемой для ветра. В таком состоянии на Украине, например, сейчас треть лесополос — около ста тысяч гектаров. «Так это же замечательно! — воскликнет непосвященный человек.— Полоса лучше будет задерживать снега и пыльные бури». Нет, загущенные лесные полосы далеко не благо — такая полоса работает намного хуже.

Ученые установили, что ветровой поток, наталкиваясь на плотную полосу, переваливает через нее и сильно завихривается. Много снега собирается внутри полосы и на опушке, наветренная сторона выдувается, и насаждение, таким образом, начинает накапливать влагу для себя, а не для поля.

Куда больше пользы от полос ажурной конструкции, однако лучше всего служат земле полосы продуваемые — плотные или слабоажурные в кронах насаждения со сквозными просветами внизу. Зимние наблюдения за лесными полосами дали интересные результаты: плотное насаждение откладывает снег примерно на 50 метров в сторону поля, ажурное — на 120, а продуваемое — на 200. Причем система полос увеличивает дальность действия каждой из них. Исследования показали, что от пыльной бури плотная одиночная полоса защищает посевы на расстоянии, равном 10—12-кратной высоте насаждения. Система таких полос увеличивает зону противоэрозионной защиты в два раза, а система ажурных и продуваемых посадок — в три.

Разработка наиболее рациональных конструкций и систем лесных полезащитных полос — достижение советской науки и практики. Х. Баннет, судя по книге его, не знал никаких других полос, кроме плотных, и поэтому

писал, что «...полезное влияние полосы практически ограничивается расстоянием, в 5—10 раз превышающим ее высоту». Наши лесоводы-степняки доказали большие возможности полос ажурной и продуваемой конструкций, разработали механизированный, шахматный метод создания этих полос, подсчитали экономическую эффективность полезащитного лесоразведения.

Да, надо готовить жизнеспособный посадочный материал, тщательно обрабатывать почву, применять культивацию для борьбы с сорняками, приходится несколько лет ждать начала полезной работы насаждения, ухаживать за полосой и т. п. Но все затраты на выращивание лесной полосы быстро компенсируются доходом от реализации дополнительной продукции, полученной в зоне ее влияния. Эта компенсация осуществляется иногда в первый же год работы полосы.

Приведу любопытные данные из статьи, напечатанной 20 апреля 1967 года в «Правде»: «Чтобы установить влияние лесных полос на повышение урожайности, в 573 хозяйствах были проведены специальные обследования. Средняя прибавка урожая зерна на полях, огражденных зелеными насаждениями, составляет, как показал опыт, 2—3 центнера на гектаре». И далее: «Подсчитано, что один гектар леса защищает 30—35 гектаров прилегающего поля, а затраты на его выращивание составляют 170—200 рублей».

Весной 1967 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли важнейшее постановление «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии». В этом долгожданном документе содержится серьезнейший упрек: «Министерство сельского хозяйства СССР и его местные органы, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, научно-исследовательские учреждения по сельскому хозяйству, руководители многих партийных и советских органов, колхозов и совхозов недооценивают опасности разрушительного действия ветровой и водной эрозии почв и не принимают мер для внедрения в производство разработанных научными учреждениями и проверенных практикой систем земледелия, позволяющих сохранить земли и посевы от эрозии. Не уделяется должного внимания защитному лесоразведению как важному средству по-

вышения урожайности сельскохозяйственных культур».

Постановление четко сформулировало задачи, стоящие перед аграрниками и лесниками, финансистами и учеными, проектировщиками и партийными работниками, руководителями ведомств и хозяйств. Борьбе за сохранение наших земель, за повышение их плодородия снова придано государственное значение, и миллионы людей ныне взялись за работу, преодолевая материальные трудности, организационную неразбериху, ведомственные противоречия. На следующий же день после опубликования постановления встало много проблем, и я хочу хоть несколько слов сказать о них, взяв в качестве примера именно межведомственные неувязки — они мне представляются очень большим злом, вредящим делу. Причем беру я только лесников и аграрников, при свидетелях посадив их на пять минут за круглый стол.

Лесники. Своей работой мы часто пытаемся исправить ваши грубые ошибки. Вы бездумно переносите равнинные приемы обработки почвы и принципы прямолинейности в планировке территорий на склоны и в пересеченные районы, сплошь распахиваете плоские просторы, никак не можете перейти на безотвальную вспашку там, где это давно пора сделать. И во многих местах. никакими лесопосадками уже не остановить бурных эрозионных процессов...

Аграрники. За наши грехи с нас и спрос, хотя вы должны понять, что без противоэрозионной техники ничего не сделаешь. И разве мы затевали бесконечные шатания с системами обработки земли? Вы лучше скажите, почему вместо облесения оврагов и песков часто сажаете леса там, где они не нужны,— вдоль дорог и пологих балок, почему завышаете ширину лесополос? План перевыполняете?

Лесники. Поймите, у нас очень трудно с техникой! И мы не можем освоить посадками все отдаленные районы. Кстати, у вас техника подчас бывает незанятой, простаивает, а нам приходится гнать трактор за сорок километров, где ему работы на полдня. И попробуй удержи тракториста, если он за такой же труд получит у вас чуть ли не в два раза больше. Почему мы не можем договориться о взаимной помощи?

Аграрники. К сожалению, между нами нет узаконенных договорных отношений. Но вы, между прочим, даже в легкодоступных местах совсем перестали вести полезащитные посадки. Почему?

Лесники. Знаете, когда доходит до дела, у вас не всегда допросишься земель под полосы. Но все же главная причина не в этом, если честно говорить. Дело в том, что полезащитные насаждения нам не включаются в план, на них министерством выдается лишь задание, которое не обеспечивается материальными ресурсами. Но вот встречный вопрос. Несколько лет назад мы вырастили и сдали вам систему продуваемых лесополос. Она была в отличном состоянии, за эти годы дала много дополнительной продукции, сохранила посевы от эрозии. Сейчас все посадки заросли, полосы стали загущенными, плотными и потеряли свою эффективность. Как вы это допустили?

Аграрники. Просто некогда было заниматься этим делом, и за него никто не спрашивал. Кроме того, у нас нет специалистов лесного дела ни в колхозе, ни в районном управлении.

Лесники. Для ухода за полосами некоторые хозяйства создают специализированные лесомелиоративные бригады или звенья, которые могут получать консультации у нас, хотя, конечно, свой агролесомелиоратор в хозяйстве необходим. Но почему вы стравливаете полосы скотом, рубите в них, сколько влезет? Мы будем добиваться, чтобы наказания, обусловленные законом за нарушения в лесах государственного фонда, распространить на полезащитные полосы.

Аграрники. Добивайтесь, это — ваше дело. Но какими карами наказывать вас, если вы многие полосы сажаете без проектов, а как бог на душу положит?

Лесники. Мы тут ни при чем, в этом не лесники-производственники виноваты, а проектировщики. Но у них свои проблемы. Вот одна из экспедиций ведет проектирование противоэрозионной системы в трех больших районах Харьковщины. Около миллиона рублей будет стоить только одна эта система, а экспедиция выполняет и другие заказы. Бедняги! Что они могут, если у них на пятнадцать полевых партий всего три грузовика. Правда, это уж, так сказать, по другому ведомству...

Аграрники. А у нас ведь острейшая нужда в схемах и проектах, в планах противоэрозионной борьбы, привязанных к конкретным районам. Пока многое пущено на самодеятельность и самотек. Главное, наверное, все же кадры, специалисты, отвечающие за отдельные участки работы. Таких людей сейчас не стало...

Этот воображаемый разговор я привел для того, чтобы показать, до какой степени запутано и запущено сейчас дело.

К 1 января 1969 года республиканские правительственные органы, ведомства и научные учреждения представляют в Госплан СССР свои предложения о проведении противоэрозионных работ на последующее десятилетие. Очевидно, будет составлен новый обобщенный государственный план борьбы с эрозией и засухой, план повышения плодородия наших почв. Впереди непочатый край работы, и от нее никуда не денешься — земля требует.

IV

Вот уж никогда не чаял я попасть в число писателей-«деревенщиков», но так получилось; видно, проблемы земли, этого главного богатства нашего народа, столь сложны и серьезны, что сами затягивают, волнуют не только аграрников и «деревенщиков».

Написав настоящий очерк в 1967 году, я в последующих своих поездках по стране поневоле обращал внимание на землю и ее беды, при всяком удобном случае знакомился с теми, кто живет и трудится на земле, и, честно сказать, искал любую возможность порадоваться хорошему.

Вспоминаю смоленскую осень 1969 года. На родине Юрия Гагарина выдался невиданный урожай льна, зерновых и картофеля. Оживленные дороги, веселые колхозницы у громадных буртов картошки и свеклы, измученные, счастливые, знающие себе цену механизаторы, бодрые голоса райкомовцев, диктующих по телефону сводки в область. Славно!

А вот еще одно впечатление, из Подмосковья. По приглашению правления колхоза им. С. М. Кирова Балашихинского района мы с Леонидом Леоновым и Михаилом

Алексеевым побывали в этом интересном хозяйстве. Стесненный со всех сторон пригородными землепользователями колхоз развил на своем клочке земли интенсивнейшее производство. Нам показали коровники, участки овощеводческих бригад, птичники, звероводческую ферму, рыборазводные пруды, цветочные и огуречные теплицы, веревочное, паточное и другие производства, количество и разнообразие которых нам даже показалось избыточным. Миллионные доходы берет колхоз со своей земли, где ни одной сотки не пропадает и каждая что-то дает. Удивляет и радует машинизация всех работ, одних только автомобилей в хозяйстве восемьдесят штук. Колхозники зарабатывают не меньше чем заводские квалифицированные рабочие, артель может позволить себе строить на свои средства и пятиэтажные дома со всеми удобствами, и современный магазин, и школу-десятилетку, и прекрасный клуб. «Что-то тут уже есть от коммунизма»,— сказал, помню, Л. М. Леонов, и как хорошо, если б он был прав!

В Омской области я с руководителями Тавричанского района и замечательным омским очеркистом-«деревенщиком» Леонидом Ивановым проехал по полям, на которых дотаивал снег. Зерновые совхозы этого района разбогатели за последние годы, появилась возможность значительно улучшить быт и отдых тружеников земли. Недалеко от райцентра, в густом березняке мне показали построенный на средства совхозов замечательный профилакторий, в котором зимой отдыхают сотни рабочих. А рядом — совсем неожиданное. Я подумал, что в баньку сибирскую зовут, приглашая раздеться в приземистом бетонном сооружении. Открылась дверь, и глаза ослепило — белый кафель и голубая гладь большого плавательного бассейна выглядели совсем по-столичному. Бассейн очень выгоден в эксплуатации, потому что использует термальные воды. После купанья — волейбольная разминка в просторном зале по соседству. А в районном центре также вскладчину совхозы достраивают огромный Дворец спорта, куда не стыдно будет приглашать спортсменов даже на очень крупные соревнования. В дома совхозных рабочих пришел достаток. Почти в каждом — своя библиотека, а на подписные издания люди блюдут очередь за полгода. Один пожилой тракторист сказал мне, что хорошую вещь сейчас достать

легче, чем хорошую книгу. Ну, дожила матушка-Сибирь!

Надо сказать, что вся эта благодатная иовизна пришла в деревню ие только благодаря самоотверженному труду современного крестьянства. Поневоле обращает на себя внимание количество машин в совхозах и колхозах. А какие горы удобрений развозятся по полям в наши дни! И как тут не вспомнить серьезные государственные меры, принятые в последние годы для подъема сельскохозяйствеиного производства. И все же осиовой основ, фундаментом всей жизни села была, есть и остается земля, которой реально, очень уже ощутимо угрожает обеднение, эрозия — главная беда времени, зло, нацеленное в будущее. И если на Смоленщине, к примеру, об эрозии почв пока никто не говорит, то это не значит, что там не следует заглядывать вперед — при иеверной обработке земли, общей интенсификации землепользования, вырубке водоохранных лесов в этом дождливом краю вода быстро обеднит почвы, снизит урожаи, погасит радость у людей. А вот омские аграрники, помню, озабоченно оглядывали весенние поля, говорили:

— Маловато все же снегу наметало, и мы плохо его задерживали, как бы ие засушило.

— Посев по стерне надо смелее вводить, лесополосы сажать.

— Ох, подует! Говорят, по Югу землю несет — страсть!..

Весна 1969 года для нашего Юга обернулась лихой бедой. Началось еще в январе. По югу Украины, Ростовской области, Ставропольскому и Краснодарскому краям потянули ветры. Они были сильными, упругими, постоянными — наклонит подросшую лесополосу, так она и стоит, согнутая невидимой силой. Впрочем, сила эта скоро стала видимой. Ветер быстро выпил или взвихрил тонкий слой сухого снега, взялся за распыленную землю. Небо стало коричнево-серым, обозначились темными вислыми хвостами воздушные потоки. По полям, пастбищам, дорогам, по улицам сел и хуторов зазмеилась черная поземка. Машины среди бела, точнее, среди черна дня двигались с включенными фарами и только на первой передаче, а во многих районах движение вообще остановилось — дороги перемело мелкоземом. Засыпало сады, пастбища, оросительные каналы, кошары, сельско-

хозяйственную технику, дома и скотные дворы, как говорится, по самый венец. Кое-где корм скоту пришлось задавать через проломы в крышах... Такого еще не бывало, и даже памятиая беда 1960 года как-то померкла перед новой, неисчнслнмо убыточиой, исключительно тяжкой по своим последствиям.

В апреле того года я побывал иа Доиу. На всем путн от Ростова до Вешенской были видны следы черных бурь, бушевавших здесь больше двух месяцев. Вдоль дороги тянулся вал чериой земли, кое-где бульдозеры нагребли кучи мелкозема пятиметровой высоты! Лесные посадки показывали из наносов лишь вершинные мутовки. Низины, кюветы, мелкие балки были забиты земляной пылью. И сейчас еще, когда на огромных площадях шел повторный, яровой сев, с осветлеиных возвышенностей при малейшем дуновении ветра поднимались разреженным дымом серые тучи пыли...

Нам думалось, что М. А. Шолохов пригласил иас в иеурочный час, но разговор вышел большим, серьезным и очень нужным. То н дело в беседе прорывалась глубокая озабоченность великого нашего писателя сегодняшними бедами земли. Он советовался с иами, советовал нам, одобрил тех, кто, зная, в каком положении сейчас природа, не молчит, а пытается бороться. И позднее, в своей речи на Съезде колхозников М. А. Шолохов ие преминул выразить тревогу, ставшую общей для всех русских писателей.

Да и как, скажите, не тревожиться, если в одной только Ростовской области, напрнмер, на сегодняшний день смыто полтора миллиона гектаров пашен. И лишь на Правобережье, в той части области, которую я пересек из конца в конец весной 1969 года, уже образовалось миллион триста двадцать тысяч дефлированных, то есть выдутых ветрами, земель! Благословенный донской край, производительная сила твоей земли еще иедавно казалась неистощимой! Боюсь излишне огорчить читателя, однако должен сказать и о крайней беде, навалившейся ныне на донские просторы — об овражной эрозии: если все ростовские овраги, балки и вторичные овраги по балкам растянуть в одну линию, то этот воображаемый провал опояшет по меридиану земной шар!

Много можно было бы еще писать о земле в беде образца 1969 года. Ветровая эрозия, охватившая миллио-

ны гектаров южноукраинских, доиских, северокавказских, сибирских и казахстаиских земель носила характер катастрофы, ввергла наш иарод в убытки, которые даже трудно подсчитать. Люди поражались холмам мелкозема восьмиметровой высоты, по сравнению с которыми «газик» выглядел букашкой, ие верили своим глазам, когда видели телеграфиые столбы, до проводов засыпанные почвой.

Но прежде чем перейти к вопросу о том, как мы боремся с этой лихой бедой, чего нам ждать и на что надеяться, я в последний раз косиусь роли лесных полезащитных полос. Конечно, никакие полосы не могут остановить ветров, дующих по обширным простраиствам со скоростью сорока метров в секуиду, ие способны осадить пыль, поднятую под облака воздушными вихрями. Да это и не входит в их задачу. Одиако иикуда не уйти и от другой неоспоримой истииы — лесиые полезащитные полосы, там, где они встали на пути бедствия 1969 года, как и в прошлые годы, оказались *единственным*, что люди смогли противопоставить катастрофе иевиданных масштабов.

Посмотрим, как боролись с чериыми бурями лесные полосы в Краснодарском крае, иапример. Худо тут было всему живому весной 1969 года, и слишком даже худо было в «армавирской трубе» — ветровом коридоре, проходящем над карбонатными черноземами Новокубанского, Кавказского и Курганинского районов.

В племовцесовхозе «Кубанский» Новокубаиского района, где имеются лишь отдельные лесополосы, расположенные на расстоянии двух километров друг от друга, из 4205 га посевов полностью погибло 4070 га, более 97 процентов. Выдувание почвы здесь очень глубокое — 15—20 сантиметров, был сдут весь гумус до карбонатиого горизонта. Похожая картина в племсовхозе «Хуторок», с территории которого первой же волной сдуло 60 процентов почвы. Такой же урон был ианесен озимым посевам 6-й бригады соседнего колхоза им. Жданова. Но вот рядом — радость, поля 5-й бригады. Здесь полосы расположены через 500 метров и... посевы иеплохо сохраиились.

Заглянем в зерносовхоз «Тихорецкий», о котором я уже упомииал. Полноценная система лесиых полос хорощо защитила поля — выдуло и засыпало 23,5 процеита

озимых. В колхозе «Колос», расположенном в этом же районе и имеющем лишь одиночные полосы, полностью погибло 57 процентов посевов. В колхозе «Кущевский», где основные полосы расположены через 500—700 метров, а вспомогательные через 1500—2000, повреждено 24 процента озимой пшеницы. В соседнем колхозе «Восход», который не вырастил системы полос, погибло 60 процентов культур.

Исследования и опыт снова показали, что лучше всего сохраняют почвы и посевы системы продуваемых лесополос, хотя, повторяю, любые полезащитные насаждения есть средство прежде всего для накопления, сохранения влаги на полях и повышения урожайности, а борьба с ветровой, например, эрозией для лесополосы — побочная, так сказать, сверхплановая нагрузка. И иногда эта нагрузка оказывается чрезмерной, даже смертельной. Своими глазами я видел полосы, засыпанные землей до ростового побега, и просто не могу себе представить, как теперь почву вернуть на поля механизированным способом, не погубив насаждений. Таких полос немало. На Украине, где, кстати, после черных бурь 1969 года общая площадь эродированных земель увеличилась до двенадцати миллионов гектаров, было засыпано, полностью выведено из строя более половины загущенных, оставленных без надзора полос. Так возникло новое хозяйственное затруднение, и некоторые по традиции ругают лесополосы, хотя каждому ясно, что было бы куда хуже, если б плодородная почва, золотой фонд нашего сельского хозяйства, перенеслась в дальние края и бесполезно рассеялась над горами и морями.

Лесные полосы все равно придется сажать. Только не следует представлять степняков-лесоводов этакими узколобыми фанатиками, которые будто бы мечтают облесить всю свободную землю. Сажать или не сажать где-либо полосу — этот вопрос уже давно стал предметом земледельческой науки, лесоводственной и сельскохозяйственной экономики. Скрупулезно подсчитана реальная эффективность лесополос, учитывающая потери из-за изъятия земель и прочих расходов, и теперь важно добиться, чтоб насаждения повсюду закладывались по научно обоснованным проектам, что не всегда было раньше и не везде есть сейчас. Проектировщики, намечая направление, ширину и конструкцию лесополосы, учитывают об-

ширный комплекс данных — величину водосбора, крутизну склонов, характеристику почв, розу ветров, увлажненность района и т. д., включая, может быть, самое главное — сопутствующую земледельческую агротехнику, без которой насаждение может оказаться бесполезным, а при иных обстоятельствах даже вредным.

Мы всегда должны помнить, что сегодняшние беды земли не поправить ничем, если не уничтожить их исходных причин, а они, как мы знаем, таятся в неправильной обработке почв земледельцами, в нарушении ими норм и правил агротехники, во временщическом отношении к такому дорогому общественному достоянию, каким является почва.

И с эрозией почв, с первопричинами ее мы можем успешно бороться. Этому есть веские доказательства. Приведу чрезвычайно красноречивый пример последних лет. Вы помните, вначале я упоминал о катастрофических пыльных бурях в Павлодарской области? Эта область с ее легкими супесями много лет была главным «пылевым котлом» не только Северного Казахстана, но и прилегающих земледельческих районов Российской Федерации. Кое-где супесчаные целинные земли здесь начали выдуваться в первый же год сплошной распашки. На второй-третий год поднялись в воздух легкие суглинки. Площадь выдуваемых и передуваемых почв быстро увеличивалась, на очагах дефляции земля начинала «дымить» даже при слабых ветрах, образовывались обширные мертвые зоны, начисто лишенные растительности. По так называемым «усредненным» данным с 1958 по 1965 годы павлодарские хлеборобы теряли ежегодно 480 тысяч гектаров земель. Из-за гибели посевов от выдувания, засекания и песчаных заносов средняя урожайность, с одного гектара была: в 1962 году — 4,6 центнера, в 1963 г. — 1 центнер, в 1964 г. — 5,4 центнера, в 1965 г. — 1,1 центнера.

Но вот наступила весна 1968 года. Сильные ветры подняли в воздух земли Северного Казахстана, смежных районов Алтая, на распаханных степях Новосибирской и Омской областей, в Восточной Сибири. Черная напасть почти не коснулась лишь одного оазиса — Павлодарской

области. Здесь пострадало только 32 тысячи гектаров. В 1969 году, особенно, конечно, тяжелом для юга России, пыльные бури бушевали и в Северном Казахстане, охватив почти три с половиной миллиона гектаров пашен. Павлодарцы снова были спокойны — их посевы практически не пострадали. Что же за чудо произошло, что за сенсацию собираюсь я сообщить читателю?

Для павлодарцев никакой сенсации в этом нет. Полная ликвидация черных бурь для них — обыкновенная реальность, успешный результат дружной будничной работы рядовых земледельцев, агрономов, ученых, руководителей и специалистов сельскохозяйственных органов, работников партийного и советского аппаратов. Еще в 1964 году партия и правительство приняли серьезные меры по борьбе с эрозией почв в Павлодарской области, которое положило начало всему делу. Прежде всего землеустроители создали хороший проект комплексных противоэрозионных мероприятий. Повсеместно была введена безотвальная обработка почв с сохранением стерни, а из миллиона гектаров сильно эродированных земель павлодарцы половину заняли многолетними травами. Особенно подошел к местным условиям житняк. Он не боится засух и пыльных бурь, переносит даже засыпание на 15—20 сантиметров песками, не уничтожается гербицидами, дает устойчивые урожаи. Большую роль сыграло также полосное размещение посевов, паров и трав, ориентированных поперек направления господствующих ветров, севообороты, залужение наиболее опасных очагов эрозии, создание кулис на парах, применение гербицидов, уменьшивших количество рыхлений. Неплохо поработала инспекция по охране почв, созданная при областном управлении сельского хозяйства.

Итак, в наиболее опасном «пылевом котле» нашего Востока *черные бури были побеждены всего за три года.* Сейчас здесь неуклонно растет урожайность зерновых, вдоволь стало кормов, а за семенами трав едут сюда многочисленные соседи и гости издалека, даже из Читы, например. Павлодарцы могут по праву гордиться победой, она необыкновенно важна в настоящий момент. Хотя бы потому, что в нашей стране, по данным Почвенного института им. В. В. Докучаева, *общая площадь пашен, которым угрожает ветровая эрозия, составляет 92 миллиона гектаров.*

Совершенно очевидно, что настал момент, когда обработку почв и выращивание полевых культур должно основывать на *почвозащитных* приемах, принципах, системах земледелия. Для всех сельскохозяйственных зон и районов ныне разработаны подробные рекомендации по защите почв от ветровой, водной и овражной эрозии. Перечисление их заняло бы много страниц, и я хочу сухим языком цифр и фактов пропеть оду хотя бы одной из таких рекомендаций. Новшество это, ломающее тысячелетние традиции, поначалу показалось многим довольно спорным, а сейчас скептиков что-то совсем не видно и не слышно. Я имею в виду безотвальную обработку почвы с сохранением на ее поверхности пожнивных остатков. Этот способ подготовки земли на полях Южного Урала, степной Сибири и Казахстана уверенно идет на смену отвальной зяблевой вспашке.

Культиваторы-плоскорезы, лущильники-сеялки, глубокорыхлители и другие орудия, заменившие плуг, сохраняют стерню и мульчирующие остатки, что полностью исключает ветровую эрозию, пересыпание почв, засекание всходов. Есть и другие преимущества нового способа обработки земли: в почве лучше сохраняется влага, укрупняется структура плодородного слоя, поля очищаются от сорняков, гибнут при перезимовке некоторые опасные вредители, например, серая зерновая совка.

А как обстоит дело с урожайностью? Вот факты. Совхоз «Адамовский» (Оренбургская область) в среднем за шесть лет получал яровой пшеницы по отвальной зяби по 8,4 центнера с га, а по безотвальной обработке 11 центнеров с га. В совхозе «Сибиряк» (Омская область) в среднем за десять лет соответственно 8,8 и 10,4 центнера с га, в колхозе им. Ф. Энгельса (Алтайский край) в среднем за два года — 5,3 и 10,6 центнера с га. За последние годы прибавку урожая от 2,4 до 5,9 центнера с гектара получили при безотвальной обработке многие хозяйства Семипалатинской, Кустанайской, Павлодарской, Кокчетавской и других областей Казахстана. В настоящее время безотвальными орудиями ежегодно обрабатывается свыше двадцати миллионов гектаров сибирских, южноуральских и казахстанских полей. Тысячи эшелонов зерна получила страна дополнительно только за счет внедрения нового способа подготовки полей, ко-

торый является к тому же противоэрозионным. И еще раз порадуешься: славно!

Наступление на эрозию—требование времени. Замечу, что выполнение хороших рекомендаций по борьбе с эрозией подчас упирается не только в нехватку проектов или новых сельскохозяйственных машин. Нужна сейчас всеобщая дисциплина, организованность и ответственность.

Вспоминаю свою поездку в Ростовскую область. Завершался сев, вернее, пересевание полей после черных бурь. Ростовчане справились с авральными весенними работами, потом хорошо помог хлебам майский дождичек, положение было как-то подправлено. Но меня поразило то, что все земли, сквозь которые я проехал, по-прежнему обработаны вдоль склонов. Даже после такой разорительной катастрофы не было организовано выполнение основной рекомендации! Ведь донские поля имеют ярко выраженный рельеф и пахота вдоль склонов создает идеальные условия для водной эрозии. А она угрожает ростовским землям не меньше, чем эрозия ветровая: с полей здесь ежегодно смывается тридцать три миллиона тонн плодородной почвы, уносится в моря и водохранилища 76 тысяч тонн азота, 36 тысяч тонн фосфора, 660 тысяч тонн калия. Об этом своем наблюдении я рассказал, помню, М. А. Шолохову, и мы долго говорили о новых заботах нового времени, в которое зубовный скрежет, например, по поводу наших недостатков особенно бесполезен...

А в Сибири той же весной я стал свидетелем еще одного тягостного зрелища. Омские хлеборобы понимают значение лесных полос, говорят о необходимости новых защитных посадок для благоденствия своих засушливых, плоских, расположенных на продуве полей. Но вот дикая картина: летит самолет и засыпает гербицидами прекрасные лесные полосы. Нельзя было без боли смотреть на умирающие, словно охваченные пламенем стены многокилометровых насаждений, загубленных в предыдущие годы людьми, которым закон не писан.

Сохранение, рациональное использование и повышение плодородия наших почв — задача *общенародная*, и, должно быть, одно из важнейших условий ее выполнения — создание в обществе особой нравственной атмосферы. Это замечательно, что в последние годы принят ряд важных решений и постановлений по охране наших

почв, по борьбе с эрозией. Десятки научно-исследовательских ииститутов сельского хозяйства развериули сейчас комплексные исследования. При ВАСХНИЛе создан Совет ученых и производственников для обобщения достижеиий науки и ее связи с практикой почвозащитного земледелия. Госплан СССР взялся за составление перспективного плаиа всей работы на последующее десятилетие; определяются ее масштабы, капитальные вложеиия, получают конкретные задания аграрники, лесники, мелиораторы, поставщики сельскохозяйственной техники. Проектные институты «Гипрозем», «Союзгипролесхоз», их многочислениые филиалы и экспедиции составили уже сотни типовых и иидивидуальных противоэрозионных проектов, технологических карт, смет, и это только начало.

И хотя расходы по проектированию и осуществлению всех противоэрозионных работ берет иа себя государство, каждый из нас должен ясно поиять, какая великая ответственность лежит на плечах иашего поколения. Ведь земля, которой мы пользуемся и называем своею, не приiадлежит только нам. «Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли,— писал Карл Маркс,— оии лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как boni patres familias (добрые отцы семейства), они должны оставить ее улучшениой следующим поколениям». Будучи времеиными владельцами родной земли, мы обязаны сделать все, чтобы не обеднить, ие испоганить ее, не помешать осуществлению грядущего, которое осчастливит всех людей.

1968—1973

ГОРОДА В ТЕНИ ДЕРЕВЬЕВ

Приангарскую тайгу вырубали и жгли, вокруг перемалывалась траками почва с весенними травами и цветами, а за пологом палатки кустился шиповник, цвели роскошные саранки, несравненный багульник — даурский рододендрон, жарки, а по-нашему, среднесибирскому, «огоньки», таежные орхидеи, ирисы русские...

— Друзья! — обращался к собравшимся братчанам-новоселам молодой инженер-дендролог Герман Тафинцев.— Ну почему вот это, например, чудо не должно расти на клумбах будущего нашего города? Гляньте, какие у него причудливые листья и лазурные цветы! По-ботанически оно называется довольно скучно — «дельфиниум высокий», но вы послушайте, какие имена дали ему разные народы! Наши предки, издревле употреблявшие дельфиниум в народной медицине, назвали его «живокостью», немцы — «рыцарскими шпорами», англичане — «забавными шпорами». Древние греки считали «дельфиниум высокий» цветком печали. По-своему именуют его французы — «ножка жаворонка», но, наверно, красивее всех зовут это растение буряты — «бэри с эсэг», то есть «невестин цветок»... Мы обязаны украсить город будущего здешней чарующей красотой — местными деревьями, кустарниками, цветущими дикоросами. Нам только начать, друзья, а потом пойдет! Сибирские растения со временем будут украшать и другие города!..

Идея и вправду была замечательно хороша, хотя и не очень-то нова. Выдающийся ученый XVIII века, один из первых исследователей растительности Сибири, Петр Паллас писал: «... Россия имеет в своих восточных и южных областях, особливо в обширной Сибири, такое великое множество изрядных, отчасти только сей стране присущих природных дерев и кустов, что в состоянии насадить оными, не заимствуя иностранных родов, весьма

прекрасные сады и рощи, которые красотою и переменою ни в чем Аглинским не уступят...»

Посмотрим повнимательней на деревья, кусты и цветы, на зелень, окружающую нас, и вместе подумаем о настоящем и будущем этого немаловажного участка социалистического строительства.

О пользе зеленого убранства, особенно для пыльных, дымных, шумных и тесных городов, не стоит слишком распространяться — она общеизвестна. Деревья, кусты и травы поглощают углекислоту и выделяют живительный кислород, ионизируют и фильтруют воздух, испускают фитонциды, убивающие болезнетворных микробов, выравнивают перепады микроклимата, приглушают шумы, ослабляют силу вредных излучений. И есть еще у «зеленого друга» ценности, не поддающиеся никаким подсчетам, но столь же неоспоримые, многообразные и незаменимые.

Деревья, растения, живая природа вообще действительно по-дружески успокаивают и волнуют человека, сберегают и восстанавливают его душевное здоровье, способствуют расцвету чувств, воспитывают, помогают думать и творить.

И как бы мы ни любили, как бы ни стремились сохранить «дикую» природу, похоже на то, что земля будущего почти повсеместно захорошеет культурными ландшафтами. Облагороженная разумной и доброжелательной деятельностью человека природа таит в себе новые качества и достоинства. Вспоминаю свои смутные мальчишеские ощущения, когда после девственной тайги вдруг открывается твоему взгляду просторная поскотина за околицей сибирского села, обрамленная кедросадом. Столетиями крестьяне ухаживали за этим лесом — в нем ни больного сучочка, ни валежинки, а шаровидные кроны величественных дерев так правильны и хороши, что кажется, их подстригали какие-то умные и добрые великаны. А в юности, помнится, не раз проезжая бесконечной железной сибирской дорогой, с нетерпением ждал я Петропавловска. У вокзала там — после пустых зауральских земель — было что-то вроде рая. Вяз мелколистый, кизильник и другие неизвестные мне кустарники представали кубическими, пирамидальными, яйцевидными, ромбическими образованиями, сгруппированными в радостные по общему тону сочетания.

Этот скромный, продуманный в мельчайших деталях скверик нес на себе светлую печать любви, терпения и трудолюбия; мне всегда хотелось сойти с поезда, разыскать и поблагодарить за праздничное впечатление человека, который все это затеял и осуществил. Позже я узнал такие шедевры садово-паркового искусства, как Кусково и Архангельское, Тростянец и Павловск, посмотрел сказочный Версаль и великолепный Сан-Суси, побывал в польских Лазенках, шведских пейзажных парках, в древних садах Киото, поселяющих в душе человека тихую радость и умиротворение...

Наверное, во всех наших городах есть чудесные зеленые уголки, но немало и серых, грязных, голых улиц, кварталов, заводских территорий. Встречаются целые районы без деревца, то там, то тут можно увидеть древесно-кустарниковые насаждения, производящие столь жалкое впечатление, что лучше бы их не было совсем.

Везде есть слишком большие пустые расходы и нелегкий труд озеленителей, на глазах всех обращающийся в ничто.

Отчего все это? Тема обширная, разветвляющаяся, и при первом же подступе к ней задаешься множеством вопросов: где, что и сколько мы сажаем, как сохраняем посадки, кто этим большим делом ведает и что мешает нам по-настоящему украсить зеленью города? И чувствую, начав свой очерк с цветочков, закончу я, как говорится, ягодками.

Озеленением у нас занимаются, можно сказать, все. В республиканских министерствах жилищно-коммунального хозяйства есть главки и отделы озеленения, а во многих областях — управления, которым, в частности, поручена и эта работа. Сельскохозяйственные ведомства имеют отделы декоративного садоводства и субтропических культур. Работники системы здравоохранения озе-

леняют территории больниц и поликлиник, просвещения — пришкольные участки, профессиональные союзы ведут озеленение своих санаториев и курортов, общества охраны природы поднимают на эту работу общественность. К зеленому хозяйству причастны работники строительного, железнодорожного, шоссейного, лесного и других ведомств, им занимаются комиссии исполкомов и комбинаты озеленения, районные и городские архитекторы, начальники жилищно-эксплуатационных контор и председатели уличных комитетов, комсомольцы и домохозяйки, пионеры и пенсионеры.

Не хочу из такого перечисления делать сам собой напрашивающийся вывод о том, что, мол, у семидесяти нянек дитя без глазу, однако неорганизованность, неупорядоченность и неквалифицированность в зеленом строительстве становятся все заметнее и нетерпимее.

Проектом любого жилого района, как правило, предусматривается озеленение дворов, улиц и подъездов, намечаются скверы и газоны, хотя часто проекты эти условны, стандартны, скучно-геометричны. Но даже и такие проекты часто остаются на ватмане — строители, штурмуя сдачу объекта, заканчивая мучительную борьбу с недоделками, не находят сил, времени, материальных и иных возможностей исполнить озеленительную часть, а ведомственный, общественный, архитекторский и всякий иной контроль оказывается бессильным, недейственным. Осуществленное же озеленение поджидают новые напасти.

В течение года строители обязаны шефствовать над ним — заменять погибшие растения, поливать, оздоравливать поврежденные кроны и стволы, удобрять почву.

Но о каком удобрении может идти речь, если сама посадка нередко идет в стеклянный и кирпичный бой, в бетонную крошку?! Чаще всего посадки бросают на произвол судьбы сразу после сдачи основного объекта, в лучшем случае — через два-три месяца, и до истечения годичного срока они ничьи, «бесхозные». Переданные наконец ЖЭКам, а точнее — дворникам, ослабленные и расстроенные насаждения окончательно погибают из-за неквалифицированного ухода или полного его отсутствия. Во что же обходится такое обращение с общим добром? По самым скромным подсчетам, *только из-за не-*

достаточного ухода каждый год в городах страны гибнут зеленые насаждения стоимостью пятьдесят миллионов рублей!

Несколько лет назад мои земляки, комсомольцы Кузбасса, пригласили меня на свой областной фестиваль. Хороший состоялся праздник — веселый, яркий, интересный. В конце его, согласно программе, мы должны были посадить парк. Необозримое черноземное поле под Кемеровом с догнивающей прошлогодней картофельной ботвой. Пять тысяч лопат. Длинная вереница грузовых машин, в кузовах которых лежали деревья и кусты с распустившимся листом.

Ко мне подтащили длинный провод с микрофоном на конце, чтоб можно было через усилитель сказать слова. Сказал, а потом вместе со всеми копал ямки, рядами и как ни попадя сажал вперемежку березки, рябинки, акацию, еще что-то и с горечью думал о том, что это будет не парк, не лес, не лесопарк, а черт-те что, чему нет и, наверно, не может быть названия. Дело даже не в том, что не оказалось воды и значительная часть наших посадок обрекалась на скорую и неминуемую погибель. «Парк» закладывался без всякой планировки, без подбора пород, без квалифицированных советов специалистов, без любви к «зеленому другу» — формально, для галочки в отчете...

Далек я от мысли, что вся теперешняя работа по озеленению наших городов малоэффективна. Нет, есть и хорошие примеры, когда города, поселки, рабочие и вузовские коллективы прекрасно украшают зеленью свои территории. Сто сорок гектаров занимают насаждения на Омском нефтеперерабатывающем комбинате. По-настоящему заботятся о «зеленом друге» череповецкие металлурги и коломенские тепловозостроители. Побывал я однажды в Новой Каховке и Черкассах. Чистые, ухоженные города утопают в зелени и цветах. В парках, на улицах, средь новых построек хорошо приживаются и благоденствуют декоративные породы деревьев и кустарников — каштан, платан, катальпа, липа, шаровидная акация, туя, можжевельник, бирючина.

Неплохо работают озеленители Омска, Калининграда, Алма-Аты, многих городов Украины, Прибалтики и Гру-

зии. С радостью узнал из печати, что в заполярной Воркуте, где двадцать лет назад я не застал ни одного деревца, сейчас почти тридцать гектаров зеленых насаждений. Красивыми и чистыми хотят видеть свои дворы и улицы жители Инты; этот небольшой приполярный рабочий городок в Коми АССР даже выходил победителем в республиканском соревновании за лучшее благоустройство и озеленение.

Однажды я уже писал о том, что пригодность руководителя городского хозяйства когда-нибудь станет оцениваться прежде всего по тому, насколько сумел он озеленить свой город. Такое время подходит.

Приведу несколько цифр, обобщенно показывающих, насколько разнятся результаты озеленительной работы в отдельных местах страны.

Норма насаждений общего пользования (парки, скверы, бульвары, сады микрорайонов), установленная Госстроем СССР в зависимости от величины города,— десять — пятнадцать квадратных метров на одного жителя. В некоторых районах — в Омской и Калининградской областях, в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарии и еще кое-где — эта норма уже несколько превышена; в Астраханской, Пензенской, Читинской, Иркутской областях, Удмуртии, Бурятии и многих других административных районах страны — почти в два-три раза меньше нормы. Особенно удивительны контрасты, когда сравниваешь близких соседей. В Липецкой области площадь зеленых насаждений общего пользования на одного жителя всего несколько квадратных метров, в Курской — около пяти, а в Брянской — почти двадцать!

Знакомясь с озеленением, подчас просто поражаешься некоторым фактам и цифрам. В один из прошлых годов в Кировской области посадили около миллиона деревьев и кустарников, а озелененная площадь в том же году на пять гектаров... уменьшилась. Еще парадоксальнее выглядел этот год в Ленинградской области. Высадили почти семьсот тысяч «единиц» озеленения, но общий зеленый убор сократился на триста сорок гектаров!

Еду в Ленинград. Здешние озеленители по-деловому, кардинально решают проблему рабочих кадров. В систе-

ме Управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства занято сейчас около пяти тысяч рабочих, и, что самое отрадное, борьба с текучестью потеряла свою остроту. Из двух промышленно-технических училищ приходит к ним ежегодно более двухсот молодых садоводов, цветоводов, водителей катков и т. п. Лучшим молодым озеленителям город выделяет каждый год из своих жилых фондов более пятидесяти комнат. Разговаривал с девчатами, стригущими кусты в сквере Адмиралтейства. Смеются, поют, довольные работой и жизнью. Мечтают о форменной одежде. И правда, почему бы не учредить для озеленителей удобную, красивую и оригинальную модель рабочего костюма? Чтобы мы узнавали и чтили людей, украшающих и оздоровляющих наши города...

В Ленинграде я убедился, насколько трудна, подчас даже очень тяжела эта работа. Нелегкое дело — мыть руками цветочные горшки, а их у ленинградских цветоводов миллионы, или, скажем, сортировать луковицы — их десятки миллионов. В Голландии есть машины, в пятьсот раз увеличивающие производительность на этих операциях, у нас, к сожалению, таких машин, как и многих других, очень нужных озеленителям, нет. Не только в Ленинграде ощущается острейшая нужда в легких, не портящих газонов садово-парковых тракторах, опрыскивателях, малогабаритных передвижных электростанциях, повсюду вручную разбрасываются удобрения, обрабатываются приствольные круги, собирается опавший лист, пересаживаются деревья «с комом», стригутся живые изгороди. Огромна потребность в хороших газонокосилках. Сейчас они тяжелы, моторы их сильно чадят, перегреваются и быстро выходят из строя.

Мы здорово взялись в последние годы за бытовую технику, без всякого чувства меры разрабатываем и выпускаем десятки разных моделей полотеров, пылесосов, стиральных машин, но совершенно забыли о малой механизации, нужной для поддержания чистоты и красоты в общем нашем доме — городе.

Десять лет назад во Всесоюзном научно-исследовательском институте коммунального машиностроения был создан единственный на всю страну отдел садово-парковых машин, однако вскоре он был ликвидирован.

А без машин в этом обширном хозяйстве уже невозможно.

А вот пестрые встречи в городах, на дорогах, обрывки разговоров, мысли самых разных людей о «зеленом друге», соседствующем с нами в городах и пригородах.

П. И. Аристархов, начальник Управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства (Ленинград):

— Не хватает сил, техники, специалистов, чтобы обеспечить квалифицированную посадку, уход, инспекторский надзор. Из тринадцати миллионов рублей в год, затрачиваемых нами на зеленое строительство, примерно полтора миллиона теряется безвозвратно. А до нормы Госстроя нам еще далеко...

В. А. Петров, водитель такси (Подмосковье):

— А я бы эти дерева вдоль шоссе повырубил. Кто их сажал? На кривых и пересечениях ничего не видать, куда хуже видимость проезжей части в туман и сумерки. а главное — едешь и спишь. Не хочешь, а дремлешь. Потому что однообразие.

И. В. Дробышевский, начальник производственно-технического отдела Управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства (Ленинград):

— Мы ежегодно восстанавливаем газоны на площади примерно сто гектаров. Они вытаптываются, захламляются за зиму мусором и грязью, отравляются химикатами, которыми снегоуборщики посыпают улицы и дороги. Прошлой зимой в разделительной полосе от Московской площади до Благодатного полностью погиб кустарник. Кроме того, химикаты накапливаются в почве и вегетативной части растений, и мы не знаем, как они влияют на жизнь микрофауны, птиц, на долговечность покрышек и обуви, здоровье людей... Пора подобными вопросами заниматься серьезно, специально — от этого зависит будущий облик наших городов.

Г. П. Тафинцев, инженер «Гипрогора» (Москва):

— Кое-где на клумбах Братска растут жарки, марьин

корень, постоянно завозится в город крупномерная береза. Но с самого начала мы не знали оптимального размера таежных включений в город — наша наука этим не занималась, и рекомендаций у нас не было. Лес в Братске практически погиб...

В. А. Головко, работник обкома партии (Ленинград):

— Нет порядка в наших лесопарках! Как-то зимой обнаружил я в районе Разлива погубленный еловый лес. Представляете: шестьсот сваленных взрослых деревьев! Верхняя, ростовая, часть их была спилена и увезена для новогодних праздников. И это из Разлива, из святого места, где хвойных и так почти не осталось! А кто это сделал, как вы думаете? Наши же озеленители!

М. Н. Глинкин, заместитель начальника Главного управления зеленого хозяйства Минжилкоммунхоза РСФСР (Москва):

— Самая важная проблема нашего хозяйства — кадры. Всего десять процентов работников системы имеют специальное образование.

За прошедшее время, с тех пор как мне довелось впервые выступать по вопросам зеленого хозяйства, у меня скопилось множество писем читателей, и я приведу хотя бы несколько выдержек из писем специалистов, чтоб подкрепить их суждениями впечатления и размышления писателя, не являющегося специалистом в области ландшафтной архитектуры или озеленения.

«Иногда выйдешь на вокзальную площадь (а во многих городах вокзал — лицо города), посмотришь на цветы, кустарники и деревья и с горечью подумаешь, что сюда еще не приехал специалист-озеленитель. И цветов много, и деревьев, и кустарников, но вот культуры озеленения не видно. Старомодные клумбы с узорами из цветов, аляповатые бетонные вазы, деревья и кустарники, посаженные без элементарной планировки, примитивной мешаниной видов и сортов, и совсем нет чистых благородных газонов...» (Н. Курлаев, цветовод, инженер зеленого строительства Кодорского цветочно-луковичного хозяйства, Абхазия).

«Эта отрасль нашего хозяйства ныне в состоянии глубокого кризиса. Ежегодно десятки миллионов рублей

народных денег расходуются впустую. Весной и осенью силами общественности в стране высаживается фантастическое количество деревьев и кустарников. Потребность такова, что питомники не успевают выращивать доброкачественные саженцы в широком ассортименте. И количественные планы посадок, как правило, выполняются. А дальше? Из-за небрежной выкопки и транспортировки саженцев, их посадки в неподготовленную почву, из-за отсутствия постоянного и умелого ухода происходит массовая гибель растений. Ее никто не учитывает, ответственных за сохранность этого народного добра не наказывают. За послевоенные годы в Ленинграде посажено около 5 миллионов деревьев и 15 миллионов кустарников, и город давно должен был бы превратиться в непроходимые джунгли. Джунглей нет, а пустыри, голые улицы и дворы остаются. Стоимость саженцев по прейскурантным ценам, не считая других расходов,— 10 миллионов рублей. Бросовые затраты на озеленение растут. Необходимы немедленные меры» (инженер-садовод И. Мальков, Ленинград).

Добавлю к этому письму ленинградца сведения о масштабах озеленительных работ в столице. Недавно я услышал в «Московских известиях» сообщение о том, что каждый год в столице высаживается двести пятьдесят тысяч деревьев и миллион кустарников. Информации о количестве *высаженных* кустов и деревьев в разных городах газеты печатают каждую весну и каждую осень. Но никогда и нигде я не встретил в это сезонное время заметок о том, сколько деревьев *прижилось,* сколько их *выращено,* каков эффект посадок предыдущего года. Иными словами, сам принцип освещения в печати этого важного дела не содействует его успеху.

«Природные условия Таджикистана позволяют использовать для озеленения самые лучшие декоративные деревья, кустарники и цветочные растения. Фактически же для этого используется весьма ограниченное количество деревьев — на самом примитивном уровне, с грубым нарушением агротехники и пренебрежением к композиционным требованиям декоративного садоводства. В результате города Таджикистана плетутся в хвосте и по количеству и по качеству озеленения. По команде одного высокопоставленного любителя чинары весь Душанбе

засаживается густыми рядами чинар, а люди, выступающие с серьезными предложениями по улучшению дела, попадают в разряд тех, кто «мешает» озеленению» (Ф. Ушаков, персональный пенсионер, бывший председатель Душанбинского общества охраны природы и озеленения; инженеры зеленого строительства Е. Едранов, Р. Манохина, Г. Салимова).

«Нельзя ныне всерьез заниматься озеленением без машин. Ежегодно в стране озеленители вскапывают вручную более 20 тысяч гектаров уплотненного газона, разравнивают более 30 миллионов квадратных метров бесплодного грунта и растительной земли, выкапывают миллионы саженцев, сотни тысяч крупномерных деревьев с комом земли. Вручную, лопатой и сечкой, заготавливается и перерабатывается более полумиллиона кубометров травяной дернины. Рабочие цветочно-питомниковых хозяйств просеивают и перемешивают руками около двух миллионов кубометров плодородной земли...» (Б. Удальцов, бывший ведущий конструктор отдела садово-парковых машин ВНИИкоммунмаша, Ленинград).

«Кафедра озеленения городов Московского лесотехнического института считает необходимым подчеркнуть важность вопроса о подготовке инженерных кадров озеленителей. Нет у нас ни ландшафтных архитекторов, ни инженеров-озеленителей, так как в нашей стране специалисты такого профиля не признаются и не готовятся» (Т. Соколова, доцент, Москва).

Немало откликов «Литературная газета» напечатала на мою первую статью об озеленении, много интересных мыслей было высказано во время «круглого стола», организованного после этих публикаций. Главный специалист по озеленению управления «Моспроект-1» В. Машинский сказал, что организационные формы озеленительных работ не отвечают современным задачам, что существует огромная, хотя и скрытая нужда в кадрах. Председатель комиссии по ландшафтной архитектуре Союза архитекторов СССР Л. Залесская рассказала о своей поездке по Украине, об успехах тамошних озеленителей. «Залог этих успехов — перспективный план, разработанный в целом для республики, комплексный, имеющий силу закона. Эту работу они называют не озеленением, а ландшафтной архитектурой, то есть реша-

ется вопрос всего ландшафта Украины. В проекте пятилетнего плана предусматривается реконструкция 90 парков». Закончила она тем, чем закончу, очевидно, и я — «...катастрофически не хватает специалистов».

Этот вопрос волнует и заведующего кафедрой озеленения Московского лесотехнического института Я. Мулкиджаняна: «По Советскому Союзу имеется около миллиона гектаров зеленых насаждений, а на 30—40 гектаров требуется один специалист с высшим образованием (по расчетам Академии коммунального хозяйства). Разделите один миллион на 30—40 гектаров, и у вас будет точная цифра специалистов, которые нужны народному хозяйству. Разве этого недостаточно? Нужны именно специалисты, а не только практики, самоучки. Москва засажена американским тополем, и в то же время забыт русский пирамидальный тополь. Есть у нас прекрасные дикоросы — рододендровые кустарники. В Праге я видел сорок видов, в Шотландии из восьмисот видов культивируется уже четыреста, а в Москве рододендрона совсем нет, разве только в Ботаническом саду. Вот к чему приводит отсутствие специалистов!»

Итак, кадры — главное. Попытался я разобраться в этом больном и сложном вопросе. Да, ни одна страна в мире не знает таких масштабов озеленительных работ, как Советский Союз,— это непреложный факт. Но есть и другой факт, столь же неоспоримый, хотя он может показаться невероятным и противоестественным, *в нашей стране практически нет полноценных специалистов по ландшафтной архитектуре, садово-парковому искусству, городскому зеленому строительству.* Во всей нашей необъятной державе лишь несколько ландшафтных архитекторов, в основном, пенсионеров. И не случайно в последние годы стало невозможным найти настоящих специалистов даже для самых ключевых объектов. Проект озеленения и реконструкции таких священных мест нашей Родины, как Болдино и Ясная Поляна, подготовило Всесоюзное объединение «Леспроект», а зеленым обустройством Шушенского оно занималось вкупе с институтом «Союзгипролесхоз». В основном же исходными

вопросами озеленения городов занимаются архитекторы, не обладающие необходимыми специальными знаниями по биологии, дендрологии, почвоведению, гидрологии, ботанике, защите растений и т. п.

В результате пренебрежения естественными факторами красиво нарисованные проекты оказываются формальными, неграмотными с точки зрения законов живой природы и эстетических норм садово-паркового искусства. Зеленым строительством ведают, далее лесоводы, не имеющие абсолютно никаких знаний в области архитектуры, эстетики и не учитывающие особенностей городских посадок по сравнению с лесными. За это специфическое и сложное дело вынуждены браться и агрономы, и биологи общего профиля, и лица, по образованию и опыту своему не имеющие никакого отношения к зеленому строительству.

На лесохозяйственных факультетах Московского лесотехнического института и Ленинградской лесотехнической академии имени С. М. Кирова есть сейчас специализация «озеленение городов и населенных мест», на которую ежегодно набирается всего по двадцать пять студентов. А число молодых людей, желающих пойти в озеленители, стремительно растет — до десятка претендентов на одно место, и принимаются лишь самые одаренные абитуриенты.

Время от времени в Министерство высшего и среднего специального образования поступают коллективные письма с просьбами учесть действительную потребность специалистов зеленого строительства и вновь открыть некогда существовавшие факультеты зеленого строительства, дававшие когда-то настоящую квалификацию. На стародавние (1955 год) просьбы студентов академии не закрывать факультет министерство ответило таким странным аргументом: парк академии запущен, а вы просите сохранить озеленительный факультет. В ответ на новое обращение (1967 год) Министерство коммунального хозяйства РСФСР дало следующую справку: «Ежегодная потребность Министерства коммунального хозяйства РСФСР до 1975 года в инженерах по специальности «озеленение городов»— 15—20 человек». В последнем своем письме (1972 год), принятом на комсомольских собраниях групп и утвержденном комитетом ВЛКСМ академии, студенты с тревогой пишут о том, что требо-

вания к специалистам-озеленителям все растут, а уровень их подготовки снижается.

Программы не ставят задачей готовить специалистов высокой квалификации, художников своего дела. В два-три раза сокращены программы по изучению садово-паркового и декоративного древоводства, совершенно не изучаются одиннадцать важных дисциплин, на которые двадцать лет назад отводилось более тысячи учебных часов. На художественно-эстетические дисциплины отпущено всего три процента учебного времени, тогда как в ряде специализированных зарубежных вузов эти предметы составляют половину всей программы. В результате из академии и института озеленители выходят и недостаточно квалифицированными лесоводами, и плохими, малознающими инженерами зеленого строительства, и никакими ландшафтными архитекторами.

...По роскошному парку несут в портшезе престарелого скромного человека, а Людовик XIV шагает рядом... Такой неслыханной по тогдашним временам и нравам почести был удостоен творец Версаля, выдающийся архитектор-планировщик садов Андре Ленотр.

Изумительные парки были созданы в старой России Андреем Болотовым, Николаем Львовым, Пьетро Гонзаго, Федором Аргуновым и другими замечательными мастерами этого прекрасного старинного искусства, немало отличных парков спланировали советские специалисты...

Однако незаметно как-то, в буче дел и под давлением неотложных забот мы подменили высокое искусство садово-парковой и ландшафтной архитектуры будничным «озеленением». И соответственно, перестали заботиться о кадрах. А ведь садово-парковое, ландшафтное искусство требует не только обширных специальных знаний и особой организации дела, эта профессия чрезвычайно специфическая, сугубо творческая. Давно сформулированы основные качества, которыми должен обладать ландшафтный архитектор. Но я добавил бы еще одно непременное, высшее качество, которое почему-то не

упоминается в учебниках и специальных книгах по ландшафтной архитектуре: человек этой профессии должен знать и любить свой народ, родную землю, верить в будущее и уметь через свой труд воспитывать эти качества в других...

Но вернемся к истории с письмом ленинградских студентов, и я прошу прощения у читателей за подробности, которые, однако, очень нужны, если мы хотим понять суть проблемы, установить причинно-следственные связи и вместе подумать о правильном ее разрешении.

В письме студенты снова настоятельно просят восстановить факультет. В своем ответе член коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР А. И. Богомолов не разделяет тревоги студентов. Совершенно обходя вопрос о качестве обучения, он говорит лишь о том, что озеленители у нас готовятся в различных вузах и их выпуск «может быть увеличен при наличии заявленной потребности».

И вот тут-то мы сталкиваемся с удивительным организационно-правовым парадоксом.

Выпуск специалистов озеленения не может быть увеличен, потому что не может быть никакого «наличия... заявленной потребности» — *в квалификационном, номенклатурном списке профессий нашей страны отсутствуют специальности «ландшафтный архитектор»* или *«инженер зеленого строительства».* Следовательно, у города, ведомства или завода нет юридического права и возможностей официально заявить о своей потребности, «заказать» специалиста. Ведь для лиц этой профессии на местах нет законных ставок, нет «единицы» в штатном расписании, и озеленитель обычно незаконно «сидит» на ставке мастера, технолога или хозяйственника.

За истекшие два десятилетия в нашем обществе произошли большие изменения, коснувшиеся всех сторон жизни. Ускоряются темпы роста численности городов, населения в них, огромны наши планы сегодняшнего и завтрашнего озеленения. Мы хотим видеть среду советских городов, рабочих поселков и сел красивой, оздоровляющей, культурной, достойной народа, населяющего землю первого в мире социалистического государства. Но это невозможно сделать без квалифицированного,

качественного озеленения, без настоящих специалистов!

Какова же не «заявленная», а фактическая, реальная потребность в них? С ленинградскими озеленителями мы сделали теоретический подсчет этой жизненно необходимой потребности. За точку отсчета взяли зеленое хозяйство Ленинграда, его обеспеченность специалистами с высшим образованием. Получились интересные цифры. Если приложить условную «ленинградскую норму» ко всем городским поселениям страны (при зеленой площади всего семь квадратных метров на жителя), то профессионалов-озеленителей для садово-паркового строительства и капитального ремонта требуется 1500 человек, для эксплуатации насаждений (на 100 гектаров один инженер) — до 10 000, для лесопарковых зон (при «ленинградской норме» 2600 гектаров на одного специалиста с высшим образованием) — до 7000—8000 инженеров. Кроме того, для проектирования городов с населением более 100 тысяч человек необходимо около 1000 специалистов зеленого строительства. Таким образом, если благоустраивать и озеленять все города страны примерно так, как Ленинград, зеленое хозяйство которого, как мы знаем, далеко от полного благополучия, стране требуется более 20 000 специалистов-озеленителей. Конечно, сейчас эта цифра совершенно нереальна, однако несколько тысяч ландшафтных архитекторов и инженеров зеленого строительства наши города примут немедленно.

Замечу кстати, что в ГДР, например, работает сейчас более двухсот пятидесяти ландшафтных архитекторов, которых у нас, повторяю, практически нет совсем. Специалистов-паркостроителей, инженеров зеленого хозяйства хорошо готовят в Польше и Болгарии, где, между прочим, это дело организовали два бывших выпускника несуществующего ныне факультета зеленого строительства Ленинградской академии. Факультет садового искусства и парковой архитектуры работает в Техническом университете Западного Берлина. Специалистов этого профиля готовит также Ганноверская высшая техшкола. В Шеффилдском университете (Англия) есть даже аспирантский курс для получения степени магистра в области озеленения. Что же касается США, то там ландшафтных архитекторов выпускают около пятидесяти специализированных факультетов...

Поспешим за быстротекущим временем. Конечно же, следует *срочно легализовать и узаконить специальности «ландшафтный архитектор» и «инженер зеленого строительства», немедленно восстановить в Москве и Ленинграде специализированные факультеты.* Но если мы даже в скором будущем откроем факультеты, то первые выпускники их придут в наше зеленое хозяйство лишь в восьмидесятые годы. И тут следует учитывать очень важное обстоятельство — один за другим уходят из жизни старые теоретики и практики зеленого строительства, а смены им нет. И недаром многие считают, что назрела необходимость, пока не поздно, объединить все научные силы ландшафтной архитектуры и зеленого строительства, *открыть в нашей стране соответствующий научно-исследовательский институт.*

Инженер Г. Балашов, работавший когда-то в ликвидированном ныне отделе садово-парковых машин ВНИИкоммунмаша, пишет мне: «Можно было бы назвать его Институтом Красоты Земли. Чем он должен заниматься? Первое в мире научное учреждение такого профиля сыграло бы огромную роль в качестве центра и опоры всего комплекса проблем зеленого хозяйства. Вот далеко не полный их перечень: история и теория садово-паркового искусства, практическая ландшафтная архитектура, нормирование и проектирование городских зеленых насаждений и пригородных зон отдыха, изучение гигиенического, эстетического, воспитательного значения зеленых насаждений, содержание зелени в условиях городской среды, подбор и защита растений, озеленение рабочих поселков, промышленных предприятий, современных деревень, памятников истории и культуры, ведение хозяйства в питомниках и цветочных комбинатах, экономика, механизация, организация работ в зеленом строительстве. На базе Института Красоты Земли может быть организован и опытный завод, производящий модели основных садово-парковых машин, а также вуз, готовящий ландшафтных архитекторов и подлинных специалистов зеленого хозяйства». Интересная, увлекательная, нужная программа!

В настоящих заметках я не коснулся многих важных вопросов темы — организационного управления зеленым

хозяйством, удешевления озеленительных работ, проблем озеленения рекультивируемых земель, небольших городов, деревень и дорог, цветоводства, питомников и так далее, крепко надеясь, что жизнь, движимая деяниями людей, дополнит меня — время серьезно, всесторонне, по-хозяйски, по-государственному решать все эти назревшие вопросы пришло.

1973—1975

ШВЕДСКИЕ ОСТАНОВКИ

1. СОЛЕНОЕ И ПРЕСНОЕ

Воздушный путь от Москвы до Стокгольма так скор и плавен, что эти полтора с небольшим часа ничем не вспоминаются, и, собственно, дорожных впечатлений у меня нет. Привыкаем, что ли? А лет пятнадцать назад, когда я впервые в жизни попал из Москвы в Сибирь на ТУ-104, то несколько суток не мог прийти в себя: все время думалось об этом легком прыжке гигантской летучей машины, которая четыре часа до странности мягко плыла, чуть ли не висела недвижимо в разреженной морозной среде. И гулкий гуд потом долго стоял в ушах, и виделось густо-синее, с намеком на черноту небо и белая, плотная, словно твердая пелена облаков под иим, а ночами тело непроизвольно вздрагивало, будто никак ие могло вытряхнуть из себя увязшую в нем вибрацию.

Привыкаем. Уже стали практически невозможными неторопливые путешествия; архаические скрипы колеса, мачты и санного полоза безвозвратно сменились воем и ревом дизельных, паровых, водометных, электрических, поршневых, реактивных, турбинных, атомных и не знаю каких уж там еще двигателей и движителей, к которым мы быстро и, кажется, безболезненно приспособились, как ко всему остальному, что сопутствует поспешным теперешним передвижениям по земле, воде и воздуху. В последнем полете, скажем, я, как все пассажиры, пристегнулся, механически взял карамельку, пропустил мимо ушей стандартное сообщение стюардессы о том, что за бортом, дескать, минус пятьдесят. Вспомнилось только, что градусы эти отмеряются во всем мире по шкале астронома и физика Андерса Цельсия, в страну которого я собрался. Впрочем, вскоре выяснилось, что в одной мелочи я тут неправ: по всеобщему и необъяснимому недоразумению мы, оказывается, ошибочно связываем наш бытовой термометр с именем Цельсия. Этот ртутный при-

бор со шкалой, на которой нижняя, нулевая точка обозначает температуру замерзания воды, а верхняя — кипения, создан был знаменитым шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем, и литера «С» на наших термометрах означает вовсе не фамилию Цельсия, а слово «centigrade», то есть «стоградусный». Вот так: век живи, век узнавай...

Вернемся, однако, к нашему путешествию.

Мимолетным видением проплыл внизу Стокгольмский архипелаг — зеленые, как тина, острова и островки в бледно-синей морской глади; когда самолет заваливало то на одно, то на другое крыло, уже нельзя было понять, в каком иллюминаторе море под цвет неба, а в каком небо под цвет моря. Пассажиры поправляют галстуки и прически, нацеливают глаза на свою ручную кладь и мысленно, должно быть, уже дома или в отелях.

А по Швеции пролетелось, проехалось и проплылось больше трех тысяч километров в том же бесцветном скоростном темпе, с поглядыванием на часы и с нетерпеливым ожиданием остановок, манящих неизвестностью и новизной.

Многие из нас доверяют первому взгляду, и, когда въезжаешь в неведомую страну, глаз сразу же ищет самое приметное, которое может стать неповторимым признаком всего последующего. Однако главный шведский аэропорт Арланда ничем не выделяется из ряда современных самолетных станций, и Шереметьево наше, например, куда удобней и просторней. Как во всяком международном пересадочном пункте, в стеклянно-бетонной Арланде — смешение языков, рас, одежд, и, кроме, пожалуй, содержимого сувенирных прилавков, тут нет ничего характерно шведского. На площадках у здания порта стоят «вольвы» и «волги», «форды» и «москвичи», «мерседесы», «шевроле» и даже родной автобус львовского завода.

Сразу же за подъездами к площадкам начинается лес. Сосны, ели, березы, кустарники; деревья вроде бы пониже и кроны у них пожиже, чем в наших широтах, однако шведы хорошо все же встречают гостей — живым, трепещущим на ветру лесом.

Выезжаем на шоссе, ведущее в Стокгольм. С первыми тремястами метрами этого шоссе связано мое единственное дорожное впечатление, которым я считаю нужным поделиться. Какая редкая безвкусица! Вдоль дороги на фоне красивого, чистого леса выстроились вровень с кронами дерев огромные рекламные щиты. Они как-то казенно стоят на одинаковом расстоянии друг от друга, однообразные по размеру, форме, цвету, шрифтам и — не знаю, как бы помягче сказать,— ну, просто хулигански чужеродны окружающей среде. Машины тут только берут разгон, подумалось мне, какие-то оборотистые фирмы купили это бойкое место — въезд в Швецию — и напропалую кричат о своих напитках, косметике, моющих порошках, еще о чем-то, не уловишь на ходу. Какая навязчивость, какая скучная расчетливость! Испорчено первое впечатление, зрительно загрязнена — повторяю — *среда,* о проблемах которой, в частности, я изготовился говорить в своих заметках. А ну как эти и подобные им фирмы понаставили таких же щитов в других приметных местах, заслонили деревянными плоскостями самые чарующие шведские виды?..

Щиты промелькнули, колкая соринка в глазу осталась. По сторонам потянулись леса и перелески, облагораживающие рельеф. Вот ходит тяжелыми волнами выколосившаяся пшеница, вот большое гречишное поле радует своей ослепительной желтизной, светлая речка проблистала попутно... И ни одного, между прочим, рекламного щита до самого Стокгольма! Да и все остальные три тысячи километров приятно контрастировали с первыми тремястами метрами шведских дорог — нигде я больше не увидел пейзажа, изуродованного рекламой. Это обстоятельство я считаю примерной рекламой нового, бережного отношения шведов к живой природе. И когда после поездки по стране я встретился в Стокгольме с заместителем генерального директора Управления по охране окружающей среды господином Уве Хённингером, то эта тема сама собою всплыла.

— Верно,— сказал Хённингер,— мы не допускаем рекламу в природную среду. От этого есть будто бы невесомая, но на самом деле существенная польза. Арланда же — исключение. Мы это разрешили. Именно для контраста.

— Неплохо придумано.

— Кроме того,— сдержанно улыбнулся собеседник, главный разговор с которым был у меня впереди,— на ходу, из машины там ничего прочесть не удается, а кто же будет останавливаться, чтобы рассматривать рекламу?

И я не хочу больше задерживаться на впечатлении, схваченном на ходу, перехожу к остановкам, во время которых можно было оглядеться, прислушаться, перемолвиться словечком со спутником или встречным.

Стокгольм, большая остановка. Город раскинулся просторно, свободно и так, что не вдруг ориентируешься в нем, не сразу понимаешь, где сейчас ты — на острове, перемычке, полуострове или основном скандинавском побережье, над озером, морским заливом или протокой. Этот уголок планеты, должно быть, кружил голову не одному поколению картографов — такую сложную вариацию земли и воды оставила здесь первозданная неразбериха. В архипелаге, на морских подступах к городу — почти двадцать пять тысяч больших, маленьких и крохотных островов, облесенных и голых, скалистых и низменных. В длинном извилистом заливе Сальтшен — те же острова, да еще прихотливо очерченные мысы и мысочки, да узкие сыновние фиорды и фиордики. Изрезано бухтами, сплошь искрапано островами большое пресноводное озеро Меларен, подступающее к городу из глубины скандинавского сапога. Стокгольм стоит в центре этой стихии. Здесь, у базальтовых набережных, у цоколей зданий, на городских — озерных и морских — плесах, в протоках и каналах, под бесчисленными мостами встречаются, сливаются, смешиваются горькие воды Сальтшена — по-русски «Соленого моря» — и чистые струи Меларена. Соленое и пресное...

Стою на старинном мосту, любуюсь панорамой города — синими водами, возвышениями, покрытыми камнем и лесом, шпилями древних построек, современными и пока редкими зданиями, и, хотя первый день в чужой стране еще не вызывает острой тоски по Родине, я не-

ожиданно, вдруг и вроде бы не к месту вспоминаю: «О Русская земле! Уже за шеломянем еси!»

К месту. Интересное и совершенно необъяснимое историческое совпадение посчастливилось мне установить в Стокгольме, но, прежде чем сказать о нем, следовало бы признаться, как я в тот день потерпел поражение, также основанное на совпадении исторических дат. Во время полуофициальной коктельно-кофейной встречи мы разговорились с одним старым шведским дипломатом. Собеседник, оказалось, прекрасно знает нашу историю, особенно историю Великой Отечественной войны. Он читает о ней все, досконально изучает мемуары наших полководцев, помнит самые наезначительные военные операции, названия городков, деревенек и — поразительно! — даже фамилии младших командиров и солдат. Я только мысленно ахал, но под конец швед меня совсем убил. Он поднял рюмку, в которой соответственно его возрасту теплились три капли коньяка, и, прежде чем произнести традиционное шведское «сколь!», сказал:

— За то, чтоб шведы и русские при встречах поднимали только заздравные кубки еще триста лет, и еще семьсот пятьдесят, и вечно!

Тост был хорошим, только я потом спросил:

— «Вечно» — я понимаю, но почему вы, извините, назвали эти цифры?

— Видите ли,— засмеялся он глазами.— По случайному совпадению: на днях исполнилось триста лет со дня рождения Петра Великого, а в Новгороде недавно выпущен нагрудный знак в честь семисотпятидесятилетия со дня рождения Александра Невского...

Перейдем, однако, к шеломам, «Слову о полку Игореве» и Стокгольму. Первая столица шведов называлась Сигтуной. Покойный Геннадий Фиш, часто бывавший в Скандинавии, однажды писал, помнится, о том, что древнешведское «туна», английское «таун» и русское «тын» означают одно понятие — заграждение, ограду, город. А если пойти дальше, вернее, ближе к нашим дням?

Каждый город имеет свое ядро, сердце, зародыш. В Москве это Кремль, стоящий на холме, а здесь Стадсхольмен, небольшой остров, окруженный веером мостов. Он разделяет, а омывающие его протоки соединяют соленый залив и пресное озеро. Между прочим, в старорус-

ском языке слово «остров» означало не только сушу, окруженную водой. Наши предки «островом» называли и особо урожайный клин, и лесную делянку, и сухую возвышенность на болоте, холм. Тысяча лет для языка — это совсем немного. И уж на этот-то срок он надежно консервирует следы взаимного влияния одного народа на другой. Из русского языка в скандинавские перешли в те времена такие слова, как «торг» и «лодья», однако слово «холм» — общегерманского, а значит, и шведского корня, оброненное на нашу землю по дороге «из варяг в греки», и город Холм, скажем, под Новгородом, расположенный в ровной, низменной местности, лежал как раз на этом знаменитом путике.

Короче, слова «шелом», «гольм» и производное от него «хольмен» имеют, очевидно, общий семантический индоевропейский исток и примерно означают одно и то же — «возвышение», «холм», «остров». А «сток» — это «бревно». Когда эсты разрушили Сигтуну, то, согласно древнему обычаю, было будто бы брошено в волны Меларена бревно, и в том месте, где его прибило к берегу, шведы заложили новое и главное свое поселение — Стокгольм. А произошло это в том самом 1187 году, как считают ученые, когда неведомый русский поэт-патриот из Новгород-Северского написал свое гениальное «Слово о полку Игореве», так что не за холмами день, когда одновременно будет отмечен 800-летний юбилей этих двух столь различных и столь значительных памятников человеческой культуры.

Не боясь невзначай повториться, скажу еще несколько слов об одном легендарном эпизоде, связанном с первой встречей предков русских и шведов. Выходцы из Скандинавии, норманны (они же варяги), были пиратами и купцами, но также, бесспорно, и отважными, лихими людьми. В малом числе нападали они на ближних и дальних соседей, отчаянно шли и плыли в неведомые земли, и земное пространство покорно подчинялось их неуемной страсти к открытиям, разбою и торгу. Предки норвежцев и датчан проникли за Пиренеи, завоевали Англию, заселили Исландию и Гренландию, почти тысячу лет назад высадились на побережье Северной

Америки. Позже они захватили Южную Италию и Сицилию, образовав там свое государство.

А восточные норманны, предки шведов, повадились ходить на Русь и Византию — увозить рабов, торговать, служить своим мечом князьям и императорам. Достоверных подробностей о том времени нет — темна, как говорится, вода во облацех, но много позже была сделана попытка половить в этой темной воде рыбку. В XVIII веке немецкие историографы, служащие молодой русской науке, выступили с теорией, согласно которой наши пращуры были якобы обязаны норманнам (варягам) образованием своей государственности. Норманисты, пытаясь доказать неспособность славян к самостоятельному историческому развитию, изображали варягов вершителями всех политических, экономических и культурных событий Древней Руси, хотя по своему социальному устройству и культуре наши предки стояли значительно выше заморских, так сказать, гостей. Против взглядов норманистов сразу же выступил Ломоносов, а последующие поколения русских и советских историков неоднократно доказывали ненаучность норманнской теории.

У норманистов, правда, было некоторое основание, позволившее явиться на свет божий этой исторической загвоздке: устная легенда о призвании на Русь трех варяжских братьев — Рюрика, Трувора и Синеуса, записанная двумя с половиной веками позже сего гипотетического события. Ну, Рюрик или его прототип, отожествляемый некоторыми учеными с Рериком Датским, возможно, и был, хотя роль этого полулегендарного пришельца в судьбах Древней Руси наукой не прояснена. А вот братья Рюрика появились в истории из-за поразительной, вполне анекдотической ошибки летописца, до наших дней не замечаемой многими исследователями. Одно из солидных изданий пишет: «В настоящее время твердо установлено, что государственное образование на территории славян существовало значительно раньше так называемого «призвания варягов», а братья-варяги, имена которых сохранила летопись, были такими же наемниками, как многие другие». Тут все верно, за исключением одной мелочи: никаких братьев-варягов Трувора и Синеуса никогда не было на свете, и, наверное, потому-то, в отличие от Рюриковичей, ни одна ветвь русских князей, ни

одно боярское семейство не вели от них своей родословной. С удивительной простотой и убедительностью говорит на этот счет и язык, великий и неподкупный свидетель. Оказывается, Рюрик пришел на Русь не с братьями, а со «своим домом» («сине-хус») и с «верной дружиной» («трувор»)... Попросту сказать: какой там Сине-ус, ежели мы тогда были уже сами с усами!

В Стокгольме немало древних, старых, новых и новейших достопримечательностей. В специально выстроенном павильоне — парусник, несколько веков пролежавший на морском дне. В главном зале городской ратуши — великолепное мозаичное панно на исторические темы, составленное из девятнадцати миллионов бликов. «Миллесгорден» — собранные под открытым небом работы замечательного шведского скульптора Карла Миллеса. Только что построенное здание риксдага—огромная сверкающая коробка, снизу доверху облицованная нержавеющей сталью, отраженным своим светом утепляющая микроклимат окрестных улиц. Бетонная стокгольмская телебашня; в сравнении с московской она проигрывает: значительно ниже и грубей, однако в ней есть своя изюминка. Снизу смотровых площадок даже не угадаешь, будто латунные листы покрывают ребристые бока верхнего помещения. А оттуда все хорошо видно — оказывается, это не латунь, а бельгийское стекло, легированное золотом, задерживающее три четверти солнечного излучения. И далее, как положено, кирхи, музеи, дворцы, картинные галереи, кинотеатрики с американскими и датскими фильмами, из которых люди выходят словно бы крадучись, не глядя друг на друга, пестрые толпы и витрины, в том числе вполне скандального, вернее, мерзкого вида... Короче, в Стокгольме есть все для ненасытного либо пресыщенного туристского взгляда.

Приглядевшись, заметишь и молодых богатых бездельников с опустошенными глазами и пожилых, вконец опустившихся людей, подивишься методично быстрому росту цен, особенно на продукты и всяческую обслугу, увидишь многочисленные демонстрации трудящихся и бурные собрания различных политических группок и группочек — город клокочет в социальной буче, и хо-

чется разобраться, понять, что в ней к чему. Очень интересно было бы исследовать, например, одно поразительное противоречие шведской действительности, выраженое в сухих цифрах статистики: в этой стране очень высокая средняя продолжительность жизни и чрезвычайно большой процент самоубийц. Однако я взял сегодня иную тему, требующую постепенного знакомства с нею и неспешных выводов...

В облике шведской столицы присутствует нечто такое, что не бросается в глаза, не кричит, не надоедает назойливым повторением, но входит в тебя естественно и просто, и ты становишься немножко другим и теперь всегда будешь этой особенностью вспоминать Стокгольм, выделяя его из длинного ряда больших городов. Даже не знаю, как это назвать. Точнее всего, наверно, словом, которое совсем недавно вошло в наш обиход, и вошло прочно, хотя означает если не расплывчатое, то довольно широкое понятие, не имеющее пока научного определения,— *среда*. Раньше мы говорили «природа», «охрана природы», сейчас говорим «среда», «защита среды», имея в виду все, окружающее нас, в том числе искусственную, рукотворную природу, суммарные условия существования человека.

Прежде всего о камне. Камень неотделим от Стокгольма, вошел в него составной частью. Шведы, в отличие от японцев, не обожествляют дикий камень. Они борются с ним, когда он мешает, умеют хорошо приспособить его к своим нуждам и не хуже других отдают должное его таинственной красоте.

Город стоит на мощной каменной плите и давно уже грызет ее бурами, ломает взрывчаткой. Гранитная и базальтовая твердь образует фундаменты сооружений, стены и потолки складов, многоэтажных — в глубину — гаражей и архивных хранилищ, туннелей и станций метро, канализационных систем. И наверху нашлась работа камню. В одном месте это чуть выровненная набережная, не нуждающаяся ни в каких дополнительных укреплениях, в другом — цоколь дома, прочное и красивое его основание, в третьем — высоченная каменная стена; скалы взорвали, раздробили на дорожный щебень или запол-

ннтель бетоиной смеси, освободив место для проезда или застройки.

Шведы настолько сроднились с камнем, что при строительстве стараются ему подражать. Здесь практически не применяют сборного бетона. Мосты, кинотеатры, жилые дома, стадионы, заводы — все выполняется в монолитном железобетоне, с помощью изумительной по аккуратности опалубки, армирования, бетономешалок, вибраторов, увлажняющих брызгалок. Наверное, это выходит подороже и помедленней, чем собирать сооружеиия из блоков, изготовленных иа специализированных заводах, но зато долговечней — однородная, цельная, без окисляющихся соединительных крючьев железобетонная громада обладает завидной прочностью, а покраска и каменная, пластмассовая и металлическая облицовка придают постройкам нужное разнообразие и своеобразие. В последние годы модным стало ие облицовывать и не штукатурить бетон, а оставлять на виду след диагональной, вертикальной, горизонтальной опалубки, сохраняющей текстуру древесины, следы ее циркулярного и рамного распила. Так сделан цоколь телевизноиной башии, например и этот искусственный камень очень красив и оригиналеи.

Больше всего в Стокгольме, одиако, камня нетронутого, естественно простого, придающего городу неповторимые черты. На улицах, площадях, скверах и парках — всюду камень в его натуральных контурах и красках. Отдельные камни и груды камней, лежащих так, как их положила природа, покатые лбы и островерхие скалы, серые, желтые, коричневые с краснинной, матово-черные, пестрые, однотонные, слоистые, гладкие, шероховатые; камни, едва проступающие из газонов, и каменные, под стать айсбергам громады с десятиэтажными игрушечными домиками наверху. Камень разнообразит и украшает городские виды, не создавая в то же время никакой тесноты, — в Стокгольме просторно от заливов, проток и каналов.

Мы не научились еще ценить по заслугам *простор,* хотя при современном урбанистическом укладе жизни это дар неоценимый. Вы замечали свое состояние, когда после сумрачного переулка, набитого людьми зала или автобуса, из маленькой комнаты, шумного цеха или тесной лаборатории вы попадаете в уголок земной природы,

где глазу открывается простор? Душа отдыхает, наслаждаясь бездонностью неба, манящей обширностью открытого пространства. Влияние земных, горных или водных далей на психику современного городского человека мало изучено, однако врачи и ученые придают все большее значение благотворному действию простора, который, являясь частью природной среды, успокаивает нервную систему, освобождает от эмоциональных перегрузок, пробуждает волю к жизни и действию. Открытое пространство, кроме того, — хранилище и фабрика тишины, оно как бы растворяет в себе самый громкий звук, а на земле сейчас немало людей, считающих тишину лучшей музыкой. С простором обычно связано и безлюдье, и я знаю таких, которые в одиночку уходят в лес и горы и бывают счастливы, если не встретят за весь отпуск ни одного человека. Часто простор для обитателя большого города — дорогое удовольствие, за которым надо лететь, плыть или ехать, тратить время и деньги. Стокгольмцы же должны благодарить своих пращуров за выбор места поселения, они бесплатно пользуются простором, на равных входящим в городскую среду.

Не могу припомнить ни одной столицы из тех, что я знаю, в которых бы так же легко и свободно дышалось, как в Стокгольме. Вспоминаю великолепный Париж с тысячами его индивидуальных каминов-коптилен и вековым черным налетом на домах; необозримо громадный, тем не менее такой тесный Токио, что кажется, душно и влажно там повсюду от дыхания и пота неисчислимых людских масс. В последние годы, говорят, японцы стали продавать свежий воздух в автоматах, а полицейские стоят на перекрестках в противогазных масках.

Вспоминаются другие задымленные города, большие, средние, маленькие, и об этой проблеме люди думают все настоятельнее. Ты можешь недоедать или недосыпать, можешь быть бедно одетым, несчастным в личной судьбе или преуспевающим, везучим, окруженным благами, но, чтобы жить, каждую секунду тебе нужна порция чистого воздуха, кислорода. Технический прогресс, улучшая жизнь людей, одновременно становится нашим

конкурентом в потреблении этого невидимого и невесомого дара природы. Невесомого? Посмотрите, какую весомую меру для него обусловило развитие техники: реактивный лайнер при перелете через Атлантический океан или Сибирь сжигает сорок тонн кислорода! А ведь одновременно в атмосфере находятся многие тысячи самолетов, и число их непрерывно растет. Потребляют кислород автомобили, тепловые электростанции, заводы, фабрики, суда. А дыхание живых существ, естественные процессы гниения, окисления, вулканическая деятельность? Лесные, степные и тундровые пожары, число которых, несмотря на всю теперешнюю технику охраны и тушения, заметно не уменьшается на Земле, сжигают неимоверные объемы кислорода и уничтожают природную среду, вырабатывающую кислород. Есть тревожные наблюдения за повышением температуры Земли и научные расчеты, предрекающие неисчислимые беды земной жизни, если количество углекислого газа в атмосфере будет расти даже сегодняшними темпами. Атмосфера, правда, содержит еще колоссальные запасы кислорода, только это мало утешает, потому что каждый живет в своей микросреде; жители многих городов и промышленных районов мира уже ощутимо чувствуют на себе кислородное голодание, хотя и не всегда связывают с ним потерю аппетита, бодрости, трудоспособности, головные боли и обмороки...

В Стокгольме, повторяю, дышится легко, несмотря на обилие автомашин. Сказывается, конечно, близость моря с его свежими ветрами и огромными резервами чистого воздуха. Но Лос-Анджелес — тоже приморский город, а люди в нем задыхаются и даже гибнут от удушливой смеси из тумана, дыма, промышленных и автомобильных газов. Сравнительно недалеко от моря расположен и Лондон, первый на земле производитель смога; эта отравляющая смесь двадцать лет назад только за одну неделю убила четыре тысячи жителей британской столицы, а десять лет назад — семьсот человек.

Стокгольм не знает, что такое смог. Почему?

Осматривая город с высокой точки, обращаешь внимание на просторную планировку, на обширные, хорошо продуваемые ветрами акватории и все время никак не можешь отделаться от навязчивой мысли, что городу этому не хватает чего-то обязательного, характерного

для всякого большого людского поселения. Ах, вот в чем дело! В Стокгольме нет ни одной дымящей трубы. Больше того, в городе нет и недымящих труб, которые в иных местах вроде бы бездействуют, а на самом деле постоянно выбрасывают в атмосферу хорошо очищенные от аэрозолей невидимые отравляющие газы. Как стокгольмцы обходятся без труб? Это же не курортный Канн или, скажем, Ялта, не административно-чиновничий Вашингтон или Бразилиа; Стокгольм — индустриальный центр Швеции, в нем много крупных промышленных предприятий. Интересно бы побывать на одном из них.

...«Альфа-Лаваль». Эта солидная фирма до недавнего времени называлась акционерным обществом «Сепаратор», и, оказалось, я близко, намного ближе, чем в этот раз, познакомился с ним почти сорок лет назад.

А дело было такое. После революции мои родители с Рязанщины переехали в Сибирь налегке, взяв самое дорогое. Отец вез немецкий бондарный инструмент, мать — ручной шведский сепаратор. Со временем они завели коровенку, и сколько же радостей в раннем детстве доставила эта шведская машинка мне, моим сестрам и братьям! Мать, бывало, крутит ручку сепаратора, а мы сидим вокруг, слушаем его ласковое урчание и нетерпеливо ждем, когда получим в свое распоряжение металлические детали, покрытые пленкой восхитительного продукта — крапинками масла в остатках сливок и обрата. «Separator» было первым иностранным словом, которое я прочел, еще не умея как следует читать по-русски...

А тут я узнал, что «Альфа» — это название сепараторной тарелочки, а «Лаваль» — фамилия. Фирма основана в 1883 году, вскоре после того, как шведский ученый Густав де Лаваль изобрел первый в мире сепаратор для выделения из молока жировых шариков. Новшество произвело революцию не только в молочной промышленности. Появились сепараторы для очистки смазочных масел, мазута, производства дрожжей, потом промышленные центрифуги и установки для комплексных процессов: центриблад обезвоживает кровь при производстве кро-

вяной муки, центривей извлекает протеин из сыворотки, центримил выделяет из туш забитых и павших животных технический жир, центрипюр используется в мыловарении, центрифайн очищает жир, центрифил вырабатывает рыбий жир и рыбную муку, центрифлоу извлекает протеин из мясных отходов и так далее. Все эти машины выпускают ныне заводы «Альфа-Лаваль». Да чего они только не выпускают в Швеции и других ста десяти странах! Теплообменники, пастеризаторы, охладители, насосы, дистанционно управляемые клапаны, доильные установки, автокормушки, автоматизированные молочные и сыродельные заводы, оборудование для выработки мыла, клея, крахмала, фруктового сока, антибиотиков, фармацевтических препаратов, варочные установки для получения целлюлозы, искусственных удобрений, пластиков, опреснители морской воды и — снова я должен написать — так далее.

Но все же основная продукция, составившая добрую репутацию «Альфа-Лаваль»,— оборудование для переработки молока, извлечение и рафинирование жиров из различного животного сырья. Кстати, мы иногда слишком односторонне понимаем широкий и глубокий процесс охраны и приумножения природных богатств. Ведь инженер, создавший машину, помогающую извлечь максимум пищевого продукта из такого сырья, — защитник природы не меньший, чем лесовод, вырастивший добрый лес. Эта машина экономит земли, занимаемые сельскохозяйственными культурами, предупреждает истощение рыбных запасов морей, высвобождает почву для выпасов или того же леса. Даже пастьбу молочного скота она делает более эффективной, потому что сепараторы, установленные на фермах, дают возможность потребителю получить свежий молочный продукт с его первородными, наиболее ценными свойствами.

Да, «Альфа-Лаваль» делает большое дело, машинизируя и без конца совершенствуя *переработку* пищевого сырья, косвенно и своеобразно помогая сохранять природу. Но всегда ли мы в наш технический век учитываем последствия технизации при *получении* этого самого пищевого сырья или готовых продуктов?

Экспериментальная молочная ферма, принадлежащая «Альфа-Лаваль», расположена за городом в красивой вполне сельской местности. Старинное кирпичное здание в лесочке, вокруг просторные поля и луга, низинки с пасторальными ручейками.

Ферма существует с 1894 года, на нее по традиции везут гостей «Альфа-Лаваль», и она привлекает своей показательной эффективностью. Заведующий фермой агроном Уве Хаммульссон демонстрирует кормушки, поилки, стойла, доильные аппараты. Мне показалось смешным, что коровы встают при появлении посетителей.

Сто семьдесят животных содержится здесь. Когда-то ферму обслуживали восемнадцать рабочих и доярок, сейчас всего два человека легко управляются с этим запертым в железные клети стадом. За год от каждой коровы получено по 6150 килограммов молока со средней жирностью 4,44 процента. Прекрасные, завидные результаты! Животных этих не надо пасти, они содержатся в стойлах круглый год. Автокормушка накормит, автопоилка напоит, вода смоет из канавок навоз. Доильные установки делают свое дело быстро, и вот уже молоко — продукт, ради которого вся эта механизация затеяна, течет по стеклянным трубкам в приемные баки.

Какое все же это чудо природы — молоко! Все знают о целительной силе кумыса или, скажем, оленьего молока, обладающего феноменальной жирностью и тоже лечащего туберкулез, знают о полезности творога, простокваши или сыра. Молоко — единственный в природе пищевой продукт, в котором есть все необходимое для пропитания человека. Оно полностью усваивается даже удаленным из организма желудком млекопитающего. При любом отравлении молоко — первое лекарство. Рабочим вредных цехов — бесплатное молоко, детям тоже первым делом молоко — в яслях, садах, школах, лагерях.

Но когда мы выпиваем стакан молока, твердо знаем только то, что оно вкусно и питательно, и вовсе не задумываемся о других его тонких свойствах или, тем более, о составе этого замечательного и ценного пищевого продукта.

Общеизвестно, что есть в молоке жир, однако мало кто знает, что состоит он из множества разнообразных

кислот — масляной, лауриновой, меристиновой, пальмитиновой, капроновой, каприловой, каприновой. Производители молока обычно гонятся за жиром, и процентное содержание его служит главной характеристикой продукта. Между тем важнейшей и полезнейшей частью молока является сочетание казеиновых, альбуминовых и глобулиновых белков, представляющих собою умопомрачительную по сложности комбинацию веществ, от одного даже неполного перечисления которых может заболеть голова: лейцин, пролин, валин, лизин, тирозин, аргинин, гистидин, триптофан, аланин, серин, глицин, метионин, цистин, треонин, изолейцин, гидроксипролин, фенилаланин, глютаминовая, аспарагиновая, додеканоаминовая, гидроксиглютаминовая и другие аминокислоты, делающие молочные белки главной питательной ценностью продукта. И секрет заключается *в порядке* соединения всех этих разных и сложных по составу веществ, малейшее нарушение которого даст совсем другие белки с другими свойствами или ничего не даст белкового. В молекулярном белковом шифре кроется одна из величайших тайн жизни, и недаром ученые всего мира вот уже многие десятилетия и пока безуспешно бьются над созданием полноценного искусственного белка.

Разумеется, рядовой потребитель молока не обязан знать все эти химические премудрости, мне хочется создать для него лишь общее представление о необыкновенной сложности столь привычного пищевого продукта, и поэтому продолжаю. В состав этой белой маслянистой жидкости входят, кроме вышеперечисленного, ферменты — диастаза, липаза, фосфотаза, протеиназа, пероксидаза, редуктаза, каталаза, минеральные соли, в том числе катионы: калий, натрий, кальций, магний, цинк, алюминий, медь, железо, марганец, йод, кремнезем, фтор; анионы: фосфаты, хлориды, сульфаты, нитраты, карбонаты; следы азотистых веществ — креатин и креатинин, сантин и гипоксантин, холин, триметиламин, метилгуамидин, мочевина, теоциновая и мочевая кислоты, витамины, соли в коллоидной суспензии, газы — растворенный кислород, азот и углекислый газ, занимающий в коровьем вымени десятую часть объема молока...

Специалисты молочного дела не посетуют на меня за то, что я многое упустил и не выделил оговоркой вещества, которые, как они пишут, «играют важную роль в ор-

ганизме в отдельных случаях». Не стану я вникать и в спорные вопросы о влиянии тех или иных кормов, того или иного способа содержания животного на качество и состав молока. Какие бы точки зрения ни высказывались в этих спорах, несомненно, что молоко, взятое от пеструхи или буренки, вольно пасущихся на цветущем лугу, будет лучше молока, которое даст животное номер такой-то, питающееся стандартными кормовыми смесями и жирогонными добавками искусственного происхождения, не имеющее возможности выбрать травку по душе, попить из весеннего ручья, полизать теленка, погреть на солнце вымя и ощутить на нем нежные пальцы доярки...

Другое молоко, другое и мясо... Высшим сортом и по высшей цене идет в Швеции только та говядина, которая получается при забое животных, не знакомых с комбикормами и тесными стойлами. Производством именно такого мяса заняты многие шведские фермеры.

Но природных выпасов давно уже не хватает для всех пеструх и буренок, мусорных и навозных куч для всех петушков и курочек, и домохозяйки в Швеции, как повсюду в мире, постепенно привыкают к удешевленной водянистой говядине, к безвкусным цыплятам, срочно выращиваемым на птицефабриках, к мелкому куриному яйцу с чрезвыйно хрупкой скорлупой.

И не начался ли незаметно, исподволь, так, как будто он и не начинался, переход к искусственной пище, неизбежность которого давно предсказывается учеными? Должно быть, придет пора, когда люди спокойно будут садиться за стол, уставленный яствами, искусственно выработанными под научным, врачебным и государственным контролем, хотя сейчас с этим допущением психологически очень трудно свыкнуться. Возможно, однако, что мы недооцениваем способностей человека к любой адаптации. Вспоминаю встречу в Москве с академиком Несмеяновым, который угощал группу писателей искусственной черной икрой. По цвету, запаху и вкусу ее почти нельзя было отличить от натуральной. Только у той икринки несколько матовые, а эта была аспидно-черной, мелкозернистой, очень свеже блестела, будто бы даже искрила. На красивых баночках значилось — «Искра», то есть «искусственная икра», и, возможно, мы однажды увидим, как потребители будут охотно брать ее, прини-

мая за натуральную. Ученый, помнится, говорил, что состоит она из белка, растительных масел, рыбьего жира, соли и — на семьдесят процентов — из воды. Белок, конечно, создан не из мертвых элементов, а получен из веществ, уже сотворенных природой, и в настоящей икре, думается, различных компонентов содержится побоnе, так же как в натуральном молоке имеется кое-что, кроме жира...

С нашей страной «Альфа-Лаваль» поддерживает стародавние, прочные контакты. Ручные сепараторы для крестьянских хозяйств были первыми поставками фирмы молодому социалистическому государству. Директор «Альфа-Лаваль» Гуннар Перен рассказывает, что за последние годы концерн поставил нашей стране семнадцать молочных комбинатов, десять автоматизированных заводов, десять автоматических линий для производства творога и сгущенного молока. Недавно заключен новый большой контракт: «Альфа-Лаваль» построит в московском районе Чертаново один из лучших в мире автоматизированных молочных заводов, который будет перерабатывать за сутки семьсот пятьдесят тысяч литров молока.

Интересно, что с 1965 года «Альфа-Лаваль» вместе с другой фирмой приняла на себя представительство по реализации в Швеции советских металлообрабатывающих станков. Продано уже несколько тысяч станков нашего производства. При посредничестве «Альфа-Лаваль» шведские промышленники только что сделали большой заказ на наши станки с программным управлением. Специалисты «Альфа-Лаваль» встречаются с советскими инженерами, проводят совместные симпозиумы, обмениваются опытом и производственной информацией, участвуют в советских ярмарках и промышленных выставках.

Мне любопытно было услышать также, что специалисты и рабочие «Альфа-Лаваль» за последнее время внесли непосредственный вклад в дело охраны природы: фирма начала выпускать современное надежное оборудование для химической и биологической очистки сточных вод с применением знаменитой шведской нержавей-

ки и других легированных и чистых металлов, в том числе титана — для особо активных жидкостей. Фирма проводит также лабораторные опыты и промышленные эксперименты, рассчитанные на потребности будущего. Господин Перен рассказал нам, что фирма исследует возможность получения пищевого (не кормового!) белка из зеленых листьев деревьев, потому что мир испытывает острый белковый голод.

Поучительно было бы рассказать еще о многом другом, что я увидел на «Альфа-Лаваль», только это заведет далеко от основной темы. Загрязняют ли воздух предприятия фирмы — вот что мне тут хотелось узнать. Оказывается, нет. В Стокгольме и его пригороде Тумба работает несколько заводов «Альфа-Лаваль», выпускающих паровые котлы, насосы, молочные и промышленные сепараторы, испарители, измерительные приборы и — опять же — так далее. Ни дыминки не поднимается от них. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, заводы эти сборочные; первичное производство раскидано по другим районам страны. Во-вторых, питаются они энергией, текущей по проводам с далеких и близких станций. Этим правилам следуют и другие промышленные предприятия Стокгольма, в котором давно уже не сжигаются уголь и торф, не спекается кокс, не варится целлюлоза, не плавятся руды. И во всех кухнях стокгольмских домохозяек — электроплиты.

Истины ради следовало бы добавить, что в отопительный сезон, когда в городе начинают работать индивидуальные нефтяные печи, а замершая на зиму зелень не помогает дышать, качество стокгольмского воздуха ухудшается, что особо чуткие электронные приборы обнаруживают в пробах, взятых над центром, частицы молибдена, алюминия, магния, кремния и других элементов. Есть также в старых кварталах средневековые, узенькие, плохо продуваемые улочки, есть улицы с очень интенсивным движением, но тоже тесноватые, однако обычно воздуха в шведской столице не замечаешь, и это верный признак того, что он все же чист.

Не сказал я еще ни слова о великом благе, созданном здешней природой и здешними людьми, — стокгольмской зелени. Вековые деревья на городских площадях, ули-

цах и набережных, скверы, цветники и газоны, лужайки и обширные луга, просторные парки, ухоженные аллеи, рощи и почти что первозданные заросли. Есть на окраинах города улицы, кварталы и целые районы, имеющие вполне дачный вид: утопающие в зелени жилища богатых, маленькие сборные домики людей среднего достатка и незнакомые пока нам одноэтажные кооперативные дома с парадными дверьми в разные стороны. В таком доме, который шведы окрестили «Большим Змеем», живут пять-шесть семейств, и каждая имеет крохотный кусочек земли для сада-огорода или полоску берега с причалом. В Стокгольме можно увидеть немало новых домов, окруженных соснами, бережно сохраненными при застройке, а в старых районах, где нет ни клочка свободной земли, много зданий оплетено какой-то ползучей цепкой лозой — кирпича под зеленью не видно. Хорошо!

Не всегда мы по достоинству оцениваем нашего бессловесного зеленого друга. Общеизвестно, что растения — единственные на планете производители кислорода. А земная жизнь, в том числе жизнь человеческая, существует единственно потому, что зеленая растительность улавливает энергию солнца, которая претерпевает в живых организмах бесчисленные преобразования. Дерево, кроме того, поглощает углекислый газ, дает тень, осаждает на себя пыль, пригашает городские шумы, ионизирует воздух, убивает фитонцидами болезнетворных микробов, улавливает и аккумулирует некоторые вредные излучения. Благородное величие стволов и крон дает отдохновение глазу, а их безмолвие и покой лечат душу от суетливости. И есть в отношениях человека с живым деревом такое, чего он не может пока назвать словом. Мы, должно быть, инстинктивно понимаем свою зависимость от этого кроткого, беззащитного и безмолвного существа, в котором таятся бездонные тайны жизни. Художники и философы прошлого чувствовали эту нерасторжимую связь. Великий Пушкин писал: «В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество».

Знакомясь с зеленым строительством Стокгольма, я по достоинству оценил шведскую предприимчивость и расчетливость. Люди, занимающиеся озеленением города,

порекомендуют для того или иного района соответствующие древесные или кустарниковые породы, удобрения и методы ухода, привезут, посадят, польют растение и, что мне больше всего понравилось, выдадут на него гарантию: если за два года дерево не прижилось, оно бесплатно заменяется новым. Нет, не прав был Киплинг, написав, что люди и деревья не живут вместе...

О людях и деревьях я со многими говорил в Стокгольме. Журналист Рольф Бернер, один из первых моих шведских знакомых, спросил:

— А вы что-нибудь слышали о «вязовой войне»?

— Нет, что за война? Шведы ведь давно не воевали.

— Ну, это было настоящее сражение! — у Рольфа воодушевленно заблестели глаза. — Знаете сквер, где стоит памятник Карлу Двенадцатому? Вот там все и произошло. Шум был на всю Швецию. Этот «вязовый бунт» сыграл роль нравственного, я бы сказал, детонатора...

Иду по Королевскому скверу. В большой эстрадной раковине только что танцевали и пели наши моряки. Советские военные корабли прибыли в Швецию с дружеским визитом, бросили якорь в центре города и неделю украшали ночной Стокгольм своей праздничной иллюминацией. Шведы толпами приходили на набережную и любовались гирляндами лампочек, очерчивающими в темноте стройные профили кораблей. А в Королевском сквере моряки дали большой концерт художественной самодеятельности, с которого я унес неожиданное и сильное впечатление. Признаться, к концертам такого рода наш зритель попривык, может быть, даже чуток набалован ими, а я тут посмотрел на шведов. Зрителей собралось тысяч пятнадцать. Боже, как они аплодировали, как приветствовали каждый номер, каким интересом и восторгом горели их глаза! И никаких признаков знаменитой скандинавской сдержанности.

Стокгольм не богат массовыми зрелищами; несмотря на постоянные гастроли знаменитых заграничных артистов и творческих коллективов, досуг многих горожан ограничивается «жевательной резинкой для глаз», то есть телевизором, пикантной киношкой, и, видно, всем тут порядочно приелись патлатые хилые хиппи с их вульгар-

ными концертами, примитивные уличные фокусники, юные нищие с аккордеонами. И вдруг необыкновенно бодрое, живое, молодое, светлое, крепкое, с огоньком, с открытыми улыбками, лихим матросским переплясом, с завораживающими, незнакомыми здешнему уху музыкальными переборами. Здорово получилось, просто молодцы братишки!..

Моряки давно разъехались по кораблям, народ разошелся. Лишь на скамеечках Королевского сквера сидят и оживленно беседуют пожилые горожане, и мне показалось, что это они о концерте, потому что в другое время посетители этого зеленого уголка молча смотрят на деревья или внутрь себя. Старые узластые вязы источали благодатную прохладу, под ними было очень хорошо в тот теплый вечер. А прошлогодний бунт, о котором до сего дня помнит вся Швеция, начался именно из-за них.

Однажды в темный ночной час жители окрестных домов проснулись от воя бензопилы. Вскоре послышался треск сучьев и глухой удар дерева о землю. Люди повскакивали с постелей, в панике и гневе выбежали наружу. Да, начали пилить их вязы! Бросились к телефонам и подъездам — будить знакомых и незнакомых. Тем временем рухнуло еще одно дерево. Толпа возмущенных людей росла. Окружили пильщиков, завладели бензопилами. Прибыла полиция. Рабочие приготовились выполнять дальше предписание властей, но весь сквер заполнили горожане, стеной встали вокруг деревьев. Утром об этом событии рассказали средства массовой информации. Несколько дней власти убеждали, настаивали и требовали. В Королевском сквере появились целые соединения полицейских. Блюстителей порядка вежливо и невежливо ссаживали с лошадей, а их собак угощали кусочками аппетитной колбасы и камнями.

Лагерь защитников вязов все рос. Люди тут ночевали, ели, читали, пели, приходили сюда на дежурства после работы и спали прямо на земле. Появились плакаты и ораторы. Шведы в принципе относятся с уважением к памяти Карла XII, того самого, что когда-то оказался юношески непредусмотрительным под Полтавой, а тут какие-то озорники влезли на бронзовый монумент воинственного короля и прикрепили к его мечу большую двуручную пилу...

Точки зрения стокгольмцев на «вязовую войну» кардинально расходятся. Вязы мешали строить станцию метрополитена, в которой этот район города остро нуждался. И почему бы не поступиться частью зеленого убранства столицы, если это для удобства населения? Станцию метро ведь все равно строят. Так что «вязовый бунт» и шум вокруг него, говорят некоторые, — пустое, никчемное дело. Им горячо возражают другие стокгольмцы. Все, мол, не так! Кто же выступает против метро? Вязы хотели спилить совсем по другой причине. Богатые торговцы задумали встроиться со своими магазинами в станцию, и вскрышные работы сразу резко возросли. Сейчас проект изменен, торговцы отстранены. Выход из метро несколько переместился, вязы остаются...

Ученые в последнее время все чаще отмечают вредное влияние городских шумов на здоровье людей. Да и без науки каждый горожанин знает, какое это проклятие — трамвай, когда он каждые пять минут прогромыхивает под окном. А если напротив твоего дома стоит какая-нибудь фабричонка с ревущими вентиляционными жерлами, то уж совсем беда. В беседе нужно напрягать голос, приходится прибавлять громкость телевизору или приемнику, кричать в телефонную трубку. Человеку становится трудно засыпать без таблеток, сосредоточиться над книгой. Коварство постоянного шума состоит в том, что он незаметно изнуряет организм, постепенно разрушает нервную систему и тогда, когда уровень его не превышает допустимой нормы децибелл и слух твой будто бы адаптировался.

Конечно, тишина в городе — довольно дорогое удовольствие, но на эти затраты приходится идти. Незаметно как-то, но последовательно во многих наших городах, а в Москве особенно, разбираются довоенные и даже дореволюционные трамвайные рельсы, на магистральные направления выходят почти бесшумные троллейбусы, развивается сеть подземок — безусловно, лучшее решение всех транспортных проблем любого большого города.

Стокгольмское метро не идет ни в какое сравнение с прославленным московским, однако оно тоже очень

удобно и доступно, как и положено быть этому виду городского транспорта. Трамваи тут сняты совсем. Ради борьбы с шумом здесь пошли в свое время на значительные расходы. Многие транспортные магистрали идут вдоль набережных, с которых автомобильный шум легко сливается и растекается над водным пространством. Зеленое хозяйство города тоже очень эффективно глушит городские шумы. Мне понравилось также, что в городе почти нет высоких зданий, стоящих сплошняком. Широкие прогалины в каменных рядах открывают просторные окна, в которые вытекают шумы. Хороши и городские транспортные развязки с виньетками путепроводов, расположенных на приличном расстоянии от окрестных зданий.

И, несмотря на то что в Стокгольме не слыхать фабричных гудков и трамвайного перезвона, что там, как и у нас, запрещены автомобильные сигналы, несмотря на шумопоглощающую зелень и водные просторы, в городе все же довольно шумно. Как ни странно, главный шумовой фон создается из-за стремления стокгольмцев по-настоящему благоустроить свой город. Идешь по улице и вдруг слышишь отбойный рокот, будто где-то вдалеке черпает землю экскаватор или разгребает щебенку бульдозер. Рокот все ближе и громче, и вот за следующим домом видишь на газоне небольшую машинку для стрижки травы. Газонов в Стокгольме чрезвычайно много, и, чтобы держать зеленые ковры в порядке, нужно семь-восемь раз за сезон их стричь. С утра до вечера на улицах, дворах и скверах рокочут, фыркают и стреляют моторами, стрекочут режущими устройствами компактные механические жуки, и звуки эти, не смешиваясь с другими, назойливо лезут в уши.

Во многих местах города долбят пневматическими молотками и чем-то дробят камень, и эту резкую стрельбу тоже слышно издалека. Однако самые оглушающие звуки обрушиваются на тебя с неба. Конечно, удобная это вещь — авиация, но рев самолетов и вертолетов становится все оглушительнее, потому что растет мощность двигателей, габариты и подъемная сила воздушных кораблей. Скачкообразно увеличивается в мире и количество летательных машин. Только на гражданских аэродромах ФРГ за последние пять лет, например, число взлетов и посадок возросло с двух до шести миллионов в год. Для

густонаселенных районов это настоящее бедствие. Миллионы людей круглые сутки слышат этот ужасающий грохот над головой, внезапные пугающие хлопки и удары, от которых дрожат оконные стекла, болят уши, изнашивается сердце. Москвичи-то, можно сказать, счастливчики — уже многие годы они не слышат самолетов, потому что своевременно, на заре реактивной авиации, предусмотрительно и заботливо были изменены воздушные маршруты, продуманы схемы посадок и взлетов, соответственно выбраны места для новых аэродромов нашей столицы.

Лишь время от времени в бездонной глуби неба стремительно пролетит невидимый и беззвучный самолетик, оставив за собой расплывающийся бледно-розовый след. Даже красиво с виду, и на душе вроде спокойно — ты тут занят своими делами, а тебя кто-то неслышно и незримо охраняет...

А вот в Стокгольме я жил в районе, над которым постоянно, днем и ночью, через короткие интервалы взревывали набирающие высоту самолеты. К этому грохоту я не смог привыкнуть, с трудом засыпал, встрепанно вскакивал ночами с колотящимся сердцем, и в голове по утрам шумело. Неподалеку располагался старый городской аэродром, и жителям этого района было не легче от сознания того, что преобладающие ветры дуют над городом в направлении, исключающем взлеты реактивных лайнеров над центром города. Разумеется, рано или поздно потребуются в данном случае кардинальные меры, чтобы удобство для меньшинства не доставляло неудобств большинству, но в Стокгольме же столкнулся я еще с одним ужасным шумовым загрязнением, которое познакомило меня с местным, довольно парадоксальным пониманием демократии.

Однажды ночью я вскочил от громоподобного моторного рева на улице, по сравнению с которым самолетный шум над крышей казался гудением шмеля. Уши заложило, стекла дружно задребезжали, в темноте почудилось, что со стен сыплется штукатурка. Я выглянул в окно, однако гром на колесах уже катился в сторону центра, и видны были только удаляющиеся красные огоньки да мятущиеся лучи сильных прожекторов. Проехали машино-люди, которых в Швеции называют ревущим раскатным словом — «раггары».

Днем я увидел это дикое стадо на многолюдных улицах. Оно бешено промчалось мимо, пешеходы и автомобили шарахались от него, а у меня снова, как ночью, защемило сердце. На мощных мотоциклах со специально снятыми глушителями сидели парни в шкурах и умопомрачительных лохмотьях. Под стать водителям — немытым и нечесаным, были их спутницы, восседающие на багажниках. Мы с переводчиком подошли к полицейскому. Молодой розовый парень, улыбаясь, выслушал нас.

— Нет, я не имею права остановить их,— сказал он.

— Но ведь они, проехав среди ночи сквозь город, разбудили добрую сотню тысяч человек!

— Да, но закона нет...

— Проснулись детишки, — не уступал я. — В городе есть, конечно, и душевнобольные, и люди, внезапно пораженные инфарктом, инсультом, другими тяжелыми заболеваниями, и для них такой внезапный гром равносилен...

— Понимаю, понимаю,— перебил переводчика полисмен, улыбаясь все шире.— Но ведь у нас демократия!

— Если это демократия, то что тогда...? — я готов был употребить какое-нибудь труднопереводимое слово, но переводчик потянул меня за рукав, видя, что полицейский совсем заулыбался. Очень веселый попался полицейский, раньше я что-то таких в Стокгольме не видел. Помню, как в первый день пребывания здесь решили мы посмотреть смену королевского караула. Это красочное музыкальное действо собирает множество зевак — туристов, мальчишек, просто прохожих горожан. Отряд человек в сто церемониально, торжественно идет по улицам под бравурную маршевую музыку, ослепительно блистая латунными инструментами, знаками отличия, расшитыми мундирами. Несут начищенное оружие, какие-то регалии на шестах, трезубцы не то лиры с колокольчиками и еще чем-то звенящим. Лица офицеров и солдат непроницаемо серьезны, и столь же серьезны полицейские на площади перед королевским дворцом.

И вот неожиданно стал я свидетелем скандального поступка какого-то прохожего — пожилого, странно дергающегося человека в поношенной одежонке и в запылен-

ных, растоптанных башмаках. Сдается, что это был либо непроспавшийся наркоман, либо негоспитализированный шизофреник. Перед выходом церемониального караула на площадь он вдруг выскочил из толпы и возглавил процессию, шагая в лад музыке, вскидывая над головой правую руку и визгливо выкрикивая: «Хайль Гитлер!» Лица полисменов оставались столь же неприступно серьезными, прохожие, казалось, были даже рады потехе, и только когда этот псих-одиночка отошел в сторону и, шагая мимо толпы, снова завел свое, раздались возмущенные голоса. Его окружила группа туристов из ФРГ. Какие-то седые дамы протестующе кричали «найн!», «демократишен!» и еще что-то, пытались даже достать оппонента своими легкими зонтиками. А группа молодых волосатых парней, оживленно жестикулируя, спорила подле, обсуждая, должно быть, проблему — демократично ли будет намять бока человеку, провозглашающему чересчур недемократический лозунг? Многие в толпе смеялись над редкой уличной сценкой, и только полицейские оставались невозмутимо безучастными к вопиющему нарушению традиции...

Швеция по форме правления — конституционная монархия, в которой власть короля традиционно ограничена риксдагом. Торжественная смена караульных постов у королевского дворца — тоже дань традиции, существующей почти во всех странах, сохранивших до наших дней августейшие, чаще всего номинально правящие семейства. В последнее время на Западе стало модным презрение ко всем традициям, в том числе самым древним и вполне, казалось бы, безобидным. Недавно вот прочел в газете, как группа молодых людей оскорбляла и оплевывала английских национальных гвардейцев, стоящих на часах, а одна экзальтированная девица не только сорвала медвежью шапку с головы недвижимого и ни в чем не повинного караульщика, но и раздавила своим каблучком палец на его ноге.

Впрочем, замечу, что скандальные эпизоды, нарушавшие самые святые традиции, случались и в старину. Основателем теперешней династии шведских монархов был не швед, а француз Жан Батист Жюль Бернадот, он же принц Понте-Корво, известный наполеоновский маршал и франкмасон. При Наполеоне выдвигались, несомненно, люди незаурядные, яркие, и Бернадот, как большинство

других полководцев Бонапарта, в иачале французской революции служил в иебольшом чине. Смелый, честолюбивый и ловкий француз пришелся шведам в буквальном смысле ко двору. В 1810 году он был усыиовлен престарелым королем Швеции Карлом XIII и по специальному решеиию риксдага стал наследником престола. Сделавшись фактическим главой государства и будучи дальновидиым, умным политиком, Бериадот порвал с Наполеоном и заключил союз с Россией, потом с Англией. После смерти своего приемного батюшки ои несколько десятилетий благополучно просидел иа троие под имеием Карла XIV, ни разу не воевал, положив иачало зиаменитому шведскому нейтралитету, и дожил почти до середины девятнадцатого века. А когда приступили к омовению и бальзамированию августейшего тела, шведский двор был неожиданно эпатирован и с трудом вышел из шокового состояния — на руке их обожаемого короля оказалась плохо вытравленная татуировка «Смерть королям!»

...Вечер у Рольфа Бернера. Этот стокгольмский журиалист прям и резок в оценках, серьезен в подходе к большим вопросам, откровенен и последователен в разговоре, а мие такие люди нравятся. Рольфа волнуют политические, социальные проблемы. Только что вышла его книга, и он дарит ее мне. Называется она «Kolchos», что в переводе означает «Колхоз». Рольф жил в одном из хозяйств Смолеищиины, работал и ел с колхозниками, беседовал с ними, фотографировал их, рылся в колхозном архиве и в подшивках местных газет. Книга эта об истории, экономике, культуре, о трудностях роста и достижениях рядового иашего колхоза, о его людях и проблемах. Рольф считает, что коллективизация была исторически неизбежной, единствениым для иас способом покончить с массовой бедиостью, отсталостью в земледелии, чересполосицей, все время подчеркивает роль колхозиого строя в судьбах страиы и людей.

— Без него было бы куда трудней справиться с Гитлером, — говорит ои. — И какой бы был это сейчас колхоз, если б он не потерял в войну сто шестьдесят мужчин!

Живет Рольф Бернер в стокгольмском пригороде Накке — «ленточном городе», к которому примыкает большой лес, покрывающий береговые скалы Сальтшена.

— Идемте, — приглашает хозяин. — Не пожалеете.

Внизу, у корней могучих стволов, было сумеречно и влажно, как в тайге, а на вершинах, в лучах закатного солнца, еще пели птицы. Надо бы сказать тут о стокгольмских птицах. В городе их тьма-тьмущая. И не сизарей, не галок, не воробьев — типично городских птиц, а самых настоящих лесных пернатых. Вот стайка синиц обрабатывает кустарник среди шумной улицы, вот вровень с моим окном спиралью поднимается по сосновому стволу поползень, обирая свои старые захоронки, вот выводок дроздят во главе с хлопотливой мамашей роется в земле под скамейкой, на которой сидят люди. Летом сорока редка, а в Стокгольме эти белобокие крикуньи стрекочут повсюду и больше всего любят посудачить на заборах, покачивая своими черными ромбическими хвостами и воровато озираясь. А однажды в городском шуме я услышал знакомые глухие звуки, будто дятел долбил неподатливую сухую древесину. Откуда тут дятел, если кругом дома, провода и автобусы? Но это был действительно он. Вершина одинокой сосны виднелась из-за крыши, и большая пестрая птица старательно долбила голый, умерший сук. И совсем уж я подивился, увидев в сумерках, как меж старых вязов вокруг нашего посольства бесшумно летает сова.

Больше всего в Стокгольме, однако, чаек и уток. Ну, чайку-то и ее манеры все знают. Сильные, острокрылые птицы парят и прядают над водой, бросаясь за куском хлеба или рыбешкой, пронзительно кричат, ссорятся между собой из-за всякого пустяка. В Стокгольме чайки чувствуют себя хозяевами — садятся на фонарные столбы, шныряют меж фонтанных струй, ходят по улицам, как у нас голуби, даже погуще.

Но самое, пожалуй, поразительное в пернатом населении Стокгольма — утки. Увидев их в первый раз, я подумал, что это домашние. Лежат рядком на газоне, в двух шагах от них прошмыгивают автомобили, топают прохожие, а они спят себе, безмятежно запустив головы под крыло. Их тоже будто бы не замечают: никто не смотрит на них, не пугает, не фотографирует, и утки

лениво поднимаются с места лишь тогда, когда стрекочущая машинка для стрижки газонов осторожно толкает их в бока. По оперению селезня я узнал, что это сизые дикие кряквы, и вспомнил, как несколько лет назад мировую прессу обошел один стокгольмский снимок — фоторепортер зафиксировал цепочку уток, невозмутимо и важно переходящих большую улицу. Не знаю, какой там огонь горел в светофоре, но все движение остановилось. Дикие утки в Стокгольме кормятся, зимуют, выводят на шхерах залива и озера потомство. Они не одомашнились, но и дикими их уже едва ли можно называть. Ручными тоже, потому что никто не пытается их взять в руки. Скорее, это особые городские птицы, которым нет никакого дела до того, что рядом живут торопливые бескрылые существа со всеми их шумными машинами...

С Рольфом Бернером мы шли старым, имеющим вполне «дикий» вид лесом. Вот огромный, загораживающий полнеба вяз с табличкой, прикрепленной почему-то, правда, не рядом к столбику, а прямо к стволу. Под тремя коронами значится «Natur minne», то есть «памятник природы». В обхвате этот гигант 425 сантиметров, высота и возраст не указаны.

— Как не понять тех, кто вел «вязовую войну»? — говорит Рольф, обходя вяз вокруг.— Мы, шведы, любим свои вязы за то, что это единственные свидетели жизни наших прадедов. Какая демонстрация мощи природы! Кроме того, в «вязовой войне» была одержана моральная победа — народ, который всегда прав, настоял на своем... Пошли? Идемте, не пожалеете...

Мы вышли на берег Нюккельвикена — Ключевого залива. Рольф ревностно заявил, что под Стокгольмом другого такого фиорда нет, замолчал, не мешая мне, и я это оценил. Залив прихотливо, изломисто врезался в берег. Отвесные, рваные скалы картинно отражались в глубокой черной воде, над ними цвел ярой зеленью хвойный лес, подсвеченный последними лучами невидимого солнца, и золотая пыльца тихо точила с вершин. Вода, скалы, лес, закатный солнечный свет и густые тени создавали сказочную гармонию первородных красок. По-

чудилось, что вот-вот в заливе появится ладья богатого гостя Садко, а из-под лесной сени выйдут на камни викинги в железных своих доспехах...

Поверху скалы были сглажены ледником, они струили тепло, а снизу текла по расщелинам свежая прохлада. Наступала белая ночь. И без того мягкие краски пригашиваются, размываются. Огни Стокгольма мерцают далеко, призрачно, словно удаляясь или собираясь погаснуть. Тишина, только вдали на шхерах и в завораживающем глаз смутном просторе едва уловимо кричат чайки.

— Т-сс! — услышал я и вздрогнул, дождавшись все же сказки. Неподалеку от берега, на недвижной глади залива, вдруг обозначился лебедь. За ним беззвучно и очень-очень медленно явились еще три царственные птицы. Горделивые головы на изящно изогнутых шеях, белоснежные, словно ватные, крылья, зеркальное отражение птиц в темной воде — истинное чудо жизни! Нет, люди раньше понимали и ценили красоту природы не меньше нас — недаром у многих народов убийство лебедя издревле считается тяжким грехом. Накануне я видел в городе лебедя, постоянно живущего у многолюдной набережной, и вдоволь посмеялся над ним. Какая-то старая женщина кормила кухонными остатками уток, они топтали ей ноги, всполошенно крякали, рвали друг у друга пищу, глаза их блестели от жадности. А лебедь вежливо подошел сбоку, взял женщину клювом за плечо и осторожно потянул в сторону: мол, вы понимаете, что мне недостойно отбирать у этих уток еду или вступать с ними в полемику, но неужели вы-то не видите, что я пришел?..

Лебеди растворились, как мираж, в прозрачном тумане, а мы с Рольфом пошли назад, переступая через больших черных слизняков, выползших с темнотой на тропу. Темно было только здесь, внизу, а в проемах брезжил неверный полусвет. Мы вышли на большую поляну, от которой отслаивался легкий туман. Вдруг по опушке леса мгновенно проскочило легкое, грациозное животное.

— Косуля?!

— Косуля, — подтвердил Рольф.

— Никогда бы не подумал, что в пригороде такого большого города могут бегать косули.

— А меня, между прочим, — возразил Рольф, — просто потрясло, что у вас везде бродят лоси. Такие красавцы!.. А вы, кстати, заметили, как испоганен Ключевой залив?

Конечно, я видел, что в самом красивом месте фиорда гниет большая сплотка древесины, только не стал говорить об этом, чтоб не испортить впечатления. Гирлянда «сигар», скрепленная ржавым такелажем, набухла и притонула, бревна были не окорены.

— С осени лежит, — сказал Рольф. — Залив изуродовала, настроение тысячам людей испортила.

— Конечно, это непорядок,— подтвердил я, хотя мне хотелось выразиться покрепче, потому что сплотка «сигар» в этом сказочном месте — не только зрительное загрязнение. Разлагается древесная кора, гноит воду, отравляет рыбу, дубильные вещества разрушают икринки, и ни один малек этим летом тут не выведется. Давно надо бы узнать, что за компания так набезобразничала, дать снимок в газету с соответствующей подписью или плакат укрепить на бревнах. Но тысячам людей, отдыхающим здесь, видать, некогда, а общества охраны природы в Швеции нет. Я сказал, однако:

— Но у вас даже в центре Стокгольма ловят рыбу прямо с моста.

— Это какой-то особый обожатель поплавка,— возразил Рольф. — Рыбу его есть нельзя.

— Почему?

— Ртуть. Проблема, неизвестная у вас.

Верно, это большое счастье для москвичей и жителей других наших больших городов, что они незнакомы с ртутным загрязнением воды, хотя до полной чистоты протекающих через города рек у нас еще довольно далеко. И как не радоваться, что буквально в последний год появились над умершей было Москвой-рекой рыболовы! Стоят под стенами Кремля и дергают плотву. В некоторых местах дно этой реки за прошедшие времена покрылось слоями грязи многометровой толщины. Сейчас грязь отсасывается, дно устилается свежим песочком, и рыбешка сразу же оценила заботу людей — начала заплывать в город...

Мы заговорили с Рольфом о двойственном воздействии на человека технического прогресса, о том, что практически на каждом шагу сейчас можно встретить болез-

ненные противоречия в использовании окружающей среды. Вот несколько лет назад через окрестности Ключевого залива прошла шоссейная дорога. Сократила какието расстояния, сберегает людям время и средства — меньше требуется горючего и смазки, дольше служат машины. Все эти выгоды можно подсчитать на канцелярских счетах. Но та же дорога привела в первозданную природу стада ревущих транзитных грузовиков, извергающих едкую отраву, сушит воздух асфальтом и каменными разломами, а главное, уничтожила в этом прекрасном лесном уголке единственную речку, в которой веками журчала прозрачная пресная вода. Дорога перерезала своим полотном и кюветами водосборные склоны, нарушила природную фильтрацию грунтовых вод, ручей умер. На каких электронных машинах можно теперь подсчитать урон, нанесенный почве, растениям, животным, то есть природной среде, и в конце концов людям, которые тысячами гуляют здесь, купаются, загорают, ловят рыбу, ходят на лыжах? И мне вдруг вспомнилось, что великий Данте при всей его могучей фантазии не мог представить себе рай иначе, как в виде леса с бегущим сквозь него ручьем... Мое знакомство со страной только начиналось, и я не знал еще, что скоро увижу куда более огорчительные вещи, связанные с обеднением природы Швеции, с социальными, почти тупиковыми проблемами ее.

Многоэтажные дома, в одном из которых живет Рольф Бернер, подступили к самому лесу. От Ключевого залива мы дошли сюда минут за пятнадцать, и я все оглядывался назад, вспоминая вяз-великан, гладь извилистого фиорда, камни, простор, лебедей и косулю. А тут, рядом со всем этим, такие же дома, как у нас в Кунцеве или Хорошево-Мневниках.

— Растет Стокгольм, — осторожно сказал я.

— Нет, — понял Рольф. — Эти дома последние. Решено прекратить застройку, лес и залив не трогать.

— Но городу куда-то надо расширяться...

— Если начнут тут дальше строить, — сказал Рольф, — я уйду в партизаны.

И даже не улыбнулся. Мне было полезно это знакомство и приятно, потому что Рольф — коммунист, и я мог в разговоре употреблять привычное обращение «товарищ».

2. ДЬЯВОЛУ МНОГО РАБОТЫ

Гётеборг — портовый, рабочий город. Серые, плоские, сглаженные ледником скалы окрест, здания блеклых оттенков. И зеленое убранство поскромней стокгольмского; ни птиц нет, ни белок на улицах, и даже вывески построже и попроще. Рожденный морем и для моря Гётеборг несет на себе печать его суровой северной простоты, и городские монументы подчеркивают деловые, серьезные отношения города и моря. На центральной площади возвышается в струях фонтана гордость Гётеборга — «Посейдон» знаменитого Карла Миллеса. Это не традиционный бородач с трезубцем, а молодой обнаженный северянин, простой и понятный бог, с мускулами, затвердевшими на веслах. Он стоит в живой, динамичной позе, будто только что вынырнул из воды; в одной руке — раковина, в другой — лосось. Вот посреди улицы еще одна «морская» скульптура — разновысокие бетонные столбы, плотно и со вкусом сгруппированные, символизирующие мачты затонувшего парусника. Вот с высокого постамента-колонны рвется в сторону моря, навстречу подплывающим кораблям, бронзовая женщина, прижимая к груди ребенка. Ее волосы, косынку и старомодное платье треплет сильный встречный ветер — жена моряка...

Вокруг города толпятся баки нефтехранилищ, на высоких трубах пылают газовые факелы. Крупнейший порт Скандинавии потребляет много нефти, продуктов ее переработки. Интересен новый бетонный мост через Гёта-Эльв, длинный, чуть ли не в версту, какой-то воздушный весь, даже хрупкий с виду. Под ее высоченными пролетами могут проходить океанские суда с одиннадцатиметровой осадкой. И еще одна новинка в Гётеборге — городская библиотека, о которой надо хотя бы коротко рассказать, потому что на всю Швецию, а может быть, и на весь свет она единственная в своем роде. Ну, шесть высоких и очень светлых этажей. В просторном помещении каждого этажа собраны книги по отраслям знаний. Есть, конечно, поэтажные каталоги и целый библиографический отдел, но полки доступны каждому читателю, копайся в книгах хоть весь день. Тут же на этажах столики и кресла — читай, конспектируй, диктуй на портатив-

ный магнитофон. Это очень удобно, что вся библиотека превращена в читальный зал, но меня покорило другое: гётеборгская библиотека — своеобразный культурный и просветительный центр, ведущий силами штатных сотрудников и общественности огромную работу с читателями. Есть небольшой кинозал, работают лектории, постоянно действуют группы, обслуживающие инвалидов, незрячих, есть обширная фонотека — ты можешь заказать пластинку, удалиться в специальную комнату, надеть наушники и, не мешая соседям, послушать Грига, Шопена, Сибелиуса, Чайковского, любимых певцов и поэтов. В зале периодики можно прочитать самые популярные издания мира, в том числе советские газеты и журналы. Библиотека с помощью современной связи может моментально получить справку из любого книгохранилища страны. Благодать!

Основной штрих в рисунке города — порт. На двенадцать километров по обеим сторонам Гёта-Эльв тянутся причалы и пакгаузы, над которыми возвышаются ажурные стрелы портовых кранов, доки и верфи.

Сильное впечатление произвели на меня предприятия «Гётаверкен». Большой морской корабль даже издалека, на воде, поражает своими размерами и красотой, а тут он на суше, рядом с тобою, обнаженный до самого днища,— вздымается немыслимой горой организованного металла, завораживает плавностью линий, симметричностью корпуса, его стройностью и стремительной мощью. Стоишь под килем либо кормой строящегося гиганта, смотришь на уходящие в голубую высь плавные и четкие контуры судового корпуса и поневоле спрашиваешь себя — полно, да люди ли это сделали?

Кораблестроители создают самые большие на земле движущиеся устройства, и я с удивлением и почтением рассматривал детали этих устройств. Вот посреди цеха лежит новый, изготовленный из специальной стали корабельный винт в пятьдесят тонн весом и стоимостью в полмиллиона крон. Он дорог работой, затраченной на него, каждая лопасть точно профилирована по сложным пространственным кривым в соответствии с законами и формулами гидродинамики и механики, до блеска от-

полирована и взята в предохранительную оплетку. Вот листы, вышедшие из-под дробеструйных установок. Поступают они сюда ржавые, невидные, а выходят ослепительно серебристыми, словно покрытыми миллионами мерцающих на свету росных капелек. Толщина листа три с половиной сантиметра, вес десять тонн. Мощные электромагниты подхватывают их и направляют на гибочные прессы. Вот гигантские токарные, строгальные и фрезерные агрегаты, на которых можно обрабатывать детали с габаритами пятнадцать на четыре метра. А вот циклопические ворота сборочного цеха. Эта зашторивающаяся и уплотнительная система состоит из множества подъемных, выдвижных и складывающихся дверей и закрывает просвет в тысячу квадратных метров. Весит система пятьсот тонн и приводится в действие двумя десятками электродвигателей. Но зачем для такой простой, казалось бы, цели нужно столь дорогое и сложное устройство?..

«Гётаверкен» уже более ста двадцати пяти лет строит корабли для шведского и не только шведского флота. Специалисты предприятия с гордостью рассказывают, что еше до революции верфь получила особый заказ России на океанский танкер и с честью выполнила его, впервые установив на специализированном судне значительной по тем временам грузоподъемности дизельный двигатель. Сейчас концерн «Гётаверкен», имеющий годовой оборот в миллиард крон, держит три верфи. Мне удалось побывать на двух из них, и обе показались настолько интересными, что я хотя бы коротко расскажу о каждой, чтобы на этих примерах лишний раз удостоверить, какой шведы мастеровой и башковитый народ.

Верфь — это такие просторные цеха, что в них могут разгоняться ветры, это громады движущегося и неподвижного металла, это синие, режущие глаз сполохи электросварки повсюду, гулкая дробь пневматических молотков, стойкий запах красителей и масел. Собственно, в самом Гётеборге стоит старая верфь концерна — «Гётеборгсварвет». Она специализируется на ремонте кораблей, изготовлении дизельных двигателей, паровых котлов и прочих судовых устройств, а также принимает заказы на современные гигантские котлы для варки целлюлозы. Вековой опыт гётеборгских корабелов, их чуткость к технической новизне создали здешним инже-

нерам и рабочим добрую репутацию по всему свету. Они берут скоростью, качеством работ, скрупулезной точностью в исполнении договоров, и немало судовладельцев даже других континентов считают выгодным перегонять сюда и подновлять здесь свои корабли. Несколько лет назад на реке Миссисипи сильно пострадал от пожара танкер «Бохема», он был на буксире проведен через Атлантический океан на гётеборгскую верфь и быстро восстановлен. Ежегодно в трех плавучих доках верфи окрашиваются в подводной части примерно полтораста судов дедвейтом до пятидесяти тысяч тонн. Интересно, что почти треть своей ремонтной программы верфь выполняет на судах Советского Союза и Германской Демократической Республики.

«Гётеборгсварвет» оперативно приспосабливается к новым потребностям морского судоходства. Верфь научилась великолепно перестраивать грузовые корабли для новых специальных грузов — удобрений, химикатов, сжиженного газа, значительно увеличивать грузоподъемность судов. Недавно был выполнен большой, интересный заказ — перестроены для насыпных грузов шесть больших кораблей, причем корпуса их резали надвое и встраивали новую середину, что на три тысячи тонн увеличивало грузоподъемность. Тщательная подготовка к этой массовой пластической операции, предварительное продумывание мельчайших деталей позволили провести ее в очень сжатые сроки — каждое судно находилось в доке всего девятнадцать дней. В итоге флот заказчика как бы получил новое, седьмое судно, способное перевозить восемнадцать тысяч тонн сыпучего товара...

Гёта-Эльв давно уже сдерживала развитие верфи. Размеры морских кораблей год от года росли, и река не могла пропускать в доки суда большой грузоподъемности. И вот я на новой верфи в Арендале, что недавно построена за городом, на скалистом берегу пролива Каттегат. Это в высшей степени современное предприятие, спроектированное замечательным шведским инженером Нильсом Свенссоном, строит огромные морские корабли по совершенно новой технологии. Схема ее на первый взгляд чрезвычайно проста, но в ней заложено несколько свежих технических идей. Во-первых, реализована идея громадного судостроительного конвейера. Во-вторых, листы обшивки и профильный металл обрабатываются на

различных стадиях при одинаковой температуре — это обеспечивает особую точность при резке и раскрое исходного материала, при сборке его и сварке. В-третьих, секции корпуса собираются из листов, которые остаются совершенно чистыми на протяжении всего процесса — от дробеструйных аппаратов в начале его до краскопультов в конце. Исключен также механический захват листа на всем его многокилометровом пути — эту работу делают электромагниты. И наконец, самое главное — корабли строятся в закрытых помещениях, что открывает исключительные возможности для повышения качества и производительности труда, улучшения его условий.

Нет, конечно, не весь корабль строится под крышей. Трудно себе представить крытый док, в котором бы собирался гигант в двести пятьдесят тысяч тонн водоизмещением. Сначала строится кормовая секция. Закончив на ней основной цикл работ, кораблестроители выталкивают ее мощными гидравлическими домкратами наружу и приступают к монтажу второй секции, постепенно начиняя оборудованием первую. А те сложные ворота, о которых я уже упоминал, надежно обжимая корпус, изолируют цех от ветров и морозов. Судно быстро растет в длину, и перед затоплением дока оно оказывается под открытым небом в законченном виде. Приходят в движение все двадцать привратных двигателей: двери, уплотнительные прокладки, шторы и заслонки закрываются, а в цехе мостовые краны уже опускают на стапели первую секцию кормового днища для нового судна.

Телевизионные и электронные контрольные посты проверяют и автоматически регулируют положение и продвижение каждой детали будущего корабля. Цифровой шифр, который получает в самом начале конвейера ржаво-коричневый лист, определяет всю его будущность — дробеструйная установка автоматически регулируется на толщину и площадь листа, далее маркировка скажет людям и станкам, каким он подвергнется трансформациям, каким путем пойдет к сборке, где и когда займет свое место в сложной стальной конструкции. Из центрального пульта управления производственным процессом, где горит масса лампочек и циферблатов, можно в секунду узнать все о верфи и каждом ее уголке, к услугам

операторов и руководителей телевизоры, телефоны, радио.

Да, конечно, наше время и «скоростное», и «космическое», и «атомное», но ходил я по «Арендальсварвет» и думал о том, что в основе всех научно-технических новшеств лежит все же современная технология в ее постоянной динамике. Отстанешь в ней — отстанешь и в скорости, и в космических исследованиях, и в атомной технике...

Следовало бы добавить, однако, что модернизация кораблестроительного дела, осуществленная в Арендале, была предпринята, конечно, не ради погони за «космическим веком», а ради матушки-прибыли. Владельцы верфи постарались, особенно в первые годы, выжать максимум из нового оборудования и новой технологии. И если бы только из них! Каждый день рабочие тратили на поездку сюда и обратно много времени, а зарплата оставалась такой же, как на старой верфи. В Арендале она не изменилась даже тогда, когда в ремонтных доках Гётеборга ее вынуждены были поднять. И поневоле задумается арендальский электросварщик, слесарь-сборщик, маляр или водитель листовоза, в чью тарелку пошел приварок от повышения темпа и производительности его труда...

Гётеборгские прохожие выглядят по-иному, чем в Стокгольме. Ну, дети и старики везде примерно одинаковы, а молодежь разнится, да еще как! Вот ведь совсем, кажется, недавно основное разнообразие в расхожее мужское одеяние вносил галстук. И, помнится, каким ретроградством показалось мне требование устроителей Каннского кинофестиваля всем являться с бабочкой на шее не только на приемы, пресс-конференции, но даже на просмотры. Должен сознаться, что мода всегда как-то проходила мимо меня и я ей сроду не следовал — сначала носил обноски, в войну и сразу после войны было не до нее, потом стало некогда, а сейчас безразлично и за шустрой молодежью уже не угонишься.

Может, именно поэтому я равнодушно смотрел на юных стокгольмцев, хоть чем-то желающих во что бы то ни стало выделиться из пестрой толпы. Вместо галстуков можно увидеть не только яркие платки с пышными бан-

тами или, скажем, тяжелые медальоны, какие-то статуэтки, кресты и черепа на цепях, но и... кружева. На рубашках — лозунги, портреты обожаемых личностей, пляжные виды и еще черт-те что. На одной из площадей Стокгольма увидел я однажды бородатого продавца каких-то газеток, на котором не было ничего совершенно, кроме грубого мешка на узластой веревке. Или вот идет по центру города босоногая группа парней и девчат. Модно? Допускаю, но определенно можно сказать, что это и неудобно, и некрасиво, и негигиенично, и небезопасно — жжет горячий асфальт, мелькают черные ступни, топающие по плевкам и окуркам, а в спешке, на переходах, и без пальцев запросто останешься.

Видел я в Стокгольме и другие странные проявления «настроений современной молодежи», слушал заумные объяснения этих отклонений от общепринятых норм, национальных традиций и обыкновенных человеческих правил (это-де направлено против «буржуазной морали», «унификации жизни», выражает «бессилие человека в мире» и т. п.), и все время напрашивался простой вывод, подытоживающий общее впечатление от выступлений гориллоподобных трясунов и крикунов на концертах, назойливой рекламы предельного бесстыдства и всей сопутствующей скандальной ерунды: ваньку валяют. Правда, не покидало ощущение, что существует невидимый некто, держащий под неусыпным контролем состояние и настроение молодых людей, не скупящийся на большие расходы по аренде огромных помещений и громоздкую механизацию музыки, спекулирующий на моде и неопытности юных, на эротике, политике, экзотике, на всем, что можно вообразить — лишь бы расходились миллионы пластинок и открыток, посещались сексуальные фильмы и отвратительные «живые картинки», и лишь бы молодежь валяла ваньку. Только вот конца этому направленному безумию не видно. Ну, вот американские студенты начали толпами сигать по улицам нагишом, а дальше-то что?

Вообще-то человек может одеваться или, скажем, танцевать, как ему заблагорассудится, но, подобно всякому человеческому деянию, мода, мне кажется, должна все же руководствоваться чувством меры и здравым смыслом. Борода, например, даже самая импозантная,—

очень непрактичное украшение для парня, работающего в забое или, скажем, на паровозе, а пышная шевелюра вообще опасна для станочника, например, или монтажника. Знаменитый наш полевод Терентий Семенович Мальцев, приглашенный однажды на писательское собрание, долго слушал, как мы рассуждали о добыче металла и выращивании хлеба, о рабочих и крестьянских проблемах, а потом вышел на трибуну и заговорил о нравах и модах. Юные бородатые пареньки появились и в его далеком зауральском селе, которое издавна славилось в округе кержацкой строгостью. И не какие-нибудь тебе там пришлые либо транзитные туристы, часть которых воистину не что иное, как современные бродяги, а местные, сельские ребята. И я могу разделить недоумение Терентия Семеновича. Конечно, времена меняются, и вместо балалаек у этих парнишек сейчас в руках транзисторы, хотя я считаю, что на балалайке поиграть подчас куда тебе полезней, но вот действительно — зачем им бороды? Терентий Семенович попробовал урезонить их: «Ребята, вы славные ребята! Это ведь не русское все, с Запада мода-то идет на бороды и все прочее. Бросьте!» — «Ты, дед, неправ,— отвечают.— А Чернышевский, Менделеев, Циолковский?» — «Ну, эти люди носили бороды от большого ума,— сказал им Терентий Семенович,— а вы-то от чего? Не понимаю...»

Впрочем, я тоже не понимаю и не удивлюсь уже, если вместо длинноволосых появятся на улицах бритые наголо модники, а на смену узеньким, в обтяжку, брючкам или непомерно расклешенным, с бахромой понизу «техасам» придут забытые галифе с кожаными или, скорее, синтетическими леями на коленках и сзади. Худо только, что мода на ту или иную прическу, одежду, мебель, музыку, стихи, словечки, манеры способна не только внешне нивелировать людей, желающих с помощью всего этого выделиться и прослыть современными, но и вызвать моду в восприятии жизни, исподволь освободить их от необходимости самостоятельно чувствовать и думать...

И как приятно было видеть на улицах Гётеборга юношей и девушек, которых словно совсем не касалась зыбкая мода — ни в одежде, ни в стиле поведения. Крепкие, подтянутые, стройные, с энергичной походкой, они как бы говорят всем своим видом, что есть у них дела поважней моды. Кто они — студенты, портовые рабочие,

клерки, спортсмены? Нет, не спортсмены — слишком их много, чтобы быть всем профессиональными спортсменами. Однако вполне возможно, что все они занимаются спортом — плаваньем, теннисом, хоккеем и, конечно, спортивной гимнастикой, которая именно в Швеции полвека назад обрела современный вид, где были изобретены «шведская стенка», «бум», «конь» и другие гимнастические снаряды.

В этой стране спортом занимаются миллионы с детства до старости. Думаю, что увлечение спортом объясняет один любопытный факт шведского быта. Мне могут не поверить, но это правда истинная — за все мое пребывание в Швеции, во всех больших и маленьких ее городах, которые довелось посетить, я не увидел ни одной полной женщины. Шведки строго следят за собой, сызмальства приучаются к ежедневной гимнастике, ходьбе, велосипеду, стараются не увлекаться мучным и сладким, сторицей вознаграждая себя завидным здоровьем, сложением, бодростью, продлением молодости и долголетием — среднестатистическая шведка живет дольше всех других женщин мира: ни много ни мало, а 77,41 года. Когда я рассказал об этом одной моей московской знакомой, она повела плечом и произнесла: «Ну и что ж?..»

О шведском хоккее следовало бы сказать хотя два слова, только попал я не в сезон. Много лет я болею за шведов на чемпионатах мира по хоккею. Ну, советская сборная, естественно, должна побеждать, это уж извините-подвиньтесь, однако шведские хоккеисты давно и прочно завоевали мои симпатии, независимо от того, проигрывают они или выигрывают на очередном чемпионате и дружеских встречах. Мне нравится бойцовский импровизационный стиль игры сборной команды Швеции, упрямство, точнее, упорство, с каким шведы ведут поединок, нравится, как они сдержанно радуются победе и не распускают нюни при поражении, как не раз по-спортивному благородно бились они даже тогда, когда счет шайб уже не мог повлиять на цвет призовых медалей. Очень жаль, что я не увидел этих ледовых рыцарей в их доме, хотя бы на тренировке...

И все же одно «хоккейное» впечатление я вывез из Гётеборга.

В тот жаркий день ветры пригнали с Северного моря темные тучи, по завязку наполненные водой. Над побережьем их рвало в клочья, теплый, парной дождь лил непрерывно, в автобусе было душно. Гид, который только что появился среди нас, предложил посмотреть город, пообещав показать «самое новое место в Гётеборге, самое интересное». Нельзя сказать, чтобы он нас очень заинтриговал — по городу мы уже ездили, но делать было все равно нечего, и пришлось согласиться. Гид был средних лет, по происхождению финн, русский знал слабо, но говорил охотно и много, не делая никакого выбора из того, что мелькало перед глазами сквозь дождевую завесу.

— На правой стороне монумент. Это — Карл Девятый. Он строил первый город, а его уничтожили норвеги... Это большой торговый — как то? — сентр. Это почта, где можно вести разговор со всем миром. Меня просили спортивные люди Гётеборга, и я звонил в Москву Анатолю Фирсову. Он родился для хоккея. Анатоль был дома, тренировки каждый день, и не может приехать на открывание наш стадион...

Я включил диктофон.

— Это библиотека, тоже популярный место... А это главный монумент Гётеборга — такой бог моря, Миллес делал. В одной руке рыба, в другой дом рака... Есть еще несколько девчонок, тоже Миллес делал. Это лабораториум. Этот монумент на площади — мужчина, забыл фамилию. Кругом растет — как то?— картофель. Он первый привез в Швецию картофель... А этот монумент — симболь мирной работы — как то?— хозяйского сельства, торговодства... Это кино. Там показывали шайбы Анатоля Фирсова. Пушка!..

Экскурсионная поездка становилась интересной. А гид увлеченно продолжал:

— Это дома. Колонны железные, их надо красить каждый год... Этот монумент — большой, большой поэт, фамилию не знаю... Это старый каналь. Тут другие канальи... Это порт начинается. Вот большой пароход, он ломает лед, стоит на ремонте, называется «Москва», русский... Я в Москве не был, но видел много передач... В русской команде передача — как то?— шайба прили-

пает. Тройка Фирсова может все. Русская команда — это мобиль и динамо...

И вот автобус подъехал к громадному железобетонному сооружению — новому крытому стадиону «Скандинавия».

— Это — главный! — торжественно сказал гид, приглашая нас к выходу из автобуса.

Накрывшись от дождя газетами, мы побежали к стадиону. Гид скакал впереди без плаща и шляпы, весь вымок. Широкие двери, коридор — и вот освежающая прохлада, гулкий простор большого помещения, сухие удары клюшек, звонкие азартные крики юных хоккеистов, гоняющих по льду шайбу.

— То он, — гордо сказал гид, показывая глазами на поле. — Смотрите...

— Что? — не понял я. — Кто?

— Номер одиннадцать.

— Так что́? — поинтересовался я, наблюдая, как на пятачке бешено крутится с клюшкой в руке парнишка лет пятнадцати.

— Сын, — сказал гид.

Вся правобережная часть города занята промышленными предприятиями, в том числе заводами «Вольво», главного автомобильного концерна Швеции с годовым оборотом в шесть миллиардов крон. За прошлый год он выпустил больше двухсот тысяч легковых автомашин, пятнадцать тысяч грузовиков и полторы тысячи автобусов, отправив на экспорт семьдесят процентов продукции. На автозаводах я бывал, и сейчас меня интересовал лишь один вопрос: как специалисты «Вольво» собираются бороться с выхлопными газами, потому что проблема «автомобиль и город» осложняется во всем мире, угрожающе назревает. Каждый усредненный автомобиль выбрасывает за год около семи центнеров окиси углерода, центнер углеводородов, тридцать пять килограммов окиси азота — почти тонну летучей отравы, а по дорогам планеты движется сейчас более двухсот пятидесяти миллионов автомашин, замещая, вытесняя своими выхлопными газами огромные объемы кислорода в самом нижнем, нужном для дыхания людей слое атмосферы. А Шве-

ция, кстати, по автомобилизации обогнала все страны Западной Европы — автомашина здесь приходится в среднем на 3,1 человека...

Нет, «Вольво» не собирается переходить на электромобили, даже опытов в этом направлении не ведет. Но работы по снижению токсичности выхлопных газов начаты. Специалисты концерна предлагают устройства, снижающие отравляющую силу продуктов сгорания бензина, ввести в конструкцию серийных машин, чтобы не оказаться вдруг неконкурентоспособными на мировом рынке. Подробностей пока нет, однако из общих объяснений можно понять, что по пути из бака к двигателю в бензин будут впрыскиваться специальные присадки, а по пути газов от двигателя к выхлопу их станут обезвреживать особые катализаторы. Дело хорошее, поживем — увидим...

Конвейер «Вольво» отнюдь не самый современный: в нескольких местах я видел «каталей» — рабочих, вручную перемещающих на подвесных рельсах корпуса машин с одной поточной линии на другую. А работа здесь и без того тяжелая — лязг и грохот, изнурительно высокий темп, вибрация, пыль, запахи синтетических красителей. Это тоже, между прочим, *окружающая среда*, и популярное выражение «защита окружающей среды» к данному случаю неприменимо, звучит двусмысленно; правильней было бы говорить, конечно, об улучшении среды, условий труда на рабочем месте. Шведы, поняв, что к чему, паллиативно приспособились к этой среде — попросту не идут работать на конвейеры «Вольво». Более половины рабочих завода — наемные финны, итальянцы, югославы, турки. Соглашаясь трудиться в такой среде, иностранные рабочие постоянно ощущают здесь свою общественную второсортность. Кроме того, возвращаясь по истечении контракта на родину, они оставляют в шведских фондах вычеты — налоги, страховки, больничные и иные взносы, составляющие до половины номинальной зарплаты.

Представители администрации завода, можно сказать, с гордостью сообщают, что последняя забастовка была у них пять лет назад, но я услышал тут одно интересное выражение: на «Вольво», дескать, дисциплина жестче, чем в финской армии. О дисциплине на заводе или в какой-нибудь армии ничего не могу сказать, однако думаю,

такого рода сравнение на пустом месте не возникает. Так что чужеземные рабочие вдвойне и втройне выгодны: они бесправны, неорганизованны и приехали сюда получать то, что дадут за их труд, а не бастовать; они даже поговорить друг с другом не могут — разноязычны...

И еще одно наблюдение, связанное с «Вольво». Проехав на тележке вдоль всего конвейера, увидев сотни сосредоточенных, неулыбчивых молодых лиц, я сказал работнику отдела кадров завода господину Ульссону:

— Ни одного пожилого человека я почему-то не встретил.

— Да, у нас предприятие молодежное. Вы не найдете на конвейере даже человека средних лет.

— А возраст большинства?

— Двадцать пять, двадцать семь. В принципе не старше тридцати.

— В принципе? Почему?

— Тяжело.

Осматривал я потом барьерные испытательные стенды, на которых с помощью катапульты имитируется удар легковушки о препятствие, климатические камеры, в которых для машины создается тропическая жара и арктический холод, экспериментальную «безопасную» машину с телекамерой на багажнике и мгновенно надувающимися сиденьями, ознакомился с огромным новым техническо-рекламным центром, который обошелся в двести двадцать миллионов крон, а сам все время думал о конвейере и так называемой рабочей среде. Ведь охрана природы и защита среды — не ради среды или природы, а ради людей, и, по сути, говоря об охране и защите чего бы то ни было, мы должны иметь в виду охрану и защиту человека. Господин Ульссон рассказал, что рабочие конвейера недовольны условиями труда, жалуются на однообразие операций, на заболевания нервной системы. Сейчас завод проводит производственный опыт: на конвейере организуются бригады, члены которых будут постоянно переходить с одной операции на другую и собирать целые узлы, меняя характер, ритм движений. Через два года в южном шведском городе Кальмаре, где скопились значительные трудовые резервы, вступит в строй предприятие «Вольво» и работа будет организована по

новому принципу. В чем его новизна? Шведские автомобилестроители первыми в мире попробуют вообще отказаться от конвейера в теперешнем его виде. Не станет одной неостановимой изнуряющей поточной линии — ее заменят самодвижущиеся платформы, на каждой из которых большая бригада станет собирать определенные узлы дорогих фешенебельных лимузинов. Завод будет функционировать с помощью самых современных систем организации и управления производством, счетных машин, безошибочных электронных постов наблюдения и контроля. Что ж, в добрый час, только на примере «Арендальсварвет» видно, что никакая техническая сверхновизна, никакие внешние формы улучшения производственных условий не могут застраховать рабочего от новых и новых способов изымания у него заработанных им денег. И еще думаю: если мы включаем в понятие «окружающая среда» среду рабочего места, то, наверное, должны входить в нее какой-то частью и условия среды социальной...

По пути в Кируну пересекли Северный Полярный круг. Для здешних пассажиров это столь привычно, что стюардесса не захотела, видно, говорить банальностей и промолчала.

Так вот он, «сейф Швеции», ее главное железорудное месторождение, сырьевая основа знаменитой шведской стали, из которой многие десятилетия делаются бритвенные лезвия отменного качества, прекрасный металлорежущий инструмент, сепараторы и шарикоподшипники. Во многих странах Европы шведский металл шел на паровозы и пароходы, на тракторы, станки и — не хотелось бы вспоминать, да само вспоминается — на снаряды и танки. Мы помним, кстати, что в конце войны Шведский комитет помощи ленинградским детям передал нам медикаменты и препараты, потом на шведские средства было приобретено для наших госпиталей и поликлиник хирургическое оборудование, мы помним, что шведский Красный Крест тогда одел, обул и прокормил шестьдесят тысяч наших военнопленных по пути из Норвегии на Родину. Но невозможно забыть и другое: каждый третий советский воин, павший в битве с гитлеровскими ордами, был сражен снарядом, пулей, бомбой или

миной, сделанными из нейтрального шведского металла...

Вспомнилось попутно и совсем уж теперь далекое. Швеция придерживалась нейтралитета и сто лет назад, но любопытно, что в те времена один из ее граждан, должно быть, основательнее, чем любой другой человек на земле, придал тогдашним войнам вполне современный вид. Этот шведский инженер и ученый смолоду интересовался бурными химическими реакциями, взрывчатыми веществами, в частности и особенно — техническим применением свойств нитроглицерина. Смешав его с кизельгутом, он первым в мире получил динамит и еще в 1867 году взял на него патент. Конечно, шведская взрывчатка применялась при скальных и дорожных работах, однако и военные всех стран не обошли своим вниманием столь интересную находку. С невероятной быстротой в разных странах Европы начали возникать заводы, производящие взрывчатые вещества на нитроглицериновой основе. Значительная часть их принадлежала шведскому изобретателю, ставшему предприимчивым дельцом. И число фабрик смерти росло по мере появления новинок-капсюлей из гремучей ртути, студеобразного динамита, баллистита, то есть нитроглицеринового пороха.

Швед этот был, несомненно, очень одаренным человеком. В Петербурге свободно говорил по-русски, в Лондоне по-английски, в Париже по-французски, немцы, разговаривая с ним, ошибочно принимали его за соотечественника. За свои заслуги в химической науке он был избран членом Шведской академии наук и Лондонского Королевского общества. Основав предприятия практически во всех развитых для тех времен странах, сделался одним из самых богатых европейских капиталистов. Он владел почти сотней заводов и фабрик, обширными поместьями в Швеции, Франции, Англии, Италии, Швейцарии, ворохами ценных бумаг, хранящихся в крупнейших банках Европы. А когда в конце прошлого века он умер, то шведское общество, весь, можно сказать, просвещенный мир, а особенно родственники усопшего, были потрясены его завещанием, вызвавшим вскоре целую бурю внутри страны и волнения за ее пределами. И если назвать имя этого человека, то придется несколько продолжить разговор о нем и его необыкновенном завещании.

Нобель... По какой-то неизвестной мне причине мы неправильно его именуем, верное ударение для этой шведской фамилии — Нобе́ль. Так вот, «Завещание» Нобеля было настолько необычным, что я счел нужным привести его здесь, чтобы познакомить читателя моих шведских записок с интереснейшим документом, составленным одним из знаменитых шведов.

«Я, нижеподписавшийся Альфред Бернхард Нобель, после зрелого размышления настоящим заявляю: ...все мое оставшееся имущество должно быть вложено моим душеприказчиком в надежные бумаги и будет составлять фонд, проценты с которого будут ежегодно распределяться в виде премий тем, кто в течение предшествующего года принес наибольшую пользу человечеству...

Проценты должны быть поделены на пять частей, которые распределятся следующим образом: одна часть тому, кто сделает наиболее важное открытие или изобретение в области физики; одна — тому, кто сделает наиболее важное открытие или усовершенствование в области химии; одна — тому, кто сделает важное открытие в области физиологии или медицины; одна — тому, кто в области литературы создаст наиболее выдающуюся работу идеалистической тенденции; и одна — тому, кто внесет наибольший вклад в дело, способствующее уничтожению или сокращению существующих армий, поддержке или поощрению мирных конгрессов. Премии по физике и химии пусть присуждаются Шведской академией наук; за физиологические или медицинские работы — Каролинским институтом в Стокгольме; за литературные работы — Стокгольмской академией; премии для борющихся за мир — Комитетом из пяти человек, выбираемых норвежским стортингом.

Мое особое желание, чтобы при присуждении премий не принималась во внимание национальность кандидатов, какова бы она ни была, и чтобы премию получал наиболее достойный, будь он скандинав или нет».

Множество разнообразных и почти непреодолимых препятствий тотчас воздвиглось на пути реализации идеи покойного. Поднялась шумная газетная кампания, начались судебные проволочки, в действие были приведены влиятельные политические организации и лица, тем более что с формально-юридической точки зрения «Завеща-

ние» Нобеля оказалось слишком уязвимым. Раздавались голоса о нарушении законов родной страны и «священных» традиций буржуазного общества человеком, не имеющим никакого права лишать наследства своих близких. Левые газеты писали, что богатства, нажитые трудом рабочих, должны быть им возвращены, правые, упрекая Нобеля в «непатриотическом» поступке, считали, что деньги шведского гражданина надобно вложить в поощрение и развитие отечественной науки. Иные склонны были полагать, что автор «Завещания» изъявил свою посмертную волю под гнетом глубокой нравственной вины перед человечеством, злые силы которого он вооружил варварским оружием. Часть шведов особенно возмущалась тем, с их точки зрения странным, пунктом «Завещания», в котором право присуждать премию борцам за мир предоставлялось выборным норвежского парламента, и здесь таился особый политический нюанс — отношения между Швецией и Норвегией в те годы оставляли желать много лучшего. В дополнение ко всему и шведский король принял точку зрения тех, кто боролся за признание «Завещания» Альфреда Нобеля недействительным.

Инженеру Рагнару Сульману, которого Нобель назначил своим душеприказчиком, пришлось выдержать поистине героическую борьбу, чтоб исполнить все заветы своего покойного друга. Наконец шведское правительство сочло намерения завещателя «благородными» и согласилось оказать осторожное содействие душеприказчику и уже многочисленным его сторонникам, однако еще несколько лет длились судебные разбирательства, дебаты на разнообразных конференциях, шла острая полемика в прессе. И вот дело приблизилось к концу. Родственники, удовлетворившись одногодовым доходом с наследства, отказались от дальнейших притязаний на Главный фонд Нобелевских премий, ежегодные проценты от которого с 1901 года идут по назначению завещателя.

Заканчивая рассказ об этом эпизоде шведской общественной жизни, случившемся на рубеже XIX—XX веков, нельзя не добавить, что Нобелевские премии, обладая большим авторитетом в современном научном мире, в силу многих причин не обрели пока равного значения для литературно-общественной жизни народов — на совести

стокгольмских академиков словесности и представителей норвежского стортинга остается немало присуждений весьма спорной справедливости. Одним из первых премию мира получил, например, американский президент Т. Рузвельт, главный вдохновитель и организатор политики «большой дубинки», которою Америка тех лет взялась рьяно размахивать на Филиппинах, в Венесуэле, на Кубе, в зоне Панамского канала. Много позже эту премию присудили американскому генералу Д. Маршаллу, человеку, заложившему основы возрождения западногерманского милитаризма и чья далеко не мирная деятельность еще свежа в нашей памяти. Литературной Нобелевской премии не были в свое время удостоены многие замечательные художники, внесшие неоценимый и неповторимый вклад в духовную копилку человечества. Назову хотя бы Льва Толстого, Максима Горького, Ромэна Роллана. Зато сразу же после второй мировой войны ее получил французский писатель А. Жид, незадолго до этого сотрудничавший с гитлеровцами...

Не стоит, пожалуй, уходить еще дальше от основной темы, вернемся на шведские рудники.

Кируна лежит в распадке меж двух пологих гор — Кирунавара (Куропатка-гора) и Луоссавара (Лосось-гора), взрытых рудными разработками с поверхности. Сейчас руду берут глубоко под землей, и берут немало — больше двадцати миллионов тонн в год. Правда, когда я вернулся домой, то по-иному посмотрел на производственную мощь Кируны, прочитав в газете, как рядовой украинский рудник отпалил единовременным взрывом миллион тонн железняка и этой руды ему хватило только на месяц работы...

И все же Кирунский рудник внушителен. Под землей там триста километров туннелей, его руда оказывает немалое влияние на промышленную жизнь Европы. Значительная ее часть идет на экспорт через Лулео и главным образом через норвежский порт Нарвик, куда проложена по северу железная дорога. Шведскую руду с высоким содержанием железа и незначительной примесью фосфора охотно покупают Англия, ФРГ, Люксембург, Бельгия, Франция, Чехословакия, Польша, другие страны. Рудного

тела, которое сейчас со всех сторон подрывается взрывчаткой, хватит при теперешних размерах добычи лет на сто. Все тут — рудники, обогатительные фабрики, производство окатышей, транспорт — принадлежит акционерному обществу ЛКАБ, девяносто пять процентов акций которого держит государство.

Население в Кируне — всего двадцать пять тысяч человек. Городок благоустроен. Дома крепкие, в основном одноэтажные, и стоят свободно, перемежаемые зеленью. Березки по-северному низки. Огромное светлое небо над городом и покатыми горами опахивает местность освежающими ветрами. Меня приятно поразило, что вдоль по улицам Кируны, под березками, растут «огоньки» — чудесный дикий цветок купальница, распространившийся по умеренным широтам Евразии и, оказывается, проникший каким-то своим подвигом сюда, за Полярный круг. Эти маленькие модели солнышка здесь не так жарко цветут, как, скажем, на Алтае, но тоже хороши! Никто их тут не рвет,— значит, любят кирунцы свой город таким, невытоптанным, и это прекрасно. Вокруг любого большого города в так называемых зонах отдыха этих самых умеренных широт все чаще попадается подорожник, конский щавель да собачья колючка и уже почти не сыщешь цветущего «огонька», ромашки и даже лютика. Жаль: скромную, ненавязчивую красоту лесного или лугового цветка не заменит яркая, подчас излишне роскошная и приторная красота садовых цветов...

Ночь в Кируне. Только это не была ночь в нашем понимании. Яркое солнце медленно опускалось за железную гору, освещая замершие улицы. После ужина мы решили подняться на гору, чтобы посмотреть полночное солнце. «Мы» — это я и Григол Абашидзе, который был тут в составе делегации наших парламентариев. Все устали, но поэт есть поэт. Абашидзе заявил, что он больше никогда в жизни, наверно, не увидит солнца в полночь, что пойдет в гору пешком и один. Я вызвался с ним.

С Григолом Григорьевичем хорошо — это приятный, остроумный человек. Увидев, как по безлюдной, залитой солнцем кирунской улице бредет, шатаясь, прохожий,

аametил: «Смотри, ночной гуляка!» А на «Альфа-Лаваль» он, помню, постоял подле компактного, величиною с письменный стол сепаратора, перерабатывающего за час двадцать пять тысяч литров молока, и раздумчиво, мечтательно сказал: «Знаешь, такую бы машинку нам, в литературу»...

Пошли. В гору, однако, не пришлось топать. Секретарь шведского риксдага господин Рагнар Дромберг, сопровождавший делегацию, послал нам вслед ночной полицейский патруль на колесах, и вскоре мы оказались на вершине Кирунавары. Солнце сияло над горами, чуть притуманенное дымкой, но все же теплое. Григол Абашидзе поглядывал на него, на часы и на меня, будто говорил: все верно, слушай, полночь и солнце!..

А назавтра мы увидели вечную тьму — просторным туннелем спустились на автобусе к рудным разработкам. Правда, это не был производственный участок, а показательный, для посетителей, но все равно тяжкое это рудокопское дело. Грохот бурильных машин, погрузчиков, рудовозных автомобилей в ограниченном пространстве очень силен, а защитный шлем и вата в ушах, кажется, еще больше тебя глушат. Сверла перфораторов охлаждаются водяными струями, кое-где влага просачивается из породы. Сильно пахнет дымом: годовой расход взрывчатки на руднике — десять миллионов килограммов, да дизельные двигатели машин отработанных газов поддают. Из-за сырого и чадного сквозняка хочется скорей наверх.

Горняки работают тут по восемь часов, в три смены. Работа есть работа, ее надо делать, но восемь часов многовато. И лечебного питания нет, дополнительных дней к отпуску тоже, и никаких тебе надбавок за вредность, ни «северных», ни «прогрессивок». «Все это входит в основную зарплату рабочего»,— сказали нам представители администрации. А «звонок», срок выхода на пенсию кирунского горняка,— шестьдесят три — шестьдесят семь лет.

— Наши рабочие проводят свои отпуска на Канарских островах, — внушительно пояснил представитель администрации, когда я поинтересовался подробностями условий труда и отдыха горняков Кируны.

— Сколько человек за прошлый год там отдохнуло?

— Мы такого учета не ведем.

И вот поднялись наверх, приехали в городскую ратушу с модерновой колокольней, на которой два десятка колоколов вызванивают какие-то мелодии и бухает полуторатонный «Кирун». Вот уже обедаем в городском ресторане «Железо», а я все думаю о среде, в которой работает кирунский горняк. Нет, недаром этот район называют в Швеции «красным севером», недаром здесь на выборах за коммунистов голосует примерно в пять раз больше избирателей, чем в Стокгольме. Нет, нельзя упрощать это фундаментальное понятие — окружающая среда! Конечно, можно считать деревца, перебирать цветочки, умиляться зверушкам, это тоже будет окружающей средой, да только с недоверием, чтобы не сказать больше, я стал относиться в последнее время к себе и другим, сужающим, подменяющим односторонностью великую проблему «человек и среда», в которой клокочут действительные человеческие страсти, разыгрываются страшные людские драмы...

К сожалению, мне не пришлось побывать в рабочих забоях и на обогатительных фабриках, но вот подлинные, с магнитофона голоса горняков Кируны трех разных профессий.

Первый рабочий. «Пятнадцать лет я работал по укладке рельсов, работа неплохая, но в последние годы мне было трудно. Каждую шпалу нужно врыть, грунт твердый, клинья забивать трудно, звенья рельсов приходится тащить на себе, в штреках узко, рельсы надо сращивать, а потом, после отпалки, их снова приходится соединять и ставить на место. После отпалки копать тяжело, воздух плохой, газ. Но когда человек молод, ему ничего не страшно. А со временем и сноровка приходит.

Уж очень сильно потеешь, когда работаешь при газе. Теперь, между прочим, тоже под землей не лучше. Много выхлопных газов. Все машины с дизельными двигателями. Горняки жалуются. Говорят, будто врачи на стороне компании. Но сам я не знаю, я никогда не был у врачей.

Люди упрямы. Они все равно будут работать, даже если тяжело, пусть их тошнит, пусть они кашляют... Под

землей больше платят, все боятся, что на другой работе будут меньше получать. Думают только о заработке. На здоровье наплевать.

А вот с выслугой лет — несправедливо. Служащие, ну, например, мастера, ведь они тоже не кончали никаких особенных школ. Компания организовала для них краткосрочные курсы, они поучились, сдали экзамен и стали мастерами. Проходит несколько лет, и мастер начинает получать за выслугу лет. А рабочий? Когда рабочий заболевает и не может больше выполнять ту работу, за какую ему прилично платили, вот тут-то его зарплата и снижается. А мастер с каждым годом получает за выслугу лет все больше и больше.

Некоторые очень выносливые. Но ведь не все такие. Я знал одного рабочего. Он вкалывал пять лет. И не думал о здоровье. После отпалки он первый приходил в штрек. А в это время в штреке дым и газ такой, что не продохнешь. Но он уже там со своим «поросенком» («поросенком» мы зовем специальную погрузочную машину). Спустится в штрек и давай грузить. Он себя не щадил. Дыма и газа в штреке было столько, что он даже не видел своего «поросенка», а только слышал, как тот гудит. Бывает, отвернешь кусок породы, и пойдет газ. Мы тоже иногда травились газом, когда спускались в штреки крепить рельсы. Сперва газ не чувствуется. А потом начинает болеть голова и рвет. Мы его много раз предупреждали и спрашивали: «Как думаешь, надолго тебя хватит, если ты будешь так вкалывать?» Ну, он и выдохся. Израсходовал себя полностью, больше у него сил не осталось». А был хороший рабочий. Где он теперь, даже не знаю.

Второй рабочий. «С тех пор как я начал работать на обогатительной фабрике, меня донимают две вещи. Во-первых, грохот. Мне кажется, что все мое тело состоит из ушей, которые вот-вот лопнут, даже колени и те превращаются в уши...

Мне кажется унизительным, что в течение всей смены люди из-за грохота не могут даже словом перемолвиться. Общаешься только с помощью жестов. Поднимешь вверх ладонь — это означает «все в порядке». Ну, а если хочется что-то рассказать, поделиться новостями, высказать свое мнение, надо ждать восемь часов — до конца смены...

Простоишь полсмены и чувствуешь себя перемолотым этим адским грохотом. Единственное, что слышишь,— когда нажмут на кнопку и остановят все машины. И тогда кажется, будто с твоих плеч сняли тяжеленную ношу.

Мы пробовали затыкать уши стекловатой и сверху надевать шлем, лишь бы не слышать грохота. Но чтобы это помогало, шлем должен сидеть на голове так плотно, что нарушается кровообращение. А чуть только ослабишь шлем, грохот обрушивается на голову, словно удары кувалды. Дома, уже несколько часов спустя после смены, все кажется, что ты еще в шлеме. Я думаю, что от шума страдают не только уши. Слышал, что люди заболевают от шума, даже если уши хорошо защищены.

Специалисты говорят, что шум не опасен для здорового, гармоничного человека. Если человек о нем не думает. А как же можно о нем не думать? Мои приятели, например, говорят, что звукоизоляционными шлемами пользоваться опасно. Не услышишь, если что случится...

Я боюсь будущего. Я не хочу лишиться контакта с людьми. Я хочу летом слышать и сверчков и все лесные шорохи. Я знаю людей, они немногим старше меня, а сверчков уже не слышат. Я видел много пожилых рабочих, которые очень сильно пострадали от шума. Они сделались такими подозрительными...

А то, что человек постоянно находится в напряжении? У многих лица дергаются от нервного тика».

Третий рабочий. «Мне было сорок лет, когда я начал работать в ЛКАБ, меня приняли в виде исключения, обычно таких стариков не берут. До этого я был лесорубом и дорожным рабочим. На руднике я сначала работал на погрузке, потом — бурильщиком. Все было хорошо, да пальцы начали неметь. Они делались совсем белые, как бумага. Это из-за воды: инструмент приходится держать так, что вода все время течет в рукавицы. Иногда по утрам пальцы у меня были совершенно мертвые. Я ими ничего не чувствовал, жена могла бы их отрубить, я бы и не заметил. (Смех.) Теперь стало лучше. Легкие у меня в полном порядке. А вот бронхи подкачали. Врач сказал, что это хроническое, с этим уже ничего не поделать. Ночью или утром, когда просыпаюсь, горло так и дерет от сухости и дышать трудно, надо полоскать. Но легкие

здоровы. У нас на руднике строгий контроль. Врачи. И за слухом тоже следят. Правда, слуха-то я лишился. Из-за машин. Как раз когда у меня начали неметь пальцы, я заболел еще и ревматизмом. Пальцы прошли, а вот ревматизм остался. Врач сказал, что эта болезнь не проходит, но полегче мне станет. Только надо следить, чтобы ноги были всегда сухие. А на обогатительной фабрике я не обращал на это внимания и работал по колено в воде. Ревматизм сразу же дал себя знать. А с бронхами это не опасно, только вот одышка и потеешь все время.

Это я заработал под землей. Там тяжелый воздух. Нечем дышать. Проработаешь в таком воздухе целую смену, а потом долго не можешь откашляться, и мокрота совершенно черная...

При мне один рабочий потерял зрение. Он очень хорошо пел. И работал тоже неплохо. Он не продул старое отверстие, перед тем как начал бурить. А продувать надо, там ведь может остаться динамит после отпалки. Он начал бурить, динамит взорвался, ну он и ослеп. Ему было сорок лет».

Эти потрясающие монологи записала в Кируне и опубликовала шведская писательница Сара Лидман, отдавшая потом гонорар за свою книгу — десять тысяч крон — в фонд помощи бастовавшим кирунским горнякам. Во время этой последней большой забастовки на руднике, возникшей без согласия и финансовой поддержки профсоюзов, писательница объездила всю Швецию, собирая для горняков деньги. Рудокопы бастовали тогда почти два месяца, получая в день по двадцать крон,— меньше, чем они зарабатывали за час, и ни за что бы не выдержали, если б не семь с половиной миллионов крон, собранные для них шведским народом...

Сейчас вот цитирую в русском переводе отрывки из книги Лидман, перечитываю, не имея сил удержаться, ее записки полностью и вспоминаю услышанное здесь, на Севере, присловье: у саами-де были древние боги, и в каждом из них соединялось доброе и злое начало, но потом тут появился дьявол, которому теперь много работы...

3. «КАПИТАН БАЛАКЛАВА»

В окрестностях Лулео, центре леса Норботтен, — сосняк-тонкомер, белесый мох на лесных прогалинах. Воздух невесомо легок, краски пастельно мягки. Север.

Городок не старый и не молодой, компактный, обихоженный, малолюдный. У набережных тяжело плещутся серые волны Ботнического залива. На дальней окраине, в чаду и копоти, высятся трубы и печи металлургического комбината.

Нежданная, поразительная встреча ждала меня в Лулео. Когда машина ворвалась на центральную площадь города, я не поверил своим глазам — осанистые, густозеленые, до боли знакомые деревья стояли там. Сибирские кедры? Не может этого быть! Неужто я ошибся? Обогнули площадь, подъехали к гостинице, а я все не мог успокоиться, и спутники даже обратили внимание на то, как я выворачиваю шею, щурю глаза и поправляю очки. Бросив чемодан в номере, выбежал на площадь. Да, характерный темный ствол, тяжелые, кустистые ветки, пять хвоинок из каждого ростового гнездышка. Сомнений нет — сибирский кедр, ореховая сосна!

Увидев родные кедры, с которыми у меня связано столько воспоминаний, переживаний, сбывшихся и несбывшихся надежд, я был счастлив. Счастлив вдвойне, потому что застал эти деревья, полные элегической меланхолии, в пору их высшего благоденствия — они цвели! Скромные серебристо-палевые сережки и темно-малиновые бутончики такого яркого цветового оттенка, что всегда дивишься ему, будто впервые видишь, покрывали пепельными и гранатовыми гроздьями молодое охвоение вершин, спускались по малахитовой горе вниз, редели, совсем исчезали на отвислых, разлапистых, самых старых сучках. А что это за чудо? Кедры плодоносили! Молочные, округлые, прошлогодней завязи шишки кучно и поодиночке отягощали лохматые ветки. Они были

сине-фиолетовыми, но вот-вот начнут коричневеть, светлеть, а к осени золотые короны украсят царственные головы кедров...

Их девять на площади Лулео, задумчивых и спокойных. Им хорошо здесь, иначе бы они не цвели и не приносили семян. Я бы даже сказал, что они чувствовали себя прекрасно, потому как цвели подряд, без обычного для них двух- трехлетнего перерыва на отдых, и я заметил несколько полновесных шишек так низко, что их можно было потрогать. А такое в наших кедрачах не встретишь, разве только в каком-нибудь распоследнем сибирском кедросаду, чудом сохранившемся с незапамятных времен. Знать, почвы северной Швеции подходят кедру, и влаги ему, знатному водохлебу, тут предостаточно, и солнце этих широт растягивает вегетационный период, а любые холода — при его-то сибирской закалочке — ему нипочем.

Но каким, условно говоря, ветром занесло сюда сибирские кедры? Северная граница их ареала проходит намного южнее. Самый сильный ветер не сможет занести в такую даль от родины тяжелое кедровое семя, и кедровка не долетит сюда со своей захоронкой. Ясное дело, кто-то их посадил тут, на площади. По состоянию коры, сближенным мутовками, соотношению размеров ствола и кроны я определил, что живут здесь кедры лет сто восемьдесят — двести. Давненько...

Может, какой-нибудь сибирский купец торговал тут когда-то, завез и прорастил орешки? Ведь давней порой кедровый орех как масличный продукт международной торговли покупали у нас и Персия и Англия. Возможна и другая версия. До сих пор по северу Европейской России вокруг бывших монастырей стоят искусственные кедровые рощи, и, может, оказался здесь какими-то судьбами лет двести назад беглый монах, который у себя на родине был садовником обители. Не исключено, что семена кедров завезли с Тобола или Томи еще раньше, в петровские времена, плененные солдаты и офицеры Карла XII. Целых одиннадцать лет прожил в Сибири, например, шведский капитан Ф. И. Страленберг (Табберт), о котором надо бы сказать несколько слов, потому что в ссылке он сделал одно замечательное открытие, прославившее его в европейском ученом мире.

Наши научно-популярные журналы в последние годы много писали о наскальной пещерной живописи, найденной в Сахаре, во Франции и в других местах. И сдается, древнейшую заграничную живопись мы ныне представляем куда лучше, чем свою, отечественную. А ведь на территории нашей страны есть немало замечательных картинных галерей, созданных первобытным человеком, чья кровиночка, быть может, микроскопической струйкой течет в тебе и во мне.

Родом я с водораздела сибирских рек Томи и Чулыма. И еще школьником слышал, что в нашей Кемеровской области есть немало приречных расписанных скал. Позже я увидел эти выразительные рисунки, изображающие охоту,— петлю на ноге лося, копье под сердцем зверя, животных — медведей, лошадей, собак, священных птиц — журавля и сову, божества и чудовища. Древнейшим художникам нельзя было отказать в реалистичности, творческой фантазии и трудолюбии. Один из казаков, в числе первых пришедший с низовьев Томи на ее среднее течение, задолго до Табберта так описывал эти скалы: «Не дошед острогу на краи реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем: писано звери, и скоты, и птицы, и всякие подобия, а егда по некоторому прилучаю отторжется камень, а внутри того писано якож и на краи».

Для европейской науки Томские писаницы открыл Табберт. Он первым воспроизвел их, скопировал и напечатал в Стокгольме в 1730 году. Интерес к этому открытию был так велик, что Томские писаницы позже посещали и описывали множество ученых, в том числе знаменитый Брем, автор непревзойденной «Жизни животных». А первооткрыватель их еще немало сделал для познания Сибири. Он участвовал в далеких научных экспедициях, интересовался этнографией сибирских народностей, составлял чертежи неведомого края и в той же книге, где были помещены наскальные рисунки, опубликовал карту, на которой впервые в заграничном издании с астрономической точностью указал местоположение сибирских городов. Конечно же, такой человек не мог не заинтересоваться кедрами, заполонявшими в те времена весь бассейн реки Томи. И кто знает — не вывез ли Табберт на родину семена этих экзотичных, с точки зрения шведа, деревьев?

Кедры в Швецию, думал также я, могли попасть через посредничество Карла Линнея. Великий натуралист первым приблизил к изящному завершению громадный и бесформенный ворох ботанических знаний, накопленный к его времени европейской наукой. Специалисты давно подытожили также заслуги Линнея в медицине и зоологии, но мне хочется здесь хотя бы мимоходом познакомить читателя с неповторимой личностью ученого, потому что любой представитель той или иной нации несет черты психического склада своего народа, и, узнав кое-что о Линнее, мы узнаем нечто и о шведах.

Наиболее яркий и полный портрет Линнея нарисовал незадолго до своей кончины он сам. Эта недавно переведенная на русский язык «объективка» так любопытна, что я приведу несколько выдержек из нее:

«...Фигура средней величины, скорее низкая, чем высокая, не тощая и не жирная, средней мускулистости, уже с детства с выдающимися венами.

Голова большая, сжатая, с затылком выпуклым и по шву поперек сжатым, волосы в детстве белокурые, потом более темные, в старости серые. Глаза карие, живые, очень веселые и острые...

С открытой душой, легко сердившийся, радовавшийся и печалившийся, он быстро успокаивался; веселый в молодости, в старости был спокойным; в работе чрезвычайно быстрый, в движении скорый и легкий...

Домашние заботы предоставлял супруге, сам интересовался только произведениями природы; начатые дела доводил до конца и в пути не оглядывался назад.

Он был ни богатым, ни бедным, но боялся долгов. Он писал свои труды не из корысти, но из чести...

Он неохотно притворялся и лицемерил; в высокой степени ненавидел все, что называется высокомерием; спал зимой от 9 до 7, но летом с 10 до 3; записывал коротко и выразительно все, что разрабатывал; читал на Земле в камнях, растениях и животных, как в книге; был один из сильнейших наблюдателей, которых мы знаем; был поэтому творцом, а не компилятором...

После того как в 1750 г. он был в когтях смерти от подагры, он излечился земляникой, он ел ее каждое лето так долго, как она длилась, и так много, сколько мог достать и съесть, посредством чего он не только полностью излечился от подагры, но получил от этого и пользу,

большую, чем другие от водолечений, а также победил и цингу, которой страдал каждую весну с молодых лет».

Во все времена, однако, человек был интереснее и сложнее, чем он о себе думал, и я расскажу о нескольких поступках Карла Линнея, связанных с особенностями его характера.

Однажды немецкий ботаник Сегезбек, служивший в Петербурге, человек недалекий и неуживчивый, с которым Линней, однако, поддерживал переписку и посылал ему семена, вдруг выступил со злобной критикой взглядов Линнея на половую систему растений, обвинив научные принципы своего учителя в нецеломудрии, безнравственности. Линней не отвечал на критику в печати и даже прокламировал: «Я никогда не возвращал своим противникам стрелы, которые они мне посылали». Не удостоил он ответом и Сегезбека, послав все-таки в его адрес несколько необыкновенно острых и смертельно ядовитых стрел. Одно из открытых и описанных им растений, неказистое и неряшливое с виду, покрытое щетинками, за которые цеплялся всякий мусор, было названо им Sieqesbechia. Только этого ему показалось мало. В один прекрасный день Сегезбек получил посылку с семенами, среди которых значилось загадочное растение Cuculus ingratus. Сегезбек с нетерпением оживил семя и высадил росток. Когда травка показалась, стало очевидным, что это и есть та самая Sieqesbechia, доставленная в Петербург под псевдонимом Cuculus ingratus, что означает «Кукушка неблагодарная».

А спустя много лет, когда Сегезбек за сварливость и научную несостоятельность уже был отчислен из Петербургской Академии и отбыл на родину, Линней добил своего оппонента окончательно. Он оставил потомкам полушутливый список «членов офицерского корпуса Флоры», начав его так: «Генерал: Карл Линней, упсальский профессор». Далее шли полковники, майоры, лейтенанты, прапорщики,— немцы, французы, голландцы, англичане. Заканчивается этот интереснейший реестр убийственно: «Фельдфебель: Сегезбек, петербургский профессор». Безжалостно, конечно, однако поделом — история науки подтвердила правоту Линнея, который не мог тогда знать, что сразу же по приезде в Петербург Сегезбек

подал в Академию доклад со своими возражениями против системы Коперника...

Издалека и со стороны кажется, что в XVIII веке, не знавшем не только радио и самолетов, но даже паровозов и телефонов, контакты между учеными разных стран были слабыми и случайными. Связи почетного члена Петербургской Академии наук Карла Линнея с первыми русскими ботаниками были постоянными, плодотворными и дружескими. Он переписывался с С. Крашенинниковым, знал и высоко ценил работы Ф. Миллера, И. Гмелина, П. Палласа, Г. Стеллера и других обрусевших иностранцев, посылал им и получал от них книги, рефераты, гербарии, семена.

Советский исследователь доктор биологических наук Е. Г. Бобров, которому я благодарно обязан за эти сведения, вскрыл интересные и поучительные подробности стародавних контактов шведской и русской ботанических наук. Когда, например, в 1746 году близ Тобольска умер, возвращаясь из путешествия, Стеллер, Карл Линней забеспокоился о судьбе его последних работ и коллекций. Русский промышленник Григорий Демидов, позаботившийся о сохранности научного наследия Стеллера, послал Линнею дубликаты коллекций с просьбой определить и описать растения. Между прочим, у этого Демидова, живо интересующегося наукой, был под Соликамском ботанический сад, в котором кроме сибирских и уральских эндемиков росли кактусы, пальмы, лавры, цитрусовые и кофейные деревья. А в 1760 году он послал в Упсалу трех своих сыновей. Они проходили у Линнея выучку по трем царствам природы, и великий учитель высоко отзывался о способностях юношей. Один из них, Павел Демидов, позднее познакомился с другим выдающимся натуралистом, французом Бюффоном, закончил Геттингенский университет и Фрейбергскую горную академию. Возвратившись в Россию, он стал советником Берг-коллегии, но прославился больше как меценат и коллекционер. Учредил на свои средства так называемый Демидовский лицей, отказал большие деньги на строительство университетов в Киеве и Тобольске. Его последний дар, возросший до ста восьмидесяти тысяч золотых рублей, был употреблен потом на открытие Томского университета. Ценнейшая библиотека Павла Демидова и его обширные коллекции по естественной истории, описан-

ные в трехтомном сочинении 1807 года, были пожертвованы им Московскому университету.

Из других учеников, защитивших диссертации под научным руководством Карла Линнея, можно вспомнить «русско-сибирского дворянина» Александра Карамышева и москвича Матвея Афонина. Первый позже стал членом Российской Академии наук и Стокгольмской академии, второй — профессором Московского университета.

Надо бы заметить, что биологическая наука начиналась с описательной ботаники, а любительское коллекционирование растений было довольно распространено в России. У одного из таких любителей, Прокопия Демидова, сродного брата учеников Линнея, содержался в Москве на территории, занятой теперь Нескучным садом и учреждением Академии наук, богатейший ботанический сад, описанный еще Петром Палласом. В каталоге, изданном в 1786 году владельцем собрания, значились почти четыре с половиной тысячи различных растений — в три с лишним раза больше, чем в саду самого Линнея.

Карл Линней, будучи страстным собирателем — в Упсале у него росло, согласно подробной описи Александра Карамышева, 119 сибирских растений,— писал в 1764 году шведу Эрику Лаксману на Алтай, где тогда работал этот член-корреспондент Российской Академии наук: «Из сибирских растений у меня едва сотня живых в саду. Никакие другие растения так хорошо не растут в наших садах, как эти. Англичане и французы посредством многих и редких дерев и растений, привозимых ими из Северной Америки, превращают сады и замки свои в рай, но у нас эти североамериканские растения не принимаются так хорошо и редко достигают зрелости. А сибирские придали бы садам нашим новое великолепие, и Вы, государь мой, можете украсить отечество наше и сделаться бессмертным в потомстве, если будете высылать мне семена трав, растущих в Сибири в диком состоянии...»

Впрочем, кто бы ни укоренил кедры в столице Норботтена — швед или русский,— я был уверен в одном: человек этот любил свою родину, знал природу и чувствовал ее красоту...

Должен признаться, что в поездку по Швеции я взял с собой две семенные кедровые шишки, привезенные в прошлом году из Сибири, снятые с дерева в кедровнике возле родной моей Тайги. Я предполагал, что встречусь тут с лесоводами, подарю им семена кедров, посоветую, как их прорастить, и о кедре расскажу, его орехах. В них ведь жиру до семидесяти процентов, белков в жмыхе в четыре раза больше, чем в пшенице, а само дерево, скажу, красивое, долгоживущее, годится на мебель и карандаши; я, мол, заинтересовал им немецких лесоводов, понимающих толк в деревьях, и даже на священной японской горе Фудзи семь лет назад посадил семь семигодовалых кедров...

Однако зачем, думал теперь я, дарить семенные шишки в Лулео, где уже есть свои, местные семена? Только вот собирает ли их кто-нибудь? Навряд, потому что за кедрами, замечательно украшающими центр города, ухода, как я заметил, никакого нет. Подстилка вокруг вытоптана, под самым большим и красивым деревом утрамбованный песок, а в могучий ствол его было зачем-то забито множество гвоздей. Должно быть, здешние дети, беря пример со своих отцов и праотцев, относятся к этим кедрам, как к чему-то вечному — небу, земле или камням. А назавтра в парке, окружающем резиденцию губернатора, я увидел еще один кедр, десятый. Он роскошно цвел под солнцем, и ему было весело в окружении молодых берез. Но как он все же попал сюда в восемнадцатом или в самом начале девятнадцатого века?

Рагнар Лассинантти, энергичный и гостеприимный губернатор Норботтена,— местный, из финской семьи. Знает свои северные края, рассказывает о них интересно, подробно и, кажется, умеет создавать и им и себе популярность. В книгу о Норботтене разрешил поместить свою фотографию — сидит в сауне, финской бане, прикрывшись веником, и смеется. Он любит и понимает шутку. С серьезным видом объясняет, что в Швеции обитают четыре национальности — шведы, финны, саами и... жители долины Луле-эльв, говорящие по-шведски и по-фински. Вручил я ему свою книгу, изданную на финском,

он тут же ответил точно таким подарком и, приложив острейшую финку в кожаном чехле, с костяной ручкой, украшенной саамской вязью, сказал:

— Для самозащиты, на всякий случай. На севере, конечно, не потребуется, гарантирую, но вы же отсюда едете в Стокгольм...

Губернатор говорит, что еще в шестнадцатом веке шведский король Густав I стремился к Ледовитому океану, чтоб торговать с Северной Русью. Что ж, это интересно. Может, до шведов доходили слухи о новгородских владениях по Белому морю, о богатых вотчинах Марфы Пасадницы, о многоотраслевых монастырских хозяйствах Поморья, о сокровищах именитых людей Строгановых, торговавших даже с Китаем? К тем временам, когда шведский дворянин Густав Ваза поднял народное восстание против засилья датчан и стал королем, на Колу и дальше — по Студеному морю — ходили русские люди. И еще один любопытный факт узнал я от губернатора: до конца девятнадцатого века, пока не прошла в Лулео железная дорога, часть продовольствия и так называемые колониальные товары завозились сюда из Архангельска, через землю саами.

Норботтен занимает четверть территории Швеции. Здесь добывается основная часть шведской железной руды, есть значительные залежи меди и свинца, семнадцать процентов лесных запасов страны, треть гидроэнергии. Лен дает пятнадцать процентов всего экспорта Швеции, располагая всего тремя с половиной процентами населения.

— У нас оленей столько же, сколько людей,— серьезно шутит губернатор.

И есть еще богатства в Норботтене, которые трудно оценить в кронах и процентах,— свободные просторы, чистые, уловистые реки, и сейчас сюда приезжают двести тысяч туристов в год.

О кедрах я не стал спрашивать господина губернатора: мне было бы неудобно, если бы он не знал, откуда в Лулео взялись сибирские деревья.

На вместительном прогулочном катере «Стелла Мария» плывем вдоль города, причалов, разгрузочных площадок для руды, мимо государственного металлургиче-

ского комбината. Сеется мелкий дождик, все вокруг в туманной мари, однако на катере весело: песни, аккордеон, громкий говор, шахматы, сигареты, кофе. На носу катера укреплены большие осиновые ветки, играют на ветру зелено-белесым листом. Наступает традиционный шведский праздник Середины лета, по-нашему Ивана Купалы, и администрация, общественность города пригласили нас на эту прогулку. Может, тут я найду человека, что знает историю кедров? А пока разговариваю с техническим директором металлургического комбината Джоном Олофом Экстрёмом, сдержанным, серьезным человеком.

— Бывали у нас? — спрашиваю.

— Никополь, Таганрог, Рустави,— говорит он, и переводчика не надо.— Новолипецк...

— А на Череповецком заводе?

Он кивает, поднимает большой палец, и снова переводчика не надо.

— Трудное хозяйство? — гляжу я на дымы.— Помногу работаете?

— Иногда часов по пятнадцать не вылазишь с завода. И всегда больше нормы. А как же — чугун, сталь, прокат. Между прочим, вашим специалистам-металлургам тоже достается. Горячий цех...

По сравнению с Магниткой или, скажем, Кузнецком комбинат в Лулео небольшой: дает в год всего полмиллиона тонн чугуна, столько же стали и до трехсот тысяч тонн проката, в основном для судостроения. Так вот откуда те десятитонные стальные листы-плиты, по которым я ходил на «Гётаверкен»! Комбинат расширяется. На это отпущено полмиллиона крон. Скоро будет построена своя коксовая батарея, и здесь надеются на наш уголь, а пока весь кокс ввозится, в том числе и из Советского Союза.

— А как насчет дымка?

— Дымим, как все металлурги на свете,— говорит господин Экстрём, заглядывая в иллюминатор.— Завод строили в тысяча девятьсот сороковом году, когда газов и дымов так не боялись, но расположили нас хорошо, по розе ветров. Дымы отдувает в сторону от города. Однако ветер все же не запрограммируешь, горожане прижимают нас в последнее время, заставляют шевелиться.

— Ну и что в перспективе? — спросил я, думая о том, что действительно отдувает, иначе бы кедры давно погибли.

— Стояли у нас электрические очистители, сейчас появились водяные, более эффективные. Меняем. Заказываем новейшее очистительное оборудование на наших фирмах и в Австрии. При расширении комбината намечено вложить в очистку отходящих газов и дыма тридцать миллионов крон, почти пять процентов всех средств. Так что эту проблему можно решить. Куда сложнее с рудой. Зимой залив забивают льды, в районе города на десятках гектаров скапливаются завалы руды.

— Так что?

— Пылит, засыпает все, и средств против этой беды нет.

Для меня это была совсем новая проблема, я наметил себе поинтересоваться ею дома — вдруг у нас чего-нибудь такое придумали, а тут прогулка подходила к концу, и я ничего не узнал о кедрах.

— Влияют ли пыль и дымы на зелень города? — осторожно спросил я, полагая, что у металлургов, кроме кедра, хватает своих забот.— Может, кто-нибудь здесь ведает городским парковым хозяйством?

— Поищем.

Нашелся такой человек. Нильс Мальмгрен, коммунальный советник городского управления, рассказал, что место здесь очень интересное. Почвы плодородные, солнечного времени больше, чем в самой южной точке Швеции, хорошо растут картофель и огурцы. Северная природа дает много оленины, рыбы, морошки. Оранжереи есть в городе, и парковое хозяйство ведется. Имеется даже должность городского садовника, но сейчас она свободна...

— Нет, не замечаю, чтоб дымы, газы и пыль подтравливали зелень. Смотрите, какие заросшие острова! Их тут четыреста штук.

— Интересно,— заметил я, все еще не решаясь заговорить о кедрах, хотя надо было спешить — к ночи программа уплотнялась, рано утром мы улетали, и я терял всякую возможность что-либо узнать.— Но почему на островах нет хвойных деревьев?

— Не успели поселиться. Это ведь молодые острова. Под нами тут что-то происходит, и побережье поднима-

ется примерно на метр в столетие. Берег продвигается в залив, острова растут, и все время появляются новые.

Это и вправду было интересно, только как бы поближе к кедрам?

— Господин Мальмгрен,— решился я, все еще опасаясь натолкнуться на огорчительное неведение.— У вас в городе растут сибирские кедры. Pinus sibirica Mayr. Десять экземпляров.

— Да,— с любопытством взглянул на меня собеседник.

— Откуда они тут взялись?— спросил я о главном, инстинктом чувствуя, что узнаю сейчас нечто особенное.

Коммунальный советник оживленно, таким же образом поглядывая на меня, начал что-то объяснять Мише Сульману, нашему переводчику, сыну бывшего шведского посла в Москве, я улавливал одно только слово «Балаклава» и крепко засомневался — какие же в Крыму кедры? Помню, я облазил весь Никитский ботанический сад, полюбовался и ливанскими и гималайскими кедрами, но наших, сибирских, не нашел — не могут они там прижиться, не климат.

Узнал я все же, как попали кедры в Лулео. Морем.

Береговая линия Швеции тянется на тысячи километров, и со времен викингов шведы плавают по далеким морям-океанам. Немало знаменитых капитанов родила эта земля. О капитанах пиратских кораблей не стану говорить, хотя как дань парусной романтике в Гётеборге сохраняют старинный особняк, когда-то принадлежавший легендарному пирату Ларсу Гатенхьельму, и недаром, видно, известная всему свету эксцентричная шведская девчонка Пеппи Длинныйчулок мечтает пойти в морские разбойники.

О прославленных военных капитанах тоже умолчу: не к месту, хотя об одном из них стоило бы книгу написать. Правда, Йон Эриксон был армейским капитаном и больше изобретателем и искателем, чем капитаном, однако все моряки мира чтут его память. Эриксон первым снял с парохода архаичные гребные колеса с плицами, дейст-

вующими по принципу весла, и заменил их винтом, прообразом будущего пропеллера. Потом Эриксон уехал в Англию, где создал первый в мире насос, качающий воду энергией пара. Первый винтовой пароход, пересекший Атлантику, был построен Эриксоном, и капитан этот приплыл в Америку очень кстати — во время гражданской войны между Севером и Югом он построил для северян первый винтовой броненосец с вращающейся орудийной башней. Южане-рабовладельцы ничего не смогли противопоставить скорости, неуязвимости и мощи «Монитора», признали свое поражение на море. Позже американцы с военными почестями на броненосце перевезли прах Йона Эриксона в маленький шведский городок Филипстад, на родину капитана, установили у могилы орудия с «Монитора»...

А теперь мне хочется сказать доброе слово о шведских капитанах торговых судов. Вместе с мореходами других стран эти большей частью безвестные труженики еще во времена парусного флота свершили на своих утлых суденышках великое историческое дело. Капитаны эти были первыми людьми, установившими глобальные связи между континентами и народами. Романтики на море всегда было куда меньше, чем тяжкого труда и опасностей, а в те далекие времена особенно. Неизведанные рифы и мели, штормы, тайфуны, айсберги, корсары, оледенения, болезни, голод и жажда превращали в подвиг каждый дальний морской рейс за пряностями или пенькой, шерстью или ворванью, чаем или шкурами. И чаще всего ни судно, ни груз не принадлежали капитану, извечному труженику моря.

Одним из таких капитанов был швед из Лулео, привезший сюда сибирские кедры. Неизвестно, как он выглядел. Воображение рисует традиционные баки и бороду, неизменную можжевеловую трубку в зубах, зюйдвестку из грубой материи, пропитанную жиром, видавшую виды робу, сапоги с высоченными голенищами. Не знаю, на чем он плавал — на клипере или бриге, но вероятней всего — на так называемой шняве, очень популярном, как считают знающие моряки, скандинавском купеческом корабле тех времен. Не могу я объяснить, что такое шнява, однако по морским справочникам можно установить, что шнява — двухмачтовое судно, своим вооружением (на морском языке это слово означает не

боевые орудия, а парусное оснащение) «очень похожее» на бриг, но «отличалось от него отсутствием прямого грота и грот-стакселей, наличием двух блиндов и тем, что косой гафельный грот крепился своей передней шкаториной не к грот-мачте, а к установленной сзади параллельно стреле, упиравшейся в задний край грот-марса, что нижняя шкаторина косой бизани гика не имела и едва доходила до гака-борта». Сознаюсь, что у меня от морских слов начинается аллергия, и зря все же мы жалуемся на сложность современной технической терминологии...

Так вот, шведский морской капитан, наизусть знавший все выше процитированные премудрости и много больше того,— лицо не безымянное. В Ботническом заливе и за его пределами он был известен под кличкой «Капитан Балаклава». Жил он в Лулео, где той порой развернулось большое парусное судостроение. У моряков тут были крестьянские хозяйства и семьи, но, когда залив освобождался ото льда, они расплывались по белу свету. «Капитан Балаклава» ходил в Англию, Америку и Австралию, но чаще всего на Черное море, возил в Крым лес, а оттуда соль. Не раз он плавал и на Белое море, огибая Скандинавский и Кольский полуострова.

И снедала этого легендарного шведского моряка одна необычная страсть. Отовсюду, где он бывал, «Капитан Балаклава» привозил заморские растения, пытаясь их приживить на родине, в северной Швеции. Почти наверняка саженцы сибирского кедра, поразившие его своей густотой и очень похожие на маленьких медвежат, он привез с Соловецких островов. Дело в том, что там, в Савватиевском монастыре, был прекрасный дендрарий, почва которого обогревалась горячим воздухом от печей, текущим по невидимым, закопанным в садовую землю трубам. В монастырском саду жили сотни диковинных растений, цвели и плодоносили южные фрукты. А вокруг монастыря с пятнадцатого века росла чудесная кедровая роща, которая, кстати, по сей день жива, и — диво дивное!— лесные ученые обнаружили, что это единственная искусственная роща сибирского кедра, в которой наблюдается естественное возобновление.

И вот прошло почти двести лет с тех пор, как «Капитан Балаклава» привез в Лулео кедры. Все до единого растения, что он посадил здесь, погибли. Остались только

сибирские кедры, десять могучих красавцев, доставивших обыкновенную человеческую радость нескольким поколениям жителей Лулео и продолжающих свою скромную, тихую службу людям.

На вертолетах шведских ВВС летим к саами, лопарям. Вершины плоских гор, покрытых сизо-зелеными мхами, проплывают внизу. На склонах дотаивает снег. Видно, как начинаются реки. Вот обширный цирк заканчивается узкой глубокой щелью и белой лентой срывается вниз водопад. В низинах меж гор — чахлые и редкие заросли, только что распустившие первый лист.

Озеро Лагнас, километров сто пятьдесят от Кируны. Небольшой поселок Салтулуокта на берегу, в ивняке и горной березке. Даже трудно назвать это селением. Председатель поселка Ампут Ивар Куольёк объяснил, что зимой они живут в Ёкмоке, центральном своем поселке, в обычных домах с удобствами, а олени сейчас на выпасах за сто — двести километров от этого озера. И нельзя было понять, что делают саами здесь, в Салтулуокте.

— Вы всегда в таком костюме?— спросил я.

— Нет, это — праздничное одеяние саами.

Ну, для туристов из Франции, ФРГ или, скажем, Италии такой поселок и все эти одежды с яркими рантами и вышивками — захватывающая экзотика. И многие охотно платят доллары и марки, чтобы побыть часок среди представителей оленеводческой полукочевой народности. А мне показалось, что здесь больше рекламы, чем подлинно саамского образа жизни. Да какая уж тут экзотика, если даже не разобрать было, кто кого больше фотографирует — мы жителей этого поселка или они нас. Предупредили, чтобы мы не спрашивали мужчин, сколько у них оленей: саами считают этот вопрос нетактичным. Хорошо, не станем спрашивать.

Мы в кругу мужчин. Интересуемся бытом, семейным укладом, здоровьем детей, а они спрашивают, как живут советские саами и правда или нет, что наши оленеводы могут коллективно купить аэросани. Отвечаем, что покупают не только аэросани, но вездеходы, рации и даже арендуют вертолеты. Потом говорим о весе оленей. Здесь

они мелкие, саами хотят знать подробности о достижениях советских ученых, которые вывели породу оленей значительно большего веса. Говорим о тундровых пожарах, рыбной ловле и охоте: зверя и птицы становится, мол, все меньше. Саами с благодарностью вспоминают о нашем посольстве и советских охотничьих организациях, которые недавно по их просьбе прислали в Ёкмок две пары диких северных гусей, исчезнувших здесь. Короче, разговор получился интересным, о деле, и мне показалось, всем было хорошо оттого, что он оказался несколько выше стандартного туристского уровня. «Саами» по-русски значит «люди», и эти люди понравились мне своей серьезностью, радушием, реакцией на шутку. Когда один из них спросил, есть ли в Советском Союзе комары, а я ответил, что у нас водятся комары, которые начисто откусывают уши, то все долго, со слезой смеялись.

И с женщинами разговоры были. Жена хозяина Суин Ристин угощает вкусными бутербродами с копченой олениной, горячим кофе и объясняет, что вот тут, возле печи,— главное место жилища, место хозяйки.

— А где сидит муж?

— Если хорошо себя ведет — рядом, — улыбается Суин Ристин.— Если плохо — вот там, у двери.

— Какой национальный напиток саами?

— Кофе,— смеется она.

В поселке есть церковка, сделанная в традициях саамских построек. Молодой священник в джинсах, свитере, с фотоаппаратом через плечо показывает нам священные писания, изданные на языке саами. Других книг в поселке я не увидел и вспомнил одну подробность встречи с губернатором. Я спросил его, сколько представителей десятитысячного населения саами выбрано в шведский парламент и губернское собрание. Он ответил, что таких нет, но из десяти членов губернского совета один обязательно саами, назначаемый правительством...

Интересны саамские жилища — простое и мудрое приспособление народа к природе и климату. Откровенно говоря, я не абсолютно уверен вообще-то в известном допущении, будто все люди вначале жили в естественных пещерах. Человека породил лес — только в этой природной стихии он и мог в те времена прокормиться и обо-

греться, а о пещерах в лесах я что-то не слыхивал. Чтобы защитить свои очаги от непогоды, впервые люди пускали в дело любой местный строительный материал. Основные принципы и приемы первостроителей жилищ сохранились с древнейших времен до наших дней.

Скопление русских изб называется *деревней,* потому что строились они из лесин, из дерева. Мы знаем жилища, сделанные в ракушечнике и лёссе, землянки-копанки, глиняные хаты, каменные скалы, травяные шалаши, берестяные чумы, полотняные шатры, снежные иглу, яранги из шкур, юрты из войлока, хижины из бамбука, тростника, листьев пальмы-рафии, фанзы, типи, вигвамы... Традиционная саамская *ката* не похожа ни на одно из перечисленных жилищ. Из чего, казалось бы, можно сделать тут помещение, которое способно защитить от ветров, дождей, снега, мороза, комарья? Землянка? Но сыра и мерзла земля в северной тундре. Крупновалунный камень тоже не годится для построек. Лес тут низкорослый, кривоватый, а на оленьих шкурах саами только сидят и лежат.

Ката делается так. Выбирается сухое место — взгорок, и разравнивается площадка. Из ошкуренных березовых жердей и полубревнышек многогранником возводятся щелястые стенки, переходящие повыше в конус. Эти стенки снаружи покрываются берестой (сейчас толем или рубероидом) и плотно обкладываются со всех сторон и до самого верха толстыми пластами дернины, скрепленной корнями цепких заполярных трав... Ну, отверстие в вершине конуса, закрывающиеся продухи над каждым спальным местом, очаг посредине, а ныне чугунная плита с трубой из оцинковки. Пол устлан свежими березовыми ветками, а у стен — оленьими шкурами. Все. Летом прохладно, зимой тепло. Такой дом можно быстро сделать в любом месте тундры. Остроумно и дешево. Хороший народ саами. До свидания, люди!..

А история сибирских кедров в Лулео, надеюсь, найдет когда-нибудь свое доброе продолжение. Дело в том, что мне удалось узнать настоящее имя «Капитана Балаклавы». Этого моего шведского друга звали Юхан Густав

Сундстрём. В Государственном архиве Швеции, оказывается, хранятся его корабельные дневники, и я, наверно, долго буду испытывать чувство досады, что не успел, не сумел заглянуть в них. И еще жалко, что в Лулео оказался в цейтноте — мне б хотя один денек, чтобы взрыхлить почву под кедрами да повытаскивать из стволов гвозди; должность городского садовника там свободна.

4. ЧАРТЕРНЫЙ РЕЙС

Это был рейс вдоль всей Швеции. Ни шумных городов, ни встреч. Круглое окно иллюминатора да портфель, набитый последними газетами. Можно почитать, прослушать и обработать диктофонные кассеты, подытожить впечатления от последних остановок...

Под крылом легкого, маневренного «фалькона» — шведские леса и озера. А вот и Венерн, самое большое озеро страны. Как наш Байкал, Венерн — огромная тектоническая впадина. Озеро так же красиво лежит в твердом каменном ложе, и в его воды столь же завороженно смотрятся прибрежные леса. Как Байкал, Венерн собирает множество речек и речонок, сливая их через одну большую реку Гёта-Эльв, текущую к Гётеборгу.

Об озерах Швеции можно рассказать всякое. Поделиться впечатлениями о рыбалке, например, в которой я тут однажды участвовал, и сообщить попутно о правилах рыболовства, принятых в этой стране, где рыбалка — довольно дорогое удовольствие: поймал ты в воскресенье или не поймал форель — твое дело, но только за право ее поймать заплати сумму, равную однодневному заработку квалифицированного рабочего. Правда, ловля рядовых, не столь ценных рыб стоит дешевле, а дети до пятнадцати лет, саами и рыболовы-любители западного побережья ничего не платят. Можно было бы поведать о том, как шведы отдыхают на озерах, описать белоснежные яхты, чарующие закаты, хрустальную озерную воду, изящных чаек и царственных цапель...

Но не зря в последние годы общественность этой озерной страны проявляет растущее беспокойство, недаром газеты, тревожась за будущее шведских озер, печатают о них так много деловых, гневных, подчас полных растерянности статей. Негативные последствия воздействия человека на водоемы очень разнятся по своему характеру. На Венерн мы еще вернемся, а вот сравнительно небольшое озеро Хурнборнгашён. Мировой природоведческой науке оно издавна было известно как царство птиц. Когда-то здесь гнездилось и кормилось редкое по количеству и разнообразию пернатое население. За первые тридцать лет нашего века уровень озера искусственно понижался пять раз. Обнажались плодородные отмели для земледелия, но с экономической и экологической точек зрения это привело к печальным результатам. Значительное число птиц отлетело от привычного местообитания, озеро начало катастрофически зарастать. Сейчас составлен план его восстановления и оживления, но до реализации этого проекта далеко,— как всегда и везде, серьезные природоохранительные меры наталкиваются на финансовые и правовые затруднения.

Шведов тревожат и сегодняшние беды их озер, и завтрашние. Тенденция развития энергетики, например, такова, что через десяток лет шведские ядерные установки дадут больше энергии, чем сжигаемая для этой цели нефть. Эксперты предполагают, что к концу столетия число крупных атомных электростанций возрастет до двадцати—двадцати пяти, а неизбежные и очень значительные потери тепла нарушат температурное равновесие во многих районах, загубят жизнь в части озер, вызовут серьезные экологические сдвиги в природе страны.

А сегодняшняя наиболее острая проблема — загрязнение. Озерная вода в наше время может быть обманчиво прозрачной и не содержать ничего живого, даже микробов. В один из летних дней я стал свидетелем довольно странного события. После массового купания в эту жаркую субботу многие стокгольмские блондины и блондинки вернулись домой... с зелеными прическами. Выяснилось, что все они купались в одном водоеме. Срочно взяли пробу воды — в ней оказались соединения меди, зеленящие светлые волосы. Причем зелень эта ничем не отмывалась, и диктор телевидения, комментирующий событие, посоветовал единственное — подождать,

когда волосы отрастут. Одна из газет спрашивает: «Знаете ли вы, в каких озерах Швеции можно купаться, а в каких нет?» И отвечает: «Не знаете». Потом добавляет: «И мы не знаем».

В этой стране озер до недавнего времени не существовало правил, регулирующих эксплуатацию озерных богатств, не было ни одного учреждения или научного центра, которые бы изучали озера, устанавливали для них санитарные нормы. Катастрофическое загрязнение, отравление многих водоемов заставили создать Национальный научно-исследовательский институт охраны воды и воздуха. Но это лишь начало дела, а пока немало шведских озер теряет свое значение как рыбные водоемы, места отдыха или питьевые источники. И Венерн не избежал общей участи, потому что целлюлозно-бумажные предприятия не располагают ни экономическими, ни техническими возможностями полностью обезвредить отходы. Только два завода выпускают в фиорд около Карлстада четыре тысячи литров таких отходов в секунду, то есть больше миллиона тонн за трое суток. Конечно, промышленные отходы перемешиваются с массами самоочищающихся озерных вод, однако в Гётеборге я не раз слышал, что Гёта-Эльв приносит из Венерна плохую питьевую воду.

В бассейне озера проживает около семисот тысяч человек. Трудоспособное население занято, главным образом, в деревообрабатывающей, целлюлозной и бумажной промышленности. И вот огромное озеро площадью почти в шесть тысяч квадратных километров перестало справляться с нагрузкой. С начала нынешнего столетия содержание в нем органических веществ, поступающих с жидкими промышленными отходами, возросло в четыре-пять раз. Приток фосфора в соединениях составляет сейчас полторы тысячи тонн в год. Озеро мутнеет даже в центральной части...

По всей Швеции возникают общественные группы, которые пытаются исследовать и контролировать процесс загрязнения вод. Возникла даже целая организация «Объединение по спасению нашей воды». И у шведской общественности есть уже первые заслуги перед родной природой. Полная драматизма борьба развернулась недавно вокруг строительства бумагоделательного комбината на побережье залива Лахольмсбуктен.

Пляжами этого залива пользуются сто тысяч человек; здесь шведский, можно сказать, юг — недалеко датские берега. В залив несут свои воды реки Ниссан и Лаган, на которых уже стоят целлюлозно-бумажные предприятия с плохой очисткой промышленных стоков. И вот стало известно, что на морском побережье, в районе города Хальмстада, без разрешения властей начинается новое большое строительство. Причем проектом не предусматривалась достаточная степень очистки жидких отходов.

Хозяева будущего комбината были очень солидными — половина акций делилась поровну между шведским правительством и западногерманскими фирмами, а другая половина принадлежала известным богатеям Валленбергам.

О том, что такое Валленберги в Швеции, надо бы сказать особо. Клан Валленбергов — это целая финансово-промышленная держава, контролирующая около трети всей экономики и экспорта Швеции. Глава семейства занимает кресло председателя правлений примерно пятидесяти компаний, члены клана руководят множеством фирм и корпораций. В капиталистическом мире известно немало металлургических, нефтяных, автомобильных, биржевых и иных воротил. Сказочны их богатства, обширны владения, но ни одно семейство американских или, скажем, западногерманских финансовых магнатов не располагает такой экономической мощью в границах своей страны, ни одно государство Запада не знает такой концентрации отечественных производительных сил в частных руках, как шведская промышленно-финансовая империя Валленбергов.

Опасаясь столь могучих ответчиков, прокурор вначале отказался принимать дело, но возмущенная общественность решила не отступать. Было доказано, что кольцевые течения превратят залив в зловонную клоаку и налицо явное нарушение закона об охране среды, принятого шведским риксдагом несколько лет назад. Пришлось получать особое разрешение на строительство, проектировать дорогую, но более надежную очистку.

Можно назвать это победой? Да. Частичной и частной. Потому что своекорыстный практицизм, условно ска-

жем, валленбергов не всегда и не везде наталкивается на осведомленность, организованность и правомочность так называемой общественности, которая не может к тому же опереться на социальные рычаги и науку, намечающую оптимальное использование природных богатств в соответствии с общими интересами.

Повсюду в Швеции, сойдя с поезда, самолета или автомашины, ты увидишь лес: березняки, совсем похожие на наши, сосняки, ельники, смешанное мелколесье, приполярные кустарники...

Швеция — одна из немногих лесных держав мира. В лесах ее следовало бы сделать несколько остановок, чтобы понаблюдать и сравнить. Так уж получилось, что за последние двадцать лет я изрядно поездил по русским лесам, немало высказал о них трудных слов, ни от одного не собираюсь отказываться, и мне интересно было хотя бы мимоходом взглянуть на то, как хозяйствует в своих лесах наш северный сосед.

О судьбах лесов написано немало, но время снова и снова возвращает нас к этой больной и обширной теме. Необыкновенно важна роль леса в истории народов и цивилизаций, в жизни и даже становлении человека. В самом деле, ни одна природная стихия земли — ни ледяные либо песчаные пустыни, ни водная либо воздушная среда, ни степные либо горные просторы — не могли *создать* разумное существо. Главный наш рабочий орган — рука с ее хватательной функцией могла сформироваться только в лесу. Наше зрение, слух, обоняние, вкус, осязание приспособлены к параметрам лесной среды. Наш мозг, с его удивительной способностью к анализу, синтезу, к обобщению фактов и явлений, отражает полную динамики, разнообразия и единства жизнь леса. Лес дал человеку первые орудия труда, познакомил с огнем и снабдил материалом для первых костров, а исчезая, оставлял после себя плодородный прах. Лес кормил наших отдаленных предков, снабжая их углеводами, жирами, белками и витаминами, давал им кров, защищая от солнца, ветра, дождя и мороза, спасая от хищных зверей, ядовитых гадов, иноплеменников. Из дерева делались дом и лодка, острога и соха, колыбель и гроб. Еще позже

лес предоставил человеку энергетическую основу для изначальной бронзовой и железной металлургии — древесный уголь. Подлинная же история современной цивилизации началась с изобретения бумаги и книги, материал для которых дал все тот же лес.

Возможно, далекие наши потомки будут удивляться теперешнему нерациональному способу хранения информации в книгах, газетах, журналах и лес приобретет для них совершенно новое, неизвестное нам практическое значение. Кроме выполнения важных, так сказать, традиционных функций, он может стать, например, вечно действующим и очень экономичным заводом по выработке из мертвых элементов органической массы, которая послужит основным сырьем для извлечения дефицитнейшего элемента жизни — углерода...

Приблизимся, однако, к нашим дням. Лес пока продолжает служить человеку свою верную службу. Казалось бы, дерево как строительный материал должно вскорости и повсюду уступить место стеклу, бетону, пластмассам, но вот недавно американские эксперты подсчитали, что их индустриально развитой стране в 2000 году потребуется значительно больше древесины для лесопиления, чем сейчас. Нужда в бумаге и целлюлозе будет долго еще расти по свету.

Однако люди давно заметили, что леса на Земле катастрофически быстро исчезают. Полностью обезлесено уже несколько миллиардов гектаров земной поверхности. Этот процесс продолжается. Только в Латинской Америке сейчас ежегодно уничтожается до десяти миллионов гектаров лесов, эти лесные площади занимаются сельскохозяйственными культурами. Конечно, каждое государство в лесной политике исходит из своих нужд, возможностей, потребностей, из особенностей своего социального строя, экономических и технических условий. Однако ученые всего мира приходят к общему твердому выводу, что дальнейшее сокращение лесов на Земле нежелательно и даже опасно. Дело в том, что в большинстве районов планеты время выдвинуло на первый план другие важные функции леса. Лес — это не просто лесная растительность на почве, как считают некоторые недалекие юристы, лес — не только источник строительных материалов, разнообразного технического и химического сырья, как полагают лесопромышленники. Эксперты ООН

сошлись на том, что *лес — ничем не заменимая, наиболее важная, обширная и сложная саморегулирующаяся экологическая система планеты.*

Глобальное и даже космическое значение этой уникальной системы возрастает с каждым годом. Покрывая около трети земной суши и составляя половину ее биомассы, леса исключительно активно, прямо и благотворно влияют на всю земную жизнь. Они усваивают из воздуха огромное количество углекислого газа и заменяют его кислородом, очищая и облагораживая околоземную атмосферу. Дерево — удивительная химическая фабрика, созданная природой. Занимая меньше квадратного метра земной поверхности, каждое среднее дерево создает своей листвой фотосинтезирующую площадь в несколько гектаров, а глубокими корнями добывает питательные вещества — в отличие от трав — из очень больших объемов земной толщи. Ни одна лаборатория пока не может превратить набор разрозненных мертвых элементов в живую органическую ткань, а дерево это делает с поразительно высокой производительностью и — что всего фантастичнее — при обычных температурах и давлениях.

Леса аккумулируют, преобразуют, проводят и отражают солнечное тепло. Леса служат естественной аэродинамической преградой ветрам. Ничем не заменимо воздействие лесов на круговорот воды в природе. Леса подымают урожайность полей, защищая их от суховеев, пыльных бурь, сдерживают процессы испарения влаги, противостоят водной эрозии, улучшают в зоне своего действия микроклимат. Леса дают приют диким пушным и съедным животным, взращивают под своим пологом ценные растения, источают благотворные для человека фитонциды, излучают в инфракрасном диапазоне целительные волны.

Всем этим, однако, не исчерпывается значение лесов. Большие и малые человеческие поселения создают на земле участки суши с искусственной средой, законы которой еще так мало изучены. Леса создают между такими участками буферные зоны, смягчающие негативные последствия отрыва человека от естественной природы. Они гасят шумы, уменьшают загрязнение воздуха, облагораживают пейзаж, дают человеку психологическое облегчение. И наконец, в первозданном своем состоянии

леса служат объектом для многих наук, расширяющих и углубляющих наше представление о жизни, содействуют художественному творчеству, помогают воспитанию маленьких граждан...

И при всем, как говорится, при том лес остается ничем пока не заменимым источником разнообразных материалов, ценного технологического сырья, потребности в котором, как мы знаем, непрерывно растут. По данным экспертов Организации Объединенных Наций уже к 1985 году общий спрос на лесные материалы *удвоится.*

Писать о лесах — любимое мое занятие, в некотором смысле даже гражданская обязанность, и я мог бы подробно рассказать о шведской лесной промышленности и лесном хозяйстве, но эти подробности могут быть интересными лишь для специалистов, поэтому ограничусь общими замечаниями.

Шведская промышленность славится глубокой переработкой древесины, издавна предпочитает вывозить не бревно, а то, что подороже,— высокосортные пиломатериалы, фанеру, бумагу, беленую суперцеллюлозу. Вокруг Карлстада, расположенного в северной части озера Венерн, сосредоточена четверть целлюлозно-бумажных мощностей Швеции. В бассейне Венерна растут обширные хвойные и смешанные леса, одно из главных богатств Швеции. По рекам, впадающим в него, по речным долинам очень удобно доставлять древесное сырье на озерное побережье. Есть тут также практически неограниченные запасы чистой, нужной для варки целлюлозы воды и хорошие транспортные — железнодорожные и водные — выходы на внутренние и международные рынки.

Швеция занимает первое место в Европе по производству и потреблению лесных продуктов на душу населения, и в шведских лесах можно многому научиться, многое позаимствовать. Существуют в этих лесах и свои немалые беды, да начинать с них не хочется...

В лесном деле есть одно непреложное правило — нельзя рубить больше годового прироста. Этот прирост в шведских лесах исчисляется в семьдесят восемь миллионов кубометров. Рубится же пока семьдесят три

миллиона в год. К концу семидесятых годов в стране значительно возрастет заготовка древесины для лесопиления и выделки бумаги, но особенно резкий скачок ожидается в производстве целлюлозы — от семи до тринадцати миллионов тонн. И как следствие этого неизбежного роста — рубка увеличится до восьмидесяти пяти миллионов кубометров древесины в год.

Выходит, что шведы пойдут на ежегодные перерубы, на постепенное уничтожение основного лесного капитала? Нет. Этого сделать они, вероятно, не смогут, потому что принципом лесной политики в этой стране является постоянство, непрерывность пользования лесом. Может, превышение потребности над возможностями лесов покроется за счет расширения лесных площадей? Тоже нет. Шведы лишены права сколь-нибудь значительно расширять посадки, так как у них лесной площадью признается только та земля, на которой экономичнее выращивать лес, чем что-либо иное. Кроме того, лес растет добрую сотню лет, а выход целлюлозы удвоится за десяток. Возможно, извечный европейский лесной экспортер превратится в импортера? Замечу, что многие шведские переработчики древесного сырья, следуя западногерманским, японским и другим лесопромышленникам, готовы покупать лес или щепу где и у кого угодно, везти ее хоть с острова Тасмания, если не будет другого выхода,— ведь процесс варки целлюлозы остановить нельзя. Однако в своих расчетах шведы ориентируются главным образом на отечественные леса.

Как прекрасен этот тягач-универсал! Могучая машина может спилить или свалить дерево, обрезать корневище, вершину и сучья, разделать хлыст на сортименты, собрать их в пачки и вывезти к дороге. Огромные надувные и бескамерные колеса, обладая самостоятельными подвесками, легко перекатывают через большие камни и пни, преодолевают речки и болота. Этот своего рода лесной комбайн, выполняющий за счет смены навесных орудий десятки операций, прекрасен потому, что облегчает и удешевляет тяжелую лесную работу и... сберегает лес же — он не портит лесной почвы, высвобождает силы и средства на углубленную переработку и восстановление леса.

Замечательны и рубительные машины! Для шведов прошли те времена, когда из ствола выпиливался брус, а

горбыль шел в отходы, захламляющие заводские окрестности. Рубительные машины превращают отходы в ценное сырье для лесной промышленности — технологическую щепу. Есть в шведских лесах передвижные машины, работающие от тракторного или автономного двигателя, есть агрегаты, выпиливающие брус и одновременно рубящие горбыль в щепу, которая идет на выработку целлюлозы, бумаги, древесных плит. Короче, основное направление шведского лесного дела — экономить живой лес за счет улучшения использования срубленного.

Выращивание лесов в Швеции тоже переходит на современные методы. Здесь охотно используют любой хороший опыт лесоводов других стран, постоянно изобретают свои лесовосстановительные приемы. Тяжелый, связанный с риском труд сборщиков семян, например, облегчают удобный костюм и специальные страхующие приспособления, разработанные одной парашютной фирмой. Не стану рассказывать о тепличном выращивании сеянцев по японской системе или пересадке сеянцев в бумажные рулоны — интересной новинке, изобретенной финном Пенти Нисула, скажу только, что в современном питомниковом деле произошел, можно сказать, качественный скачок.

Широко применяются в лесовосстановительной практике теплицы с автоматическим регулированием питания и освещения древесных ростков, пластмассовые патроны, блоки и контейнеры для перевозки посадочного материала, разнообразные посадочные машины. Применение одной из таких систем лесовосстановления (без посадочных машин) дает следующие итоговые показатели — затраты на саженец, если перевести на наши деньги, около трех копеек, с помощью нехитрого приспособления один рабочий за сезон покрывает юным лесом более пятидесяти гектаров, приживаемость саженцев — около восьмидесяти процентов.

Упомяну еще о трех важнейших методах повышения продуктивности лесов, также не применяемых пока у нас.

Когда смотришь на большое дерево, то невольно задумываешься о мощи природы, создавшей необхватный дубовый либо вязовый ствол и величественную крону. Незабываемое впечатление производят сосновый Тюрме-

ровский лес под Москвой или феноменальная лиственничная Линдуловская роща под Ленинградом — на гектаре там накоплено в десяток раз больше древесной массы, чем, скажем, в рядовых архангельских ельниках. Но если даже брать не эти дендрологические уникумы, а обыкновенный, привычный каждому лес, то и он всегда являет собой довольно внушительное зрелище, свидетельствующее о мощи органической жизни, расцветшей на нашей планете.

Хорошо налаженное лесное дело сводится к простым циклам — снимается природный лесной урожай, потом проводится лесовосстановление, выращивается новый лес и опять вырубается, чтобы уступить место молодому лесному поколению. Земля и солнце вновь берутся за свою титаническую работу. Но только слишком несведущие люди считают, что это может продолжаться до бесконечности. В стихийном, девственном древостое все остается в лесу — старики умирают и питают своим тленом молодую лесную поросль. Почва непрерывно обогащается и улучшает структуру. Другое дело лес эксплуатируемый, как говорится, на древесину. Со стволами вывозятся преобразованные в клетчатку питательные соли, элементы и микроэлементы, нужные для роста следующего лесного поколения. И не только со стволами. При современном интенсивном хозяйствовании из леса вывозится все — рубятся в щепу сучья, чтобы стать материалом для картона и отделочных плит из древесной крошки, собирается хвоя для приготовления витаминного корма, выдираются корневища на пневый осмол, а из коры шведы, например, делают удобрения, имеющие хороший сбыт. Лесная почва истощается, теряет плодородие, под многократным и длительным воздействием измельчается, ухудшает структуру. Другими словами, лесные почвы, как и пахотные, начинают нуждаться в удобрении, в щадящем механическом воздействии на них. Шведы отказываются от колесных тракторов на железном ходу и тяжелых траков, финны считают выгодным использовать на вывозке леса лошадей, и нередко на лесных опушках наших северных соседей можно увидеть объявление: «Въезд на тракторах и автомобилях строго воспрещен!» И что знаменательно — шведы постепенно начинают переходить к удобрению лесной земли, к искусственной подкормке деревьев.

Общеизвестно далее, что избыточное увлажнение почв сдерживает их родящую силу, и дренирование, осушение земли издавна проводится в разных странах. Леса, из-под которых спущены болота, растут быстрее, дают лучшую древесину, и финны давно осушают низинные лесные площади в широких масштабах.

И наконец, третье приспособление к растущим потребностям в лесном сырье — снижение возраста рубки. На севере страны оборотный период леса составляет сто двадцать — сто пятьдесят лет, на юге — шестьдесят — восемьдесят. Но есть в проблеме лесохозяйственного снижения возраста рубки некая деликатность, о которой надо бы упомянуть. Конечно, рубка молодого леса увеличивает отдачу лесного хозяйства, как бы вовлекая в производственный оборот резервы природы. Однако возводить в принцип, применять шаблонно повсюду эту систему опасно. В наших лесных баталиях последнего времени возраст рубки стал своеобразной высоткой, вокруг которой разыгралось немало боевых эпизодов. Сражение это не окончено и поныне. Это верно, что рубить молодой лес — значит увеличить добычу древесины там, где спелых лесов уже нет. За счет этой рубки можно оживить умирающие леспромхозы, растянуть срок полезной службы для дорогих дорог, производственной базы, жилого фонда. «Надо повсеместно и решительно снижать возраст рубки!— утверждают некоторые теоретики и практики.— Посмотрите на иностранный опыт. Долой рутинеров, пренебрегающих этим ценным опытом, консервирующих огромные запасы древесины!»

Эти товарищи безусловно не правы, пытаясь элементарным демагогическим приемом не только расправиться с оппонентами, но и скрыть правду-истину, уйти от решения назревших и, если честно сказать, очень сложных вопросов. Дело в том, что этот шведский опыт для большинства наших случаев неприменим, экономически бесперспективен и даже вреден. Шведы снимают лесной урожай в возрасте так называемой *количественной* спелости, то есть в тот момент, когда дерево быстро, в течение первых десятков лет жизни, накопило наибольшую стволовую массу. Для целлюлозы и бумаги, основных шведских продуктов — нужна древесная клетчатка. Мы

же должны брать лес главным образом в возрасте так называемой качественной, *технической* спелости, когда бревно, брус, доска обладают наибольшей крепостью, плотностью, стойкостью. Молодая, редкослойная, рыхлая лесина, да к тому же еще предварительно обессоченная, отдавшая живицу, обладая плохими механическими свойствами, быстро вбирает влагу, сгнивает, истрачивается жучком, окончательно теряет свои механические свойства. Учет этих потерь, отдаленных временем, расстоянием и разноведомственным потреблением, наладить очень трудно, однако в общем государственном хозяйстве они могут стать огромными. Так что опыт опыту — рознь...

Добавлю, что в наших лесах есть ценнейшие древесные породы, рубить которые в молодом возрасте, да еще способами, ставшими традиционными, могут только те, для кого, как говорится, закон не писан. Кедр сибирский, например, по праву занимающий таежный биологический эпицентр, к ста шестидесяти годам лишь набирает плодоносящую силу, сохраняя ее еще несколько столетий, но именно в этом возрасте порубщики, считая его спелым, сводят приемами, запрещенными законом и не обеспечивающими коренного поселенца родных моих лесов условиями для естественного возобновления. К сожалению, стало возможным бездумно и безнаказанно расширять расчетную лесосеку за счет молодняков, кедра, водоохранных и почвозащитных лесов, хотя генеральное направление развития лесного дела любой страны — в углублении переработки древесного сырья, уменьшении потерь и улучшении восстановления древостоев.

Среди других природных ресурсов леса занимают особое место и в силу того, что они при бережном, правильном хозяйствовании становятся *вечным* источником ценнейшего технологического, химического и пищевого сырья, в то время как рудные и нерудные ископаемые, а также горючие энергетические ресурсы всех видов истощимы и невосполнимы.

И леса, отдавая людям все, что могут, а часто даже и сверх своих возможностей, молчаливо ждут, когда на смену теперешнему положению придет твердая и последовательная научная, организационная и техническая политика.

Да, нет мира под оливами, но нет его также под соснами и елями. В лесах Швеции немало мучительных проблем и противоречий, временами разгораются свои словесные баталии — о способах рубок, например, о наиболее разумном использовании той или иной функции леса, о действенности лесного законодательства. Подчиненность всего лесного дела страны задаче извлечения максимального дохода все резче вступает в противоречие с общественным движением за сохранение природы. По стародавнему закону шведские граждане могут свободно проходить через любой частновладельческий лес, но вокруг множества городов и населенных пунктов страны нет никаких зеленых зон и лесопарков. Несмотря на прекрасный опыт лесовосстановления и закон, принятый еще в 1903 году, согласно которому срубленный лес должен немедленно восстанавливаться, значительная часть вырубок бросается безо всякой подготовки почвы и лесопосадок—владелец леса не может или не хочет тратить капитал, отсрочив получение дохода от него на долгие десятилетия. Более трети молодых культур создается посевом семян — способом малоэффективным, хотя при первом подсчете и дешевым.

Шведское лесное дело осложняется исключительной раздробленностью лесов, межевой чересполосицей, неизвестной у нас, в социалистическом государстве, где леса были национализированы сразу же после революции. Примерно половина лесов Швеции принадлежит помещикам и фермерам, причем эти мелкие лесовладельцы занимаются одновременно земледелием, лесной промышленностью и лесным хозяйством. Участки леса у них не велики — редко более двадцати пяти гектаров, на которых очень трудно наладить правильное и экономичное лесное хозяйствование. Из-за этой причины десятки тысяч фермеров состоят в кооперативных объединениях по совместной эксплуатации и восстановлению леса. Четвертью лесов страны распоряжаются акционерные лесопромышленные компании, завладевшие этой собственностью еще в прошлом веке — в период массового разорения шведского крестьянства. В последние годы компании значительно расширили свои владения.

Почти двадцатью процентами лесов владеет государство, а остальные относятся к категории так называемых

общественных, и я подивился царящей в них пестроте и раздробленности. В эту группу входят леса оленьих пастбищ, национальных парков, леса, находящиеся во владении церковных епархий и приходов, уездных и сельскохозяйственных общин, институтов, больниц, лесных советов, органов судоходства, управлений водопадов, военного ведомства. Выделяются также леса защитные и трудновосстановимые приполярные, леса наследственные, срочной аренды и так далее и тому подобное. При такой юридической и хозяйственной мозаике осложнено решение многих вопросов лесной политики — в частности, очень трудно рассмотреть перспективы в общегосударственном масштабе. Недаром в Швеции, в отличие от ряда других стран, отсутствуют научные или государственные наметки развития лесного дела на двухтысячный год.

Леса планеты переживают ныне кризисный, переломный период. Положение в этой главной экологической системе земли таково, что расчеты на ближайшие десятилетия и даже более отдаленные государственные планы в отношении лесов становятся необходимыми. Появляется нужда в значительном углублении таких планов, в учете обстоятельств, которым совсем недавно не придавалось никакого значения. Вот, скажем, некоторые из этих обстоятельств. Мы можем заниматься осушением лесных болот и повышать за счет него продуктивность древостоев, но как это осушение повлияет на гидрологический режим и, следовательно, на экономику и экологию обширных районов? Мы с помощью искусственных удобрений будем быстрее выращивать леса и травить химикатами вредителей деревьев, но как это повлияет на экологическую лесную систему? Что станет с лесной почвой, этой ничем не заменимой природной основой лесоводства и лесоэксплуатации? Ведь на примере сельского хозяйства мы убеждаемся, что химические удобрения вовсе не улучшают и тем более не создают почвы, они лишь питают растения. Шведские лесоводы хорошо понимают значение почвы для жизни леса, и недаром в первых двух параграфах основного лесного закона дается определение «лесной площади», то есть земли, почвы, на которой

растет лес, недаром включают ее в общее понятие «лесной капитал». Так что же станет с этим лесным капиталом, ежели будут односторонне применены достижения «научно-технической революции»?

Есть в шведских лесах и другие сложности, имеющие социальные корни. Несмотря на строгие природоохранные законы, на череду штрафов и уголовных наказаний за лесоистребление, несмотря на солидные научные основы шведского лесоустройства и лесопользования, на стройную систему управления лесами, высокую квалификацию лесных кадров, на то, что в случае трудного лесного конфликта можно апеллировать даже к королю, немало фактов, свидетельствующих о том, как неправильно, хищнически, в ущерб обществу ведется лесное дело. Особенно много нарушений допускают лесопромышленные компании.

Меж северным побережьем озера Венерн и норвежской границей лежит большой шведский лен Вермланд, когда-то сплошь покрытый лесами. Сейчас здесь огромные площади захламленных лесосек. В погоне за сверхприбылью мощная частная компания «Уддехольм», например, начала в последние годы вести сплошные концентрированные рубки, оголяя даже водоразделы. В одной из шведских газет я увидел снимок — с покатых холмов Вермланда подчистую скошен лесной урожай, гниют порубочные остатки, размываются дождевыми потоками низины и — ни деревца, ни кустика, почти лунный пейзаж. Первый результат такой хищнической рубки — обеднение края. В низинах вырубки заболачиваются, на крутых склонах возникает эрозия почв, а реки, текущие в Венерн, иссякают, мутнеют, теряют стабильный сток и энергетические запасы. Население, лишаясь извечной своей трудовой среды — леса, беднеет, бросает все и переезжает на юг страны. Компания, сплошь скосив лесной урожай, может подсчитывать прибыли, но как подсчитать убытки, нанесенные природной среде, народу, общественной морали? «Кто остановит эту лесную компанию?» — риторически спрашивает газета.

Если б шведские журналисты пошли дальше, попробовали бы выяснить, чем было вызвано сплошное уничтожение леса, оскудение природы и людей, то на свет божий наверняка явились бы разнообразные объяснения,

например: иначе компания потеряла бы конкурентоспособность на международном рынке, рубить выборочно дорого, большие средства вложены в технический прогресс, облесить местность не представилось возможным, так как не стало дешевых и свободных рабочих рук, а лесорубы-то смотрите как хорошо заработали, и вообще какие могут быть претензии к компании, которая обеспечивает работой столько-то тысяч человек?

Что же касается дальнейшего, то все пойдет проверенным, торным путем. И без того общее понятие «компания» через некоторое время растворится в еще более общих разговорах о защите окружающей среды, забудется под бременем новых забот и наслоениями газетных сенсаций. За обезлесенную местность не с кого будет взыскать, а ущерб национальному благоденствию сложными экономическими путями распределится на все общество, главным образом, на его низы,— станет одним из факторов неизбежного удорожания жизни...

Новый изощренный способ эксплуатации народа? Да нет, не новый. Обезлесение земли умные и образованные люди уже издавна прозорливо и определенно связывают с вопросами социальными, политическими. Еще в конце прошлого века Фридрих Энгельс, анализируя причины голода, постигшего Россию в 1891 году, писал первому русскому переводчику «Капитала» Д. Даниэльсону: «Что касается обезлесения, то оно не в меньшей степени, чем разорение крестьянства, является одним из условий существования буржуазного общества... Обезлесение, на мой взгляд, по своей сути в такой же мере социальный фактор, как и социальный результат. Но вместе с тем оно очень часто используется заинтересованными сторонами для того, чтобы свалить вину за экономические неудачи на причину, за которую как будто никто не может нести ответственности».

5. ЕСЛИ ЛУЧ ПРАВДЫ...

Человек и природа... Многоплановая, с бескрайними горизонтами тема, и в своих заметках о Швеции я касаюсь некоторых ее аспектов потому, что нам интересен

опыт других стран и народов в этой области, поучительны подробности взаимоотношений любого общества с окружающей средой.

В глубь времен уходят традиции доброго отношения шведов к природе. Интересно так называемое «право всех» — любой человек может в любое время пользоваться любой природной средой, если он не вредит ей. Миллионам шведов общение с природой приносит радость, отдохновение, создает благодатный контраст со средой рабочего места. Вот высказывания трех кирунских рабочих, взятые мной из публикации, которую я цитировал ранее.

Первый рабочий. «Самая ценная вещь в моей коллекции — это сосновая шишка. Специалисты говорят, что она лежала в земле 75 тысяч лет. Я нашел ее на глубине двадцати метров. Она черная, местами серая, на вид совсем невзрачная. Но я смотрю на нее каждый день. Когда держишь в руке такую шишку, невольно останавливаешься и задумываешься».

Второй рабочий. «Прежде, когда я был молодым, я становился как чумной, когда открывалась охота на лося. Увидишь лося, ну как его не убить? А убьешь, так потом всю зиму чувствуешь себя настоящим мужчиной. Но как-то я лося ранил, а не убил. Подошел, он смотрит на меня, прямо в глаза... И я подумал, что человек жесток, раз он убивает невинное животное. А лоси такие красивые!

И я решил: больше я не охочусь.

У меня на участке живет много птиц и белок».

Третий рабочий. «Когда у меня есть время, я ловлю рыбу. Это самое лучшее из всего, что я знаю. Трудно описать, что человек видит и чувствует во время рыбной ловли. С этим не сравнишь никакую церковь и никакие книги. На озере становишься новым человеком. И тогда хочется жить».

Но в Швеции, как и всюду, становится тесней и многолюдней, а самые «дикие» места — близкими и доступными. Жаркие дускуссии в прессе, активные выступления общественности заставили регламентировать прави-

ламн когда-то повсеместно вольную рыбалку и охоту, пользование берегами, лесами, принять законы об охране природы (1963 год) н окружающей среды (1969 год), создать государственные органы по контролю за выполнением этих законов.

С начала шестндесятых годов проблемы охраны среды прнобрели в стране особую значимость. Как рассказал мне господин Уве Хённннгер, заместитель генерального директора Управления по охране окружающей среды, все началось взрывом, сразу н подошло с неожиданной стороны. Несмотря на внешнее благополучне с заповедниками, нацнональными паркамн, резерватамн, с охраной редких животных, птнц н растений, шведы вдруг обнаружнлн, что в стране совершенно исчезлн фазаны, совсем недавно во множестве заполнявшне кустарннкн н перелески. На хищных птиц грешить было нельзя, потому что число орлов, сов, ястребов тоже катастрофнчески уменьшалось. И вот в организмах пернатых хнщников была обнаружена ртуть. Взялись за крестьян, которые обрабатывали зерно и уннчтожали сорняки ядовитымн протравами. Ежегодно с фунгицидами в природную среду попадало около пяти тонн ртутн. Ртуть была обнаружена не только в трупах зерноядных и хищных птиц, но н у мышей, крыс, рыб.

Однако основным вннманнем беды была промышленность. Прн выделке бумагн, воронении, хромированин, оцинкованнн металлов, при других производственных процессах бесконтрольно выпускались вредные для жнвых организмов соединения, в том чнсле ртутные. Для Швеции это представляло особую опасность. В стране не было государственных законов, регламентирующих промышленную застройку, не существовало предельных норм концентрации вредных веществ в индустриальных отходах. Только бумажные фабрики и заводы хлорнощелочной целлюлозы выпускали, главным образом в воду, пятьдесят тонн ртути в год. По всей стране были также обнаружены н зафиксированы точки и районы вредных концентраций кадмия, свинца, ДДТ, который первым из бытовых химикатов стал запретным в стране. Потребовались срочные и решительные меры, нсключающие опасность. Тем более что в мировой прессе появилнсь достоверные сообщения о многочисленных жертвах ртутного отравления в Японии.

— Нет,— говорит мне господии Хёниингер.— В Швеции эта трагедия была предотвращеиа. Умер, правда, одии человек, в оргаиизме которого врачи обнаружили необыкиовеиио высокую коицеитрацию ртути. Это был бедный препаратор. Сделав чучело птицы, он съедал тушку...

Сейчас ртутная опасность вроде бы миновала, ио фазаиов в Швеции пока еще не развелось. И не везде разрешен коммерческий отлов рыбы, и уцелевшие хищные птицы никак не могут оздороветь. На всю страну осталось меньше пятидесяти пар орлаиов-белохвостов, большая часть их в последиие годы не гиездится, ие дает потомства или сиижает плодовитость. В 1969 году, скажем, в десяти гиездах было выращено всего одиннадцать орлят...

На каждом шагу в Швеции сталкиваешься с проблемами окружающей среды, неизвестиыми у иас, в социалистическом обществе. Случайио я увидел новую газету «Мильё-фрамтид», которая специальио заиимается проблемами окружающей среды. Оиа мие показалась иитересной, захотелось познакомиться с ее редактором.

Еду в Упсалу, иебольшой город в семидесяти километрах от Стокгольма, сыгравший большую роль в истории шведской культуры и иауки. Здесь расположеи зиаменитый Упсальский уииверситет, который в 1977 году будет отмечать свое пятисотлетие. Тут жил и трудился великий Карл Лииней.

Бьёрн Гильберг — молодой геиетик и философ, работает в одиой из иаучиых лабораторий Высшей сельскохозяйствеииой школы при уииверситете. Живет иа окраиие Упсалы. Живет скромно; мебель чуть ли не самодельная, а хозяйка квартиры Мариаииа смущеиио извиияется, что одеты оии по-домашиему. Три малеиькие дочки, две свои и одиа приемиая, трехлетияя кореяика Леночка.

Ежемесячиая шестиадцатиполосиая «Мильё-фрамтид», создаииая при общественной поддержке, достигла тиража в сорок тысяч экземпляров, что для Швеции немало. Редакциоииое правлеиие фуикционирует в Гёте-

борге. Главные проблемы — использование шведских почв, лесов, вод, энергетических ресурсов, состояние воздушного бассейна, флоры, фауны, вопросы среды рабочего места. Бьёрн Гильберг считает, что улучшение во взаимоотношениях общества с окружающей средой наступит только тогда, когда общественность будет правильно информирована о наиболее важных вопросах этой проблемы и когда весь народ станет участвовать в их разрешении.

И есть одна, особая тема, волнующая главного редактора. Он ее поднял в Швеции, пробудил к ней интерес в Норвегии, ФРГ, Дании и других странах. Речь идет о так называемой «пищевой косметике». Любая хозяйка, покупая, скажем, клубнику, выбирает самую спелую и аппетитную с виду. И вот торговцы стали подкрашивать этот скоропортящийся импортный продукт чем-то вроде жидкого крема, делающего клубнику очень привлекательной. Когда об этом стало известно, то люди прежде всего возмутились: почему нас обманывают? И следом возникли другие вопросы: кто это разрешает, контролируется ли состав и дозы красителей, не вредят ли они здоровью потребителя и, в частности, как косметические добавки влияют на формирующийся детский организм?

Шведы пьют много кофе. И вот появились широко разрекламированные заменители кофейных сливок. Гильберг проверил в лаборатории эти сливки и на глазах у тысяч телезрителей... выстирал ими рубашку. Продажа заменителя сразу же упала на шестьдесят процентов в Швеции, на тридцать — в Дании и Норвегии. Это было началом. На прилавках шведских магазинов в прозрачных целлофановых пакетах всегда лежит очень свежее, чрезвычайно красивое на вид мясо. По нашим меркам оно дороговато, но дело не в этом. Гильберг обратил внимание общественности на то, что в мясо добавляются вещества, которые хорошо сохраняют внешний вид продукта, но быстро разрушают в нем красные кровяные тельца. Завязалась острая полемика, в которую были вовлечены Институт общественного здоровья и Коммерческий совет Швеции. Гильбергу возражали: добавки не только сохраняют внешний вид мяса, но и консервируют его. Гильберг по-прежнему настаивал на своей точке зрения, выступил по норвежскому телевидению. Там было

принято решение постепенно отказаться от химических добавок в мясо. В Швеции же предложен метод, снижающий их дозу в мясе, а недавно все материалы по этому вопросу были переданы во Всемирную организацию здравоохранения, которая подробно рассмотрит проблему.

Большой резонанс был вызван «делом о детском картофеле». В школы и детские сады начали поставлять чищеный картофель, а чтобы полуфабрикат не чернел, не терял вида при транспортировке, его стали обрабатывать бисульфатами. Гильберг предупредил о канцерогенной опасности, связанной с потреблением в пищу этих химикатов. Дети перестали есть картофель. Предприятия, оказавшиеся на грани разорения, снизили дозу бисульфатов с восьмисот миллиграммов на килограмм продукта до четырехсот для начала, а потом до двухсот миллиграммов, взялись обрабатывать продукт аскорбинкой, что давно им рекомендовалось, но обходилось дороже...

— Погоня за прибылью, за наживой,— говорит мне Бьёрн Гильберг,— вот источник пищевого загрязнения. Сотни не проверенных строгой наукой добавок потребляем мы с пищей, сами становясь подопытной средой. И постоянно появляются новые — то в вишневом напитке, то в колбасе, то в очередном пищевом заменителе. И это тоже насилие над природой! Необходимо запрещать любые добавки, если влияние их неизвестно или, тем более, если обнаруживается их вред на подопытных животных... А об «оптическом эффекте» у вас что-нибудь известно?

— Нет, не слыхал,— говорю я, поражаясь неистощимой энергии и въедливости этого молодого — ему еще нет тридцати — человека, сидящего передо мной.

— Понимаете, в мире сейчас развита громадная индустрия отбеливающих веществ. Нет-нет, не стиральные порошки, а отбеливатели. Я установил, что они не моют, а лишь отбеливают, маскируя грязь. В Швецию ввозится в год на десять миллионов крон отбеливателей, и применяются они всюду, вплоть до прачечных, стирающих детские пеленки. Следы этих веществ были найдены в районах текстильной промышленности и даже на рыбных промыслах. Я опубликовал свое исследование, в котором доказывал, что отбеливатели вызывают у людей

аллергические явления и могут даже нарушить генетический аппарат наследственности. Фирмы всполошились, опасаясь за судьбу своих миллионов, прислали ко мне представителей из ФРГ и США, предложили сотрудничество, приглашали к себе, чтоб за их счет пожить в самом дорогом отеле и подискутировать. Они тут узнали,— Бьёрн обвел веселыми глазами комнату, смущенно взъерошил белесые волосы,— что я средний швед и живу, значит, средне. Никуда я не поехал. Спросил: «Вы можете предложить эти вещества пищевой промышленности, чтоб, например, сделать рис или сахар более белого?» — «Нет»,— отвечают. Я показываю им их же материалы. «Видите ли,— смутились они,— мы имели в виду нецивилизованные страны». Я попросил их удалиться...

— Трудновато одному? — спросил я.

— Из жалоб ничего позитивного не извлечешь, хотя, правду сказать, я огорчился, когда узнал, что меня лишили в университете пособия на научные исследования.

Огорчился... Это было сказано слишком мягко. Полгода назад Бьёрну Гильбергу довелось выдержать настоящую битву, столкнуться с непониманием, злобной клеветой, сознательной компрометацией его научной и общественной деятельности. Руководство Высшей сельскохозяйственной школы заявило, что «если Гильберг думает продолжать свои пугающие истории, то он будет чувствовать себя лучше в каком-нибудь другом месте». Затем был объявлен отказ в финансировании научной темы, которую Бьёрн считал очень важной и многообещающей — он намеревался продолжить свою работу с одним из видов азотопривлекающих бактерий, чтобы повысить урожайность бобовых и их сопротивляемость засухе. С недоумением и возмущением Бьёрн узнал, что тема не утверждена,— слишком, дескать, она локальна, потому что касается белковой проблемы только развивающихся стран. Общественность выступила в защиту ученого, а на обвинения в том, что он еще не провел ни одного серьезного научного исследования, большая гётеборгская газета сообщила, что, в отличие от многих молодых шведских исследователей, Гильберг за последние годы опубликовал в известных международных специальных изданиях шесть научных работ, что он читал

лекции на заседаниях Всемирной организации здравоохранения ООН, в американском университете в Бомбее и приглашен с той же целью в одну из высших школ Нью-Йорка.

На прошение Гильберга об отпуске средств для исследований ответило отказом и министерство. А вскоре одна из компаний предложила Гильбергу работу и сорок тысяч долларов годового содержания — в пять раз больше, чем он получал ранее. Бьёрн категорически отказался, заявив, что он хотел бы служить обществу, народу, а не корпорациям. И так слишком много ученых, получающих жалованье от компаний и хранящих гробовое молчание, хотя они прекрасно знают наши пороки в области окружающей среды и не только закрывают глаза на большие ошибки в природопользовании, но и соучаствуют в них...

— А я не стану молчать,— спокойно говорит мне Бьёрн Гильберг и смеется.— Знаете, эти телевизионщики даже передачу организовали под названием: «Человек, который не хочет молчать». Собственно, это и послужило предлогом для отказа в финансировании моей работы... Но я не один, нет! Есть у нас газета, есть «Мильё-центр», который положил начало сотрудничеству всех ученых по проблемам окружающей среды. Создано более ста групп, состоящих в основном из молодых людей.

— Чем они занимаются?

— Локальными вопросами. Вы слышали о том, как приостановилось незаконное строительство бумажного комбината на побережье в Лахольмсбуктен?

— Знаю.

— Это они... Иногда их методы спорны, скандальны.

— Например?

Бьёрн рассказал, как собрали они однажды по придорожным кустам и кюветам мусор и выложили его на обочины дорог, чтобы шведы увидели, какая у них грязная страна. Необычно, конечно, и полиция изъявляла недовольство, только начинать с чего-то надо было, чтоб поднять народ и «почистить Швецию». В дни работы конференции ООН по окружающей среде в одной из стокгольмских витрин лежала «Мадам Швеция», утопая в отбросах — бумажном мусоре, жестяных банках из-под пива, пластмассовых и стеклянных бутылках.

Проблема использованных бутылок, кстати, становится в Швеции и некоторых других странах очень острой. В Америке, например, за двадцать лет производство таких бутылок на душу населения возросло в пять раз. Шведы выбрасывают за год шестьсот миллионов пустых бутылок, и Бьёрн Гильберг говорит, что если по этому показателю Швецию догонит, скажем, Индия, то там будет выбрасываться почти пятьдесят миллиардов бутылок в год! Так вот, «полевые биологи», как называют себя эти молодежные группы, чтобы обратить внимание на проблему бытовых отходов, договорились весной провести по всей Швеции своего рода субботник. За один день 15 апреля они собрали десятки тысяч бутылок и доставили их почтовыми отправлениями в четыре адреса — правительству, главному производителю, министерству сельского хозяйства, Управлению по охране среды. Курс акций компаний, производящих бутылки, понизился, а владельцы предприятий заявили, что, если они, прекрасно понимая проблему и страсти молодежи, прекратят выпускать эти бутылки, их начнут выпускать другие. А генеральный директор Управления по охране среды Вальфрид Паульсон отметил, что это была великолепно организованная работа, только не следовало посылать почтой столь негигиеничные вещи, лучше б на свалку...

— Это верно,— говорит Гильберг,— что большая часть нашей молодежи лишена идеалов и заражена мещанским мировосприятием. А во время нашей работы мне радостно было наблюдать, как в самых равнодушных и, казалось, бесполезных для общества парнях пробуждается интерес к большим вопросам жизни, экономики, как они начинают на фактах познавать пороки нашего социального устройства, практически бороться с эгоистичностью компаний, бюрократической закоснелостью учреждений, как они становятся политически зрелее и нравственно крепче...

Дарю Бьёрну Гильбергу кедровые шишки, что лежали в моем портфеле всю эту поездку, советую, как прорастить семена, и выражаю надежду, что Упсала станет третьим городом Швеции, в котором будут расти сибирские кедры.

— А первые два? — Бьёрн с интересом рассматривает шишки.

Рассказываю, как мне посчастливилось обнаружить на севере страны кедровую рощицу, посаженную около двух веков назад, обещаю, что непременно напишу о ней, и вспоминаю о «Кедрограде» — серьезной, увлекательной затее нашей молодежи. Тогда, почти пятнадцать лет назад, я принял участие в зачине этого дела, очень нужного нашему лесному хозяйству. И вот один из первых кедроградцев, лесоустроитель Николай Телегин, с которым мы когда-то столько бродили по алтайским горам и тайге, стал за это время кандидатом наук и работал последние годы нашим лесным атташе в Стокгольме. В начале своей дипломатической службы он привез из Горного Алтая десяток саженцев кедра, проверил их на акклиматизацию у лесничего короля и высадил вокруг советского посольства. Прижились... Лулео, Стокгольм, а теперь вот Упсала... Пусть и в Швеции становится все больше «кедроградов»!..

А Бьёрн Гильберг дарит мне подборку газеты «Мильё-фрамтид», показывает свои книги «Цепочка наследственности под угрозой» и «Среда — экономика — политика». Не знаю, что писано в них, но говорит Бьёрн Гильберг интересные вещи:

— Каждый ученый, если он честен и его заботят людские нужды, придет через свою науку к социальным, политическим проблемам. Это касается и тех, кто изучит, как мы используем нашу природную среду, сырье, как мы отравляем живое и как отравляют нас. Я лично сделал вывод, что единственный выход — в социализации средств и способа производства, в плановой экономике...

Мы вышли в крохотный палисадник, где у Бьёрна что-то росло.

«...При настоящих обстоятельствах спокойное буржуазное существование для честно мыслящего человека возможно лишь в том случае, если он намеренно закроет на все глаза и, отказываясь от всякого общения с людьми, посвятит себя отвлеченным, чисто научным интересам. Но тогда нужно тщательно избегать всякого соприкосновения с действительностью, иначе возмущение несправедливостью, которую можно видеть везде и всюду, будет так велико, что все интересы будут забыты

в сравнении с интересами происходящей на наших глазах великой экономической борьбы и искушение самому войти в ряды борцов окажется слишком сильным...»

Эти слова написаны давным-давно одним замечательным русским ученым, прожившим последние годы своей трудной и прекрасной жизни в Швеции и похороненным здесь же, на Северном кладбище Стокгольма. Прошу прощения за невольную грамматическую неувязку — речь в действительности идет не об ученом, а об ученой.

Софья Ковалевская, математик... Я снова вынужден считаться с условностью нашего мышления, закрепленной в языке,— мы можем сказать «трактористка» или «крановщица», но научные звания и должности представительниц так неверно называемого слабого пола обозначаем словами мужского рода: женщина — философ, доцент, механик, петрограф, профессор, кибернетик, академик. Всю свою ослепительную жизнь Софья Васильевна Ковалевская отдала героической борьбе за право служить науке, за равное положение с мужчинами в обществе. Она стала первой русской женщиной-ученым, добившейся своим блестящим талантом и фанатичным трудом мирового признания. К этому человеку редкой духовной и физической красоты, многогранному, яркому, с широкими общественными интересами, тянулись знаменитые ее современники, и она сама стремилась узнать как можно больше крупных талантов и сильных характеров. На своем жизненном пути она повстречала известную английскую писательницу Джордж Элиот, философа Герберта Спенсера, норвежского полярного путешественника Фритьофа Нансена, была знакома с гениальным русским писателем Федором Достоевским и революционером Петром Лавровым, с вдовой Чернышевского Ольгой Сократовной, участниками Парижской коммуны, знала виднейших русских ученых Менделеева, Сеченова, Боткина, Бутлерова, Чебышева, Столетова.

Одаренная девушка, чтобы иметь возможность заниматься наукой, заключила фиктивный брак, ставший позже фактическим, с Владимиром Онуфриевичем Ковалевским и выехала с ним за границу. Ее супруг был основателем эволюционной палеонтологии, последователем Дарвина, считавшего работы русского ученого исключительно важными для науки. Человек он был

разносторонний — переводил книги Дарвина и Гексли, издал запретный роман Герцена «Кто виноват?», ездил в армию Гарибальди и корреспондировал из нее, тащил на себе газету «Новое время», директорствовал, хотя и неудачно, в промышленной компании, однако самое важное, что он сделал в жизни,— это несколько блестящих монографий по палеонтологии, а также, мне кажется, то, что замечательный этот человек помог раскрыться таланту своей жены, проторившей особую стезю в мировой математической науке.

Интересно, что любовь к цифири обнаружилась у Софьи Ковалевской очень рано и случайно — стены ее детской комнаты были оклеены лекциями по дифференциальному исчислению. К сожалению, я с детства ничего в математике не смыслю и о конкретных заслугах Софьи Ковалевской пусть судят специалисты; знаю только, что она дополнила вычисления Лапласа о кольцах Сатурна,— за это и два других математических сочинения со сложными латинскими названиями Геттингенский университет заочно и с высшей похвалой присудил ей степень доктора философии, что Ковалевская нашла свое решение задачи о преломлении света в кристаллах, что после Эйлера и Лагранжа она открыла и математически обосновала новый случай вращения несимметричного гироскопа, и Парижская академия наук удостоила эту ее работу повышенной премии.

Кафедры научных заведений тогдашней России, да и многих других стран, были закрыты для женщины-ученого, и шведский профессор Г. Миттаг-Леффлер пригласил Софью Ковалевскую, по общеевропейской молве «нигилистку», в Стокгольмский университет, где она проработала семь лет, до самой своей кончины в 1891 году. На погребение пришли русские и шведы. Общие чувства выразил шведский поэт Фриц Леффлер, написавший стихи «На смерть С. Ковалевской»:

Душа из пламени и дум!
Пристал ли твой корабль воздушный
К стране, куда парил твой ум,
Призыву истины послушный?
. . . .

Попытался я тут выяснить, не осталось ли в университете или в Государственном шведском архиве каких-

либо документов или писем Софьи Ковалевской, неизвестных у нас. Я узнал, однако, что переписка Софьи Ковалевской с математиками разных стран — примерно шестьсот документов,— хранящаяся в Институте имени профессора Г. Миттаг-Леффлера, давно скопирована, расшифрована, переведена. Основную работу проделала дочь С. В. Ковалевской, умершая в 1952 году. А в следующем году журнал «Огонек» опубликовал неизвестный отрывок из повести Софьи Ковалевской, найденной в архивах Академии наук СССР. Я был тогда студентом-филологом, заинтересовался публикацией и прочел беллетристические произведения ученой. Она мечтала завершить свою повесть — о Николае Гавриловиче Чернышевском, да не успела. И еще вспоминаю, что мне понравились стихи Софьи Ковалевской, написанные вскоре после самоубийства мужа, и я разыскал их снова:

Если ты в жизни хотя на мгновенье
Истину в сердце своем ощутил,
Если луч правды сквозь мрак и сомненье
Ярким сияньем твой путь озарил:
Что бы, в решенье своем неизменном,
Рок ни назначил тебе впереди,
Память об этом мгновенье священном
Вечно храни, как святыню, в груди...
Лживые призраки, злые виденья
Сбить тебя будут пытаться с пути;
Против всех вражеских козней спасенье
В собственном сердце ты сможешь найти;
Если хранится в нем искра святая,
Ты всемогущ и всесилен, но знай,
Горе тебе, коль, врагам уступая,
Дашь ты похитить ее невзначай!

Профессор Стокгольмского университета Софья Ковалевская прожила на свете всего сорок один год... На кладбищенском холме Линдхаген, под высокой старой сосной,— массивный православный крест черного полированного мрамора, стоящий в грубых серых камнях. В расщелинах постамента живут упругие зеленые камнеломки, их кто-то поливает. И что-то возвышенно-романтичное и необыкновенно трогательное было в том, что сюда пришли сегодня наши военные моряки, прибывшие в Швецию с дружеским визитом. Офицеры и матросы возложили на могилу соотечественницы венок из живых цветов...

Однако продолжим коренную нашу тему.

Среда, производство, экономика соединены друг с другом тончайшими взаимопроникающими связями. К сожалению, мы не всегда умеем улавливать их. Какое отношение на первый взгляд к проблеме охраны природы имеет, скажем, снижение веса автомашины, удлинение срока ее службы, «ходимости» узлов? Самое непосредственное. Мы затратим меньше энергии и труда на добычу руды, выплавку и обработку чугуна и стали, сбережем уголь и кокс, использовав силы и материалы в другом месте, сохраним в атмосфере много кислорода, уменьшим выброс в воздушный бассейн вредных газов, а в водоемы — жидких отравляющих отходов и тепла.

В Стокгольме эту тему — среда и экономика — мы долго обсуждали с господином Хёнингером. Ему как заместителю генерального директора Управления по охране среды часто приходится сталкиваться с технологическими и финансовыми аспектами проблемы.

— Мы не собираемся забить насмерть нашу промышленность чрезмерно жесткими санитарными нормами,— говорит он.— Иначе она не сможет конкурировать с соседями. И единых запретительных норм в Швеции нет. В каждом отдельном случае мы устанавливаем свою норму — она зависит от вредности отходов, характеристики водоема, его географического положения. Недавно одна компания затеяла построить под Стокгольмом дрожжевую фабрику. Мы запретили это строительство, потому что маломощный водоем, куда они собирались сливать отходы, мог не выдержать нагрузки, погибнуть. А в другом месте строить им экономически невыгодно. Надо искать выход. Одно дело — как с подобными проблемами справляется плановое хозяйство, и совсем другое — рыночная экономика, где все усложнено противоречиями, связанными с частным предпринимательством...

Политика? Выходит, так.

— Берем самый простой пример — тигры. Их становится мало, растет цена шкур. Охотники рискуют, стараясь заработать побольше, убивают запретных тигров, которых становится еще меньше, и цены на шкуры все растут, и так далее. Итог — исчезновение великолепного

зверя. Я убежден, что человечество проживет и без тигров, но земля беднеет, лишаясь любого биологического вида, и свободная инициатива здесь не знает выхода...

Верно, подумал я. А у нас все-таки и тигры хорошо охраняются. После войны оставалось всего тридцать штук, а сейчас, несмотря на их отлов для зоопарков и отдельные случаи браконьерства, бегают на свободе — худо-бедно — почти полтораста зверей и никого не трогают: за пятьдесят лет на Дальнем Востоке не отмечено ни одного случая нападения тигра на человека.

Разговор — через тигров, китов и дельфинов — поворачивался к сложным проблемам охраны среды, имеющим международное значение.

— Мы свои самые вредные отходы пока прячем в лесах,— говорит господин Хённингер.— Подождем, что в будущем подскажет наука. И считаем, что сбрасывание таких отходов в океаны, как это делают, например, американцы, эгоистично и неправомочно. Видимо, пора заключать серьезные общепланетные и региональные соглашения по охране среды, в частности атмосферы и морей...

Лет десять назад шведы заметили, что в атмосфере и осадках резко возросло содержание летучих соединений серы. Без приборов эти вредные газы не ощущаются, однако, попадая даже мизерными дозами в легкие, они незаметно, постепенно подрывают здоровье людей, отравляют животных и рыб, разлагают краски и ткани. Перед этими активными веществами пасуют даже металлы. Установлено, например, что металлы в Стокгольме в пятнадцать раз сильнее подвергаются коррозии, чем на севере, в Кируне.

Откуда такая напасть? Газы приносятся ветрами из промышленных районов стран Западной Европы — Англии, Бельгии, ФРГ, Франции, Люксембурга. На железоделательных и иных предприятиях там поставили высоченные вытяжные трубы, и газы, основу которых составляют двуокись серы и серный ангидрид, образующиеся от сгорания угля, нефти, мазута, брикетов, газы, отходящие при металлургическом и коксохимическом процессах, подхватываются воздушными течениями и легко переносятся на большие расстояния. Шведы считают, что половина всех соединений серы наносится из Англии,

на территории которой выпадает лишь одна шестая выбросов британской промышленности. Вредные газы Западной Европы захватывают в зону своего влияния все скандинавские страны, Финляндию, часть Советского Союза, акватории Северного, Балтийского и даже Белого морей, причем на наши воды и земли выпадает еще и шведская сера...

Особую озабоченность у шведов вызывают химические анализы почв и вод. Дело в том, что соединения серы легко вступают в реакцию с водой, образуя сильные кислоты и повышая кислотность почв. Отравляется живность в озерах и реках, снижается урожайность полей. В некоторых районах Скандинавии показатель кислотности достиг предельной величины. Ежегодные убытки от кислородных соединений серы в Швеции уже сейчас составляют сотни миллионов крон. Если так пойдет далее, то будущее не обещает ничего утешительного. По расчетам, к 2000 году половина озер страны станут безрыбными, прирост лесов значительно уменьшится. Не обойдет своими напастями это «добро» и другие страны. Серьезная международная проблема, и все равно придется искать ключи к ее решению.

Океаны и моря тоже принадлежат всем, и, наверное, поэтому все начинают тревожиться за их состояние. Известно, что Тур Хейердал во время своего путешествия на тростниковом корабле сорок суток плыл по атлантическим водам, сплошь загрязненным нефтяными конкрециями и другими отходами. Неисчислимы беды от аварий крупных танкеров, их грузоподъемность все растет, а японцы считают возможным построить судно, способное вместить миллион тонн нефти! А ну как авария с таким гигантом? Во многих районах континентального шельфа уже пробурены скважины и произошли первые крупные аварийные выбросы — загрязняются пляжи, гибнет морская рыба, птица, ракообразные, планктон. Завладевшая морем нефть грозит еще одной бедой, обычно не учитываемой: даже одна ее капелька, расплываясь, покрывает обширные акватории, прерывая обмен газами и влагой между океаном и околоземной атмосферой...

Чрезвычайно волнует шведов положение, сложившееся на Балтике. В последние минуты нашей беседы господин Хённингер только и говорил что о море да еще

о какой-то Чаппале. Я бы охотно поинтересовался и Балтикой, и этой Чаппалой, но времени у меня практически уже не оставалось.

6. НАШЕ МОРЕ

Все присматриваюсь к Стокгольму, уже не пытаясь привыкнуть к его шуму и пестроте. Незнакомую эту пестроту создают на здешних улицах крохотные магазинчики — каждый со своей витринкой и рекламкой, а также почти неправдоподобное обилие дорожных знаков и указателей. Если, скажем, у нас висит над перекрестком вертикальная указующая стрелка, то твердо знаешь, что можно ехать только прямо. А тут, кроме такой стрелки, обязательно красуются по бокам знаки, запрещающие повороты направо и налево, да еще на въездах в проулки — известные всем водителям «кирпичи». В центре города на одной маленькой круглой площади диаметром не более двадцати метров я насчитал восемнадцать дорожных указателей — настенных, висячих, на тумбочках, столбиках, проволоке и кронштейнах. Зачем засорять глаза этим многослойным дублированием? Неужто стокгольмские автомобилисты столь непонятливы? Когда я спросил об этом у таксиста, он рассмеялся:

— Да нет! Дело, говорят, совсем в другом. Когда мы переходили на правостороннее движение, то заменили все знаки. А фирма, выполнявшая заказ города, будто бы перестаралась — наделала их слишком много. И вот, чтобы добро не пропадало... Мы, шведы, бережливый народ!

Шутка есть шутка, но вообще Стокгольм можно полюбить за одних белок. Совсем ручные, они, пронзительно поцокивая, бегают повсюду, доверчиво спускаются с деревьев тебе на плечи, берут из рук печенье и конфеты, предпочитая, конечно, орехи любого вида. Если б белки жили во всех городах!..

Хорош Стокгольм, когда смотришь на него с высокой точки, этак метров с трехсот над уровнем моря. Подробности, пестрота исчезают — только зелень и камень, вода и камень, дома и камень. Мне хотелось увезти отсюда это общее впечатление. Билет домой лежал в кармане пид-

жака, я времеиами иежио притрагивался к тому месту, где он покоился,— мыслями я был уже дома и совсем не думал, ие гадал, что мие еще доведется попасть в сердцевииу камеииой плиты, иа которой стоит Стокгольм, опуститься иа сорок метров *ниже* уровня моря и это приведет меня к Балтике. Дело было так.

Перед последним приемом я попросил его оргаиизаторов устроить меня рядом с кем-нибудь из работииков городского хозяйства Стокгольма. Ну, чтоб не терять даром времеии в общих разговорах. Хотел порасспросить напоследок о зелеиом строительстве Стокгольма, о шуме и дорожных знаках, о птицах и белках...

— Московская вода вкусией? — спросил сосед, с улыбкой иаблюдая за мной.

— Нет, эта тоже иичего. Из Мелареиа?

— Да.

— Хорошая,— окончательно решил я.

— Совсем недавно была хуже.

— Почему?

И сиова, уже в который раз за эту мою поездку, завязался разговор о воде и связаниых с иею проблемах.

Вообще-то вода, истиииое чудо земной природы, заслуживает, быть может, великой поэмы — так интересиа она сама по себе, так велика ее роль в иашей жизии, так драматична и сложиа судьба этого драгоцениого жидкого минерала. Некоторые иа первый взгляд простые физико-химические свойства воды настолько иам привычиы, что мы ие задумываемся об их истиииом значеиии. Взять, иапример, ее четырехградусиую тепловую констаиту. При этой температуре вода обнаруживает поразительиое свойство — становится почему-то иаиболее тяжелой и плотной. И когда осеиью остывает какой-либо водоем, то холодная вода опускается с поверхиости вииз, иа ее место поднимается более теплая — и так далее, пока вся водная среда не перемешается и ие примет четырехградусную температуру. Но вот холодает все больше, поверхиостный слой воды остывает еще на одии-два градуса. И тут-то с водой происходит страииая метаморфоза: подчи-

няясь тончайшим молекулярным законам, она разжижается и легчает. Этот холодный легкий слой, как бы плавая на поверхности водоема, создает своего рода тепловую подушку и не позволяет охлаждаться нижележащей толще. Образующийся при нуле градусов лед еще легче и потому не тонет. Поистине сказочное свойство! Кусок легкого олова, тяжелого свинца или, скажем, аморфного воска тонет в собственном расплаве, а лед чудесным образом держится на поверхности воды. Не будь этого, наши водоемы промерзали бы до дна. Все живое там погибло бы, да и сама Земля не вырвалась бы из ледяного плена.

Отметим также огромную теплоемкость воды, выделяющую ее из ряда всех остальных веществ. Нагревание равного количества свинца на то же число градусов требует в тридцать раз меньше калорий, железа — в девять, льда — в два раза. Катастрофические замерзания и таяния обрушивались бы каждый год на Землю, если бы у воды, льда и снега не было такой особой теплоемкости. Это свойство, а также высокая теплота парообразования выравнивают климат планеты. Забирая на экваторе огромное количество солнечного тепла, водяные пары разносят его по Земле и, конденсируясь, отдают северным широтам. Вода также среди всех жидкостей природы — самый могучий растворитель. Кроме того, у нее необыкновенно сильное поверхностное натяжение, благотворная самоочистительная способность, а свое свойство капиллярности она даже как бы противопоставляет закону всемирного тяготения. Отними у воды хоть одно из этих или других, не упомянутых здесь важных свойств, и всякая жизнь на Земле прекратится — не будут зеленеть луга, расти леса, исчезнут животные, птицы, насекомые, умрет почва, погибнет сам человек, почти на три четверти состоящий из воды. Вот что она такое — вода-то!

Невозможно переоценить значение воды для промышленных, энергетических, бытовых нужд человека. И я не буду приводить данных, характеризующих все эти быстро возрастающие потребности, подытожу в общей форме результаты многих исследований по всему земному ша-

ру. Запасы воды на нашей планете неисчерпаемы — одно из самых замечательных свойств ее заключается в том, что она неистребима, вечна и практически не уменьшается в своем количестве, чего бы мы с нею ни вытворяли. Проблема ныне заключается в том, что почти повсеместно наблюдается нехватка *чистой* пресной воды. Промышленность и сельскохозяйственное производство нуждаются в незагрязненной и мягкой воде, хорошая вода нужна для питья. И нехватку ее человек ощущает прежде всего.

Немало уже на свете городов, районов и целых государств, даже в умеренном поясе испытывающих ныне затруднения с питьевой водой. Потребность населения ФРГ, например, удовлетворяется из подземных источников, загрязненных пока в меньшей степени, чем наземные водоемы. Однако в этой стране, как пишут сами немцы, нет полных и точных данных о водных подземных запасах, и питьевая вода во все возрастающем количестве будет забираться из рек и озер, куда с атмосферными осадками, паводками и сливными отходами попадает все больше вредных веществ. Во многих странах ключевую воду продают уже в пакетах и бутылках. В Нью-Йорке литровый пакет, по последним данным, стоит шестьдесят центов.

Шведы располагают большими резервами хорошей воды, особенно на севере. Там же, где за последние десятилетия бурно развивалась промышленность, интенсивное сельское хозяйство и увеличивалось население, водоемы начали заметно загрязняться, стало не хватать чистой пресной воды южной трети страны, где проживает около восьмидесяти процентов населения Швеции. Недавно муниципалитеты Мальмё, Лунда, Хельсингборга и других городов крайнего юго-западного района пришли к соглашению о необходимости выделения больших капитальных средств для доставки питьевой воды издалека. Намечено пробить из чистого пока озера Больмен магистральный туннель длиною восемьдесят километров и на триста километров раскинуть по району ветви основных водоводов.

Главный источник потребительской воды страны — пресное озеро Меларен, подступившее к Стокгольму. За последние сто лет население вокруг этого озера увеличилось в двадцать раз, и из всех озер Швеции оно испы-

тывает наибольшую нагрузку солями, вредными промышленными стоками, жидкими бытовыми отходами. В озеро поступает за год около восьмисот тонн фосфора в соединениях и десять тысяч тонн азота. А водой Меларена пользуются для бытовых нужд почти полтора миллиона человек.

— Всего несколько лет назад,— говорит мой собеседник,— вода была хуже, потому что многие районы города сливали бытовые и производственные отходы в Меларен. Недавно в строй вступила Чаппала.

— Что это такое?

— Прекрасная вещь! Новинка.

— Нельзя ли взглянуть? У меня, правда, всего полдня до самолета...

— Не советую,— поморщился сосед.

— Отчего?

Собеседник замялся. Узнав, однако, что это вовсе не секретный объект, я твердо решил побывать на Чаппале — новой очистительной системе, только что сооруженной под Стокгольмом. Когда-то я слышал об оригинальной установке в Ослофьорде, изобретенной норвежским ученым Фойном. Она очищает бытовые стоки посредством разбавления их соленой морской водой и пропускания через эту токопроводящую смесь сильных электрических разрядов. Отходящим хлором обеззараживают выпускную воду, а твердые вещества отделяются и вывозятся на удобрения. Я думал увидеть нечто подобное в Чаппале. Особенно увлекательно было бы посмотреть, как работает электричество, облагораживающее воду. Выяснилось, однако, что Чаппала смешивает бытовые и промышленные стоки, морская вода к ним не добавляется, очищающие электрические разряды не применяются, в технологической схеме использован западногерманский и американский опыт. Что ж, посмотрим.

На дальней окраине города стоит в густой зелени огромная труба с колпаком — огромная не в высоту, а в толщину, и ее из города не видно. Возле трубы небольшое кирпичное помещение — производственно-административное управление очистной станции. На схеме города, которая висит в кабинете руководителя этого хозяйства — Ларса Халя, видно, как сбегаются сюда водосборные коллекторы, проложенные под городом. Стан-

ция обслуживает население северной части Стокгольма и прилегающих к ней пригородов, а также промышленность этого района.

Хозяйство станции расположено глубоко в скальном основании города. Мы медленно спускаемся в большом грузовом лифте. Становится все прохладней, влажней и запашистей, однако терпеть можно. И вот мы у выходного отверстия главного туннеля. К нему примыкают боковые туннели, коллекторы, а здесь, в конце его, очистное производство. Этот туннель сечением в десять квадратных метров на выходе — плод замечательного мастерства стокгольмских скальных проходчиков, основа всей системы и главная ее ценность. Мы увидели и автоматизированное управление всем процессом очистки отходов, и залы над бассейнами, сравнимые по размерам с самыми большими станциями метро, и электрические шламоподъемники. Все хозяйство Чаппалы обошлось в семьдесят пять миллионов крон. А стоимость тоннеля — сто миллионов. Строители его везде выдержали проектный уклон, вышли точно на заданную отметку, миллионы кубометров камня были подняты на поверхность, раздроблены на щебенку для дорог и бетонных заводов. Тянется туннель в крепчайшей скальной породе на шестьдесят километров и рассчитан на далекую перспективу — в случае нужды он сможет обслуживать жилой район с населением в миллион человек.

Сливаясь самотеком и проходя подъемные насосные станции, бытовые и промышленные отходы на своем долгом пути к очистным сооружениям хорошо перемешиваются. По выходе из туннеля смесь проходит очистительные решетки, где отделяется бумага, пластмасса, тряпье. Затем вода проходит через три песчаных ловушки и шесть осадочных бассейнов — наверх всплывают масла, а шлам оседает. Максимальная глубина бассейна одиннадцать метров, ширина — двенадцать. Далее идет активная шламовая лестница, на которой в воду вдувается воздух и вводятся микроорганизмы. Отсюда вода возвращается к началу цикла и в ней уничтожаются фосфаты. На одном из этапов очистки смесь выделяет метан, который сжижается и отапливает производственные помещения Чаппалы. Перед выпуском вода хлорируется. Производственные помещения и переходные туннели,

вырубленные в камне, так велики, что обслуживающий персонал ездит по ним на велосипедах. По стенам тянутся белоснежные трубы и провода в надежной изоляции. Тут даже красиво — горят мощные лампы дневного света, сияют перила из нержавейки, стены покрыты бетонным раствором в распыл, имеют приятный матовый цвет. Повсюду сплошная каменная твердь, лишь кое-где проступают грунтовые воды — красные потеки от соединений железа, белые от извести.

Контрольный пункт. Пульты, электронно-вычислительные машины, лампочки на табло. Какие-то аппараты чертят какие-то кривые. Господин Халь объясняет, что автоматы контролируют заполнение резервуаров, содержание примесей на каждом производственном этапе, характеристики шлама.

— Шлама много отходит?

— Тридцать тысяч кубометров в год,— ответил Ларс Халь.— Мы обезвоживаем его и в контейнеры. Посмотрим?

— Посмотрим.

Вязкая маслянисто-черная масса стекает с барабанов. В ней много еще микробов и неуничтожимых активных элементов, сопутствующих отходам современной развитой индустрии. Куда деваются эти ежегодные двадцать железнодорожных эшелонов шлама?

— Вывозим на поля. Пятнадцать крон кубометр. Рассыпаем вокруг города. Микроорганизмы погибают в почве, запах за два-три дня исчезает. Это замечательное удобрение. На нашем шламе хорошо растут овощи.

— Но все-таки это концентрированные соединения, остатки тяжелых металлов...

— Дело новое, не проверенное,— соглашается господин Халь.— Пока землевладельцы берут шлам, но мы в точности не знаем последствий...

Да, к сожалению, не знаем. Станция отменная, самая современная, но я, так же как, наверное, господин Халь, если увижу две лежащие рядом морковки, конечно, предпочту из них ту, что выращена подальше от города и этих замечательных шламовых удобрений. Только вот различить их невозможно. Критерием при таком выборе на Западе становится цена. Западногерманские хозяйки покупают овощи, снятые с полей орошения, с тридцатипро-

центной скидкой. Нам же вряд ли потребуется делать выбор — в Советском Союзе на полях орошения, куда сливаются сточные воды, очищенные от механических примесей, выращиваются только кормовые культуры.

— Вы редкий гость в нашей преисподней,— сказал господин Халь, когда мы поднялись наверх,

— Не заметил никакой преисподней,— возразил я.— У вас интересно и ново.

— Но, так сказать, аромат...

— Однако вы-то тут работаете,— сказал я.

— Спасибо.

После такого обмена комплиментами мы пожали друг другу руки, и я полюбопытствовал на прощание:

— А куда девается вся эта сливная вода после вашей сепарации?

— В море. Причем в ней может жить рыба, а в Балтике не везде. Пропадает наше море.

— Балтика не только ваша,— возразил я,— но и наша.

— Вот я и говорю — наше море.

И господин Халь еще раз протянул мне руку. Почему море пропадает?

Балтика... Слово это относится к ряду серьезных, весомых, не поминаемых всуе слов. О том, что такие слова существуют, я заметил еще мальчишкой, в войну, когда пришел в паровозное депо учеником слесаря. По гудку черные котельщики садились у теплых батарей, молча жевали картошку или немногословно вспоминали прошлое. Будто сейчас вижу и слышу, как один старый рабочий, отрешенно глядя в темноту цеха, уходил весь в себя и произносил: «Сормово!» И все почему-то задумывались вместе с ним.

Балтика! Многовековой ратный труд моего народа, великая северная столица на берегу залива, торговля со всем светом, отечественное кораблестроение, громкие свершения русских мореходов, Петр Первый и Михаил Ломоносов, Пушкин и Ленин, славные питерцы и кронштадтцы, революция, Отечественная война, блокада.

Зная Балтийское море по книгам да кинофильмам, я лишь недавно познакомился с ним лично. Увидел его проливы и шхеры, зелено-серый прибой, белесые горизонты, поплавал по Финскому заливу, пролетел над Ботническим. Это на карте он такой широкий, Ботнический-то, а когда летишь над ним, под тобой совсем будто бы рядом шведские и финские берега с дробной россыпью островов и червячками фиордов. Но вообще Балтийское море довольно внушительно — его береговая линия составляет половину длины земного меридиана, двадцать тысяч километров! Правда, мелковато оно — средняя его глубина всего шестьдесят метров, да и водички в нем маловато — двадцать две тысячи кубокилометров, меньше, чем в любимом моем Байкале. В отличие от славного сибирского моря, Балтика соединена проливами с мировым океаном, но геологическая и гидрологическая природа ее тоже очень любопытна. Раньше я думал, что все моря на свете имеют одинаковый уровень, и с удивлением узнал, что Балтика исключение, на полтора десятка сантиметров она выше уровня Атлантического океана — из-за обилия притока речной воды и малой пропускной способности сливного пролива. Мне всегда представлялось, что печально знаменитые петербургско-ленинградские наводнения происходили из-за балтийских ветров, нагоняющих воду в Финский залив и невское устье. Оказывается, это не так. Наводнения вызываются чрезвычайным понижением атмосферного давления над Балтикой, своего рода выпучиванием ее вод и их последующим грозным растеканием, для защиты от которого мы скоро начнем строить в заливе гигантскую плотину. С интересом я узнал о том, что в конце ледникового периода шведские озера Венерн и Меларен, наша Ладога и Онега составляли одно море, что и сейчас берега Балтики быстро поднимаются во многих местах, в частности, в самом дальнем углу Ботнического залива, у шведского города Лулео, в котором растут сибирские кедры, и что морская вода там почти пресная...

Однако больше всего меня заинтересовали и взволновали сегодняшние будни Балтики. Ее судьба, которая, как выяснилось при более близком знакомстве с морем, оказалась непростой, трудной, можно сказать — мучительной. И слово Балтика рождает теперь у меня новые, совсем другие ассоциации. Мне показалось, что я забо-

лел Балтикой, как когда-то неизлечимо заболел Байкалом...

Балтика поистине наша — это общее и неделимое достояние всех народов Северной Европы. С этим полузакрытым морем неразрывно связана тысячелетняя гражданская и военная история, экономика и образ жизни датчан, латышей, литовцев, немцев, поляков, русских, финнов, шведов, эстонцев. И вот уже не первый год представители семи государств — Советского Союза, ГДР, Польши, Швеции, Дании, ФРГ и Финляндии — встревоженно собираются то в Стокгольме, то в Киле, то в Хельсинки или другом городе побережья, чтобы обдумать положение, в каком оказалось ныне это море, обсудить конкретные и непременно *совместные* меры, ибо состояние Балтики катастрофически ухудшается, хотя и на сегодняшний день оно таково, что неизвестно, можно ли устранить уже нанесенный морю вред.

Да, Балтика почти пропадает — столь непосильную нагрузку довелось ей принять на себя в послевоенные годы. Во всех странах, окружающих Балтику, быстро растет потребление нефти, а главный способ ее доставки — морской транспорт. О том, какие масштабы принимает эта доставка, говорят хотя бы такие факты: за последние двадцать лет объем морских перевозок нефти и ее продуктов судами ФРГ возрос в двадцать раз, а через Кильский канал ежегодно проходит три тысячи танкеров! Потребление нефти в Швеции составляет сейчас более трех кубометров на душу населения в год — значительно больше, чем во многих «нефтяных» странах. Транспортирование жидкого топлива и минеральных масел по воде таит большую опасность. Десятки тысяч отмелей и островов на морских путях Швеции, внезапные густые туманы и другие ухудшения погодных условий, слабое знание шведских территориальных вод командами иностранных кораблей — все это вызывает частые аварии. Танкеры разбиваются о скалы, садятся на мель, сталкиваются. Нередко нефть и ее остатки сливаются в море преднамеренно или по неряшливости. И вот итог — ежегодно фиксируется более двухсот выпусков нефти в шведские воды. Недавно в Стокгольмском архипелаге шведы ввели принудительное лоцманство. Знаешь ты или не знаешь лоцию этой акватории, но, если везешь более двух тысяч тонн нефти либо

масел,— принимай на борт местного морского проводника. Мера хорошая, но, несмотря на нее, а также на то, что вот уже несколько лет действуют международные соглашения об охране балтийских вод от нефтяных загрязнений, южные и западные берега Швеции все сильнее загрязняются нефтью. Необходимо учитывать, что нефть не только выводит из строя пляжи, губит и пригнетает морскую флору и фауну, затрудняет кислородный обмен воды с атмосферой, но и содержит ядовитые вещества.

Можно представить себе, как большие косяки рыбы, подплывшие на кормежку к привычным своим пастбищам, в панике бросаются прочь от губительной воды, забивающей нежные жабры вонючей липкой гадостью. Голодная беспокойная рыба приплывает в новый район моря, а там нет никакого корма, кроме несъедобного, микроскопического, плавающего на поверхности бывшего харча. В таком большом море, как Балтийское, рыба все же пока находит себе пропитание, как-то приспосабливается к ухудшающимся условиям, а вот что делать икринкам, которые могут развиваться только в богатом кислородом поверхностном слое воды? Они плывут вместе с морскими течениями, переплескиваются волнами, гибнут даже при чрезвычайно малом содержании нефти в воде, а чудом уцелевшая икра дает рыб-уродов или мертвых мальков. И есть в жизни рыбьего младенца одно особое, решающее мгновение. Недавно ученые установили, что в момент появления из икринки юная рыбка, чтобы заполнить воздухом плавательный пузырь, должна сделать единственный за всю свою жизнь глоток воздуха. Даже тончайшая пленка нефти не пускает мальков к воздуху, и они миллиардами гибнут, если в районе, где рыбья молодь появилась на свет, танкер разольет по воде содержимое своих отсеков. Нефть к тому же активно поглощает растворенный в воде кислород, без которого не могут выжить и взрослые рыбы; причем один литр нефти забирает кислород из сорока тысяч литров воды. Для Балтики это представляет особую опасность, потому что в прохладных ее водах разложение нефти замедлено.

И если б воды Балтики загрязнялись только нефтью! В береговых ее районах проживает сейчас около двадцати миллионов человек, концентрирующихся по преи-

муществу в полусотне больших городов, в том числе таких, как Ленинград, Стокгольм, Хельсинки, Таллин, Рига, Гдыия, Калиииинград, Шецин, Росток, Гданьск, Киль, Любек, Кронштадт, Клайпеда. В этом районе земного шара производится пятиадцать процеитов мировой промышлеииой продукции, здесь самые оживлеииые в мире порты, проливы, каналы и морские фарватеры. Через Кильский каиал, иапример, проходит каждый год около семидесяти тысяч кораблей. Для сравнеиия укажу, что общее число судов, пересекающих за этот же срок Паиамский перешеек,— всего четырнадцать тысяч. Исключительными темпами развиваются на Балтике пассажирские перевозки. Порты одиой лишь шлезвиг-голштейиской земли ФРГ прииимают и отправляют за год двадцать пять тысяч судов с пассажирами. Летом по водам Балтики движется более пятисот только крупных лайиеров. Миллиоиы выходов в море совершают катера, мотояхты, спортивиые прогулочиые лодки, сиабжениые стациоиариыми и подвесиыми моторами.

Скачкообразио увеличивается на Балтике добыча рыбы. За последиие десять лет общий улов сельди, кильки, иаваги и камбалы удвоился, по сравнению с тридцатыми годами сельди ловится в пять раз больше, кильки — в двадцать. В погоне за редеющими рыбными косяками увеличивается скорость, оснащеиие, тоииаж и количество рыболовиых судов. Сейчас всех этих сейнеров и траулеров, круглосуточно бороздящих Балтику, насчитывается добрый десяток тысяч. К ним следует прибавить бесчислеииые моторки рыболовов-любителей, военные флоты и флотилии разиых стран, таможеииые, спасательиые, иавигациоииые, метеорологические и иные специальные суда. Коица-краю ие видать этой иеостановимой стихии, загрязняющей море отработаиным маслом, пищевыми и гигиеиическими отходами, выброшеиными пластмассовыми емкостями и прочим мусором. В течеиие трех летиих месяцев только в западиой акватории моря сбрасывается с судов около ста тысяч тоин твердых отходов.

Туристический бум последиих лет привлек иа море миогие миллиоиы отдыхающих, и загрязнение побережья значительно усилилось. Но самый ощутимый вред Балтике прииосят, однако, не приезжие или транзитиые пас-

сажиры и даже не скопление постоянно живущих на побережье людей. В море впадает около двухсот рек, собирающих жидкие производственные и бытовые отходы с больших территорий, на которых концентрируется мощная химическая, металлургическая, целлюлозно-бумажная промышленность, ведется интенсивное сельское и лесное хозяйство с применением инсектицидов, пестицидов, гербицидов, минеральных удобрений. По использованию химических удобрений Западная Европа давно вышла на первое место в мире — среднегодовая норма их на гектар здесь уже превысила полтора центнера. Не усвоенные растениями остатки удобрений с полыми водами и дождями смываются в реки, а через них попадают в море. Источником загрязнения текущих в Балтику речных вод становятся не только сельскохозяйственные угодья. В лесах Западной Германии широко применяют гербициды — сильные химические вещества, уничтожающие сорняки, а также избирательно прореживающие лесные посадки. Перед применением их растворяют в минеральных маслах. Норма расходования препарата — триста литров на гектар лесной площади. Тяжелые остатки раствора впитываются в почву, отравляют грунтовые воды, а легкие стекают с дождями в реки, оттуда в море...

Безмерный и бесконтрольный сброс промышленных и бытовых вод, содержащих тяжелые металлы, активные соли, гнилостные бактерии, отходы реакторов, создает серьезную опасность для органической жизни Балтийского моря. Концентрация ядовитых веществ в организмах здешних рыб и птиц в десять раз выше, чем, скажем, у обитателей североморских вод. Некоторые виды птиц не могут высидеть птенцов, так как скорлупа их стала слишком хрупкой. Вредные вещества концентрируются иногда в таких количествах, что представляют опасность для человека.

Почти неотвратимую угрозу морю несет сброс фосфора в соединениях (четырнадцать тысяч тонн в год) и смесей различных веществ, поглощающих кислород (миллион двести тысяч тонн!). Эти вещества приносятся в море с неочищенными отходами целлюлозно-бумажной промышленности, столь развитой в северной Европе. Положение усугубляется тем, что Балтийское море имеет, на свою беду, жесткий, отлаженный тысячелетиями гидрологический режим. Глубинные течения, льнущие

ко дну датских проливов, снабжают море тяжелой соленой водой, а отток идет поверхностными — опресненными и легкими — струями через пролив Эресунн. Таким образом, море состоит как бы из двух не смешивающихся между собой водяных слоев. И когда кислородопотребляющие отходы достигают донных вод, они превращают нижний слой в совершенно безжизненную мертвую среду. Между этой отравленной водой и атмосферой лежит легкий, бедный солями поверхностный слой, который не дает придонным водам Балтики обогащаться кислородом. В конце шестидесятых годов отравление Балтики достигло какой-то критической точки, и в ее придонных водах был впервые обнаружен сероводород.

В гидрологии Балтики есть еще некоторые особенности, ухудшающие ее состояние. Здесь, как на всех полузакрытых морях, слабо выражены приливы и отливы, а обширные балтийские отмели гасят большие волны. Зимние льды еще больше затрудняют перемешивание морских вод. Правда, иногда по невыясненным причинам происходит прерывистое вторжение в море значительных масс свежей соленой воды. Последнее такое живительное поступление было в 1968 году. К сожалению, неочищенных стоков к этому времени вливалось в Балтику уже столько, что весь поступивший с водой кислород быстро и невозвратимо заместился сероводородом, убивающим всякую высшую жизнь, включая придонную растительность. И вот печальный, если не трагический итог: *омертвлено уже более сорока тысяч квадратных километров балтийского дна, и граница этой отравленной зоны постепенно расширяется и поднимается вверх...*

В последние дни моей шведской командировки в Стокгольме проходило очередное заседание международной конференции по Балтийскому морю. И когда я ознакомился с состоянием Балтики, то спросил сам себя — пессимист я или оптимист? Вот есть непреложная реальность — Балтика стала самым грязным морем планеты, количество неочищенных и неконтролируемых сливов и сбросов в нее непрерывно возрастает. Нет, я все же не верю, что люди когда-нибудь начнут пахать

Балтику, однако допускаю, что она скоро может стать первым морем на Земле, распространяющим зловоние. И еще поневоле думается: не наступят ли времена, когда понятие «охрана природы» уже забудется, а вместо сегодняшней так называемой защиты окружающей среды человек вынужден будет защищаться от окружающей среды?

Не принадлежа к убежденным пессимистам, я, однако, не хочу быть причисленным и к ряду беспочвенных утопистов, закрывающих глаза на тревожную и трудную действительность. Вспоминаю свой разговор о Балтике с заместителем генерального директора шведского Управления по охране среды господином Уве Хённингером, который спокойно заверил меня, что он оптимист — иначе не сидел бы в этом учреждении. Но давно назрела, считает он, необходимость заключения международной конвенции, хотя имеется немало сложностей и противоречий. Господин Хённингер с восхищением, помнится, отозвался об очистке сточных вод в ГДР, с которой делегация шведского управления по охране среды познакомилась во время своего визита туда.

— Представляете, службу охраны и контроля за чистотой сбросной воды у них несут двести специализированных катеров! Двадцать из них постоянно обслуживают район Берлина. Мы же на днях спустили на воду лишь первое такое судно... Ценный опыт Германской Демократической Республики по охране среды, конечно же, должен стать общим достоянием. Мы надеемся, что к совместной работе Советского Союза и Швеции, которая в этом году столь успешно начата, постепенно подключатся все страны Балтики...

Весной 1972 года в Стокгольме произошло одно негромкое, но очень важное международное событие. Последние годы экономическое и научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Швеции успешно развивалось, и вот на одной из своих сессий межправительственная комиссия создала советско-шведскую рабочую группу по проблемам окружающей среды, и состоялось ее первое заседание, разработан план. Представители двух стран договорились об обмене делегациями и лекторскими группами, о взаимных консультациях, симпозиумах, совместной разработке научных методов охраны среды и контроля за ее состоянием.

Сейчас наши и шведские данные о том, например, как загрязняется Балтийское море, как изменяется химическое состояние его вод и какое влияние это оказывает на всю жизнь моря, взаимно сопоставляются и анализируются. Намечены меры по охране воздушного бассейна, обоюдное знакомство с измерительной аппаратурой, совместная разработка методов прогноза, обмен опытом заповедания и многое другое, чего не опишешь в беглых зарисовках. Хочется лишь вместе со всеми, кто болеет за природу, порадоваться началу большого, очень нужного дела.

И все же трудно оставаться спокойным под гнетом негативных фактов. Очистные сооружения Чаппалы внушают вроде бы некоторую надежду. Это хорошо, конечно, что в ее выпускных водах может жить рыба, но другие-то районы Стокгольма травят эту рыбу неочищенными своими сливами. И Чаппала исключение, если взглянуть на огромное по протяженности балтийское побережье. Почти все заводы на берегу Ботнического залива спускают в море промышленные отходы, убивающие морскую живность. Весь Копенгаген и другие датские города сбрасывают сточные воды в Балтику безо всякой предварительной очистки. У побережий ФРГ и Финляндии фекалии и прочие коммунальные стоки оттесняют чистую воду в море грязными, вонючими расплывами. А вот несообразности иного толка. Шведы, затрачивая большие средства, выращивают в своих рыбоводных хозяйствах и выпускают в море мальков лосося, а датчане только ловят. Несмотря на то что уже вот сколько лет действует международное соглашение об охране балтийских вод от нефтяного загрязнения, южные и западные берега Швеции все сильнее страдают от него. Хотя во многих странах, в том числе и в Швеции, приняты законы об охране среды, до сего дня каждые сутки в Балтику спускается два железнодорожных эшелона веществ, поглощающих кислород. Таким образом, в районе Балтики создалась опасная дилемма: стремясь сохранить в чистоте корабли, внутренние воды и города, вырастить повышенный сельскохозяйственный и лесной урожай на родных землях, снизить в конкурентной борьбе себе-

стоимость своей промышленной продукции и выловить побольше рыбы для себя, люди губят общее, принадлежащее всем, *наше* море.

Конвенция прибалтийских стран по защите морской среды должна предотвратить дальнейшее загрязнение его вод, категорически запретить сброс в море ядовитых веществ, лов рыбы для технических целей. В самое последнее время всеобщая тревога и озабоченность начала вызывать конкретные реальные меры. Один за другим начали создаваться в прибалтийских городах современные проекты очистки стоков. На эти работы стали отпускаться немалые средства. Шведские целлюлозники, например, в ближайшие два-три года запланировали потратить на цели очистки стоков сотни миллионов крон. Сто миллионов марок выделено в ГДР. В Ленинграде строятся очистные сооружения, способные перерабатывать в сутки семьсот пятьдесят тысяч кубометров сточных вод. Финны создают новую технологию, при которой наиболее вредные отходы целлюлозной промышленности сжигаются на берегу и не попадают в море. На судах некоторых стран устанавливаются водно-нефтяные сепараторы... Но все это, однако, лишь первые подступы к великой программе спасения Балтийского моря. Впереди очень много работы, и она неизбежна. Чистота и биологическое равновесие Балтийского моря нужны для того, чтобы человек пользовался его дарами сегодня, а сотни миллионов будущих людей могли вечно добывать из него продукты питания, отдыхать на его пляжах, использовать природные богатства его воды и дна.

Какие нужны соглашения ради спасения Балтики, какие национальные и региональные капиталовложения необходимы, какие службы по контролю за физическим, химическим, биологическим состоянием балтийской воды, какие запретительные охранные меры потребны — все это неотложные заботы для политиков, дипломатов, ученых, юристов, экономистов всех прибалтийских стран. Их задача куда сложней и ответственнее, чем это выглядит в моем кратком и поэтому далеко не полном освещении громадной проблемы международного природопользования, и я почтительно склоняю голову перед их заботами, знаниями, сегодняшними и завтрашними трудами. Очень бы не хотелось мне ассоциировать ныне

слово Балтика с тревожными эмоциями, с тягостными ощущениями бессилия, с неопределенными и едва теплящимися надеждами, но что я могу поделать?

Балтика... Она на Земле одна, а у людей только одна Земля.

7. ТОЛЬКО ОДНА ЗЕМЛЯ

В черный круг, обрамленный листвой и условно изображающий Землю, врезана символическая фигура человека с раскинутыми руками. Эта эмблема конференции Организации Объединенных Наций по окружающей человека среде, проходившей в Стокгольме 5—16 июня 1972 года, печаталась на лозунгах, плакатах и листовках, на докладах, рекомендациях и решениях. Во время моей шведской поездки первый в истории международный форум, посвященный проблемам среды, завершал свою работу, участники его собирались по домам, выразительная эмблема переставала мелькать в газетах и витринах, а через несколько дней совсем исчезла. Политики, дипломаты, журналисты, отдав должное мероприятию, занялись другими событиями, неотложными делами, но неизменной и вечной осталась эта простая и великая истина: Земля у всех нас только одна, и, быть может, она только одна такая на всю нашу необъятную Праматерь-Галактику — со своей неповторимой природой и ее бесценным подарком жизнью, полной глубочайших взаимосвязанных тайн, со своим homo sapiens — человеком разумным. И мы, живущие ныне на Земле,— первое в истории человечества поколение людей, которое начинает понимать необходимость всеобщего чуткого и действенного внимания к состоянию биосферы, и, скорее всего, последнее, которое еще может сделать что-то реальное. Перед нами, населяющими эту единую Землю и постепенно осознающими себя как единое человечество, стоят очень сложные, многообразные и трудные задачи, касается ли дело сохранения Балтики, окруженной семью странами, или, например, Дуная, вдоль которого расположено восемь государств, спасения общего для всех народов океана, воздушного бассейна или таких элементов био-

сферы, к которым не привлечено пока достаточно внимания.

Сидели мы со шведским генетиком Бьёрном Гильбергом на его крохотном подоконном участке, рассматривали подопытные помидорные кусты, разговаривали о только что закончившейся конференции ООН и только что начавшейся конференции по Балтийскому морю, о Карле Linнее и Николае Вавилове, о прошлом генетики, будущем энергетики и сегодняшней политике. В какой-то момент, помнится, взялся я рассказывать все о том же кедре сибирском — мне удается поворотить на эту тему любой разговор. Вот, говорю, до чего удивительное дерево! В шкафу из его древесины почему-то не заводится моль, а пчелы чувствуют себя лучше всего именно в кедровом улье. В отличие от терпентина других хвойных, смола его не кристаллизуется полтора года, без нее не обойтись при исследованиях и космоса и микромира — кедровым оптическим бальзамом, не преломляющим световых лучей, склеивают телескопические стекла и просветляют под микроскопом объекты бактериологических наблюдений. Только в кедровых лесах и кедровом стланике живет драгоценный сибирский пушной зверь — соболь. Лишь в кедрачах Саян и Алтая обитает особый подвид благородного оленя — марал, с его чудодейственным пантокрином, получаемым из пушистых и мягких, наполненных густой горячей кровью весенних рогов животного. Под пологом кедровой кроны, меж корней растет в Приморье легендарный женьшень. А один ленинградский ученый установил, что в кедровом лесу меньше микробов, чем допускается в операционных помещениях...

Молодой ученый, слушая, задумчиво вертел перед глазами желтую кедровую шишку, похожую на маленький ананас, внимательно рассматривал ее, потом уважительно и весомо произнес:

— Генетическое сокровище.

Из популярных газетных заметок мы знаем названия животных, уничтоженных человеком и навсегда исчезнувших с лица земли, слышали о «Красной книге», в ко-

торую вписаны редкие звери, птицы и растения, подлежащие строгой международной охране, но о том, какую чрезвычайную, возрастающую со временем ценность имеет весь генетический фонд живой природы Земли, в полной мере не представляет себе ни один человек, каким бы великим ученым, знатоком и специалистом он ни был. Дело в том, что самое на первый взгляд скромное проявление органической жизни может в будущем сыграть огромную роль в удовлетворении потребностей человека.

Скажите, например, кто пятьдесят лет назад (а это всего лишь миг в истории природы и человечества) мог предсказать, что микроскопическая, невидимая невооруженным глазом водоросль под названием хлорелла окажется предметом усиленного сегодняшнего внимания? И дело не в том, что хлорелла вместе со своими собратьями водорослями несет на себе большую нагрузку по фотосинтезу, поставляя в атмосферу кислород. Почти половину веса хлореллы составляют белки. Питательных и легкоусвояемых белковых соединений в ее составе в два раза больше, чем у лучших сортов пшеницы. Это замечательное природное образование содержит также жиры, углеводы, почти полный набор витаминов и размножается к тому же с фантастической быстротой. Японцы, ежегодно собирая с гектара хлорелловых плантаций по двадцать пять центнеров зеленой массы, уже добавляют ее в пищевой рацион людей и домашних животных, готовят из нее даже конфеты. Советские ученые разработали способ выращивания хлореллы в полной темноте с помощью специального питательного раствора. И как знать, не сделается ли в будущем эта самая хлорелла одним из основных поставщиков белка для населения Земли и станет ли без нее возможным выход человека в дальний космос, где она уже успела побывать на наших спутниках в качестве первого зеленого космонавта?

Необыкновенна история обыкновенного подсолнуха, завезенного когда-то в Россию как декоративное цветочное растение. По редчайшему наитию простого воронежского мужика по фамилии Бокарев, крепостного известных земельных магнатов Шереметевых, подсолнух был блистательно культивирован и спустя всего пятьдесят лет сделался одной из основных масличных культур, заняв собой на всех континентах многие миллионы гектаров

сельскохозяйственных угодий, в том числе на своей генетической родине, в Америке.

А вспомним вареную полбу, какою пушкинский поп должен был кормить своего работника Балду. Давно сей злак повывелся почти повсюду, практически исчез с русской земли. Только это обстоятельство вовсе не означает, что полба однажды не потребуется нашим или иностранным селекционерам. Дело в том, что полба-двузернянка, например, не заражается пыльной головней, а однозернянка отличается, как пишет БСЭ, «исключительной устойчивостью *ко всем болезням*». Я решил выделить последние слова, потому что многие дикие сородичи культурных растений обладают замечательными свойствами — сопротивляемостью болезням или ветровалу, хладостойкостью, низкорослостью или цепкостью корневой системы. И никто сейчас не может сказать, когда и в каком районе земли может понадобиться особый белковый состав того или иного дикороса, специфичность его аминокислот, масличность, витаминозность, фитонцидность, способность противостоять вредителям или выжить в трудных климатических условиях.

Мы знаем, какой исключительный результат дала так называемая «зеленая революция» в ряде развивающихся стран. Высокоурожайные сорта риса, внедренные на Филиппинах, например, в значительной мере удовлетворили потребности населения этой страны. Следует подчеркнуть, что для выведения «революционных» сортов потребовалось широкое межвидовое скрещивание.

С развитием глобальных путей сообщения многие виды животных, растений и насекомых путешествуют между странами и континентами. Человек перевез из Нового в Старый Свет картофель и кукурузу, помидоры и каучуковое дерево, индейских кур, норку и ондатру, взамен отдав пшеницу и рис, сою и сахарный тростник, лошадь и свинью, кофейное дерево, чайный кустарник и гигантскую банановую траву, виноград, дыню и капусту. Расселение по земле различных видов сельскохозяйственных животных и растений повлияло на историю, экономику, образ жизни народов, на облик многих стран и даже целых континентов. Сейчас уже трудно представить Бразилию без плантаций кофе, Австралию без ее овцеводства, Малайзию без каучука-сырца, хотя и кофейное дерево,

и овца, и гевейя — сравнительно недавние переселенцы. Этот плодотворный обмен продолжается и в наши дни. Из американских лесов и садов пришли к нам черноплодная рябина и раскидистый тополь, заполнивший, правда, сверх всякой меры наши города. Совсем недавно в Латинскую Америку перевезли кавказскую серую пчелу с ее семимиллиметровым хоботком, которого как будто и не хватало роскошным аргентинским и бразильским медоносам. С мексиканских заливных полей только что перешел в Южную Азию упомянутый уже высокоурожайный рис, а растущий международный спрос на семена нашей лиственницы мы все никак не можем удовлетворить.

Умеют путешествовать и нежелательные виды. Едва закончилась в Стокгольме конференция ООН по окружающей среде, как страницы шведских газет заняла очередная сенсация — на южном побережье страны появился колорадский жук. Население прибрежных районов поголовно вышло на борьбу с этой напастью, угроза картофельным полям Швеции была с трудом ликвидирована. Иногда болезни и вредители поражают эндемичные виды в результате внедрения экзотических культур и попадания чужеродных организмов в благоприятную для них природную среду. Паразиты почти полностью уничтожили, например, американский каштан. А в водоемах Подмосковья распространились за последние годы бычки, занесенные, как считают рыболовы, чайками с юга, и американский двоякодышащий сомик, выброшенный, наверное, однажды из аквариума. Эти приспособчивые и выносливые чужаки пожирают икру аборигенов и могут со временем полностью изменить ихтиофауну милых нашему сердцу речек и озер, уничтожить приноровившееся друг к дружке рыбье население. Как бороться с ними? Выловить эту дрянь невозможно, травить вместе с ними все живое нельзя. Не подскажет ли наука какие-нибудь новые и тонкие способы защиты?

Вспоминаю одну из своих давних поездок в Сибирь к иркутскому профессору Талалаеву, создавшему «белую смерть» — особый препарат на основе открытого ученым бактериального штамма, который поражал непарного, соснового и дубового шелкопряда, шишковую огнёвку, пяденицу, озимую и люцерновую совку, различных листоверток, американскую белую бабочку, вызывая среди

этих пожирателей наших зеленых богатств и сельскохозяйственных урожаев избирательную искусственную эпизоотию. Уже много лет культура этого штамма Bacillus dendrolimus Talalaev хранится в Парижском институте имени Луи Пастера.

Евгений Васильевич смущенно и неохотно отвечал на мои расспросы о том, как это он, чтобы доказать безвредность «дендробациллина Талалаева» для человека, рискнул проверить его действие на себе. Переводил разговор на общие вопросы микробиологии и всячески старался побыстрей сплавить меня в одну из партий своей экспедиции, проводившей новые и будто бы очень интересные исследования.

— Как я сделал себе инъекцию? Да никакой инъекции я не делал, ничего не прививал,— отговаривался он.— *Съел, да и все...* А слышали ли вы о том, что вот уже десяток лет в прибайкальских листвягах нет возобновления?

— Краем уха.

— А знаете почему? Нет?

— Ну, наверно, по каким-то причинам нет урожая семян. Бывает...

— В том-то и дело, что выпадали и хорошие урожаи, и даже отличные, а самосева по-прежнему нет! Если так пойдет далее, то после двухтысячного года тут лиственницы не будет. Вы понимаете, что это значит?! Нам отпустили неограниченные средства — лишь бы мы нашли причину и противомеры. Поезжайте-ка, поезжайте, не пожалеете...

Тогда я впервые услышал выражение «генетический фонд» и узнал, что в этом золотом фонде человечества с полным правом числятся разнообразные бактерии, плесень, дрожжи, протозоа, простейшие водоросли, вирусы. В самом деле, только их полное разнообразие обеспечивает правильное протекание углеродных и азотных процессов, от которых зависят все формы жизни. Благотворное действие бактерий полностью определяет, например, качество и аромат пищи и напитков, употребляемых человеком. Без микроорганизмов нельзя было бы получить ни душистого вкусного хлеба, ни ноздрястых сыров тонких вкусовых оттенков, ни благородного вина, ни пенистого пива. При помощи этих незримых наших помощников разлагаются отмершие растения, создается почва,

обезвреживаются загрязняющие отходы, производятся антибиотики. И среди этих ничем не заменимых существ мы можем вербовать и воспитывать врагов наших врагов — новое и пока очень медленно развивающееся биологическое направление, с несомненным, однако, и богатым будущим...

Обстановка в экспедиции Талалаева, что расположилась на Тункинском тракте, недалеко от монгольской границы, была и тревожной и деятельной. Во всей большой округе ученые не нашли ни одного плодоносящего дерева. Нет, шишек-то было много. Тяжелые грузовики с набитыми доверху кузовами привозили из дальних районов огромные вороха лиственничной шишки, но вся она была мертвой. На глазах гибли не только будущие леса Прибайкалья, пропадало сегодняшнее чистое золото. Многие страны охотно платили нам валюту за семена лиственницы — быстрорастущего смолистого дерева с опадающей на зиму хвоей. Сто тонн их можно было продать в том году, а для своих и чужих нужд удалось собрать по всем лесам Сибири в десять раз меньше.

Что же за причина бесплодия шишек? Еще по весне нашли под чешуйками крохотные яички неизвестного насекомого, вывели в полевой лаборатории личинку, а потом на свет божий явилось некое загадочное насекомое. Удалось установить, однако, что это лиственничная муха, лишь однажды описанная в полуторастраничной научной заметке 1925 года. Это ее личинка начисто уничтожала семена лиственницы. С мухой бороться было невозможно. Она жила всего два дня и летала высоко у вершин дерев. Надо было попытаться найти паразита, губящего насекомое на промежуточных стадиях развития, в лесной подстилке, где зимовала окуклившаяся личинка. В обеспложенных шишках удалось обнаружить более ста погибших личинок — патологический материал для зимнего выращивания и определения бактерий, быть может, неизвестных науке видов. А незадолго до моего приезда в тайгу нашли возле погибшей личинки лиственничной мухи микроскопических червячков — личинки другой мухи, паразитирующей на шишкоеде. Это был, скорее всего, новый, только что открытый вид насекомого, который мог быть выращен только к весне. По какому направлению пошли дальнейшие исследования и к чему они привели, я рас-

скажу в другом месте и по другому случаю, чтоб совсем не увести читателя от шведских остановок и конференции ООН...

Более полное использование генетических ресурсов таит в себе огромные возможности при выведении лучших пород домашних животных, скота и птицы, селекции сельскохозяйственных и луговых растений, лесных и садовых деревьев. Даже простое переселение приносит часто поразительные результаты. Вот, например, последние такие переселения. Североамериканская сосна, высаженная в южном полушарии, замечательно повышает свою продуктивность. В Аргентине, например, она прирастает за год до двух с половиной метров в высоту, откладывает годовые кольца толщиною до тридцати пяти миллиметров и за какой-нибудь десяток лет достигает размера обычной таежной сосны. При определенных условиях кедр сибирский на европейской территории нашей страны дает за лето два годовых прироста. До огромных размеров вырастает севанская форель в Иссык-Куле и алтайский «маралий корень» на оленьих пастбищах Большеземельской тундры...

Неиспользуемые пока резервы сокрыты в таинственном невидимом мире микроорганизмов, многие чудодейственные способности которых находятся для нас еще за семью печатями и едва начинают выявляться биологической наукой.

Напомню хотя бы об одном таком открытии последнего времени. О бедах, связанных с нефтяным загрязнением морей, достаточно сказано ранее. И давно уже по всему миру идут поиски надежных методов очистки морских вод от нефти и минеральных масел. Сообщалось о механических сепараторах, соломенных матах, пористых пенопластиках, собирающих, впитывающих нефть или продукты ее переработки.

А вот украинские ученые-биологи обнаружили в южных морях Земли и впервые описали, взяли на учет около четырехсот разновидностей микроорганизмов, растущих на нефти и маслах, быстро съедающих эту несъедобную для прочих живых существ пищу. Причем выяснилось, что с увеличением в воде концентрации нефти бур-

но растет и количество потребляющих ее микробов — в литре морской воды их может развестись до десятка миллионов! Многие микроорганизмы охотно пожирают и бытовые стоки, полностью очищая воду. И как знать, не станут ли в недалеком будущем самолеты или вертолеты санитарной гидробиологической службы рассыпать по первому сигналу над загрязненными водами колонии спасительных микробов?..

Генетические ресурсы земли — итог эволюционного развития живой природы за миллионы лет — особый экономический и научный фонд человечества. Эксперты ООН считают, что *для экологической стабильности биосферы, сохранения способности видов, в том числе и человека к выживанию, необходимо максимальное генетическое разнообразие.* Между тем ученые фиксируют непреложный факт — растущее воздействие человеческой деятельности на биосферу истощает или разрушает ценные генетические ресурсы. Подвергаются угрозе многие районы Азии, Африки, Латинской Америки, являющиеся естественными местами обитания уникальных диких видов.

Земля только одна, и ее будущее, социально-экономический прогресс человечества и удовлетворительное состояние природы могут быть обеспечены лишь при серьезном, срочном и общем внимании к генетическим фондам, к их исследованию, коллекционированию, документированию, сохранению, оценке, широкому и правильному использованию. Ныне даже географическое размещение генетических коллекций не позволяет наладить такое использование — в развитых странах, удаленных от мест происхождения видов, их насчитывается до двух десятков (без учета множества мелких научных собраний и частных, иногда чрезвычайно ценных коллекций), а в развивающихся странах, испытывающих особую нужду в высокоурожайных сортах сельскохозяйственных культур и продуктивных домашних животных, нет ни одного такого центра. Для начала дела необходимо создать крупные международные центры зародышевой плазмы растений, животных, рыб, насекомых и микроорганизмов, наподобие Института растениеводства имени Н. И. Вавилова, бесценные коллекции которого были сохранены даже при драматических обстоятельствах ленинградской блокады...

Да, у людей только одна Земля, но если мы попытаемся подойти с этой меркой к нашей теме, то какую неустроенность и неразбериху обнаружим в общем доме человечества — биосфере, какая сложная, пестрая и переменчивая картина мира открывается, какая разительная непохожесть существует в исторических, географических, социальных и иных условиях жизни каждого народа!

Есть разнобой в толковании и понимании смысла даже одинаковых слов, в том числе тех, которые оценивают положение. Вот мы постепенно привыкаем к выражению «общество и природа», но различных обществ превеликое множество на Земле, а слово «природа» может иметь немало разных значений, вплоть до исходного, совершенно забытого, если хотите, природного — увеличение, прибавление, *прирождение*. Под влиянием газетных и журнальных публикаций мы считаем почти аксиомой, что все беды окружающей среды суть следствие и даже «обратная сторона» технического прогресса и за каждую новую выгоду, полученную от применения техники, природа и человек непременно платят определенную цену. Это умозаключение очень относительно, спорно. Приведу некоторые факты, касающиеся судеб главного богатства любого народа и государства — земли, почвы. Земли Мадагаскара эксплуатировались так, что были обезображены и обесценены эрозией безо всяких машин и механизмов. За много веков до какого бы то ни было технического прогресса цветущие поля и сады Согдианы и Бактрии под огнем и мечом завоевателей превратились в мертвые пустыни. В некоторых районах Африки, куда не дошел пока технический прогресс, в наши дни выжигаются тропические леса, освободившиеся земли дают несколько урожаев и омертвляются надолго, если не навсегда.

Имея в виду почву как самое, быть может, драгоценное создание природы и важнейшую часть биосферы как ближайший и непосредственный объект человеческой деятельности, мы можем видеть и факты совсем другого порядка. Человек заставил продуцировать миллионы гектаров выпаханных земель с помощью искусственных удобрений, а их получение невозможно без научно-технических завоеваний последнего времени. Обширные пустыни человек остановил лесами, выращивание которых в таких масштабах и в такие сроки без машин было не-

реальным делом. Человек обводняет засушливые почвы целых государств, осушает земли в переувлажненных районах, и для этих циклопических работ необходимы научные обоснования, инженерные расчеты, электроэнергия, тракторы, экскаваторы, бульдозеры, канавокопатели и другие принадлежности научно-технической цивилизации.

Если же понаблюдать дальше за состоянием эксплуатируемой земли, то нередко мы можем столкнуться и с возникающими в силу разных причин отрицательными явлениями. За механической обработкой земли нередко идет нарушение ее структуры и катастрофическая ветровая эрозия, за ирригацией — перерасход невосполнимых подземных вод и засоление почв, за внедрением высокоурожайных сортов — их прогрессирующая неустойчивость к вредителям и отравление среды ядохимикатами. Но единственное средство, которым располагает человечество, чтобы исправить такие отклонения от норм,— тоже наука и техника. Роль теории, прикладных, специальных знаний и машин в сельскохозяйственном производстве все время будет возрастать — ведь уже к 1985 году производство продуктов питания на земле, по расчетам экспертов ООН, должно удвоиться. Говоря обобщенно, в той цивилизации, наследниками и проводниками которой мы являемся, нет пока других средств для достижения материального прогресса, кроме науки и техники. Только никто сейчас не скажет, когда критерием прогресса станет гармоничность производства и окружающей среды,— слишком уж много переменных и неизвестных обстоятельств встретится на пути к этому желанному будущему.

Одной из главных причин сегодняшнего давления на природу многие считают неслыханные темпы прироста населения. На Земле ежегодно появляются семьдесят пять миллионов новых едоков, но к этому очевидному факту может быть очень разное отношение. Если для индийца демографический взрыв — сегодняшняя острая и неотложная проблема, то рядовой канадец, например, способен отнестись к ней вполне спокойно. Его-то страна просторна, слабо заселена, богата полезными ископаемыми, пресной водой, продуктивными и доступными

лесами, хлебородными землями, а тревожное для других будущее сулит устойчивый сбыт зериа, изделий и сырья по хорошей цеие...

Проблемы окружающей среды во многих райоиах развивающихся государств приобретают такую же остроту, как в странах промышленных, ио обостряются перенаселенностью, иедоедаиием, иехваткой доброкачествеиной питьевой воды и плохими санитарными условиями для миллионов людей, стихийными бедствиями и эпидемиями. В условиях массовой нищеты ии о каком экологическом подходе при использовании природных богатств не может быть и речи. Даже простые экоиомические расчеты сулят, например, в ближайшей перспективе тяжелые последствия опустошения недр иностранными концессиоиерами, переловов рыбы в прибрежных и внутренних водах, чрезмерного выпаса на пастбищах, сплошного уничтожения лесов ради финансовых, торговых, престижных и иных сиюминутных выгод.

Наибольшую угрозу природе тропических районов, повторяю, представляет традиционное земледелие, сопровождаемое беспорядочной вырубкой и выжиганием лесов, эрозией земель из-за ливней, наводнений и продолжительных засух, быстрым истощением почв, плодородие которых не может восстановиться без внесеиия оргаиических и минеральных веществ. Неустойчивость, хрупкость экологических систем тропиков приводит к полной потере почвенного слоя или другого естественного ресурса. В лучшем случае возврат к первоначальиому состояиию природиой среды потребует десятилетий и почти иеограниченных материальных затрат. Особая серьезность положеиия заключается в том, что экономически отсталые иароды, не располагая иеобходимыми средствами для улучшения окружающей среды, не могут в то же время ради сохранения природы и естествеиных ресурсов отказаться от иидустриального роста и получения продуктов питания любыми способами, отдаляющими сегодняшний голод.

В так называемом «третьем мире» иемало и других забот, связанных с проблемами окружающей среды. Растут опасения, что отсрочка с решеиием таких проблем увеличит существующее во миогих странах экономическое и социальное иапряжение, что расходы по охране природы в отиосительно благополучиых государствах

вызовут изменения в мировой стратегии развития, отрицательно скажутся на торговле и помощи, а слепое повторение опыта индустриализированных стран приведет к новым трудно устранимым противоречиям, которые будут вызваны ухудшением окружающей среды.

Главные, особого рода тревоги связаны с тем, что ресурсы планеты ограниченны, а вездесущий бизнес, спекулируя на голоде и нищете отсталых народов, усиливает грабеж природных богатств по всему миру, обращая их в продукты, вещи, машины для населения развитых капиталистических стран. В этих странах живет всего тринадцать процентов населения земного шара, но используют они почти девяносто процентов мировых энергетических ресурсов, потребляют половину вылавливаемой рыбы, эксплуатируют двадцать процентов пашен планеты сверх своих собственных, вывозят в Западную Европу и Северную Америку несметные богатства лесов и недр, принадлежащие развивающимся народам.

Черной тенью маячит на горизонте призрак урбанизации. Несмотря на то что в сельскохозяйственном производстве все еще занято около половины населения планеты, несметные людские массы переселяются ныне в города, где проводят большую часть жизни в закрытых помещениях. Еще полвека назад известный архитектор и градостроитель Ле Корбюзье называл города «опасными и недостойными нашей эпохи машинами для жизни», а современное понятие «урбанизация» уже неотделимо от множества старых и новых болезней капиталистических городов. Неостановимый, уродливый, гепертрофический их рост, скученность населения, заполонение улиц и площадей автомобилями, острая нехватка жилищ, свежей воды и чистого воздуха, шум, антисанитария, инфекционные и иные заболевания, изнуряющий темп жизни, наркомания, преступления — вот какая жизненная среда создается во все большем числе городов.

Неизбывно страдая от окружающей среды, живут, например, на узкой полоске тихоокеанского побережья десятки миллионов японцев, хотя их самый большой остров почти пустынен. Более семидесяти процентов территории

США теснятся на полутора процентах территории этой обширной страны. Неотвратимой становится угроза быстрой и чрезмерной людской скученности для многих районов ряда развивающихся стран. За время, прошедшее со дня освобождения от колониализма, население столицы Нигерии Лагоса выросло с трехсот тысяч до полутора миллионов человек, а Мадрас, главный город индийского штата Тамилнаду, за последние десять лет принял миллион новых горожан. Но поразительнее всего, однако, безудержный рост промышленного бразильского города Сан-Паулу. Если каким-то чудом его городским властям удастся ограничить темпы прибавки своего населения хотя бы пятью процентами в год, то и в этом случае через десяток лет в Сан-Паулу будет проживать двадцать миллионов человек! Однако уже сегодня город этот тяжко болен, страдая от последствий капиталистической урбанизации. Вот газетная заметка, напечатанная в июне 1975 года: «Уровень загрязнения воздуха в бразильском городе Сан-Паулу в три раза превышает максимально допустимые нормы, определенные Всемирной организацией здравоохранения. Объясняется это тем, что владельцы обосновавшихся в городе предприятий иностранных компаний всячески стремятся уйти от расходов на установку очистительных фильтров, в результате чего атмосферу отравляют вредные для здоровья человека промышленые газы. Обычными заболеваниями в Сан-Паулу стали раздражение слизистой оболочки глаз, аллергические заболевания, переходящие в хронический бронхит и астму. Нередки случаи, когда жизнь тысяч людей подвергается серьезной опасности. Так, в начале этого месяца в районе промышленного города Санту-Андре (близ г. Сан-Паулу) вдруг появилось облако, сплошь состоящее из ядовитых газов. Вскоре в местные больницы были доставлены люди с признаками отравления. По сообщению местной печати, облако возникло в результате того, что на одном из предприятий были грубо нарушены требования об очистке отработанных газов».

А вот данные Экономической комиссии ООН об урбанизации в испаноязычных странах: в столицах своих стран проживает почти половина уругвайцев, больше трети венесуэльцев, пятая часть перуанцев. Только за пять лет население Мадрида увеличилось на полмилли-

оиа человек. В Барселоие плотиость иаселения достигла двух с половииой тысяч человек на гектар городской территории, что в шесть раз превышает саиитариую иорму. В этих двух городах, занимающих всего лишь семь сотых процеита территории Испаиии, скоицеитрировано двадцать процеитов ее иаселеиия.

И урбанизация, как становится совершеиио очевидиым,— не столько результат прироста иаселеиия, сколько следствие иных, более глубоких причии. Ее нельзя также сводить ни к вопросам плаиироваиия и застройки городов, ии к количеству и качеству зданий. На лечение хроиических и даже, быть может, смертельных болезией больших городов уйдет, иавериое, иемало интеллектуальиых сил и материальиых средств, тогда как требуется точиая их диагиостика, социальная и всякая иная профилактика, чтобы предупредить недуги урбанизации, постигшей миогие народы.

Окружающая среда — образ, отпечаток общества. На ее историческом, географическом, биологическом фоне отражаются все социальио-политические, экономическпе, научио-техиические, культуриые и иравствеииые процессы, происходящие в обществе, а совремеииые болезии среды — признак глубокого кризиса, охватившего зиачительную часть мира.

Главиая цель улучшения окружающей среды сводится в коиечиом счете к гармонизации и гумаиизации обществ, к наиболее полиому развитию человеческой личиости. Но какая сложная, тонкая вязь разнообразиых причин и следствий обнаруживается, когда мы пытаемся исследовать любую из проблем окружающей среды, в сфере которой сходятся, тесно смыкаются все беды совремеииого человеческого общежития — бескоитрольиое растранжириваиие природных ресурсов и экоиомическая отсталость обширных райоиов плаиеты, безудержиое потребление в странах относительиого изобилия и массовая бедность в молодых развивающихся государствах, иакапливаиие ядериого, бактериологического, химического оружия и политические препятствия иа пути народов к социальиому совершеиствоваиию, агрессия «массовой культуры» и поголовиая безграмотиость, стаидартизация

жизни и насилие, дух приобретательства и забвение принципов гуманизма, космополитические стереотипы в искусстве и мучительные процессы национального творческого самовыражения как единственная гарантия духовного развития мира...

5 июня, день открытия первой Конференции ООН по окружающей человека среде, объявлен Международным днем защиты окружающей среды и будет теперь отмечаться во всем мире. Он каждый год станет напоминать нам о необходимости непрерывной, последовательной и кропотливой работы всех народов Земли, всех правительств и всех международных организаций по улучшению, оптимизации взаимоотношений между человеческим обществом и земной природой. К этому дню мы, очевидно, будем итожить наши национальные и общечеловеческие достижения в разрешении проблем окружающей среды, намечать новые рубежи, предстоящей работы, заглядывать в разверстые бездны неизвестного.

К первому из этих дней — 5 июня 1972 года — мы пришли полные тревог и надежд, довольные началом нового, великого и неотложного подвижения человечества и неудовлетворенные этим началом. Многочисленные международные специализированные организации подготовили к открытию стокгольмской Конференции ООН свои соображения и наметки, отражающие некоторый уже накопленный опыт, фиксирующие первые шаги. Почти с самого своего основания проблемами окружающей среды занималась, например, ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры). Начиная с создания в 1948 году Международного союза по охране природы до объявления в 1971 году долгосрочной исследовательской программы «Человек и биосфера», ЮНЕСКО в сотрудничестве с другими организациями способствовала деятельности, связанной с научными проблемами окружающей среды. Под ее эгидой прошли исследования засушливой и тропической зон, была создана Межправительственная океанографическая комиссия, начато Международное гидрологическое десятилетие. ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация) проводила оценку воз-

можностей и ограничений использования почв, лесов, вод, пастбищ, рыбных запасов, разрабатывала меры защиты этих ресурсов от истощения и ухудшения, оказывала помощь в создании соответствующего законодательства, норм, надзорных служб. В соответствии со своим уставом ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) проводила мероприятия, направленные на обеспечение защиты людей от вредного воздействия факторов окружающей среды. Международная организация гражданской авиации (ИКАО) исследовала воздействие шума, производимого летательными аппаратами, и разработала предложения к Конвенции о международной гражданской авиации, в которых излагаются нормативы, рекомендуются методы замера шума и меры борьбы с ним. Начальное внимание проблемам окружающей среды оказывало Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Всемирная метеорологическая организация (ВМО), Межправительственная морская консультативная организация (ИМКО) и другие специализированные учреждения, однако в этой их деятельности, как было зафиксировано в одном из документов Конференции ООН, «...имеются большие упущения, а некоторые функции не выполняются».

...История подошла к такому моменту, когда нам необходимо регулировать свою деятельность во всем мире, проявляя более тщательную заботу в отношении последствий этой деятельности для окружающей человека среды. Из-за невежества или безразличного отношения мы можем нанести огромный и непоправимый ущерб земной среде, от которой зависит наша жизнь и благополучие. И наоборот, в более полной степени используя наши знания и действуя более мудро, мы можем обеспечить для себя и для нашего потомства лучшую жизнь в условиях среды, которая в большей степени будет соответствовать потребностям и надеждам людей. Имеются широкие перспективы улучшения качества окружающей среды и создания хороших условий для жизни. Необходимо проявить энергичный и трезвый подход и заняться интенсивной, но упорядоченной деятельностью. В целях достижения свободы в мире природы человек должен использо-

вать свои знания для создания в соответствии с законами природы лучшей окружающей среды. Защита и улучшение окружающей среды для нынешнего и будущих поколений превратились в настоятельную задачу для человечества. Эту задачу необходимо решать совместно и в соответствии с установленными и основными целями мира, а также международного экономического и социального развития...

Так характеризует проблему в своей Декларации Конференция ООН. Это международное собрание, оказавшись перед неизведанной громадной темой, заслушало и зафиксировало немало общих, бесспорных, декларативных слов, осторожно прощупывающих подчас довольно отдаленные подступы к формулированию неотложных и давно назревших задач, стоящих перед человечеством. Это верно, что можно нанести огромный и непоправимый ущерб земной среде, от которой зависит наша жизнь и благополучие. Но по каким причинам мы можем так поступить? «Из-за невежества или безразличного отношения...»? Малоподходящая формулировка для наших дней, когда есть уже немало блистательных побед в битве за улучшение среды, но есть и горькие поражения, объясняемые вовсе не безразличием или невежеством, а общественной несправедливостью, неустройством и неорганизованностью, коренными пороками в распределении жизненных благ, нуждой и алчностью, тяжкими экономическими и культурными последствиями колониализма, национальным эгоизмом, политической реакцией, безнаказанностью отдельных лиц и социальных групп, расхищающих национальные и общечеловеческие ценности, психологией временщичества, продажностью науки, усталостью борцов за улучшение окружающей среды и другими важными причинами. В поисках причинно-следственных связей можно акцентировать внимание на организационных, научных, культурных, информационных, психологических и иных вторичных аспектах проблемы, однако *все сложности и противоречия, с которыми сталкивается человек в сфере окружающей среды, неразрывно сцеплены с вопросами социальными, политическими, зависят от них, вызваны ими и не могут быть решены в отрыве от них.* Это относится и к международным экономическим и политическим отношениям, в которых проблемы окружающей среды будут играть все возрастающую роль.

Конференция ООН по окружающей человека среде оказалась неполноценной из-за того, что Советский Союз, самое большое на земле государство, и почти все страны социалистического содружества не могли принять в нем участие.

А ведь у нас есть прочные научно-экономические и философские первоосновы проблемы «общество и природа», в нашем активе ленинские декреты, которые задолго до нынешних времен, когда эта проблема так обострилась в мире, ввели в законодательство и практику первого на земле социалистического общества основные природоохранительные принципы, у нас — при всех наших трудностях, противоречиях и своих непростых проблемах — в наличии новейшие проекты, постановления и замыслы, опережающие прочих по целям и идеям, намечающие реалистичные, широкие перспективы научного природопользования.

И какие бы дипломатические тонкости ни брались в расчет при подготовке конференции, это, бесспорно, абсурд, что к обсуждению общечеловеческой, планетарной проблемы не была допущена Германская Демократическая Республика — молодое самостоятельное государство, расположенное в центре Европы, имеющее большую береговую линию на Балтийском море, входящее по объему производства в первый десяток наиболее развитых стран мира, а по практической реализации принципов охраны среды опережающее большинство их. Я бывал в ГДР и поражался изумительной огранизацией лесопользования, необыкновенной бережливостью в отношении главного богатства народа — почвы. А как там очищают воду и воздух, насколько перспективно улучшают среду рабочего места! Нет, конференция только проиграла, лишившись ценного опыта и авторитетных голосов Советского Союза, ГДР и других социалистических стран. Недаром многие делегаты, выступавшие с трибуны конференции, высказывали возмущение и сожаление, что принцип универсальности не соблюден и не было найдено путей для решения вопроса об участии в столь важном форуме Германской Демократической Республики. И я вполне понимаю одного из финских делегатов, депутата парламента Иллку Кристиана Бьерклунда, который заявил, что из-за дискриминации ГДР он отказывается участвовать в конференции.

Конференция тихо-мирно обошла социальные, политические, иные мировые проблемы. Только не было теми днями тихо и мирно в Стокгольме. Большой, бурный мир с его самыми неотложными, самыми жгучими вопросами врывался в стокгольмские конференц-залы, будоражил выставками, листовками, демонстрациями. «Свенска дагбладет» сообщала, что «для предотвращения возможных беспорядков» в город дополнительно вызвано две тысячи полицейских, вооруженных слезоточивым газом.

Это усмирительное средство предназначалось для людей, выступавших против подмены и завуалирования усыпительным академическим бесстрастием важнейших проблем современности, считавших, что *охрану среды* надо прежде всего понимать как *охрану человека*...

В рамках «Фолькетфорума» («Народного форума») — конференции радикальной шведской общественности — прошла двухдневная дискуссия на тему «Капитализм и загрязнение окружающей среды». Здесь же говорилось об условиях труда на рабочем месте — важнейшем объекте окружающей человека среды, проблемы которого Конференция ООН сочла, однако, вне своей компетенции.

Группа активистов этого форума объединилась с целью обсуждения наиболее острых вопросов: кто зарабатывает на разрушении среды? кто и как страдает от ее разрушения? какую роль играет мотив прибыли? можно ли решить проблемы среды в рамках существующего социального строя или же необходимы кардинальные изменения общественной структуры?..

На заседаниях «Народного форума» выступили представители освободительного движения Мозамбика, Анголы, Гвинеи (Бисау). В Стокгольм прибыло несколько жителей Гвинеи (Бисау), обожженных напалмом, они посетили одно из заседаний «Народного форума». Анголезцы рассказывали на форуме, что португальские колонизаторы применяли против народа Анголы отравляющие вещества, и финский журналист Б. Маттсон, прибывший из освобожденных районов Анголы, подтвердил эти сообщения, добавив, что Португалия получала отравляющие вещества у партнеров по НАТО.

Одновременно в Стокгольме работали еще две конференции: полуофициальная международная «Мильё-форум», в которой участвовали делегаты развивающихся государств, а также ряд неправительственных организаций, и конференция, представляющая научную общественность примерно двадцати стран. И какие бы мысли ни высказывались на этих различных собраниях, какие бы разные проблемы ни обсуждались, было в те дни одно слово и одно понятие, волнующее всех честных и непредубежденных,— экоцид.

О том, что такое экоцид, мог бы рассказать Конг Во Транг, член Центрального комитета молодежной организации Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, который прибыл на заседание постоянной Стокгольмской конференции по Индокитаю. Из долины Меконга он за сорок пять дней прошел пешком девятьсот километров и увидел все: пустые деревни, разрушенные дамбы, которые столетиями насыпали вьетнамские крестьяне, увидел обожженных напалмом, отравленных и искалеченных женщин и детей, безногих и безруких, оглохших, слепых и безумных...

Вспомним, что было совсем недавно. «Рассыпная смерть» — шариковые бомбы, поражающие людей в укрытиях, адские взрывные аппараты, разбрасывающие зазубренный металл, рвущий на куски человеческое тело, новый, «усовершенствованный» напалм, мгновенно развивающий температуру до нескольких тысяч градусов, сжигающий и плавящий все и вся, и белый фосфорный напалм, проникающий в человеческий организм и горящий в нем несколько дней... «Перфораторные», или антитанковые бомбы, пробивающие накаты убежищ, неизвлекаемые «гарпунные» пули, бомбежка школ, разбрасывание мин, замаскированных под детские игрушки. «Электронные уши» — устройства в виде папоротника или кустика, сбрасываемые с самолетов, фиксировали любой металлический лязг и передавали сигнал на базу; тут же прилетали бомбардировщики и сбрасывали свой смертоносный груз независимо от того, что там внизу — танки или тракторы, молотилки или бронетранспортеры...

Документально установлено, что на земле Индокитая за последнее десятилетие бомбардировками было вырыто больше двадцати миллионов глубоких и широких воронок,

а обширные посадочные площадки для вертолетов расчищались в последнее время с помощью так называемых «дейзи каттерз» — фугасных бомб гигантской направленной взрывной силы... Сотни тысяч индокитайцев отравлены ядами и тяжелыми газами, проникающими даже в земляные убежища; от этих химикатов количество раковых заболеваний в Южном Вьетнаме возросло в пять раз... И сообщалось еще о датчиках, которые должны были улавливать температуру человеческого тела и сигнализировать о наличии цели на авиабазы, о радарном луче, мгновенно выжигающем глазную сетчатку!

Полицейский террор, депортации, электрический ток, мыльная вода, вливаемая в человека при пытках, «полуполеты», то есть сбрасывание пленных с вертолетов, трущобы, голод, эпидемии — *геноцид,* убийство народа, в веках непростимое преступление военно-промышленного комплекса США, переходило в *экоцид* — убийство жизни самой, в уничтожение среды обитания всего живого. Так называемый «гигроскопический засев», то есть распыление химикатов, вызывающих дожди с большим содержанием активных кислот, превращение рек с помощью нефти и огня в пылающие преграды, уничтожение ядами миллионов гектаров лесов — все это могло необратимо изменить природную среду Индокитайского полуострова.

Вооруженные новейшими достижениями науки и техники, современные варвары сознательно уничтожали завязь, продолжение жизни — детей. Вспоминаются полные трагизма строки вьетнамского поэта Суан Зиеу, посвященные погибшим школьникам общины Хыонгкхе:

Сколько новых могильных камней?
Тридцать три.
Пятый класс и шестой...
Сколько горя и мук!
На убитых детей
Не смотри, не смотри...
Их тела и ручонки —
Как юный бамбук.

Сегодня на многострадальной вьетнамской земле — МИР! Прогрессивное человечество годами клеймило

всесветным позором заокеанских интервентов, истязающих трудолюбивый и добрый народ, неотступно боролось против грубейшего насилия американской военщины над процессом исторического развития этой части мира, над людьми и природой Индокитайского полуострова. Накануне моего отъезда из Стокгольма я поднялся на городскую телевизионную башню, чтоб последний раз взглянуть на шведскую столицу с высоты, и первое, что увидел,— несметные толпы демонстрантов вокруг американского посольства, расположенного неподалеку. Яркие полотнища лозунгов, рокот громкоговорителей, новые и новые колонны, вытекающие из стокгольмских улиц. На всех языках и континентах в последнее десятилетие звучало: «Американцы — вон из Вьетнама!», «Позор палачам Сонгми!», «Мир народам Индокитая!»

Окончательный и безоговорочный мир пришел в Индокитай весною 1975 года. Нет, он не явился сам собой, этот долгожданный мир.

Огромную роль в святом освободительном деле индокитайцев сыграла твердая позиция и помощь Советского Союза.

Победа была завоевана невероятным терпением, упорством, тяжким ратным трудом народных масс, боевым мастерством лучших представителей революционного движения Южного Вьетнама и Камбоджи.

Многое меняет быстротекущее время, и за ним не успеваешь. За два года, с того момента, как я сделал первые шведские записи, в мире произошло немало событий. Родилось новое самостоятельное государство Бангладеш. Между СССР и США заключено Соглашение об охране окружающей среды. Принята в ООН Германская Демократическая Республика. Рухнул застарелый фашистский режим в Португалии. В ряде стран учреждены министерства и управления по охране среды. События на Кипре, в Греции и Эфиопии. Представители семи стран — Советского Союза, ГДР, Польши, Швеции, Финляндии, ФРГ и Дании подписали Конвенцию по охране Балтийского моря. Новые исторические судьбы открылись перед народами Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау). Ученые СССР и США согласились сотрудничать в области изучения и охраны ботанического фонда обеих

стран, состоящего примерно из десятков тысяч растений разных видов...

За это же короткое время — трагедия чилийского народа, еще одна ближневосточная война, новые ядерные испытания в атмосфере, энергетический кризис как ярчайшее проявление нерасторжимых связей больших проблем использования сырьевых ресурсов, экономических вопросов необъятного диапазона, среды и производства, национальной, региональной и общемировой политики.

Продолжают рваться бомбы в некоторых районах Земли, чреваты непоправимыми событиями «горячие» точки планеты, и современный капитализм, демонстрируя свою слабость, способен, как мы убедились, применить самое бесчеловечное изобретение века — экоцид.

Недавно Национальная академия наук США представила конгрессу доклад с анализом последствий экологической войны Пентагона в Южном Вьетнаме, придя к выводу, что тамошняя природа сможет залечить нанесенные ей раны не ранее чем через сто лет...

Идут дни, месяцы и годы, безвозвратно течет куда-то время — особый, загадочный, ничем не восполнимый и, наверное, самый дорогой природный ресурс. Люди снова и снова возвращаются к проблеме «человек и природа», и огромный, кипучий мир с ними и в них — большой мир, с его великой борьбой во имя человечества и подлыми преступлениями против человечества, с его бескорыстными подвижниками и его алчными наживалами, с лучезарной улыбкой Юрия Гагарина, божественной игрой Жерара Филипа, жизнью и смертью Че Гевары, но и с многочисленными еще носителями современных фашистских идей, разбойничающими на разных широтах и меридианах. И как не помечтать о той поре, когда отпадет нужда защищать человека и природу от кого бы то ни было, как не приветствовать грядущее, в котором уже не будут вспоминаться насквозь пропитанные горечью слова Бертольта Брехта: «Что же это за времена, когда раз-

говор о деревьях кажется преступлением, ибо в нем заключено молчание о зверствах!» Как все же еще много Человеку на Земле предстоит!..

Стокгольм — Москва
1972—1975

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Алексеевич Чивилихин

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

Путешествия в природу

Редактор **В. Петров**
Художник **А. Смирнов**
Художественный редактор **Н. Егоров**
Технический редактор **Л. Дунаева**
Корректоры **О. Голева, В. Марычева**

Сдано в набор 23/X-1975 г. Подписано к печати 14/V-1976 г. А12678. Формат изд. 84×108[1]/[32]. Бумага тип. № 1. Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 19,39. Тираж 150 000 экз. Заказ № 601. Цена 79 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

79 к.

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

Владимир Чивилихин